АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Материалы IV международной научно-практической конференции
(г. Уфа, 8 февраля 2014 г.)

в двух частях

Под общей редакцией
А.В. Рагулина, М.С. Шайхуллина

Часть I.
Государственно-правовая и гражданско-правовая секции

Уфа
2014

УДК 34
ББК 67
А 43

Печатается по решению Ученого Совета
Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Конференция включена в число мероприятий
Года науки Россия–ЕС 2014

Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения: материалы IV международной научно-практической конференции (г. Уфа, 8 февраля 2014 г.): в 2 ч. / под общ. ред. А.В. Рагулина, М.С. Шайхуллина; Евразийский научно-исследовательский институт проблем права. – Уфа, 2014. – 340 с.

ISBN 978-5-905259-23-4

Часть I. Государственно-правовая и гражданско-правовая секции. – 340 с.
ISBN 978-5-905259-24-1 (в обл.)

А 43 Сборник материалов IV международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения» включает работы участников конференции и рекомендуется студентам, аспирантам, профессорско-преподавательскому составу юридических вузов, а также всем, кто интересуется развитием современной юридической науки и практики.

УДК 34
ББК 67

ISBN 978-5-905259-23-4
ISBN 9978-5-905259-24-1 (в обл.)

© Евразийский
научно – исследовательский
институт проблем права, 2014

TOPICAL PROBLEMS OF LEGISLATION AND ENFORCEMENT IMPROVEMENT

Materials of IVth International Scientific and Practical Conference
(Russian Federation, Ufa, 8th of February, 2014)

in two parts

Edited by
A.V. Ragulin and M.S. Shaikhullin

Part I.
State-legal and civil-legal sections

Ufa
2014

UDC 34
BBC 67
A 43

Printed by the decision of Scientific Council
Of Eurasian Scientific Research Institute of the Problems of Law

Conference is included in events of EU–Russia Year of Science 2014

Topical problems of legislation and enforcement improvement: materials of IV th International Scientific and Practical Conference (Russian Federation, Ufa, 8 th of February, 2014): in 2 parts / edited by A.V. Ragulin and M.S. Shaikhullin; Eurasian Scientific Research Institute of the Problems of Law. – Ufa, 2014. – 340 c.

ISBN 978-5-905259-23-4

Part I. State-legal and civil-legal sections. – 340 c.

ISBN 978-5-905259-24-1

A 43 Collection of papers of IV th International Scientific and Practical Conference «Topical problems of legislation and enforcement improvement» consist of reports of the conference participants. The reports are characterized of high scientific relevance and novelty, and suggested the ways to tackle contemporary problems of lawmaking and law enforcement. Materials are recommended to students, post-graduate students, teachers, and also everything who is interested in development of modern jurisprudence, lawmaking and law enforcement.

UDC 34
BBC 67

ISBN 978-5-905259-23-4
ISBN 9978-5-905259-24-1

© Eurasian Scientific
Research Institute
of the Problems of Law, 2014

Организационный комитет конференции

АДИЛОВ Надир Адил оглы – доктор философии по юридическим наукам, Генеральный секретарь Конфедерации юристов Азербайджана (Азербайджанская Республика, г. Баку);

БИРЮКОВ Павел Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права юридического факультета Воронежского государственного университета (Российская Федерация, г. Воронеж);

ВАН Ерп Сьеф – магистр права, профессор кафедры гражданского права и европейского частного права и заведующий департаментом частного права Маастрихтского университета, Президент Нидерландской ассоциации сравнительного права, член исполнительного комитета Европейского юридического института (Нидерланды, г. Маастрихт);

ВЛАСОВ Анатолий Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного и гражданского права Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

ВОЛОДИНА Светлана Игоревна – кандидат юридических наук, доцент, адвокат, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

ВОРОНОВ Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Воронежского филиала Российского нового университета (Российская Федерация, г. Воронеж);

ВУЯДИНОВИЧ Драгика – доктор права, профессор кафедры теории, философии и социологии права юридического факультета университета г. Белград (Республика Сербия, г. Белград);

ВЫСТОРОБЕЦ Евгений Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент, руководитель центра ИНТЕРЭКОПРАВА Евразийского НИИ проблем права (Российская Федерация, г. Москва);

ГАЛОГАНОВ Алексей Павлович – доктор юридических наук, адвокат, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, Президент Адвокатской палаты Московской области (Российская Федерация, г. Москва);

ГИМАЕВ Ильдар Закиевич – кандидат социологических наук, ректор Института повышения квалификации профсоюзных кадров Федерации профсоюзов Республики Башкортостан (Российская Федерация, г. Уфа);

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, адвокат, профессор кафедры гражданского права юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

ДЕХАНОВ Сергей Александрович – доктор юридических наук, доцент, адвокат, профессор кафедры авторского права, смежных прав и частноправо-

вых дисциплин Российской государственной академии интеллектуальной собственности (Российская Федерация, г. Москва);

ЕГОРЫШЕВ Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор, проректор по научной работе и практике Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Российская Федерация, г. Уфа);

ЖАНАБИЛОВ Нурлан Еркинович – доктор права, профессор, Почетный работник образования Казахстана, первый вице-президент Международного Союза (Содружества) адвокатов, Президент Международной ассоциации адвокатов «Азия Инюрколлегия», заведующий Секретариатом Государственного Секретаря Республики Казахстан (Республика Казахстан, г. Астана);

ЗИНН Арндт – доктор права, профессор, руководитель Института экономического уголовного права и руководитель кафедры немецкого и европейского уголовного права и уголовного процесса, международного уголовного права и сравнительного правоведения Университета г. Оснабрюк, директор Центра европейских и международных исследований уголовного права (Федеративная Республика Германия, г. Оснабрюк);

КАНТЮКОВА Индира Тагировна – адвокат, научный сотрудник центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права (Российская Федерация, г. Уфа);

КОЛЕСНИКОВ Евгений Викторович – доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры конституционного и международного права Саратовской государственной юридической академии (Российская Федерация, г. Саратов);

КУДРЯВЦЕВ Владислав Леонидович – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра Московской академии экономики и права (Российская Федерация, г. Москва);

КУЛАГИН Александр Владимирович – руководитель редакционно-издательского центра Евразийского научно-исследовательского института проблем права (Российская Федерация, г. Уфа);

МИРЗОЕВ Гасан Борисович – доктор юридических наук, профессор, адвокат, Заслуженный юрист Российской Федерации, Президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата (Российская Федерация, г. Москва);

ОГАВА Акитсю – магистр права, адвокат, патентный поверенный, доцент университета Торговли и Бизнеса, председатель Международного комитета Ассоциации адвокатов префектуры Айчи, член Комитета по международному обмену Ассоциации адвокатов Японии (Япония, г. Токио и г. Нагоя);

ПОПЕЛЮШКО Василий Александрович – доктор юридических наук, профессор, адвокат, директор Института права им. И. Малиновского Национального университета «Острожская академия» (Украина, г. Острог);

РАГУЛИН Андрей Викторович – кандидат юридических наук, доцент, адвокат, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права (Российская Федерация, г. Уфа);

РАХИМБЕРДИН Куат Хажумуханович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса факультета государственного управления и права Восточно-Казахстанского государственного университета (Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск);

РОДРИГЕС Хосе Норонья – доктор права, адвокат, директор центра юридических и экономических наук, профессор права факультета экономики и управления Азорского университета (Республика Португалия, г. Понта Дельгада);

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович – руководитель IT-отдела Евразийского научно-исследовательского института проблем права (Российская Федерация, г. Уфа);

ХВАН Леонид Борисович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Ташкентского государственного юридического института (Республика Узбекистан, г. Ташкент);

ЦОЛЛЬ Фредерик Анджей – доктор права, профессор кафедры гражданского права Ягеллонского университета, член-корреспондент Международной академии сравнительного права (Республика Польша, г. Краков);

ШАГИЕВА Розалина Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии (Российская Федерация, г. Люберцы);

ШАЙХУЛЛИН Марат Селирович – кандидат юридических наук, доцент, директор Евразийского НИИ проблем права (Российская Федерация, г. Уфа);

ШАКИРОВ Тимур Равильевич – магистр права, правовой советник программы по Европе Международной комиссии юристов (Швейцария, г. Женева);

ЮРЬЕВ Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры адвокатуры и правоохранительной деятельности Российской академии адвокатуры и нотариата (Российская Федерация, г. Москва);

ЯНГ Саймон Нгайман – магистр права, профессор юридического факультета Университета Гонконга, адвокат (Гонконг).

Organizing committee of conference

ADILOV Nadir Adil oglu – PhD, secretary general of the Confederation of Lawyers of Azerbaijan (Azerbaijan Republic, Baku);

BIRJUKOV Pavel Nikolaevich – LLD, professor, head of the chair of International and European law of law faculty of the Voronezh state university (Russian Federation, Voronezh);

DEKHANOV Sergey Aleksandrovich – LLD, associate professor, advocate, professor of chair of Copyright, Adjacent rights and Private law disciplines of the Russian State Academy of Intellectual Property (Russian Federation, Moscow);

EGOR YSHEV Sergey Vasilevich – LLD, professor, vice-rector of Eastern Law and Economy Humanitarian Academy (Russian Federation, Ufa);

FARKHUTDINOV Dinar Insurovich – head of IT-department of Eurasian Scientific Research Institute of the Problems of Law (Russian Federation, Ufa);

GALOGANOV Alexei Pavlovich – LLD, advocate, vice-president of the Federal Chamber of Advocates, president of Advocacy chamber of Moscow area (Russian Federation, Moscow);

GIMAYEV Ildar Zakiyevich – PhD, rector of Institute of professional development of trade-unioners of Federation of labor unions of the Republic of Bashkortostan (Russian Federation, Ufa);

GRUDTSYNA Lyudmila Yurievna – LLD, associate professor, advocate, professor of the chair of Civil law of the faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

HVAN Leonid Borisovich – PhD, associate professor, associate professor of the chair of Administrative and Financial Law of the Tashkent State Legal Institute (Republic of Uzbekistan, Tashkent);

JURIEV Sergey Sergeyevich – LLD, professor, advocate, professor of chair of advocacy and law-enforcement activity of the Russian Academy of Advocacy and Notaries (Russian Federation, Moscow);

KANTYUKOVA Indira Tagirovna – advocate, research employee of Center of Research of Problems of Organization and Activity of Advocacy of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law (Russian Federation, Ufa);

KOLESNIKOV Evgeny Viktorovich – LLD, professor, honourable worker of higher education of Russian Federation, professor of chair of Constitutional and international law of the Saratov State Legal Academy (Russian Federation, Saratov);

KUDRYAVTSEV Vladislav Leonidovich – LLD, leading research associate of the Scientific Research Center of the Moscow Academy of Economy and Law (Russian Federation, Moscow);

KULAGIN Alexandr Vladimirovich – head of the publishing center of Eurasian Scientific Research Institute of the Problems of Law (Russian Federation, Ufa);

MIRZOEV Gasan Borisovich – LLD, professor, Deserved Lawyer of the Russian Federation, advocate, President of the Guild of Russian Advocates, rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries (Russian Federation, Moscow);

OGAWA Akitsuyu – LLM, advocate, patent attorney, chairman of International Committee of Aichi Bar Association, member of International Exchange Committee of Japan Federation of Bar Association, associate professor of Nagoya University of Commerce and Business (Japan, Tokyo and Nagoya);

POPELYUSHKO Vasily Aleksandrovich – LLD, professor, advocate, director of the Institute of Law of the National University «Ostrozhskaya Academy» (Ukraine, Ostrog);

RAGULIN Andrey Viktorovich – PhD, associate professor, advocate, head of the Center of Research of Problems of Organization and Activity of Advocacy of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law (Russian Federation, Ufa);

RAKHIMBERDIN Kuat Hazhumukhanovich – LLD, associate professor, head of the chair of criminal law and criminal procedure of the faculty of Public administration and Law of the East Kazakhstan State University (Republic of Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk);

RODRIGUES José Noronha – PhD, advocate, Director of Center of Juridical and Economic Studies, professor of Law at Azores University (Portugal Republic, Açores, Ponta Delgada);

SHAKIROV Timur Ravilyevich – LLM, legal adviser of the program for Europe of International Commission of Jurists (Switzerland, Geneva);

SHAGIYEVA Rozalina Vasilyevna – LLD, professor, professor of chair of Constitutional and Penal law and process of branch of Russian state social university in Lyubertsy city (Russian Federation, Lyubertsy);

SHAIKHULLIN Marat Selirovich – PhD, associate professor, Director of Eurasian Scientific Research Institute of the Problems of Law (Russian Federation, Ufa);

SINN Arndt – PhD, professor, head of Institute of Economic criminal law and the head of chair of German and European criminal law and criminal trial, international criminal law and comparative jurisprudence of University of Osnabruck, director of Center of the European and international researches of criminal law (ZEIS) (Federative Republic of Germany, Osnabruck);

VAN Erp Sjef – LLM, professor of chair of Civil law and European private law and Head of the Private Law Department of Maastricht University, President of the Netherlands Comparative Law Association, Member of Executive Committee of European Law Institute (Nedherlands, Maastricht);

VLASOV Anatoly Aleksandrovich – LLD, professor, professor of chair of International private and civil law of Moscow State Institute of International Relations (University) of Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

VOLODINA Svetlana Igorevna – PhD, associate professor, advocate, vice-president of the Federal Chamber of Advocates (Russian Federation, Moscow);

VORONOV Alexander Alekseevich – LLD, professor, advocate, professor of chair of State Legal disciplines of Voronezh branch of Russian New University (Russian Federation, Voronezh);

VUJADINOVIC Dragica – PhD, professor at the Faculty of Law of University of Belgrade (Serbia Republic, Belgrade);

WYSTOROBETS Evgeniy Anatolevich – PhD, associate professor, centre of interecolaw within the Eurasian Scientific Research Institute of the Problems of Law (Russian Federation, Moscow);

YOUNG Simon Ngai Man – LLM, advocate, professor of Faculty of Law of the University of Hong Kong (Hong Kong);

ZHANABILOV Nurlan Erkinovich – PhD, professor, honourable worker of education of Kazakhstan, First Vice-president of International Union (Commonwealth) of advocates, President of International association of advocates «Asia Injurkollegiya», Manager of Secretariat of State Secretary of Republic of Kazakhstan (Republic of Kazakhstan, Astana);

ZOLL Fryderyk Andrzej – PhD, professor, professor of chair of Civil law of Faculty of Law and Administration of Jagiellonian University (Republic of Poland, Krakow).

СОДЕРЖАНИЕ

Государственно-правовая секция

Абазова М.В., Арахова З.М.
Проблема соотношения права и религии на Северном Кавказе 23
Аюпова З.К., Кусаинов Д.У.
Проблемы образования единой модели правовой системы 28
Белясов С.Н.
Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации,
как субъект экспертизы международных норм 32
Биттиева Л.Х., Бозиева Ю.Г.
Сходства и различия норм права и морали
с учетом этнического кодекса карачаево-балкарского народа «Ёзден Адет» 36
Бозиева Ю.Г., Биттиева Л.Х.
Нормы права и социальные нормы: актуальность их соотношения
для некоторых народов Северного Кавказа 40
Васильева Я.В.
Наделение органов местного самоуправления
отдельными государственными полномочиями
в сфере производства по делам об административных правонарушениях 44
Воронов А.А.
О целях и интересах разработки законопроектов
некоторыми источниками законодательной инициативы 48
Воронцова Н.Л.
Конституционные основы правового регулирования образования в России 53
Герб Р.В.
Проблема разграничения муниципальных правовых актов
местной администрации по форме: практический аспект 56
Гречкина О.В.
Тенденции формирования административной судебной юрисдикции
в России на современном этапе 59
Джафарова Д.Д.
Некоторые аспекты реализации конституционного права
на высшее образование в Российской Федерации 62
Жангуттинова Д.М.
К вопросу о прецеденте толкования в теории права 65
Зарипова Г.Б.
Нормирование в области обращения с отходами производства и потребления 69
Зарипова Г.Б.
Некоторые пути совершенствования законодательства
в области обращения с отходами производства и потребления 72
Затулина Т.Н.
К вопросу о совершенствовании правового регулирования
налоговой системы России 75

Злобина О.В.
Принцип внесудебного урегулирования гражданских споров 79
Зюзина Т.Е.
Разграничение административных и
муниципальных правоотношений: постановка проблемы 82
Исайкин Д.М.
К вопросу о правовом регулировании национальных отношений 85
Казанцева О.Л.
Экспертиза нормативных правовых актов:
соотношение правовой и антикоррупционной экспертиз 89
Калина Е.С.
Практика применения административной ответственности
в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций 92
Карпов Э.С.
О современных тенденциях развития налогового законодательства
в Российской Федерации 95
Князева И.Н.
К вопросу об упорядочении системы административных наказаний 98
Короткова О.С.
Коллизии, выявленные в административных регламентах
органов исполнительной власти при реализации на территории
Волгоградской области Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210 – ФЗ
«Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» 102
Котельников Д.С.
Проблема содержания понятия «носители сведений,
составляющих государственную тайну»: теория и практика 106
Кузьмин И.А.
Общетеоретические и правоохранительные характеристики
конституционно-правовой ответственности 110
Кузьмина Е.М.
Типы и методы правового регулирования в условиях глобализации 114
Литовкина М.И.
Право граждан на безопасность в сфере охраны здоровья: международное и
российское законодательство 117
Лукьянова Ю.Н.
Становление и развитие государства: историко-правовые формации 120
Марченко М.П.
Конституционная доктрина правового положения личности 124
Мукова Л.А., Василев Л.А.
К вопросу о правовом регулировании публично-частного партнерства
в Болгарии 127
Панасенко Т.И.
Законодательные конструкции и законодательная политика 131

Петров Д.В.
Личность и профессиональная деятельность адвоката
как объект государственной защиты 135
Пискунова Е.А.
Проблемы эффективности законодательства Российской Федерации.....137
Пономарёв А.А.
Права и обязанности человека
в учении Русской православной церкви: основные этапы становления 140
Приходько М.А.
Правовое обеспечение административных реформ и правопорядок
в Российской империи в начале XIX в. 144
Рааб Р.С.
Влияние процессов миграции на правосознание в условиях глобализации 147
Рудман М.Н.
Индивидуализм как универсальная традиция права: от Декларации
к Конституции 150
Сафина С.Б.
Вопросы определения конституционного законодательства России и
республик в её составе 158
Степаненко Д.М.
Кодификация законодательства Республики Беларусь
об инновационной деятельности как направление его совершенствования 161
Степанова А.А.
К вопросу о государственной поддержке семьи 165
Степанова А.В.
Становление Адвокатуры в России 168
Стребкова Е.Г.
Обеспечение единообразия судебной практики
как гарантия реализации Конституции РФ 172
Тихая Л.С.
К вопросу о защите прав несовершеннолетних 175
Усманова Р.М., Усманов А.К.
Этнические обычаи в системе публичного регулирования
общественных отношений 179
Чеснокова И.С.
Проблемы в сфере образовательной государственной политики 182
Чмыхало Е.Ю.
О некоторых правовых проблемах стимулирования
эффективного использования земель 185
Шайхуллин М.С.
О некоторых теоретических подходах к формированию нравственных основ
в системе местного управления 188

Гражданско-правовая секция

Барашян Л.Р.
Проблемы и перспективы в сфере налогового администрирования 193
Барсукова Л.И.
К вопросу о внесении изменений и дополнений
в учредительные документы юридических лиц 196
Батурина Н.А.
Проблемы реализации принципа коллегиальности
при пересмотре гражданских дел в кассационном и надзорном порядке 199
Богатырёва Н.А.
Актуальные проблемы в сфере купли – продажи земель
сельскохозяйственного назначения 203
Буробина Е.В.
Основные тенденции правового регулирования
способов защиты гражданских прав в России 206
Быкина М.В.
Договор об установлении вещного права как юридический факт,
порождающий обязательственное правоотношение 209
Быкина М.В.
Современное гражданско-правовое представление о самовольной постройке 214
Валуйсков Н.В., Уставицкий И.В.
Гражданско-правовое значение передачи в консенсуальных и
реальных договорах 220
Волкова Т.В.
Актуальные проблемы управления рынком земли в Российской Федерации 223
Гарифуллина Г.Х.
Особенности гражданско-правовой ответственности
за нарушение лесного законодательства 226
Глебов В.Г.
Ученичество в истории советского законодательства 229
Евко В.Ю.
Понятие фактических брачных отношений в семейном праве Украины 232
Жочкина И.Н.
О некоторых проблемах применения норм законодательства
об охране окружающей среды по спорам о возмещении экологического вреда 236
Заморская Л.И.
Нормативный анализ системы гражданского права Украины 239
Зинковский М.А.
Гражданско-правовые проблемы оборота безналичных денежных средств
в условиях национального экономического кризиса 243
Золотова О.А.
Проблемы применения законодательства об охранных зонах 245

Зюбина А.Ф.
Проблемы оборота земельных долей и земельных участков
из земель сельскохозяйственного назначения 248
Иншакова А.О.
Скрытые комиссии в перечне нарушений прав граждан-участников
кредитно-денежных отношений 251
Кабанова И.Е.
Нормы о гражданско-правовой ответственности органов публичной власти и
их должностных лиц в системе российского права 255
Касымов Р.Ш.
Проблемы современного подхода к правовому регулированию вертикальных
соглашений в антимонопольном законодательстве Российской Федерации 259
Кузнецова Ю.А.
Соотношение условий о качестве и таре (упаковке)
в гражданско-правовом договоре 262
Латыпова Д.Ф.
Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный государственными
органами, органами местного самоуправления, а также их должностными
лицами: некоторые актуальные аспекты теории и практики 265
Лескова Ю.Г.
Саморегулирование в сфере предпринимательства: некоторые
проблемные вопросы в свете положительной динамики развития 269
Маковкин Р.Л., Валуйсков Н.В.
Сделка и ее соответствие требованиям закона 273
Мамедов З.А.
Некоторые вопросы удостоверения завещаний в нотариальном порядке:
(на основе законодательства Азербайджанской Республики) 277
Мамасиддиков М.М., Марипова С.А.
Гражданский процессуальный кодекс Республики Узбекистан: некоторые
аспекты развития и совершенствования 281
Месропян Т.В., Валуйсков Н.В.
Оговорки об удержания титула 285
Минкина Н.И.
Правовые аспекты медиации 288
Митяшина М.П.
Односторонний отказ от исполнения договора об осуществлении
технологического присоединения к электрическим сетям: особенности
правового регулирования и правоприменения 292
Мичурина Е.А.
К вопросу о некоторых особенностях неустойки
как способа обеспечения исполнения кредитных обязательств 295
Моисеева О.В.
Повышение исполнительной силы нотариального акта
в условиях формирования нового законодательства о нотариате 299

Муталиева А.А.
Актуальные проблемы совершенствования туристского законодательства 302
Ножкина А.А.
Особенности страхования ответственности нотариуса 305
Очхаев Т.Г.
Правовые последствия изменения и расторжения договора
в связи с существенным изменением обстоятельств 308
Переверзев А.С.
Определение размера компенсации морального вреда как основная
проблема гражданско-правового института морального вреда 310
Петров Д.А.
Договорное саморегулирование: понятие и пределы 314
Полежаева Н.А.
Регулирование деятельности профессиональных участников
рынка ценных бумаг 317
Родригес Х.Н., Кулагин А.В.
Международный научно-практический журнал «Евразийская адвокатура»
как средство консолидации адвокатского сообщества 320
Тлебаева Г.М., Калмашева Н.Б.
Реализация общегражданских принципов страхового права
в обязательном страховании 325
Федорова Л.Ф.
Право ребенка выражать свое мнение 330
Федулова С.Н.
Некоторые вопросы регулирования охраны и защиты прав членов семьи 332
Ярмонова Е.Н.
Прелюбодеяние как основание развода: сравнительный анализ
российского и византийского регулирования 336

CONTENTS

State-legal section

Abazova M.V., Arakhova Z.M.
Problem of a ratio of the right and religion in the North Caucasus 23
Ayupova Z.K., Kusainov D.U.
Problems of formation of uniform model of legal system 28
Belyasov S.N.
Commissioner for Human Rights in the Russian Federation,
as subject of examination of the international norms 32
Bittiyeva L.Kh., Boziyeva Yu.G.
Similarities and distinctions of rules of law and morals taking
into account the ethnic code of Karachaevo-Balkar people «Yozden Adet» 36
Boziyeva Yu.G., Bittiyeva L.Kh.
Rule of law and social norms: relevance of their ratio for some people
of the North Caucasus 40
Vasilyeva Ya.V.
Investment of local governments with separate state powers
in the sphere of production on cases of administrative offenses 45
Voronov A.A.
About the purposes and interests of development
of bills some sources of a legislative initiative 49
Vorontsova N.L.
The constitutional bases of legal regulation of education in Russia 53
Gerb R.V.
Problem of differentiation of municipal legal acts of local administration
in a form: practical aspect 56
Grechkina O.V.
Tendencies of formation of administrative judicial jurisdiction
in Russia at the present stage 59
Dzhafarova D.D.
Some aspects of realization of a constitutional law
on the higher education in the Russian Federation 63
Zhanguttinova D.M.
To a question of interpretation precedent in the right theory 66
Zaripova G.B.
Rationing in the field of the address with production wastes and consumption 69
Zaripova G.B.
Some ways of improvement of the legislation
in the field of the address with production wastes and consumption 72
Zatulina T.N.
To a question of improvement of legal regulation of tax system of Russia 76
Zlobina O.V.
Principle of extrajudicial settlement of civil disputes 79

Zyuzina T.E.
Differentiation of administrative and municipal legal relationship: problem statement 82
Isaykin D.M.
To a question of legal regulation of the national relations 85
Kazantseva O.L.
Examination of regulations: ratio of legal and anti-corruption examinations 89
Kalina E.S.
Practice of application of administrative responsibility
in the sphere of the prevention and elimination of emergency situations 92
Karpov E.S.
About current trends of development of the tax legislation in the Russian Federation 95
Knyazeva I.N.
To a question of streamlining of system of administrative punishments 99
Korotkova O.S.
The collisions revealed in administrative regulations of bodies
of executive power at realization in the territory of the Volgograd region
of the Federal law from July 27, 2010 No. 210
«About the Organization of Providing the State and Municipal Services» 102
Kotelnikov D.S.
Problem content of the concept «carriers of the data which
are the state secret»: theory and practice 107
Kuzmin I.A.
General-theoretical and law-enforcement characteristics
constitutional and legal responsibility 110
Kuzmina E.M.
Types and methods of legal regulation in the conditions of globalization 114
Litovkina M.I.
The right of citizens for safety in the health protection sphere: international and
Russian legislation 117
Lukyanova Yu.N.
Formation and state development: historical and legal formations 120
Marchenko M.P.
Constitutional doctrine of a legal status of the personality 124
Mukova L.A., Lefter Apostolov Vasilev
To a question of legal regulation public and private partnership in Bulgaria 127
Panasenko T.I.
Legislative designs and legislative policy 132
Petrov D.V.
Personality and professional activity of the lawyer as object of the state protection 135
Piskunova E.A.
Problems of efficiency of the legislation of the Russian Federation 138
Ponomaryov A.A.
The rights and duties of the person in the Russian Orthodox Church doctrine:
main stages of formation 141

Prikhodko M.A.
Legal support of administrative reforms and law and order
in the Russian Empire at the beginning of the XIX century 145
Raab R.S.
Influence of processes of migration on sense of justice
in the conditions of globalization 148
Rudman M.N.
Individualism as the universal tradition of right: from the Declaration
to the Constitution 150
Safina S.B.
Questions of definition of the constitutional legislation of Russia and
the republics in its structure 158
Stepanenko D.M.
Codification of the legislation of Republic of Belarus about innovative activity
as the direction of its improvement 162
Stepanova A.A.
To a question of the state family support 165
Stepanova A.V.
Developement of Legal profession in Russia 169
Strebkova E.G.
Ensuring uniformity of jurisprudence
as guarantee of implementation of the Constitution of the Russian Federation 172
Tihayja L.S.
To a question of protection of the rights of minors 175
Usmanova R.M., Usmanov A.K.
Ethnic customs in system of public regulation of the public relations 179
Chesnokova I.S.
Problems in the sphere of an educational state policy 182
Chmykhalo E.Yu.
About some legal problems of stimulation of effective use of lands 185
Shaikhullin M.S.
About some theoretical approaches to formation of moral bases
in system of local management 188

Civil-legal section

Barashyan L.R.
Problems and prospects in the sphere of tax administration 193
Barsukova L.I.
To a question of modification and additions
in constituent documents of legal entities 196
Baturina N.A.
Problems of realization of a principle of collective leadership
at revision of civil cases in a cassation and supervising order 199

Bogatyryova N.A.
Actual problems in the sphere of purchase and sale of lands of agricultural purpose 203
Burobina E.V.
The main tendencies of legal regulation of ways of protection
of the civil rights in Russia 206
Bykina M.V.
The contract on establishment of the real right
as the legal fact generating obligations legal relationship 210
Bykina M.V.
Modern civil law notion of unauthorized construction 215
Valuyskov N.V., Ustavitsky I.V.
Civil value of transfer in consensual and real contracts 220
Volkova T.V.,
Actual problems of management of the earth market in the Russian Federation 223
Garifullina G.H.
Features of civil responsibility for violation of the forest legislation 226
Glebov V.G.
Apprenticeship in the history of the Soviet legislation 230
Evko V.Yu.
Concept of the actual marriage relations of a family law Ukraine 233
Zhochkina I.N.
About some problems of application of standards of the legislation about
environmental protection on disputes about compensation of ecological harm 237
Zamorskaj L.I.
Standard analysis of system of civil law of Ukraine 239
Zinkovsky M.A.
Civil problems of a turn of non-cash money
in the conditions of a national economic crisis 243
Zolotova O.A.
Problems of application of the legislation on security zones 245
Zyubina A.F.
Problems of a turn of land shares and land plots from lands of agricultural purpose 248
Inshakova A.O.
The hidden commissions in the list of violations
of the rights of participating citizens of the credit and monetary relations 251
Kabanova I.E.
Norms about civil responsibility of bodies of the public power and
their officials in system of Russian law 255
Kasymov R.Sh.
Problems of modern approach to legal regulation of vertical agreements
in the antitrust law of the Russian Federation 259
Kuznetsova Yu.A.
Ratio of conditions about quality and container (packing) in the civil contract 262

Latypova D.F.
Civil responsibility for the harm done by government bodies, local governments, and also their officials: some actual aspects of the theory and practice 265
Leskova Yu.G.
Self-regulation in the business sphere: some problem questions in the light of positive dynamics of development 270
Makovkin R.L., Valuyskov N.V.
Transaction and its compliance to law requirements 274
Mamedov Z.A.
Some questions of the certificate of wills in a notarial order: (on the basis of the legislation of the Azerbaijan Republic) 277
Mamasiddikov M.M., Maripova S.A.
Code of civil procedure of the Republic of Uzbekistan: some aspects of development and improvement 281
Mesropyan T.V., Valuyskov N.V.
Reservations about title deduction 285
Minkina N.I.
Legal aspects of mediation 288
Mityashina M.P.
Unilateral refusal of performance of the contract on implementation of technological accession to electric networks: features of legal regulation and right application 292
Michurina E.A.
To a question of some features of a penalty as way of ensuring execution of credit obligations 296
Moiseyeva O.V.
Increase of executive force of the notarial act in the conditions of formation of the new legislation on a notariate 299
Mutaliyeva A.A.
Actual problems of improvement of the tourist legislation 302
Nozhkina A.A.
Features of insurance of responsibility of the notary 305
Ochkhayev T.G.
Legal consequences of change and contract cancellation in connection with essential change of circumstances 308
Pereverzev A.S.
Determination of the amount of compensation of moral harm as the main problem of civil institute of moral harm 310
Petrov D.A.
Contractual self-regulation: concept and limits 314
Polezhayeva N.A.
Regulation of activity of professional participants of securities market 317
Rodriguez H.N., Kulagin A.V.
International scientific and practical journal «Eurasian advocacy» as mean of consolidation of advocates community 320

Tlebayeva G.M., Kalmasheva N.B.
Realization of the all-civil principles of the insurance right in obligatory insurance 325
Fedorova L.F.
The right of the child to express the opinion 330
Fedulova S.N.
Some questions of regulation of protection and
protection of the rights of family members 333
Yarmonova E.N.
Adultery as divorce basis: comparative analysis of the Russian and
Byzantine regulation 336

Абазова М.В., кандидат экономических наук,
Арахова З.М.,
Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет
имени В.М. Кокова

Проблема соотношения права и религии на Северном Кавказе

В докладе рассматриваются некоторые проблемы соотношения права и религии в регионах Северного Кавказа.

Ключевые слова: право, религия, Северный Кавказ, традиции, обычаи.

Abazova M.V., candidate of economic sciences,
Arakhova Z.M.,
Kabardino-Balkarian state agrarian university

Problem of a ratio of the right and religion in the North Caucasus

In article some problems of a ratio of the right and religion in regions of the North Caucasus are considered.

Keywords: right, religion, North Caucasus, traditions, customs.

В настоящее время проблема соотношения права и иных социальных норм, которая обсуждается юристами и этнографами, имеет для России научно-теоретическое и практическое значение. Особую актуальность она приобретает для исламских регионов нашей страны (прежде всего – для Северного Кавказа). Правовая культура народов Северного Кавказа в течение веков ориентировалась на три основных элемента – местные обычаи (адат), государственное законодательство и шариат [3].

Формирование обычного права на Северном Кавказе – многовековой исторический процесс, характеризующийся особенностями социального развития северокавказских народов, а так же имеющий определенную специфику, обусловленную влиянием мусульманской религии, права и российского законодательства. Анализ применения обычного права у разных народов показывает, что обычное право и сегодня сохраняет достаточно мощный потенциал, проявляющий себя часто наряду, а в некоторых случаях и в противовес, нормативно-правовым актам государства.

Из всех рассмотренных социальных норм ближе всего к нормам права нормы морали. Эти два вида социальных норм тесно связаны и взаимодействуют.

У норм права и норм морали есть не только общие черты, но также есть и различия, и иногда между ними могут возникнуть определенные противоречия.

Нормы права устанавливаются государством, а нормы морали – обществом. Соблюдение норм права обеспечивается государством, а норм морали – обществом и внутренними убеждениями человека, его совестью. Сфера действия норм морали шире, чем норм права, так как с помощью норм морали регулируются и такие отношения, которые невозможно в силу их специфики урегулировать с помощью правовых норм. Это отношения дружбы, любви, товарищества, интимные (личные) отношения людей. Мораль может предъявлять к человеку более высокие требования, чем право.

Нормы права – это общеобязательные правила, представляющие применение одинакового масштаба к разным людям, поэтому они как бы рассчитаны на некоторые усредненные требования. Мораль же порой побуждает отдельных людей на героические поступки, на которые не способны другие. К примеру, только некоторые люди, не будучи профессиональными пожарными и спасателями, с риском для собственной жизни оказывают помощь людям при пожарах, стихийных бедствиях, хотя нормы права их к этому не обязывают. Но государство не вправе требовать героизма от всех людей. Мораль формируется в духовной сфере жизни общества, не институционализирована, т. е. не связана со структурной организацией общества и неотделима от общественного сознания. Нормы морали опираются на складывающиеся в сознании общества представлениях о добре и зле, чести, достоинстве, порядочности и т. п., которые вырабатываются философией, религией, искусством в процессе этического осмысления мира. Моральные же нормы содержатся в общественном (массовом) сознании и существуют в виде принципов, понятий, идей, оценок и т. п. Соответственно нет каких-либо особых требований к их форме, текстам по поводу морали. Здесь важно подчеркнуть, что такого рода тексты создаются именно «по поводу» морали, а не содержат моральных норм, ибо последние по своей природе могут не иметь текстуального закрепления, документального характера.

Правовое требование обосновывает свою принудительность ссылкой на государственную волю, закрепленную в законах, соблюдение правовых норм предполагает меры государственного принуждения. Субъект нравственности – личность, а высшая правовая инстанция – совесть. Субъект обычая – человеческое сообщество, группа, высшая инстанция – общественное мнение [7]. Субъект права – государство, высшая инстанция – суд. Но право, как и обычай, тесно связано с моралью. Известно, что незнание закона не избавляет от ответственности. Это обусловлено тем, что в основе правовых норм лежат так называемые нормы нравственности, известные всем: «не убий», «не укради», «не лжесвидетельствуй». Обычай также включает в себя подобные запреты. Право обладает наибольшей принудительной силой, поскольку обеспечивает

исполнение норм, являющихся основой общественной безопасности. Право есть принудительное требование минимального добра, право имеет дело не с «идеальным совершенством некоторых, а с реальной безопасностью всех» [1, 3, 6].

Религиозные нормы – правила поведения верующих, закрепленные в священных книгах соответствующих религий. Соблюдение этих норм обеспечивается страхом «божьей кары», возмездия, ожидающего грешников [3, 4].

Право не должно быть безучастно к «причудливым» формам пользования свободой совести и, в частности, к оккультным религиям и тоталитарным сектам, подавляющим личность и путем «зомбирования» превращающим ее в слепого исполнителя воли. Религия всегда выступала прочным основанием общественной жизни, поэтому ее разрушение чревато катастрофическими последствиями, о чем и свидетельствует история.

Не следует думать, что религия повинна в религиозных войнах – им виной властолюбие и жадность власть держащих, из соображений выгоды обращавших ее в идеологию, в политическое оружие, используя невежество и фанатизм. Религия рассматривается как обширный комплекс представлений, отношений и действий, которые не дадут человеку и обществу сбиться с пути, помогут сохраниться. Но мало придерживаться обрядов одной и той же религии. Подлинно единоверцами могут быть только люди, чьи помыслы устремлены к благим поступкам.

На Северном Кавказе особо остро стоит проблема соотношения права и религии. Сегодня мы видим самое активное и вместе с тем противоречивое проявление религии Ислама как политической силы, влияющей на процессы этнической консолидации и дезинтеграции, оказывающей огромное воздействие на ситуацию не только на Юге России, но и на всю страну в целом. Это самый сложный регион РФ с точки зрения социально-экономического развития, осуществления государственного управления, а также обеспечения национальной безопасности. Энополитическая ситуация на Северном Кавказе характеризуется наличием вооруженных конфликтов, ростом преступности, попытками реализации различных форм сепаратизма и т. д. Ввиду объективных социальных, экономических, политических и иных трудностей и проблем, стало возможно проникновение радикальных религиозно-политических учений, в частности ваххабизма. Следует признать, что полиэтничность Северного Кавказа – это важнейший фактор политических процессов, с которым необходимо считаться.

С помощью этнополитического мониторинга необходимо просчитывать перспективы и варианты дальнейшего развития, на федеральном и местном уровне принимать продуманные законы и решения. В руках государства есть важнейшие рычаги, умелое использование которых могло бы позволить сузить социальную базу фундаментализма. В первую очередь – это стимулирование экономического развития региона. Для России важно сегодня формирование

совершенно новой политики на Северном Кавказе для решения проблем региона, профилактики экстремизма, терроризма, реализации важнейших экономических задач в области национально-культурного развития народов.

В современной России остро ощущается недостаток знаний о мусульманско-правовой культуре, специфике взаимодействия шариата и местных обычаев. Религия всегда занимала важное место в духовной жизни общества. Особенность ислама заключалась в том, что Коран регламентировал жизнь верующих, предписывал моральные и нравственные заповеди, призывал к совершению богоугодных поступков и милосердию.

Ассимилируя социально-нравственные, политико-правовые идеи, ислам на Северном Кавказе влиял на общественную жизнь, обычаи и традиции [8] общества. Религиозные обряды, имеющие социально-гуманитарную направленность сохранились до наших дней, и занимают важное место в жизни карачаевцев и балкарцев. Религия заполнила идеологический вакуум. Религиозная система, став формой общественного сознания, проникла во все сферы жизни и деятельности человека.

Идеология Ислама была востребована развивающимся феодальным обществом, опиралась на традиции и обычаи горцев, интегрируя социальные процессы общества. Ислам, утвердившись, оставлял в силе традиционную солидарность, сохранял традиционную обрядность. Социальная дифференциация общества, «богатство одних, как и бедность других» рассматривалась как богом данная, а идея равенства всех мусульман перед Аллахом, уравнивала религиозное мироощущение.

Традиционные религиозные нормы регулировали обрядность, проникали в обычаи и нравы, закреплялись в общественном мнении. Сила традиции держалась на непререкаемом авторитете старших, которые являлись хранителями религиозных верований. Объединяя различные социальные слои населения, религия предписывала оказывать поддержку нуждающимся, проявлять милосердие без принуждения, отвергая показную щедрость.

Властные структуры, разрабатывающие и осуществляющие правовую политику в регионах традиционного распространения ислама, не обладают достаточным опытом решения проблем мусульман и исламских институтов с учетом норм шариата и адата. К сожалению, существующие в сегодняшней России судебная и правоохранительная системы не учитывают эти особенности правосознания и мировоззрения мусульман в своей правоприменительной практике. Порядок разрешения споров в судах слабо ориентирован на местные обычаи и доказавшие свою эффективность правовые традиции регионов, исторически связанных с Исламом. Столь же слабо они используются и в законодательной практике субъектов федерации.

Проблемы Северного Кавказа усугубляются распадом привычного для горских народов уклада. На фоне демографической активности идёт мощная миграция молодежи из сельской местности в города и далее в Россию. Не на-

ходя работы, отрываясь от традиций, молодежь становится добычей всякого рода соблазнителей – идейного, религиозного, этнического, террористического и бандитского толка. Среди молодежи сформировался новый социальный слой с особым поведенческим стереотипом, неизвестный ранее в традиционном горском обществе. Он характеризуется потерей всех лучших черт горского характера с сохранением худших.

Таким образом, главной задачей в области формирования современного общекультурного фундамента является обустройство российского общества как культурного сообщества на основе национального и религиозного разнообразия народов страны, в укреплении единства государства. Доверие и открытость, уважение и готовность понять друг друга должны стать нормой отношений между всеми народами. Богатейшая история и культура народов Северного Кавказа, уходящая корнями вглубь веков, – фундамент для этого. Помня опыт прошлого, надо думать о России сегодняшней, желая ей славы и величия [2, 4, 6].

Список использованных источников:

1. Алексеев С.С. Теория права. – М., 1993.
2. Балашов А.И. Правоведение: Учебник для вузов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., и др.: Питер, 2009.
3. Джуртубаев М.Ч. «Ёзден Адет» этический кодекс карачаево-балкарского народа. – Нальчик.: Эльбрус, 2005.
4. Кутафин О.Е. Правоведение – М.: Юристь, 2006.
5. Конституция Российской Федерации. – М.: Издательство «Омега – Л», 2009.
6. Общая теория права: Учеб. для юрид. вузов / Ю.А. Дмитриев, И.Ф. Казьмин, В.В. Лазарев, О.Э. Лейст, А.В. Мицкевич, В.В. Оскамытный и др.; под общ. ред. А.С. Пиголкина. – 2 -е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1995.
7. Шайхуллин М.С. Традиции в системе нормативного регулирования местного самоуправления // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2013. – № 2 [78]. – С. 136–144.
8. Шайхуллин М.С. Отличие традиции местного самоуправления от иных смежных правовых понятий и категорий // Евразийский юридический журнал. – 2011. – № 43. С. 72–73.

References:

1. Alekseev S.S. Teorija prava. – M., 1993.
2. Balashov A.I. Pravovedenie: Uchebnik dlja vuzov. – 4-e izd., pererab. i dop. – M., i dr.: Piter, 2009.
3. Dzhurtubaev M.Ch. «Jozden Adet» jeticheskij kodeks karachaevo-balkarskogo naroda. – Nal'chik.: Jel'brus, 2005.
4. Kutafin O.E. Pravovedenie – M.: Jurist', 2006.
5. Konstitucija Rossijskoj Federacii. – M.: Izdatel'stvo «Omega – L», 2009.

6. Obshhaja teorija prava: Ucheb. dlja jurid. vuzov / Ju.A. Dmitriev, I.F. Kaz'min, V.V. Lazarev, O.Je. Lejst, A.V. Mickevich, V.V. Oskamytnyj i dr.; pod obshh. red. A.S. Pigolkina. – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Izd-vo MGTU im. N.Je. Baumana, 1995.
7. Shajhullin M.S. Tradicii v sisteme normativnogo regulirovanija mestnogo samoupravlenija // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishheva. – 2013. – № 2 [78]. – S. 136–144.
8. Shajhullin M.S. Otlichie tradicii mestnogo samoupravlenija ot inyh smezhnyh pravovyh ponjatij i kategorij // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. – 2011. – № 43. – S. 72–73.

Аюпова З.К., доктор юридических наук, профессор,
Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Кусаинов Д.У., доктор философских наук, профессор,
Казахский национальный педагогический университет имени Абая

Проблемы образования единой модели правовой системы

В докладе исследуются проблемы образования единой модели правовой системы. Авторы изучили отдельные труды американских и российских ученых в этой области.

Ключевые слова: единая модель, правовая система, правовая интеграция, гармонизация права, правотворчество, правоприменение, правовая семья.

Ayupova Z.K., doctor of jurisprudence, professor,
The Kazakh national university,
Kusainov D.U. doktor philosofical of sciences, professor,
Kazakh national pedagogical university

Problems of formation of uniform model of legal system

In this report problems of formation of uniform model of legal system are investigated. Authors studied separate works of the American and Russian scientists in this area.

Keywords: uniform model of legal system, legal integration, right harmonization, law-making, right application, legal family.

Все процессы правовой интеграции, особенно процессы универсализации (ассимиляции) права и гармонизации права ведут к тому, что правовые системы государств становятся все более связанными и схожими. Определенные вопросы, как международного, так и внутригосударственного масштаба, регулируются правом разных государств о все более схожей манере.

Более того, эти процессы касаются не просто нормативно-правовых норм как таковых, но и всех других сфер правовой жизни общества. Правотворчество, правоприменение и даже правовая культура разных государств стано-

вятся все более схожими. В совокупности этот процесс приведет к тому, что все правовые системы всех государств мира приобретут определенные рамки, черты и принципы согласно определенному стандарту, выработанному в эволюционном развитии правовой интеграции самими государствами. Эти стандарты можно обозначить как определённую «единую модель правовой системы», приближение к которой будет направлено на развитие всех правовых систем мира. В рамках этой единой модели и согласно ее стандартам будет проходить реформирование права государств через международное право, региональные объединения, двустороннее и многостороннее сотрудничество. Уже сегодня, мы видим, как многие общественные отношения регулируются правовыми системами разных государств в одинаковой манере и практике.

В доктрине [1] можно встретить понятие «транснационально ассимилированная система национальных правовых систем» («transnationally assimilated systems of municipal laws»), которая обозначает состояние и взаимосвязь правовых систем мира, складывающихся в процессе универсализации (ассимиляции) права. Это состояние и взаимосвязь правовых систем мира ведет к развитию «гармонизации права» и, как следствие, к формированию «единой модели правовой системы», которая также будет представлять компромисс между особенностями и различиями правовых систем.

Таким образом, единая модель правовой системы – это модель, которая будет сформирована вследствие стандартизации содержания правовых систем государств в едином порядке и будет направлена на обеспечение правового равновесия и синхронизации поведения.

На сегодняшний день можно говорить о существовании в мире трех типов правовых семей: романо-германского права, общего права и религиозно-общинного права. Существуют различные классификации, составленные учеными разных стран в разные периоды истории, но используемая классификация является наиболее подходящей для данного исследования и наиболее полно отражающей современное состояние глобализации права.

Правовые семьи образуются по сходству включенных правовых систем по ряду моментов. К примеру, некоторые ученые говорят о степенях отчужденности субъектов от правового решения проблем, дифференционной компактности права, степени мобильности правовой семьи [2]. Эти три принципа, по их мнению, являются «столпами» правовой семьи. Для данного исследования большой интерес представляет именно третий момент, касающийся степени мобильности правовой семьи. Исследование этого вопроса позволит лучше понять процесс правовой интеграции между правовыми семьями, его интенсивность, течение, этапы, предстоящие сложности и последовательность.

Первые два принципа следует осветить лишь вкратце, так как они не относятся напрямую к вопросу исследования. Научная доктрина отмечает, что степень отчужденности субъекта от правового решения проблем выражается, к примеру, в осведомленности субъекта, обращающегося в суд, в исходе

своего дела. По этому показателю (отчужденность субъектов от правового решения той или иной проблемы) на первом месте стоит религиозно-общинная правовая семья, так как в этом случае решение вопроса основано не только на праве. Принципы правового регулирования, в большинстве своем, базируются на принципах, сформулированных в рамках религиозных норм и источников. В этой ситуации возможно широкое и непоследовательное толкование принципов как в процессе правоприменения, так и в процессе правотворчества. На втором месте стоит семья общего права и затем – романо-германского.

Степень дифференционной компактности права выражается в том, насколько компактны составляющие элементы системы права в этой правовой системе, то есть особенности структуризации права: наличие отраслей, институтов, компактность нормы и содержание понятийного аппарата и т. д. Считается, что по данному показателю на первом месте стоит романо-германское право, которое отличается тем, что ее норма всегда определенна и всеобщна, тогда как норма правовой системы в общем праве чаще всего более индивидуальна. Система романо-германского права отличается высокой структурной взаимосвязью между составляющими элементами системы (деление права на публичное и частное, на отрасли и институты, существующая согласованность норм и определенность правовых понятий). Далее идет система общего права, которая характеризуется большей свободой дифференциации. В религиозно-общинном праве эта характеристика применительна в основном только для традиционных догм-принципов.

А.В. Егоров отмечает, что именно в зависимости от указанных характеристик зависит и предрасположенность той или иной семьи к изменениям, т. е. ее мобильность [2]. Анализ содержания систем права в правовых семьях и также анализ истории становления и развития правовых семей позволяет согласиться с указанным мнением. Таким образом, можно выделить систему общего права, как систему наиболее подверженную воздействию и мобильности (в рамках правовой интеграции). История показывает, что в середине XVI в., общее право чуть было не утратило свою самобытность. Высокая степень мобильности семьи общего права видна и сейчас – при тяготении к различного рода кодификациям. В то же время, некоторые ученые рассматривают этот процесс не как часть правовой интеграции и даже «отмирания», а как «свойственную черту» семьи общего права. Эта особенность общего права проявляется и в настоящее время, что выражается, к примеру, в проведении разнообразной работы по кодификации законодательства. Таким образом, именно семья общего права наиболее открыта для правовой интеграции.

Изучение процессов взаимной интеграции правовых семей необходимо проводить посредством рассмотрения тех ключевых структурных частей правовых систем, которые позволяют нам относить их к той или иной правовой семье. Уже было отмечено, что при классификации и понимании правовой семьи используется формально-юридический подход. Таким образом, для

определения степени и процесса взаимоинтеграции правовых систем необходимо уделять внимание признакам, которые говорят о сходстве или различии правовых систем.

К примеру, В.И. Надежин говорит о правовом развитии как о способности правовой системы изменять порядок своей организации и функционирования вследствие накопления существенных изменений, вводимых посредством, проведения комплекса правовых реформ в соответствии с требованиями современности. В качестве наглядного примера им отмечается интеграция элементов международной правовой системы в современное российское право, что, в свою очередь, обусловило необходимость исследования российскими правоприменителями международной судебной практики, что является, по сути, применением судебного прецедента в качестве источника права. Таким образом, заключает уважаемый ученый, уместно вести речь о конвергенции нормативной и прецедентной правовых семей современности[3].

В заключение отметим, что интеграция правовых систем и интеграция правовых семей – это важнейший этап эволюционного развития права. Развитие международного права и региональных интеграционных процессов дают мощный толчок для развития правовой интеграции между правовыми системами и семьями. Возможность правовой семьи к изменению и развитию своего содержания вследствие взаимодействия с другими системами и факторами – это важнейшее свойство правовой материи и правовой системы.

Список использованных источников:

1. Wiener J., Globalization and the harmonization of law. – USA. – 1999.
2. Егоров А.В. Правовая семья как объект сравнительного правоведения // Правоведение. – 2005. – № 2. – С. 155–161.
3. Надежин В.И. Эволюция правовой системы в России: советский и постсоветский периоды: Дис. … канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2006.

References:

1. Wiener J., Globalization and the harmonization of law. – USA. – 1999.
2. Egorov A.V. Pravovaja sem'ja kak ob#ekt sravnitel'nogo pravovedenija // Pravovedenie. – 2005. – № 2. – C. 155–161.
3. Nadezhin V.I. Jevoljucija pravovoj sistemy v Rossii: sovetskij i postsovetskij periody: Dis. … kand. jurid. nauk. – Nizhnij Novgorod, 2006.

Белясов С.Н., кандидат юридических наук, доцент,
Институт экономики и предпринимательства
Орехово-Зуевский филиал

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, как субъект экспертизы международных норм

В докладе рассматривается способ имплементации европейских стандартов через институт Уполномоченного по правам человека. Расскрываются основные приёмы имплементации европейских норм в отечественное законодательство и определяется субъект этой деятельности.

Ключевые слова: уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, международный договор, Конституция РФ, законодательная экспертиза, международное сотрудничество, Государственная Дума РФ.

Belyasov S.N., candidate of jurisprudence, associate professor,
Economy and business institute, Orekhovo-Zuyevo branch

Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, as subject of examination of the international norms

In report the method of implementation of the European standards through the institution of a human rights commissioner is analyzed. Principal ways of implementation of European rules into the national legal system and the main party of the process are outlined.

Key words: human rights commissioner in the Russian Federation, International Treaty, Constitution of the Russian Federation, law-making enquiry, international cooperation, The State Duma.

Нашей стране удалось многое сделать в рамках имплементации европейских норм в российскую правовую систему. В результате ратификации Российской Федерацией основных европейских конвенций по защите прав человека фактически все их принципы и нормы стали составной частью российского законодательства. Им, как и положениям других международных договоров и соглашений, участником которых является Россия, отдается предпочтение по сравнению с нормами федерального законодательства. Однако, как показывает практика, чтобы европейские нормы действовали полноценно и эффективно, необходимо непосредственное включение их в российские законодательные акты и создание соответствующего механизма реализации этих норм.

Несмотря на процесс усиливающегося влияния норм международного права на законодательство Российской Федерации, требуется разработка ме-

ханизма учета международных стандартов в законотворческом и правоприменительном процессе.

В качестве такого способа взаимосогласования международного и внутригосударственного права необходимо проводить экспертизу национальных законов на соответствие международным обязательствам, учитывая, что данная экспертиза должна состоять из трех составляющих:

1) проверка национального законопроекта на соответствие общепризнанным принципам международного права,

2) проверка национального законопроекта на соответствие общепризнанным нормам международного права,

3) проверка национального законопроекта на соответствие международным договорам Российской Федерации.

Экспертизу национальных законопроектов на соответствие общепризнанным принципам необходимо проводить исходя еще и из того, что таковая обозначена в Уставе ООН, который является для Российской Федерации международным обязательством [3].

Для проведения экспертизы на соответствие международным договорам Российской Федерации необходимо понимание того, что не все международные договоры Российской Федерации являются критерием проверки для национальных законов. Поэтому правила экспертизы должны быть разработаны с учетом разделения международных договоров на договоры – «сделки», не оказывающие влияния на правовую систему Российской Федерации, и договоры – «законы», являющиеся нормоустанавливающими.

В этой связи, необходим мониторинг международных договоров с целью отслеживания и разделения их на международные договоры [4], оказывающие влияние на правовую систему Российской Федерации и неоказыющие его.

Методические рекомендации проведения экспертизы национальных законопроектов на соответствие международным договорам Российской Федерации могли бы выглядеть следующим образом:

1) на основе анализа международных договоров Российской Федерации рекомендуется, прежде всего, определить объем международно-правовых норм, относящихся к предмету регулирования проекта национального закона;

2) определить предмет правового регулирования и целей, достигаемых принятием соответствующего национального закона;

3) определить соотносимость проекта национального закона с реализацией целей и задач международных договоров, относящихся к предмету регулирования национального закона;

4) сопоставить положения международного договора и национального законопроекта.

Субъектом экспертизы национальных законопроектов на соответствие международным договорам Российской Федерации мог бы стать Уполномоченным по правам человека в РФ. Согласно ч. 3 ст. 1 Закона «Об Уполномочен-

ном по правам человека в РФ» [1], уполномоченный способствует восстановлению нарушенных прав, совершенствованию законодательства Российской Федерации о правах человека и гражданина и приведению его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права, развитию международного сотрудничества в области прав человека, правовому просвещению по вопросам прав и свобод человека, форм и методов их защиты.

В контексте взаимодействия с органами законодательной власти целесообразно возложить на него функции по осуществлению экспертизы внесенных в Государственную Думу Российской Федерации законопроектов на предмет их соответствия общепризнанным принципам и нормам международного права, а также международным договорам Российской Федерации.

Проблема международного сотрудничества в области защиты прав и свобод человека и гражданина, заключается в том, что в Российской Федерации отсутствует орган, который осуществляет мониторинг соблюдения в Российской Федерации общепризнанных принципов и норм международного права, в том числе в области прав человека.

Дело в том, что ряд органов осуществляет только общее наблюдение за выполнением норм международных договоров. Например, Министерство иностранных дел Российской Федерации осуществляет общее наблюдение за выполнением международных договоров Российской Федерации [2].

Несоответствия между национальным законодательством и сложившейся правоприменительной практикой, с одной стороны, и общепризнанными принципами и нормами международного права, с другой, могут быть выявлены судебным органами, и, в первую очередь, таким органом является Конституционный Суд РФ. Однако такое выявление осуществляется от случая к случаю, по конкретным жалобам граждан и организаций.

В связи с этим представляется необходимым обеспечить институциональный механизм осуществления мониторинга соблюдения в Российской Федерации общепризнанных принципов и норм международного права, возложив данную функцию на Уполномоченного по правам человека в РФ. Суть такого мониторинга могла бы заключаться в анализе действующего законодательства и сложившейся правоприменительной практики на предмет их соответствия международным стандартам защиты прав человека и основных свобод.

В контексте усиления взаимодействия Уполномоченного по правам человека в РФ с органами законодательной власти целесообразно также возложить на него функцию по осуществлению экспертизы внесенных в Государственную Думу РФ законопроектов на предмет их соответствия общепризнанным принципам и нормам международного права, а также международным договорам РФ. Осуществление данной экспертизы должно являться обязательной стадией законодательного процесса на федеральном уровне.

Именно указанные направления деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ напрямую способствуют имплементации норм междуна-

родного права в области прав человека в российское законодательство. Российская Федерация как субъект международного права выполняет достаточно большой объём разнообразных обязанностей. Среди них важнейшее место занимают международно-правовые акты, которые регулируют обязанности страны по отношению к своим гражданам, основные из которых относятся к области прав и свобод человека.

Список использованных источников:

1. Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (ред. от 28.12.2010) «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // Собр. Законод. РФ. – 1997. – № 9. – Ст. 1011, 2011. – № 1, ст. 1.

2. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 25.12.2012.) «О международных договорах Российской Федерации» // Собр. Законод. РФ. – 1995. – № 29. – Ст. 2757, 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7579.

3. Коптева Е.А. Классификация международных обязательств // Евразийская адвокатура. – 2013. – № . 1 (2). – С. 144.

4. Рагулин А.В., Шайхуллин М.С. Актуальные проблемы международного права: обзор материалов международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения» (г. Уфа, 21 февраля 2011 г.) // Евразийский юридический журнал. – 2011. – № 39. – С. 136–137.

References:

1. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 26.02.1997 № 1-FKZ (red. ot 28.12.2010) «Ob Upolnomochennom po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii» // Sobr. Zakonod. RF. – 1997. – № 9. – St. 1011, 2011. – № 1, st. 1.

2. Federal'nyj zakon ot 15.07.1995 № 101-FZ (red. ot 25.12.2012.) «O mezhdunarodnyh dogovorah Rossijskoj Federacii» // Sobr. Zakonod. RF. – 1995. – № 29. – St. 2757, 2012. – № 53 (ch. 1). – St. 7579.

3. Kopteva E.A. Klassifikacija mezhdunarodnyh objazatel'stv // Evrazijskaja advokatura. – 2013. – № . 1 (2). – S. 144.

4. Ragulin A.V., Shajhullin M.S. Aktual'nye problemy mezhdunarodnogo prava: obzor materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Aktual'nye problemy sovershenstvovanija zakonodatel'stva i pravoprimenenija» (g. Ufa, 21 fevralja 2011 g.) // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. – 2011. – № 39. – S. 136–137.

Биттиева Л.Х., кандидат экономических наук, доцент,
Бозиева Ю.Г., кандидат юридических наук, доцент,
Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет
имени В.М. Кокова

Сходства и различия норм права и морали с учетом этнического кодекса карачаево-балкарского народа «Ёзден Адет»

Проведен сравнительный анализ норм права и норм морали. В основе сравнения лежит этнический Кодекс карачаевского и балкарского народов Северного Кавказа «Ёзден Адет».

Ключевые слова: нормы морали, «Ёзден Адет», правосознание.

Bittiyeva L.Kh., candidate of economic sciences, associate professor,
Boziyeva Yu.G., candidate of jurisprudence, associate professor,
Kabardino-Balkarian state agrarian university

Similarities and distinctions of rules of law and morals taking into account the ethnic code of Karachaevo-Balkar people «Yozden Adet»

Report has a certain value as in it the comparative analysis of rules of law and norms of morals is carried out. At the heart of comparison the ethnic Code of the Karachay and Balkar people of the North Caucasus «Yozden Adet» lies.

Keywords: norms of morals, «Yozden Adet», sense of justice.

Северный Кавказ – регион, сложный и в языковом, и в этническом, и в религиозных отношениях. Здесь на сравнительно небольшой территории издавна, бок о бок проживают народы, отличающиеся друг от друга особенностями хозяйства, быта, традициями повседневной жизни. В каждом кавказском народе можно найти отголоски идей, ценностей, идущие из глубины веков, несущие в себе печать традиционности. Особенностью горных регионов можно считать и то обстоятельство, что многочисленные различия существовали не только между этносами, но зачастую и внутри одного этноса: нередко отдельные села, общины, группы общин были обособлены друг от друга, что приводило к формированию «своих», локальных традиций и обычаев внутри каждого села.

Попытаемся разобраться в данной проблеме на примере конкретных народов Северного Кавказа – балкарцев и карачаевцев. Их следует рассматривать в неразрывной связи друг от друга, поскольку они являются братскими народами.

Источником норм морали и обычаев у балкарцев и карачаевцев является «Ёзден Адет» – этический кодекс карачаево-балкарского народа. «Ёзден

Адет» – это не просто список правил поведения. В кодексе отражен многовековой опыт наблюдений и размышлений, а не только одни наставления и советы. Он не пытается дать человеку инструкции на все случаи жизни – она всегда шире, сильнее, мудрее любых предписаний. Многому учит «Ёзден Адет», призывая каждого в любых обстоятельствах оставаться человеком, указывая путь чести, достоинства и свободы. «Добро от сотворения мира остается добром, а зло – злом, и каждый из родившихся в мире ежечасно совершает свой выбор между ними; но тому кто с детства внимал голосу предков, вступал с ними в совет, сделать выбор легче» [3].

Итак, обозначим сходство и различие норм права и морали с учетом данного Кодекса. Общие черты:

– принадлежат к социальным нормам и обладают общим свойством нормативности;

– являются основными регуляторами поведения;

– имеют общую цель – регулирование поведения людей со стратегической задачей сохранения и развития общества как целого;

– базируются на справедливости как на высшем нравственном принципе;

– выступают мерой свободы индивида, определяют ее границы.

Различия состоят в том, что:

Мораль формируется ранее права, правового сознания и государственной организации общества. Можно сказать, что мораль появляется вместе с обществом, а право – с государством. Хотя мораль тоже имеет свой исторический период развития и возникает из потребности согласовать интересы индивида и общества. Никакое общество никогда не жило и не могло жить без определенных установлений, обычаев, традиций [6,7], регулирующих его жизнь. Но чем определялся характер этих установлений? «По мнению древних мудрецов, нравственным уровнем этого общества» [3].

В пределах одной страны, одного общества может существовать только одна правовая система. Мораль же в этом смысле разнородна: в обществе может действовать несколько моральных систем (классов, малых социальных групп, профессиональных слоев, индивидов). При этом в любом обществе существует система общепринятых моральных взглядов (так называемая господствующая мораль). Этот кодекс называется «Ёзден адет» – «Дворянская традиция». Почему – понять не трудно. В прошлом народ делился на 4 основных сословия: князья, дворяне, крепостные, рабы. Большинство населения составляли дворяне и, вероятно, именно в их среде возник и развивался Кодекс. И самыми стойкими в сохранении традиций также были дворяне.

Нормы морали формируются как нормативное выражение сложившихся в данной социальной среде, обществе взглядов, представлений о добре и зле, справедливости, чести, долге, порядочности, благородстве и других категорий этики. Основные категории морального сознания – «добро» и «зло», без которых невозможна любая моральная оценка. При этом процесс формирования

моральных систем идет спонтанно, в недрах общественного сознания. Кодекс создавался и хранился в самой гуще народа и отражает его воззрения, то, что было ясно многим. Процесс правообразования тоже весьма сложен, имеет глубокие социальные корни, однако право в единстве своей формы и содержания предстает как результат официальной деятельности государства, как выражение его воли. В Кодексе государство рассматривается как необходимое условие самосохранения народа в бурном, меняющемся мире. Создание его возможно только через тяжелый путь к единству. Власть – это сила и способность управлять обществом, в котором всегда найдутся недовольные тем или иным решением. Кодекс говорит и о том, что большая часть указов будет несправедливой – опять-таки с точки зрения народа [3].

Мораль живет в общественном сознании, которое и является формой ее существования. И в этом плане даже трудно различить мораль как форму общественного сознания и мораль как нормативный социальный регулятор, в отличие от права, где достаточно четко можно провести границу между правовым сознанием и правом. Право, по сравнению с моралью, имеет четкие формы объективирования, закрепления вовне (формальные источники права). Конечно, ту или иную моральную систему можно систематизировать и изложить в письменном виде как некий моральный кодекс. Однако речь идет о том, что мораль как особый социальный регулятор объективно в этом не нуждается.

Не совпадают предметы регулирования норм права и норм морали. Если их представить в виде кругов, то они будут пересекаться. То есть у них есть общий предмет регулирования и есть социальные сферы, которые регулируются только правом или только моралью. Специфический предмет морального регулирования – сферы дружбы, любви, взаимопомощи и т. п., куда право как регулятор, требующий внешнего контроля за осуществлением своих предписаний и предполагающий возможность государственно-принудительной реализации, не может и не должно проникать. Однако есть и сферы правового регулирования, к которым мораль не подключается в силу того, что они принципиально, по своей природе не поддаются моральной оценке: они этически нейтральны. К таким сферам относится, в частности, предмет технико-юридических норм.

С точки зрения внутренней организации та или иная моральная система, будучи относительно целостным нормативным образованием, не обладает такой логически стройной и достаточно жесткой структурой (законом связи элементов) как система права.

Право и мораль различаются по средствам и методам обеспечения реализации своих норм. Если право, как известно, обеспечивается возможностью государственно-принудительной реализации, то нормы морали гарантируются силой общественного мнения, негативной реакцией общества на нарушение норм морали. Жизнь рассматривается в Кодексе как одно великое испытание, и за совершением ошибки, проступка или преступления неотвратимо следует

наказание. В то же время природа морали такова, что подлинно моральное поведение имеет место в том случае, когда оно осуществляется в силу личной убежденности человека в справедливости и необходимости этических требований, когда поведением человека руководит его совесть.

Таким образом, главной задачей в области формирования современного общекультурного фундамента является обустройство российского общества как мультикультурного сообщества на основе национального и религиозного разнообразия народов страны, а также укрепление единства государства.

Список использованных источников:

1. Алексеева Е.П. Карачаевцы. – Ставрополь, 1997.
2. Белкин А.А. Обычаи и обыкновения в государственном праве // Правоведение. – 2006. – № 1.
3. Джуртубаев М.Ч. «Ёзден Адет» этический кодекс карачаево-балкарского народа. – Нальчик.: Эльбрус. – 2005.
4. Кутафин О.Е. – Правоведение – М.: Юрисгь, 2006.
5. Чомаев К.И. Дореволюционные черты этнической психологии горских народов Северного Кавказа // Сб.: Вопросы национальной психологии. – Черкесск, 1972.
6. Шайхуллин М.С. К вопросу о формировании муниципальных традиций в России // Аграрное и земельное право. – 2010. – № 3. – С. 38–42.
7. Шайхуллин М.С. Традиции и правовые обычаи местного самоуправления в системе муниципально-правовых отношений: вопросы теории и практики. Монография. – М., ЕврАзНИИПП, 2011.

References:

1. Alekseeva E.P. Karachaevcy. – Stavropol’, 1997.
2. Belkin A.A. Obychai i obyknovenija v gosudarstvennom prave // Pravovedenie. – 2006. – № 1.
3. Dzhurtubaev M.Ch. «Jozden Adet» jeticheskij kodeks karachaevo-balkarskogo naroda. – Nal’chik.: Jel’brus. – 2005.
4. Kutafin O.E. – Pravovedenie – M.: Jurisg’, 2006.
5. Chomaev K.I. Dorevoljucionnye cherty jetnicheskoj psihologii gorskih narodov Severnogo Kavkaza // Sb.: Voprosy nacional’noj psihologii. – Cherkessk, 1972.
6. Shajhullin M.S. K voprosu o formirovanii municipal’nyh tradicij v Rossii // Agrarnoe i zemel’noe pravo. – 2010. – № 3. – S. 38–42.
7. Shajhullin M.S. Tradicii i pravovye obychai mestnogo samoupravlenija v sisteme municipal’no-pravovyh otnoshenij: voprosy teorii i praktiki. Monografija. – M., EvrAzNIIPP, 2011.

Бозиева Ю.Г., кандидат юридических наук, доцент,
Биттиева Л.Х., кандидат экономических наук, доцент,
Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет
имени В.М. Кокова

Нормы права и социальные нормы: актуальность их соотношения для некоторых народов Северного Кавказа

Проблема соотношения права и иных социальных норм, активно обсуждаемая юристами и этнографами, имеет для России как научно-теоретическое, так и практическое значение. Она особенно актуальна для исламских регионов нашей страны (прежде всего – для Северного Кавказа), правовая культура которых в течение веков ориентировалась на три основных элемента – местные обычаи (адат), государственное законодательство и шариат.

Ключевые слова: обычаи и традиции, социальные нормы, «Тёре».

Boziyeva Yu.G., candidate of jurisprudence, associate professor,
Bittiyeva L.Kh., candidate of economic sciences, associate professor,
Kabardino-Balkarian state agrarian university

Rule of law and social norms: relevance of their ratio for some people of the North Caucasus

The problem of a ratio of the right and other social norms, actively discussed by lawyers and ethnographers, has for Russia both scientific-theoretical, and practical value. It is especially actual for Islamic regions of our country (first of all – for the North Caucasus) which legal culture within centuries was guided by three basic elements – local customs (adat), the state legislation and Sharia.

Keywords: customs and traditions, social norms, «Tyore».

Живя в обществе, люди вступают между собой в самые разные отношения: экономические, семейные, трудовые, национальные, религиозные и др. Для упорядочения всех этих отношений недостаточно одних только юридических, правовых норм. Да и не все отношения можно с их помощью регулировать. Поэтому для поддержания в обществе порядка, который называется общественным порядком (в отличие от правопорядка, являющегося результатом, действия одних правовых норм), помимо норм права используются также и другие правила поведения людей в обществе: обычаи (традиции) [7], религиозные нормы, нормы общественных организаций, нормы морали. Общественный порядок обеспечивается, совокупным действием различных социальных норм, образующих нормативную систему общества.

Социальные нормы разных видов отличаются друг от друга по способам их формирования, способам обеспечения их соблюдения, формам закрепления.

Обычаи (и близкие к ним традиции) – это правила поведения, сложившиеся стихийно, естественным путем и в результате многократного повторения, закрепившиеся в сознании людей [2]. Они соблюдаются в силу привычки, просто потому, что «так принято», «таков обычай». Обычаи бывают национальные (общенародные) и местные [8]. Они передаются из поколения в поколение в устной форме. Несоблюдение обычаев влечет негативную реакцию со стороны окружения (осуждение, порицание), т. е. меры общественного воздействия. И мораль, и обычай определяют то, что мы называем нравами, привычные, широко распространенные в определенном сообществе формы поведения. Источником норм морали и обычаев у балкарцев и карачаевцев является «Ёзден Адет» – этический кодекс карачаево-балкарского народа. «Ёзден Адет» – это не просто список правил поведения. В кодексе отражен многовековой опыт наблюдений и размышлений, а не только одни наставления и советы. Он не пытается дать человеку инструкции на все случай жизни – она всегда шире, сильнее, мудрее любых предписаний. Многому учит «Ёзден Адет», призывая каждого в любых обстоятельствах оставаться человеком, указывая путь чести, достоинства и свободы. «Добро от сотворения мира остается добром, а зло – злом, и каждый из родившихся в мире ежечасно совершает свой выбор между ними; но тому кто с детства внимал голосу предков, вступал с ними в совет, сделать выбор легче» [3]. «Ёзден Адет» говорит и о том, каков человек, и о том, каким и почему он должен быть.

И мораль, и обычай регулируют человеческие взаимоотношения. И мораль, и обычай не институализированы, то есть моральные предписания и обычаи не исходят от какого-то особого учреждения, которое добивалось бы принудительного их исполнения.

Двадцатый век привнес значительные изменения в обычай на Кавказе. Изменения в вековых традиционных формах жизнедеятельности в социальном устройстве, политическом и экономическом ритме повлекли за собой изменения общественных институтов, а через них сознания народов.

Учитывая, что традиционные регуляторы являются важным средством правовой, социальной защиты северокавказских этносов, современное государство РФ пошло по пути активного включения местных обычаев и традиций в законодательную базу России. Так, на основании федерального законодательства в республиках Северного Кавказа принят ряд документов, регламентирующих деятельность Советов старейшин и иных общественных объединений, осуществляющих свою деятельность на основе традиционных правовых институтов.

Право неизменно развивается вместе с развитием любого общества, как неотъемлемый компонент жизни соответствующего народа и включенных в

него сообществ. Право – это не пережиток прошлого, а постоянный фактор правового развития общества.

Формирование обычного права на Северном Кавказе – многовековой исторический процесс, характеризующийся особенностями социального развития северокавказских народов, а так же имеющий определенную специфику, обусловленную влиянием мусульманской религии, права и российского законодательства. Анализ применения обычного права у разных народов показывает, что обычное право и сегодня сохраняет достаточно мощный потенциал, проявляющий себя часто наряду, а в некоторых случаях и в противовес, нормативно-правовым актам государства.

При рассмотрении фиксации правовых и моральных норм обращают на себя внимание различные формы их существования. Правовые нормы как институциональные регуляторы закреплены в строго определенных документальных формах (нормативные акты, судебные решения, нормативные договоры и т. д.). Способы их фиксации должны отвечать строго установленным требованиям с позиций характера текстов и их атрибутов. Достаточно конкретен и круг субъектов, которые формируют юридические тексты, содержащие нормы права (органы правосудия, законодательные органы, субъекты договорных отношений и т. д.). Разумеется, различного рода высказывания, претендующие на статус правовых, могут содержаться и в иных текстах – философских, научных, литературных. Однако независимо от их культурной и социальной значимости, влияния на общественное сознание и других факторов юридического статуса они не имеют.

Моральные же нормы содержатся в общественном (массовом) сознании и существуют в виде принципов, понятий, идей, оценок и т. п. Соответственно нет каких-либо особых требований к их форме, текстам. Здесь важно подчеркнуть, что такого рода тексты создаются именно «по поводу» морали, а не содержат моральных норм, ибо последние по своей природе могут не иметь текстуального закрепления, документального характера.

Регулятивное воздействие права на общественные отношения осуществляется через особый механизм правового регулирования, обеспечивающий перевод общих правил в конкретные юридические права и обязанности субъектов. Эти права и обязанности достаточно четко определены в плане возможных и должных действий, т. е. конкретных вариантов поведения субъектов. Уникальным институтом политической системы у балкарцев и карачаевцев был «Тёре» (совет). Судопроизводство по адату осуществляли «Тёре» всех уровней; шариатское судопроизводство осуществлял в основном кадий (къады; от араб, шариатский судья), который одновременно являлся и главой духовенства. Источниками права выступали нормы адатов (по кар.-балк. «адет») т. е. обычного права, которые складывались на протяжении столетий. Другим источником выступали установления «Народного Тёре», которые со временем могли приобретать силу адатов. Принятие новых адатов, их дополнение, из-

менение и отмена входили в компетенцию «Народного Тёре». Судебный прецедент также являлся немаловажным источником права. В пределах каждой общины существовала масса местных правил и норм, которые, в случае судебного разбирательства, становились источниками права. Мусульманское судопроизводство основывалось на предписаниях Корана, норм, установленных в своде хадисов – Сунне, а также установках религиозно-правового толка (мазхаба) имама Абу-Ханифы ан-Нумана (ханифитский мазхаб).

В противоположность этому моральные нормы выражены в безличном долженствовании и воздействуют путем формирования внутренних регуляторов личности: ценностей, мотивов, установок и т. п. Другими словами, суть действия моральных норм состоит в формировании общих принципов, внутренних убеждений и установок желательного поведения (будь вежлив и др.). Это означает, что регулятивное, воздействие моральных норм не имеет, в отличие от норм правовых, заранее установленных способов поведенческой реализации.

Таким образом, можно говорить о регулятивном взаимодействии морали и права. В целом же можно считать, что в процессе общественного развития прослеживается тенденция гармонизации механизмов взаимодействия права и морали, связанная прежде всего с характером культуры и степенью цивилизованности каждого конкретного общества. Следует отметить, что процесс взаимодействия между правом и моралью всегда проходит гладко, без столкновений и противоречий. Право по своей природе более консервативно, но даже – в самом совершенном законодательстве есть пробелы и недостатки. Мораль же более подвижна, она активнее реагирует на изменения в обществе. Право и мораль развиваются неравномерно, поэтому в обществе всегда разное правовое и моральное состояние. Хотя мораль лежит в основе права, это не означает, что право автоматически закрепляет все веления морали, независимо от их сути и принадлежности. Мораль требует от человека гораздо большего, чем право. В жизни часто создаются ситуации, когда закон разрешает определенные действия, а мораль запрещает, или наоборот.

На вопрос, что главнее, нормы права или морали, нет четкого ответа, однако следует осознавать тот факт, что каждый гражданин Российской Федерации обязан в первую очередь соблюдать ее законы.

Список использованных источников:

1. Алексеев С.С. Теория права. – М., 1993.
2. Белкин А.А. Обычаи и обыкновения в государственном праве // Правоведение. 2006. – № 1.
3. Джуртубаев М.Ч. – «Ёзден Адет» этический кодекс карачаево-балкарского народа. – Нальчик.: «Эльбрус», 2005.
4. Кутафин О.Е. Правоведение – М.: Юристь, 2006.

5. Столяренко Л.Д., Самыгин С.И. Психология и педагогика в вопросах и ответах. Серия «Учебники, учебные пособия». Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.
6. www.elbrusoid.orR.
7. Шайхуллин М.С. К вопросу о формировании муниципальных традиций в России // Право и государство: теория и практика. – 2009. – Т. 57. – № 9. – С. 35–38.
8. Шайхуллин М.С. Традиции и правовые обычаи местного самоуправления в системе муниципально-правовых отношений: вопросы теории и практики. Монография. – М.: ЕврАзНИИПП, 2011. – С. 5, 6.

References:

1. Alekseev S.S. Teorija prava. – M., 1993.
2. Belkin A.A. Obychai i obyknovenija v gosudarstvennom prave // Pravovedenie. 2006. – № 1.
3. Dzhurtubaev M.Ch. – «Jozden Adet» jeticheskij kodeks karachaevo-balkarskogo naroda. – Nal'chik.: «Jel'brus», 2005.
4. Kutafin O.E. Pravovedenie – M.: Jurist', 2006.
5. Stoljarenko L.D., Samygin S.I. Psihologija i pedagogika v voprosah i otvetah. Serija «Uchebniki, uchebnye posobija». Rostov-na-Donu: Feniks, 2000.
6. www.elbrusoid.orR.
7. Shajhullin M.S. K voprosu o formirovanii municipal'nyh tradicij v Rossii // Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika. – 2009. – T. 57. – № 9. – S. 35–38.
8. Shajhullin M.S. Tradicii i pravovye obychai mestnogo samoupravlenija v sisteme municipal'no-pravovyh otnoshenij: voprosy teorii i praktiki. Monografija. – M.: EvrAzNIIPP, 2011. – S. 5, 6.

Васильева Я.В.,
Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями в сфере производства по делам об административных правонарушениях

В конституционной модели местное самоуправление направлено на децентрализацию государственной власти, и выделено в качестве негосударственного субъекта публичной власти. Субъекты РФ имеют право наделять органы местного самоуправления отдельными государственными полномочиями. Такими полномочиями органы местного самоуправления обладают и в сфере производства по делам об административных правонарушениях.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, производство по делам об административных правонарушениях.

Vasilyeva Ya.V.,
Moscow state legal university

Investment of local governments with separate state powers in the sphere of production on cases of administrative offenses

In the constitutional model the local government is directed on government decentralization, and allocated as non-state actor of the public power. Territorial subjects of the Russian Federation have the right to allocate local governments with separate state powers. Local governments possess such powers and in the sphere of production on cases of administrative offenses.

Keywords: local governments, affairs production about administrative offenses.

28 декабря 2009 года Федеральным законом от № 380-ФЗ [1] внесены изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ): конкретизированы предметы ведения субъектов РФ в области законодательства об административных правонарушениях (введена статья 1.3.1 и статья 1.3 дополнена частью 5).

Новеллой Кодекса является предоставление субъекту РФ в лице его законодательного органа права наделять отдельными полномочиями субъекта РФ по решению вопросов, перечисленных в пунктах 4–6 части 1 статьи 1.3.1 КоАП РФ, органы местного самоуправления – создание комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, создание административных комиссий, иных коллегиальных органов в целях привлечения к административной ответственности, предусмотренной законами субъектов РФ и определения перечня должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов РФ. В этом случае должностные лица органа местного самоуправления, вправе составлять протоколы об административных правонарушениях, ответственность за которые предусмотрена законом субъекта РФ (часть 2 статьи 1.3.1 КоАП РФ).

Так, например, Законом Вологодской области 1369-ОЗ «О наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями в сфере административных отношений» [2] органы местного самоуправления муниципальных районов, городских округов, городских и сельских поселений Вологодской области наделяются отдельными государственными полномочиями в сфере административных отношений. Объем указанных полномочий выражается в двух аспектах: первый – по созданию в муниципальных районах и городских округах области комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав и административных комиссий; второй – по определению перечня должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных соответствующими статьями закона области об административных правонарушениях. Таким образом, органы

местного самоуправления, самостоятельно определяют перечень должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, через муниципальные правовые акты в форме приказов и постановлений.

Так, например, Постановлением Администрации г. Вологды № 520 [4] об утверждении Перечня должностных лиц органов местного самоуправления муниципального образования «Город Вологда», уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных законом области входят: заместители Главы города Вологды, начальники Департаментов и их заместители, начальники Управлений, начальники отделов Департаментов и их заместители, консультанты, заведующие секторами, специалисты и инспекторы отделов, Председатель Вологодской городской Думы, его заместитель и депутаты, начальник Управления по обеспечению деятельности Вологодской городской Думы, его заместитель, начальник экспертно-правового отдела Управления по обеспечению деятельности Вологодской городской Думы и другие должностные лица органов местного самоуправления муниципального образования «Город Вологда».

Кроме того, органам местного самоуправления предоставлено право составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных КоАП РФ, при осуществлении контрольно-надзорных полномочий, делегированных Российской Федерацией (часть 3 статьи 1.3.1 КоАП РФ). Так, в целях реализации пункта 17 статьи 28.3 КоАП РФ Приказом Управления социальной защиты населения по муниципальному образованию «Город Вологда» Вологодской области № 232-ОД [5] утвержден Перечень должностных лиц Управления, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 5.41–5.43, 9.13, 9.14, 11.24, частью 1 статьи 19.5, статьями 19.6, 19.7 КоАП РФ или например Постановление Администрации г. Вологды № 2040 [3] «Об утверждении Перечня должностных лиц Администрации города Вологды, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 15.14, 15.15, 15.16 КоАП РФ, совершенных в отношении средств бюджета города Вологды».

Таким образом, роль местного самоуправления в государственной, политической, правовой жизни общества, а также в формировании институтов демократического правового государства огромна. Однако необходимо планомерное развитие взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления, институтов муниципальной власти и гражданского общества в целях создания эффективных механизмов защиты права на осуществление местного самоуправления [6].

Принятие в 2003 году Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» стало важным элементом в поэтапной реформе, связанной с разграничением

полномочий между органами публичной власти. Полномочия были не просто разграничены, предоставлена возможность наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Российской Федерации и субъектов РФ через нормативные правовые акты соответствующего уровня. Причинами наделения отдельными государственными полномочиями органы местного самоуправления является: реализация принципа субсидиарности, экономия денежных средств, потребность в улучшении качества работы с населением. Что же касается вопроса наделения отдельными государственными полномочиями в сфере производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных в статье 1.3.1. КоАП РФ, считаю, что это подчеркивает деятельность должностных лиц органов местного самоуправления в публичных интересах, что связано с организацией, регулированием, правовой охраной и правовой зашитой общественных интересов.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 28.12.2009 № 380-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 1. – ст. 1.
2. Закон Вологодской области от 28.11.2005 № 1369-ОЗ (в ред. 18.10.2013) «О наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями в сфере административных отношений» // Красный Север. – 2005. – № 169.
3. Постановление Администрации г. Вологды от 26.04.2009 № 2040 «Об утверждении Перечня должностных лиц Администрации города Вологды, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 15.14, 15.15, 15.16 КоАП РФ, совершенных в отношении средств бюджета города Вологды» // Вологодские новости. – № 17. – 05.05.2010.
4. Постановление Администрации г. Вологды от 08.02.2011 № 520 (в ред. 02.09.2013) «Об утверждении Перечня должностных лиц органов местного самоуправления муниципального образования «Город Вологда» // Вологодские новости. – № 5. – 09.02.2011.
5. Приказ Управления социальной защиты населения по муниципальному образованию «Г. Вологда» Вологодской области от 31.10.2011 № 232-ОД «Об утверждении Перечня должностных лиц Управления, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях» (вместе с «Перечнем должностных лиц Управления социальной защиты населения по муниципальному образованию «Город Вологда» Вологодской области, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 5.41–5.43, 9.13, 9.14, частью 1 статьи 19.5, статьями 19.9, 19.7 КоАП РФ) // Красный Север. – № 226. – 30.11.2011.
6. Миронова Л.А., Шайхуллин М.С. Правовое регулирование деятельности органов местного самоуправления по оказанию юридической помощи гражданам // Муниципальное право. – 2011. – № 2 (54). – С. 11–14.

References:

1. Federal'nyj zakon ot 28.12.2009 № 380-FZ «O vnesenii izmenenij v Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarushenijah» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2010. – № 1. – st. 1.
2. Zakon Vologodskoj oblasti ot 28.11.2005 № 1369-OZ (v red. 18.10.2013) «O nadelenii organov mestnogo samoupravlenija otdel'nymi gosudarstvennymi polnomochijami v sfere administrativnyh otnoshenij» // Krasnyj Sever. – 2005. – № 169.
3. Postanovlenie Administracii g. Vologdy ot 26.04.2009 № 2040 «Ob utverzhdenii Perechnja dolzhnostnyh lic Administracii goroda Vologdy, upolnomochennyh sostavljat' protokoly ob administrativnyh pravonarushenijah, predusmotrennyh stat'jami 15.14, 15.15, 15.16 KoAP RF, sovershennyh v otnoshenii sredstv bjudzheta goroda Vologdy» // Vologodskie novosti. – № 17. – 05.05.2010.
4. Postanovlenie Administracii g. Vologdy ot 08.02.2011 № 520 (v red. 02.09.2013) «Ob utverzhdenii Perechnja dolzhnostnyh lic organov mestnogo samoupravlenija municipal'nogo obrazovanija «Gorod Vologda» // Vologodskie novosti. – № 5. – 09.02.2011.
5. Prikaz Upravlenija social'noj zashhity naselenija po municipal'nomu obrazovaniju «G. Vologda» Vologodskoj oblasti ot 31.10.2011 № 232-OD «Ob utverzhdenii Perechnja dolzhnostnyh lic Upravlenija, upolnomochennyh sostavljat' protokoly ob administrativnyh pravonarushenijah» (vmeste s «Perechnem dolzhnostnyh lic Upravlenija social'noj zashhity naselenija po municipal'nomu obrazovaniju «Gorod Vologda» Vologodskoj oblasti, upolnomochennyh sostavljat' protokoly ob administrativnyh pravonarushenijah, predusmotrennyh stat'jami 5.41–5.43, 9.13, 9.14, chast'ju 1 stat'i 19.5, stat'jami 19.9, 19.7 KoAP RF) // Krasnyj Sever. – № 226. – 30.11.2011.
6. Mironova L.A., Shajhullin M.S. Pravovoe regulirovanie dejatel'nosti organov mestnogo samoupravlenija po okazaniju juridicheskoj pomoshhi grazhdanam // Municipal'noe pravo. – 2011. – № 2 (54). – S. 11–14.

Воронов А.А., доктор юридических наук, профессор,
Воронежский филиал Российского нового университета

О целях и интересах разработки законопроектов некоторыми источниками законодательной инициативы

В докладе рассматривается вопрос практической направленности законопроектов, разрабатываемых источниками законодательной инициативы. Ставиться вопрос о расширении числа указанных источников.

Ключевые слова: законопроект, источник законодательной инициативы, адвокатура, практическая направленность.

Voronov A.A., doctor of jurisprudence, professor,
Voronezh branch of the Russian new university

About the purposes and interests of development of bills some sources of a legislative initiative

In article the question of a practical orientation of the bills developed by sources of a legislative initiative is considered. To be raised a question of expansion of number of the specified sources.

Keywords: bill, source of a legislative initiative, legal profession, practical orientation.

Недавно мы отмечали 20-летие Конституции России – Основного Закона нашего государства и главного инструмента правовых и социально-политических преобразований [1].

Анализируя те или иные законы, подзаконные акты или поступающие в законодательные органы законопроекты, невольно начинаешь задумываться, а кто же их «готовит» и самое главное, для кого. Справедливым было бы отметить, что верховная законодательная власть принимает законы исключительно для народа и в интересах народа. В это следует верить. Но так ли это?

Мы не будем здесь оценивать профессиональный (в т. ч., юридический) уровень специалистов-законодателей, которые в Государственной Думе принимают законы, тем более, что об этом уровне многие догадываются и, слава Богу, при главном законодательном органе страны имеются профильные комитеты и комиссии. Здесь проблема состоит в том, что же является источником формирования той или иной нормативной политики?

Важнейшую роль в оценке эффективности принимаемых законов следует отвести статистике поступления в Государственную Думу законопроектов [2], а точнее – источники их поступления. В этой части следует обратить внимание на лиц, обладающих правом законодательной инициативы.

Законодательная инициатива – стадия законодательного процесса, состоящая в вынесении на рассмотрение органом законодательной власти законопроекта или законодательного предложения по принятию, изменению или отмене закона. Круг лиц, обладающих правом законодательной инициативы, определяется национальным законодательством, при этом внесение предложения в законодательное учреждение таковым субъектом влечёт за собой обязанность рассмотреть данное предложение в соответствии с установленной процедурой.

В России в соответствии со ст. 104 Конституции право законодательной инициативы принадлежит Президенту Российской Федерации, Совету Федерации, членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы, Правительству Российской Федерации, законодательным (представительным) органам

субъектов Российской Федерации. Право законодательной инициативы принадлежит также Конституционному Суду Российской Федерации, Верховному Суду Российской Федерации (ранее принадлежало Высшему Арбитражному Суду Российской Федерации) по вопросам их ведения. Для тех же субъектов, которые данным правом не наделены предусмотрена теоретическая возможность законодательной инициативы посредством обращения к соответствующим субъектам.

Профессор МГУ имени М.В. Ломоносова С.А. Авакьян в своем докладе, посвященном открытию Международной конференции «Конституционное право и политика» (28–30 марта 2012 г.) обратил внимание, что сегодня следует более решительно поставить вопрос об освобождении действующего (т. е. принятого с благословения властей!) конституционного права от политического усмотрения. Соответственно, следует вводить такие прямые или «запасные» механизмы применения конституционных норм, которые не зависели бы от такого усмотрения; наоборот, они сделали бы так, чтобы для него не было места.

Например, в ст. 104 Конституции РФ названы субъекты права законодательной инициативы в Федеральном Собрании РФ. Однако для всех этих субъектов элемент усмотрения связан не только с их волей, но и с политическим влиянием. Так, право законодательной инициативы имеют депутаты Государственной Думы; но разве можно увидеть свободу осуществления ими данного права в ситуации избрания по спискам политических партий? [3]. Отмечается, что право законодательной инициативы в силу ч. 1 ст. 15 Конституции имеет прямое действие и реализуется субъектами этого права на равных основаниях, самостоятельно, в установленных Конституцией пределах и с соблюдением вытекающих из нее требований. Следовательно, реализация этого права не может ставиться в зависимость от усмотрения иных органов и лиц, в том числе других участников законодательного процесса [4].

Следует иметь в виду, что до 1993 года Генеральный прокурор РФ также был наделен правом законодательной инициативы. С принятием Конституции РФ в 1993 году Генеральный прокурор РФ не был предусмотрен в числе субъектов, обладающих правом законодательной инициативы (статья 104 Конституции РФ). Данное право также не предусмотрено и Законом Российской Федерации (Уведомление Совета Федерации от 27 ноября 2013 г. № СФ-6) «О поправке к Конституции РФ, О Верховном Суде РФ и Прокуратуре РФ», которым существенно усилилась централизация прокурорской власти [5].

С определенной стороны можно говорить не только о субъектах законодательной инициативы: достаточно их количество или нет, но и о том, в чьих интересах указанные субъекты разрабатывают законопроекты.

Казалось бы, ответ очевиден – в интересах государства и народа России, однако и на данную тему можно подискутировать.

С нашей точки зрения, тематика направленности законопроектов напрямую зависит от «профиля» деятельности субъекта законодательной инициативы. Например, Президент России выносит на рассмотрение законопроекты глобального значения, волнующие миллионы граждан России; наиболее актуальные и требующие скорейшего принятия (например, в области безопасности); Правительство разрабатывает акты преимущественно экономической или социальной направленности, т. е. регулирующие основные жизненно важные отношения в обществе. Депутаты и члены Совета Федерации, выносят на рассмотрение законопроекты, которые часто отражают их профессиональную направленность: спорт, образование, культуру и т. д., а также те законопроекты, которые интересны самим депутатам (о своем статусе, неприкосновенности заработных платах, поддержке). Очевидно, что таким образом они выступают от имени и в интересах граждан, которые их выбрали. Или, например, Высшие Суды России вносят законопроекты по вопросам своего ведения, т. е. по вопросам осуществления правосудия, расширения полномочий защиты прав судей, их охраны, материальной и социальной поддержки и т. д. Очевидно, что и Генеральный Прокурор в случае наделения его правом законодательной инициативы вносил бы на рассмотрение «ведомственные» законопроекты, регулирующие деятельность прокуратуры.

Возникает ощущение, что подобная практика в случае нарушения демократических принципов законотворчества может привести к принятию Законов как бы под себя. И это иногда происходит.

Указанная особенность российской правотворческой системы сегодня наводит на мысль об ее изменении. Причем данное изменение может проходить в двух направлениях: либо в сторону уменьшения субъектов законодательной инициативы (путем оставления лишь тех субъектов, которые принимают законопроекты в отношении разноплановых правоотношений: Президент, Правительство, депутаты), либо в сторону их расширения за счет субъектов профессиональной направленности.

В качестве потенциального примера уместно будет привести мнение ректора Российской академии адвокатуры и нотариата, профессора Мирзоева Г.Б., изложенное в интервью Российской газете 10.12.2010, где он обратил внимание, что сегодня важно не только ориентироваться на значимость государственных органов, но и иметь мощное профессиональное объединение. Развитие, к примеру, адвокатских образований должно идти не только по пути демократизации, но и централизации. Это позволит адвокатам вести с государством полноценный диалог, защищать не только свои интересы, но влиять на общественные процессы. Пока же адвокатское сообщество и государство больше оппоненты, чем партнеры [6,7]. И далее, было бы логичным, чтобы общественные институты, а адвокатура на законодательном уровне признана институтом гражданского общества, активно участвовали в законотворческой деятельности, как это делают Высшие судебные органы. В этой части целесоо-

бразно наделить Совет Федеральной палаты адвокатов правом законодательной инициативы хотя бы по вопросам, затрагивающим правовой статус адвокатов и обеспечивающий максимальную эффективность условий их работы.

Высказанное мнение достаточно перспективное, поскольку Россия провозглашает себя демократическим, правовым государством с развитым гражданским обществом, но при этом институты гражданского общества (которых не так много) недостаточно задействованы в его формировании.

Список использованных источников:

1. Шахрай С.М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. – М.: Наука, 2013. – 919 с.
2. www.garant.ru/article/483075/
3. Авакьян С.А. Вступительный доклад. Конституционное право и политика: проблемы взаимодействия в современном мире // СПС Консультант плюс.
4. Комментарий к Конституции РФ (под ред. Зорькина В.Д.) // Консультант плюс.
5. Уведомление СФ ФС РФ от 27.11.2013 № СФ-6 «О Законе Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета, № 273, 04.12.2013.
6. www.rg.ru/2010/12/10/yurist.html.
7. Шайхуллин М.С. Принцип законности во взаимоотношениях адвокатуры и органов государственной власти // Евразийская адвокатура. – 2012. – Т. 1. – № 1–1 (1). С. 20–23.

References:

1. Shahraj S.M. O Konstitucii: Osnovnoj zakon kak instrument pravovyh i social'no-politicheskih preobrazovanij. – M.: Nauka, 2013. – 919 s.
2. www.garant.ru/article/483075/
3. Avak'jan S.A. Vstupitel'nyj doklad. Konstitucionnoe pravo i politika: problemy vzaimodejstvija v sovremennom mire // SPS Konsul'tant pljus.
4. Kommentarij k Konstitucii RF (pod red. Zor'kina V.D.). Konsul'tant pljus.
5. Uvedomlenie SF FS RF ot 27.11.2013 № SF-6 «O Zakone Rossijskoj Federacii o popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii «O Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii i prokurature Rossijskoj Federacii» // Rossijskaja gazeta, № 273, 04.12.2013.
6. www.rg.ru/2010/12/10/yurist.html
7. Shajhullin M.S. Princip zakonnosti vo vzaimootnoshenijah advokatury i organov gosudarstvennoj vlasti // Evrazijskaja advokatura. – 2012. – T. 1. – № 1–1 (1). S. 20–23.

Воронцова Н.Л., кандидат юридических наук, доцент,
Башкирская академия государственной службы
и управления при Президенте Республики Башкортостан

Конституционные основы правового регулирования образования в России

В докладе рассматривается возможность внесения изменений в действующее законодательство об образовании с целью повышения его уровня.

Ключевые слова: образование, право, государство, Конституция, изменения.

Vorontsova N.L., candidate of jurisprudence, associate professor,
Bashkir academy of public service and management

The constitutional bases of legal regulation of education in Russia

In article possibility of modification of the current legislation about education for the purpose of increase of its level is considered.

Keywords: education, right, state, Constitution, changes.

В данном исследовании ставятся две задачи: во-первых, показать, как реализуются конституционные положения при построении и функционировании системы образования; во-вторых, попытаться определить какие изменения назрели в конституционном регулировании права на образование.

Для решения обозначенных задач, прежде всего, является важным определить какие положения действующей Конституции имеют базовое значение для системы российского образования.

Предваряя данный материал, следует отметить, что во всех ранее действовавших конституциях присутствовали положения, имеющие прямое отношение к образованию. В Конституции РСФСР 1918 года содержалось несколько статей, относящихся к вопросам образования. Так, в статье 13 закреплялся светский характер государства в целом, следовательно, и государственного образования. Ставилась задача предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование. Таким образом, речь в Конституции РСФСР 1918 года шла о государственном и светском характере образования, его доступности, равенстве доступа к образованию [2].

Анализ положений всех последующих конституций позволяет придти к выводу, о преемственности политики государства в сфере образования. О чем свидетельствует неизменное присутствие идеи доступности и бесплатности образования. Одновременно, начиная с 1936 года, стало нормой установление требования к обязательности образования.

Исходные начала современной системы образования закреплены в первой статье действующей Конституции РФ, которая устанавливает федеративное устройство России, демократический и светский характер государства. Кроме того, безусловно, невозможно обойти вниманием положения статьи 2, признающей человека, его права и свободы высшей ценностью. Об этом в частности свидетельствует; структура законодательства об образовании, содержащая федеральный, региональный и муниципальный уровень; признание приоритета общечеловеческих ценностей в образовании; закрепление светского характера образования.

Свою подробную регламентацию применительно к сфере образования указанные положения находят в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации». Прежде всего, речь идет о содержании принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования (ст. 3). Сравнительно-правовой анализ Закона РФ «Об образовании» 1992 года и вступившего в силу 1 сентября 2013 года ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» позволяет увидеть расширение перечня принципов государственной политики в сфере образования. При этом наблюдается не только количественное расширение перечня, но и содержательное. В качестве устоявшихся принципов следует назвать: общедоступность образования, светский, демократический и гуманистический характер образования (как конституционные основы), свобода, а также единство образовательного пространства. Вновь закрепленными являются идея создания условий для интеграции российской системы образования, принцип обеспечения права на образование в течение всей жизни, принцип недопустимости ограничения или устранения конкуренции в сфере образования, а также принцип сочетания государственного и договорного регулирования отношений в сфере образования.

Непосредственной регламентации права человека на образование посвящена статья 43 Конституции РФ. Состоящая из 5 пунктов, она устанавливает равный доступ, гарантированность и обязательность образования. Таким образом, мы видим преемственность в конституционном регулировании образования. Однако, принципиальным отличием действующей Конституции РФ следует признать закрепление права на образование вне связи с гражданством РФ.

К недостаткам конституционной формулы правового регулирования системы образования возможно отнести отсутствие указания на бесплатность: а) среднего общего образования; б) начального профессионального образования.

Однако в связи с изменением федерального образовательного законодательства второй из указанных недостатков утратил свою актуальность. Это обусловлено тем, что начальное профессиональное образование на сегодняшний день не определяется как уровень профессионального образования. Его место призваны занять программы профессионального обучения (программы

профессиональной подготовки и программы повышения квалификации). Однако важно отметить, что профессиональная подготовка не сопровождается повышением образовательного уровня обучающегося [1], что не позволяет в полной мере приравнять его к начальному профессиональному образованию.

Особую актуальность вопрос гарантий бесплатного среднего общего образования приобретает в связи с тем, что еще 21 июля 2007 г. был принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с установлением обязательности общего образования», устанавливающий обязательность среднего (полного) общего образования. На сегодняшний день статья 66 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» определяет, что начальное общее, основное общее и среднее общее образование являются обязательными уровнями образования. Все сказанное требует ответа на очевидный вопрос, сложившийся в данной ситуации «Назрела ли потребность внести соответствующее изменение в статью 43 Конституции РФ?».

Возможно, подобный вопрос могут вызвать и другие изменения в законодательстве об образовании. Так Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» не использует более формулировку «образовательное учреждение» сменив ее на «образовательная организация». Такой переход обусловлен потребностью учесть положения Гражданского кодекса РФ и ФЗ «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. Иными словами осуществлен переход к общеродовому наименованию юридических лиц. Учитывая, что ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» не предусматривает включение в наименование образовательной организации общеродового названия, т. е. замену термина «учреждение» на «организацию», то следует заключить, что потребности вносить изменения в формулировку конституционных положений статьи 43 не возникает. Однако в сложившейся ситуации становится вполне очевиден тот факт, что законодатель предоставляет свободу любой организации в реализации образовательных программ, предоставлении образовательных услуг.

С другой стороны можно обнаружить, что законодатель, вводя понятие «образовательная организация», в определенной мере воспринял конституционные положения о возможности получения образования на предприятии. Согласно статье 50 ГК РФ предприятие представляет собой форму юридического лица, являющего некоммерческой организацией.

Обобщая изложенное выше можно заключить, что Конституция Российской Федерации, выступая правовой и организационной основой должна оставаться стабильным документом. Тем не менее, это не означает отсутствия возможности ее изменения, если такая потребность является необходимой и способствующей развитию общественных отношений в современном обществе.

Список использованных источников:

1. Тресков В.И. Чем отличается российское образование от оксфордского? // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 1 (2). – С. 141.
2. Шелкопляс В.А. Право на образование. – Мн.: Нар асвета, 1984. – С. 6.

References:

1. Treskov V.I. Chem otlichaetsja rossijskoe obrazovanie ot oksfordskogo? // Evrazijskaja advokatura. – 2013. – № 1 (2). – S. 141.
2. Shelkopljas V.A. Pravo na obrazovanie. – Mn.: Nar asveta, 1984. – S. 6.

Герб Р.В.,
Тюменский государственный университет

Проблема разграничения муниципальных правовых актов местной администрации по форме: практический аспект

В докладе исследуются вопросы понимания сущности распоряжения и постановления как правового акта в целом и как муниципального нормативного правового акта в частности.

Ключевые слова: распоряжение, постановление, нормативный правовой акт, местная администрация.

Gerb R.V.,
Tyumen state university

Problem of differentiation of municipal legal acts of local administration in a form: practical aspect

In article questions of understanding of essence of the order and the resolution as legal act as a whole and as municipal regulatory legal act in particular are investigated.

Keywords: order, resolution, regulatory legal act, local administration.

В Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» четко не определяется юридический термин «распоряжение» в значении муниципального правового акта, вследствие чего у большинства разработчиков муниципальных правовых актов отсутствует понимание природы распоряжения как правового акта, что на практике зачастую влечет издание по одному и тому же предмету то распоряжений, то постановлений в зависимости от усмотрения

конкретного исполнителя, не говоря уже о дискуссиях в процессе формирования такого усмотрения.

Например, такой вид муниципального правового акта, как административный регламент предоставления муниципальной услуги в городе Ялуторовске принят в виде распоряжения, в Тюменском муниципальном районе и городе Ханты – Мансийске в виде постановления, а в Юргинском муниципальном районе в виде решения Думы.

Дело в том, что в уставах муниципальных образований и в регламентах деятельности органов местного самоуправления разных муниципальных образований закладываются разные критерии отграничения распоряжений от постановлений, например, Уставом муниципального образования Тюменский муниципальный район, Уставом городского округа город Тюмень, Уставом города Ханты – Мансийска установлено, что постановления издаются по вопросам местного значения и вопросам, связанным с осуществлением отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами Тюменской области, а распоряжения издаются по вопросам организации работы администрации.

Согласно Уставу Сургутского района постановления издаются по вопросам местного значения и вопросам, связанным с осуществлением отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления, а распоряжения администрации издаются по иным вопросам, в том числе по вопросам организации деятельности администрации. Таким образом, Уставом Сургутского района предусматривается издание распоряжений по всем вопросам, за исключением вопросов местного значения и вопросов, связанных с осуществлением отдельных государственных полномочий, включая вопросы, правовая природа которых выходит за пределы постановлений и в то же время не является вопросом организации деятельности администрации. В администрации города Тюмени, согласно распоряжению Администрации города Тюмени от 03.02.2011 № 163 нормативными правовыми актами администрации являются постановления, а правовыми актами – распоряжения.

Таким образом, «приоритетным» подходом является наделение постановлений признаками нормативности и, соответственно, в отсутствие этих признаков – издание распоряжений, что является не совсем обоснованным. В этом контексте видится целесообразным и уточнение норм Конституции РФ регулирующих местное самоуправление [1]с учетом исторических и иных местных традиций [2].

Вместе с тем, в соответствии с частью 6 статьи 43 Федерального закона № 131-ФЗ, постановления и распоряжения местной администрации разграничиваются по предмету регулирования: постановления издаются по вопросам местного значения и вопросам, связанным с осуществлением отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления, а распоряжения – по вопросам организации работы местной администрации.

При совмещении двух указанных критериев на практике зачастую возникает проблемная ситуация: в какую форму облачить акт местной администрации, если налицо все признаки нормативности, но предмет регулирования – внутренняя деятельность исполнительно-распорядительного органа.

На основании правового анализа муниципальных правовых актов, проведенного с точки зрения науки муниципального права, можно сделать вывод о том, что распоряжения исполнительно – распорядительного органа местного самоуправления могут, вопреки сложившейся практике, носить нормативный характер. В следствие чего, видится обоснованным предложение об изложении в новой редакции части 6 статьи 43 Федерального закона от 6.10.2003 № 131-ФЗ: «6. Глава местной администрации в пределах своих полномочий, установленных федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации, уставом муниципального образования, нормативными правовыми актами представительного органа муниципального образования, издает постановления местной администрации по вопросам местного значения и вопросам, связанным с осуществлением отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, а также распоряжения местной администрации по вопросам организации работы местной администрации и иным вопросам, не связанным с реализацией полномочий по решению вопросов местного значения и осуществлением отдельных государственных полномочий».

Законодательное закрепление такого подхода поможет устранить пробел в законодательстве, при котором муниципальные нормотворцы вынуждены на свое усмотрение принимать то постановления, то распоряжения исполнительно – распорядительного органа местного самоуправления по вопросам, предмет которых не относится к вопросам местного значения и вопросам, связанным с осуществлением отдельных государственных полномочий и выходит за пределы организации работы местной администрации (распоряжение), а также упорядочить систему муниципальных правовых актов муниципального образования.

Список использованной литературы

1. Михеев Д.С. Гласность в местном самоуправлении через призму конституционных положений // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 4 (5). – С. 83.

2. Курамшина А.М., Шайхуллин М.С. Полномочия муниципальных органов власти в области связи: учет местных традиций и правовое регулирование // Евразийский юридический журнал. – 2007. – № 2. – С. 5–9.

References:

1. Miheev D.S. Glasnost' v mestnom samoupravlenii cherez prizmu konstitucionnyh polozhenij // Evrazijskaja advokatura. – 2013. – № 4 (5). – S. 83.
2. Kuramshina A.M., Shajhullin M.S. Polnomochija municipal'nyh organov vlasti v oblasti svjazi: uchet mestnyh tradicij i pravovoe regulirovanie // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. – 2007. – № 2. – S. 5–9.

Гречкина О.В., доктор юридических наук, профессор,
Южно-Уральский государственный университет

Тенденции формирования административной судебной юрисдикции в России на современном этапе

В докладе проведен анализ законодательства, регламентирующего порядок осуществления административной судебной юрисдикции, осуществляемой в порядке административного судопроизводства.

Ключевые слова: административная судебная юрисдикция, административное судопроизводство, Кодекс административного судопроизводства.

Grechkina O.V., doctor of jurisprudence, professor,
Southern Ural state university

Tendencies of formation of administrative judicial jurisdiction in Russia at the present stage

In article the analysis of the legislation regulating a procedure of administrative judicial jurisdiction, carried out as administrative legal proceedings is carried out.

Keywords: administrative judicial jurisdiction, administrative legal proceedings, Code of administrative legal proceedings.

В юридической литературе высказаны различные суждения о видах административной юрисдикции. К примеру, существует мнение о том, что административную юрисдикцию следует рассматривать как вид административно-процессуальной деятельности, осуществляемой во внесудебном либо судебном порядке с целью рассмотрения и разрешения административно-правовых споров и применения административно-принудительных мер [4]. Однако в данном случае ссылки на единую процедуру рассмотрения дел провоцируют подмену понятий. Представляется, что такая точка зрения обусловлена исключительно изменениями современного законодательства об административных правонарушениях, которые внесли свои коррективы при определении данной категории.

Действительно, редчайшей особенностью в настоящее время является то, что суды общей юрисдикции и мировые судьи, так же как и несудебные административные органы, руководствуются при рассмотрении дел об административных правонарушениях одними и теми же нормами Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Включение в действующее законодательство об административных правонарушениях норм, идентично регламентирующих процессуальную деятельность как несудебных административных органов, так и судебных, является новеллой современного административного законодательства. Мы не встретим такой интерпретации в традиционных отраслях права, например, в Уголовно-процессуальном кодексе, в котором отдельно регламентировано досудебное и судебное производство.

На наш взгляд, следует разграничивать категории «административная юрисдикция» и «административная судебная юрисдикция» и при этом в качестве критерия следует использовать не единство процедуры рассмотрения, а характеристику органа, рассматривающего дело. Суды, применяя нормы административно-процессуального права, осуществляют административную судебную юрисдикцию, а, соответственно, административные органы – административную несудебную юрисдикцию [2].

Административная судебная юрисдикция осуществляется в порядке административного судопроизводства, она является составной частью правосудия, а не административной или «квазиадминистративной» деятельности [5]. В силу конституционного принципа разделения властей и самостоятельности судебной власти и, основываясь на положении ст. 18 Конституции Российской Федерации о том, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл и содержание деятельности законодательной и исполнительной власти и обеспечиваются правосудием, судья при рассмотрении административных дел должен ориентироваться на судебные механизмы административного разбирательства. Рассмотрение дел судьями должно содержать иные (по сравнению с административными органами) требования к роли и полномочиям суда, порядку представления и исследования доказательств, состязательности процесса, пределам судебного разбирательства и др.

В настоящее время административное судопроизводство осуществляется по правилам нескольких нормативных актов: Закона Российской Федерации «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан», ГПК РФ и АПК РФ. В целом регулирование этого вопроса носит несистемный, отрывочный характер, поскольку установлен не административный, а гражданско-процессуальный порядок защиты нарушенных прав и свобод.

Следует заметить, что процессуальные кодексы включают в себя главы под названием, например, «Производство в арбитражном суде первой инстанции по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений» (АПК РФ), «Производство по делам, возникающим из публичных пра-

воотношений» (ГПК РФ). Такая позиция законодателя, когда в одном законе смешиваются два вида судопроизводства (арбитражное и административное, гражданское и административное), по меньшей мере, вызывает возражения. Пожалуй, прав А.А. Демин, отмечая, что «ситуация, когда Гражданский кодекс Российской Федерации, претендующий на высокую демократичность, включил в себя вопросы, типично решаемые властным путем, показывает, что законодатели не признают в необходимой мере сущностную разницу между отраслями права, не могут применить на практике метод правового регулирования для надлежащего распределения правовой материи по отраслям законодательства» [1]. Также следует поддержать В.Н. Кузнецова, что было бы нелогично, если бы одну и ту же норму Гражданского кодекса РФ суды общей юрисдикции и арбитражные суды толковали и применяли бы по-разному [3].

Для того чтобы административное судопроизводство развивалось в России более широко необходимо скорейшее принятие Кодекса административного судопроизводства. Проект такого Кодекса 21 мая 2013 г. внесен в Государственную Думу. Как ряд норм Кодекса РФ об административных правонарушениях и других федеральных законов, нормы Кодекса административного судопроизводства войдут в систему норм нового и очень демократичного института административного процесса – института административного судопроизводства. Можно предположить, что развитие этого института со временем повлечет появление новой отрасли процессуального права: административно-судебного права. И это будет шагом к тому, чтобы все четыре названных Конституцией Российской Федерации вида судопроизводства регулировались специальными процессуальными отраслями российского права.

Согласимся с мнением М.В. Чепурных, утверждавшим, что законодательное закрепление содержания административного судопроизводства возможно только при объединении его процессуальных норм, содержащихся в многочисленных нормативных правовых актах, в единый системообразующий закон [6].

Однако предложенная законодателем модель административного судопроизводства, на наш взгляд, неоправданно исключает категории дел об административных правонарушениях. Можно говорить, что включение данной категории дел повлечет увеличение объема Кодекса, но как представляется это не вызовет проблем правоприменения. Напротив полноценный закон будет учитывать все многообразие и особенности разрешаемых судами административных дел, возникающих из административных правоотношений.

Список использованных источников:

1. Демин А.А. Проблемы методов правового регулирования / Сборник статей: Административное право и административный процесс: актуальные проблемы. – М.: Юристъ, 2004. – С. 104–127.

2. Женетль С.З. Административный процесс и административные процедуры в условиях административной реформы: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М., 2009. – С. 9.

3. Кузнецов В.Н. О толковании высшими судебными инстанциями статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации и противоречивой судебной практике арбитражных судов и судов общей юрисдикции по ее применению // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 1 (2). – С. 105.

4. Тимошенко И.В. Административная ответственность: учеб. пособие. – М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2004. – С. 140.

5. Хазанов С.Д. Административно-деликтное судопроизводство в свете новых процессуальных кодексов // Актуальные вопросы административно-деликтного права: материалы междунар. науч. – практ. конф., посвященной 70-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессора А.П. Шергина. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. – С. 177.

6. Чепурных М.В. К вопросу о понятии и структуре административного судопроизводства // Административное и муниципальное право. – 2009. – № 5.

References:

1. Demin A.A. Problemy metodov pravovogo regulirovanija / Sbornik statej: Administrativnoe pravo i administrativnyj process: aktual'nye problemy. – M.: Jurist#, 2004. – S. 104–127.

2. Zhenetl' S.Z. Administrativnyj process i administrativnye procedury v uslovijah administrativnoj reformy: Avtoref. dis. … dokt. jurid. nauk. – M., 2009. – S. 9.

3. Kuznecov V.N. O tolkovanii vysshimi sudebnymi instancijami stat'i 333 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii i protivorechivoj sudebnoj praktike arbitrazhnyh sudov i sudov obshhej jurisdikcii po ee primeneniju // Evrazijskaja advokatura. – 2013. – № 1 (2). – S. 105.

4. Timoshenko I.V. Administrativnaja otvetstvennost': ucheb. posobie. – M.: IKC «MarT»; Rostov n/D: Izdatel'skij centr «MarT», 2004. – S. 140.

5. Hazanov S.D. Administrativno-deliktnoe sudoproizvodstvo v svete novyh processual'nyh kodeksov // Aktual'nye voprosy administrativno-deliktnogo prava: materialy mezhdunar. nauch. – prakt. konf., posvjashhennoj 70-letiju Zasluzhennogo dejatelja nauki Rossijskoj Federacii, doktor juridicheskih nauk, professora A.P. Shergina. – M.: VNII MVD Rossii, 2005. – S. 177.

6. Chepurnyh M.V. K voprosu o ponjatii i strukture administrativnogo sudoproizvodstva // Administrativnoe i municipal'noe pravo. – 2009. – № 5.

Джафарова Д.Д.,
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Некоторые аспекты реализации конституционного права на высшее образование в Российской Федерации

В докладе рассмотрены способы реализации права на высшее образование в свете нового ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Ключевые слова: высшее образование, право на высшее образование.

Dzhafarova D.D.,
Kazan (Volga) federal university

Some aspects of realization of a constitutional law on the higher education in the Russian Federation

In the present article ways of realization of the right for the higher education in the light of new Federal Law «About Education in the Russian Federation» are considered.

Keywords: the higher education, right for the higher education.

Основным законом Российской Федерации гарантировано право каждого на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственных и муниципальных учреждениях и на предприятиях. Как отмечается в литературе, конституционные положения о правах и свободах человека и гражданина, их прирожденном и неотчуждаемом характере имеют определяющее значение для всего процесса формирования в России гражданского общества [2]. Вместе с тем, отдельные нормы Конституции РФ, касающиеся основных прав и свобод человека и гражданина, нуждаются в конкретизации [3].

Так, долгое время отсутствует единая позиция о том, что представляет собой «предприятие» в контексте ч. 3 ст. 43 Конституции РФ. Существует точка зрения, согласно которой предоставление высшего образования бесплатно на предприятии воспринимается как доступ к бесплатному образованию в образовательной организации высшего образования (далее – образовательная организация ВО), учредителем которой является предприятие, либо, если последнее организует обучение граждан за свой счет в какой-либо иной образовательной организаций ВО. При этом право работника на высшее образование на бесплатной для него основе обязывает предприятие обеспечить реализацию работником этой конституционной гарантии, если тот изъявит такое желание [1].

Здесь следует отметить существующую среди цивилистов дискуссию о сущности предприятия. В данной трактовке очевидно восприятие «предприятия» в качестве субъекта права (ст. 113–115 Гражданского кодекса РФ). В связи с этим безоговорочно согласиться с приведенным тезисом сложно. Правомочия такой организации по распоряжению чистой прибылью, оставшейся после уплаты установленных законом налогов и других обязательных платежей и перечислений в бюджет собственника (средствами, зачисленными в специальные фонды) жестко регламентированы. В первую очередь, унитарное предприятие создает резервный фонд для покрытия убытков унитарного предприятия, который не может быть использован в иных целях. Унитарное предприятие вправе формировать и другие фонды, за счет средств которых могут быть покрыты, в том числе, расходы на обучение и повышение квали-

фикации работников организации. Трудовой кодекс РФ устанавливает, что необходимость подготовки работников (профессиональное образование и профессиональное обучение) и дополнительного профессионального образования для собственных нужд определяет работодатель, что не умаляет права работника на подготовку и дополнительное профессиональное образование.

Таким образом, право работника на высшее образование может быть реализовано в рассматриваемом случае тогда, когда полученная им квалификация экономически выгодна работодателю.

Согласно Федеральному закону от 29 декабря 2013 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – ФЗ), реализовать право на высшее образование возможно за счет средств федерального бюджета, бюджета субъекта РФ или местного бюджета (ст. 100-ФЗ), а также за счет средств физических и юридических лиц (ст. 101-ФЗ). В рамках обучения за счет средств соответствующего бюджета образовательная организация ВО вправе проводить целевой прием, в рамках установленной учредителем квоты целевого приема для получения высшего образования (ст. 56). Важно также отметить, что новый закон также как прежде позволяет реализовать право на высшее образование бесплатно в негосударственных образовательных организациях ВО, которым были установлены контрольные цифры приема (ст. 100-ФЗ).

Реализация конституционного права на высшее образование осуществляется посредством возникновения образовательных отношений. В конечном счете, рассматриваемое право может быть использовано следующими способами.

Во-первых, образовательные отношения могут возникнуть при приеме лица в образовательную организацию ВО в качестве обучающегося за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов на конкурсной основе самостоятельно.

Во-вторых, аналогично образовательные отношения могут возникнуть и в рамках целевого приема (ст. 56). Преимуществом данного способа является гарантированность последующего трудоустройства после окончания обучения в соответствии с полученной квалификацией.

В-третьих, образовательные отношения могут возникнуть при поступлении лица в образовательную организацию ВО для получения образования рассматриваемого уровня за счет средств физических и юридических лиц (традиционная оплата обучения) (ст. 101-ФЗ). Поскольку институт целевого приема исключает участие значительного круга коммерческих организаций, рассматриваемый способ может быть использован ими по аналогии с целевым приемом (например, в части заключения договора с гражданином). Кроме того, за счёт средств организации-работодателя осуществляется обучение и при использовании ученического договора (ст. ст. 198–208 ТК РФ). Законом также предусмотрен и специальный вид кредита для физических лиц – образовательный кредит, позволяющий лицу на возвратной основе привлечь

денежные средства для оплаты стоимости обучения. Выделение такой разновидности обусловлено, главным образом, целевым назначением кредита, а также наличием государственной поддержки образовательного кредитования граждан, обучающихся по основным профессиональным образовательным программам.

Сказанное позволяет сделать вывод о развитии способов использования и механизма реализации права на высшее образование в целом по сравнению с ранее действующими нормативными правовыми актами, что соответствует гарантиям, закрепленным в Конституции России.

Список использованных источников:

1. Бриллиантова Н.А., Архипов В.В. Получение платного и бесплатного профессионального образования: проблемы и пути их преодоления // Законодательство и экономика. – 2008. – № 9. – С. 14–33.
2. Грудцына Л.Ю. Государство и гражданское общество. Монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. С.М. Петрова. – М.: Юркомпани, 2010. – 464 с. – (Серия «Актуальные юридические исследования»). – С. 64.
3. Чернобель Г.Т. Конституция и её конкретизация // Журнал российского права. – 2013. – № 3. – С. 50–62.

References:

1. Brilliantova N.A., Arhipov V.V. Poluchenie platnogo i besplatnogo professional'nogo obrazovanija: problemy i puti ih preodolenija // Zakonodatel'stvo i jekonomika. – 2008. – № 9. – S. 14–33.
2. Grudcyna L.Ju. Gosudarstvo i grazhdanskoe obshhestvo. Monografija / pod red. dokt. jurid. nauk, prof. S.M. Petrova. – M.: Jurkompani, 2010. – 464 s. – (Serija «Aktual'nye juridicheskie issledovanija»). – S. 64.
3. Chernobel' G.T. Konstitucija i ejo konkretizacija // Zhurnal rossijskogo prava. – 2013. – № 3. – S. 50–62.

Жангуттинова Д.М., кандидат юридических наук,
Казахский гуманитарно-юридический университет

К вопросу о прецеденте толкования в теории права

Доклад посвящен вопросам судебной практики, а именно формам выражения судебной практики во вне. В контексте данного вопроса в статье особо рассматривается вопрос прецедента толкования.

Ключевые слова: прецедент толкования, судебная практика, руководящие разъяснения, правоположения.

Zhanguttinova D.M., candidate of jurisprudence,
Kazakh Humanitarian and Legal University

To a question of interpretation precedent in the right theory

This article is devoted to jurisprudence questions, namely forms of expression of jurisprudence in out of. In a matter context in article the question of precedent of interpretation is especially considered.

Keywords: interpretation precedent, jurisprudence, leading explanations, right provisions.

Если в советском государстве на первое место выдвигался закон, то это не означает, что закон везде и всегда будет единственным и преимущественным источником права, самой подходящей формой выражения права.

Стоит отметить, что не все формы выражения права отражают одно и то же содержание с одинаковой силой. Воля законодателя может быть выражена в достаточно категорической и решительной форме, например как в законе, или в менее категоричной или, если так можно сказать, менее отчетливых формах, например обычай или судебная практика. Но все же, не стоит преуменьшать или недооценивать роль судебной практики в юриспруденции. Сила судебной практики в значительной степени зависит от ее убедительности, от авторитета тех положений, которые она вырабатывает.

По мнению С.Н. Братуся, следует различать судебную практику, объективированную в руководящих разъяснениях пленума Верховного суда и принципиальных решениях по конкретным делам судов разных уровней (решение здесь понимается в широком смысле слова как постановление, определение и т. д.) [1]. Эти способы, как отмечает автор, тесно взаимосвязаны. Например, руководящие разъяснения не только базируются на принципиальных решениях по конкретным делам, но и различаются между собой как по уровню конкретизации правовых норм и по степени обязательности, так и по другим признакам.

Руководящие разъяснения, по его мнению, – это обобщенная судебная практика, это учет, как правило, правоположений, сложившихся в ходе применения правовых норм по многим делам. Что касается решений по принципиальным конкретным делам, то они имеют важное значение для обеспечения единства и законности судебной практики. Эти принципиальные решения выступают как своеобразные прецеденты судебного толкования правовой нормы.

При этом мы позволим себе не согласиться с мнением С.Н. Братуся, что принципиальное решение по конкретному делу суда любого уровня может быть одной из форм судебной практики. На наш взгляд, правильным будет признавать в качестве формы судебной практики – решения по конкретным

делам, принимаемые Верховным судом Республики Казахстан. Данные решения, имея в себе принципиальное обоснование, в силу своей убедительности приобретают характер примера правильного понимания и применения закона. В данных решениях находят отражение вопросы, которые, по сути, присущи многим аналогичным делам. Несмотря на это, суды напрямую не ссылаются на решения Верховного суда по конкретным делам, но факт опубликования извлечений из решений, принятых судебными коллегиями Верховного суда по конкретным делам в «Бюллетене Верховного суда Республики Казахстан», преследует цель выработки единой линии поведения судей при решении аналогичных вопросов.

На понятии прецедента толкования следует остановиться более подробно. Данное понятие впервые было озвучено А.Б. Венгеровым и далее поддержано и развито в работах С.Н. Братуся, Н.Н. Вопленко и многих других авторов советского периода.

По мнению А.Б. Венгерова основное отличие такого прецедента от судебного в том, что «судебный прецедент ведет к созданию судами новой правовой нормы, что, как известно, исключено в советской правовой системе, тогда как прецедент толкования связан с разъяснением уже существующей нормы права, с выработкой определенного, устоявшегося положения о применении нормы права по аналогичным делам» [2]. Включение прецедента толкования в процесс правового регулирования происходит из-за того, что единожды выработанное положение о толковании и применении нормы права становится общеизвестным, учитывается судами при разрешении уголовных и гражданских дел, способствует улучшению судебной деятельности [3].

Прецедент толкования, представляя собой положение о применении нормы права, по мнению А.Б. Венгерова, является одной из форм судебной практики.

В работе Н.Н. Вопленко прецедент толкования определяется как результат казуального толкования, подлежащий применению при разрешении конкретного правоприменительного дела правовой нормы [3].

Прецедент толкования способствует раскрытию смыслового значения правовой нормы, ее конкретизации и детализации в процессе неоднократного применения нормы по аналогичным делам. Прецедент толкования является примером правильного применения нормы права. Прецедент толкования обладает такими признаками, как убедительность, информационность, общеизвестность, устойчивость. В связи с чем учитывается в судебной деятельности при применении нормы права.

Толкование, осуществляемое судами, имеет разные формы и степени обязательности для нижестоящих судов. Не всякое решение по конкретному делу может быть прецедентом толкования. Данное толкование должно быть осуществлено в рамках закона, выражать весь смысл, который в него вкладывал законодатель.

В правовой литературе встречаются мнения, что прецедент толкования содержится в судебных постановлениях по проверке уже вынесенных по первой инстанции решений, приговоров, определений и др. Мы придерживаемся мнения, что прецедент толкования не может быть сформирован решением или иным актом суда первой инстанции, так как в последующем данное решение может быть отменено или изменено в порядке надзора вышестоящим судом.

А.Б. Венгеров же, в свою очередь, выделяет несколько условий для того, чтобы решение получило характер прецедента толкования: во-первых, толкование должно производиться в рамках закона, соответствовать смыслу закона; во-вторых, прецедентный характер такое толкование приобретает в случае неоднократного применения по аналогичным делам, когда судебная практика воспринимает это толкование, и оно получает проверенный и устоявшийся характер; в-третьих, прецедент толкования представляет собой положение по применению нормы, для этого чрезвычайно важно, чтобы прецедент получил внешнее выражение, то есть был опубликован [2].

Публикация постановлений высших судебных органов по принципиальным делам производится в различных юридических сборниках, бюллетенях и т. д., согласно установившейся традиции эти публикации снабжаются заголовками, отражающими суть решения. Соответственно неточности и ошибки в подобных сборниках являются недопустимыми, так как могут привести к ошибочной судебной практике.

Примерами принципиальных вопросов, при решении которых могут возникнуть прецеденты толкования – могут быть вопросы правильной квалификации определенных видов преступной деятельности, избрание наиболее целесообразной меры наказания и т. д.

Термин «прецедент толкования» тесно связан с понятием аналогичного дела. Каждое, будь то уголовное или гражданское дело, имеет свои конкретные особенности. Но вместе с тем, в каждой группе дел есть свои общие особенности или признаки, которые предоставляют возможность говорить об аналогичном деле. Данное сходство позволяет нам учитывать предыдущие решения для решения последующих возникающих аналогичных дел.

Список использованных источников:

1. Братусь С.Н. Судебная практика в советской правовой системе. – М.: Юридическая литература, 1975.

2. Венгеров А.Б. О прецеденте толкования правовой нормы // Ученые записки ВНИИСЗ. – М., 1966. – С. 3–19.

3. Вопленко Н.Н. Рожнов А.П. Правоприменительная практика: понятия и основные черты и функции. – Волгоград.: ВолГу, 2004.

References:

1. Bratus' S.N. Sudebnaja praktika v sovetskoj pravovoj sisteme. – M.: Juridi-cheskaja literatura, 1975.
2. Vengerov A.B. O precedente tolkovanija pravovoj normy // Uchenye zapiski VNIISZ. – M., 1966. – S. 3–19.
3. Voplenko N.N. Rozhnov A.P. Pravoprimenitel'naja praktika: ponjatija i osnovnye cherty i funkcii. – Volgograd.: VolGu, 2004.

Зарипова Г.Б.,
Башкирский государственный университет

Нормирование в области обращения с отходами производства и потребления

В докладе на основе анализа нормативно-правовых актов и юридической литературы расссмотрен вопрос о нормировании в области обращения с отходами производства и потребления.

Ключевые слова: нормирование, отходы, производство, потребление.

Zaripova G.B.,
Bashkir state university

Rationing in the field of the address with production wastes and consumption

In article on the basis of the analysis of normative legal acts and yuriichesky literature the question of a normatirovaniye in the field of the address with production wastes and consumption is considered.

Keywords: rationing, waste, production, consumption.

Большинство экспертов отмечает, что в нашей стране нормативно-правовое регулирование в области обращения с отходами производства и потребления не соответствует современным экономическим условиям развития промышленного производства. Нормативно-правовые акты, регламентирующие обращение с отходами в России можно классифицировать на следующие группы: 1) федеральные законы, кодексы, постановления Правительства; 2) санитарные нормы и правила; 3) строительные нормы и правила; 4) стандарты и технические условия; 5) нормы и правила по обращению с опасными веществами и по работе на опасных объектах.

Основным законодательным актом в рассматриваемой области является Федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления», который определяет цели и основные принципы государствен-

ной политики в области обращения с отходами, а также правовые основы нормирования, государственного учета и отчетности в области обращения с отходами, правовые основы экологического контроля. Некоторые виды деятельности, связанной с отходами подлежат лицензированию в соответствии с Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности». Федеральный закон от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха», регламентирует нормирование воздействия на атмосферный воздух вредных отходов производства и потребления. В ст. 13 Земельного кодекса установлена обязанность для всех землепользователей защищать земли от захламления отходами производства и потребления. Федеральным законом от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» устанавливаются санитарные требования к сбору, использованию, обезвреживанию, транспортировке, хранению и захоронению отходов производства и потребления.

Так как в рамках настоящей статьи проводить анализ всего законодательства не представляется возможным, перечислим наиболее значимые нормативные акты: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»; закон РФ «О недрах»; Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании»; Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»; Водный кодекс Российской Федерации, Лесной кодекс Российской Федерации; Постановление Правительства РФ от 24 июля 2000 г. № 554 «Об утверждении Положения о Государственной санитарно-эпидемиологической службе Российской Федерации»; Приказ Ростехнадзора от 19 октября 2007 г. № 703 «Об утверждении методических указаний по разработке проектов нормативов образования отходов и лимитов на их размещением». Захоронение токсичных промышленных отходов I, II и III классов опасности допускается только на полигонах токсичных отходов, удовлетворяющих требованиям СНиП 2.01.28-85 «Полигоны по обезвреживанию и захоронению токсичных отходов. Основные положения по проектированию».

По инициативе Совета Федерации Федерального Собрания РФ ведется разработка проекта федерального закона «Об обращении с отходами производства и потребления и вторичными ресурсами». Вместе с тем, данный законопроект содержит множество недостатков: 1) стимулируется захоронение отходов на полигонах; 2) в законопроекте нет норм о применении новых технологий и обеспечении стимулирования их внедрения в области обращения с отходами; 3) не решен вопрос с возможностью раздельного сбора отходов и вторичных ресурсов. Таким образом, указанный Законопроект не решает проблем, связанных с обеспечением гармоничного сочетания интересов хозяйствующих субъектов и физических лиц, участвующих в производственной деятельности, с интересами общества в целом, без нанесения ущерба окружающей среде.

Нормирование в области обращения с отходами производства и потребления тесно связано с платежами за их размещение. Однако согласно арбитражной практике, плату за негативное воздействие на окружающую среду в части размещения отходов вносят не предприятия, в результате деятельности которых образуются отходы, а те организации, которые размещают отходы.

В результате вынесения Высшим Арбитражным Судом РФ ряда решений нижестоящие арбитражные суды начали отказывать Росприроднадзору во взыскании платы за размещение отходов с природопользователей, в деятельности которых такие отходы образуются и передаются для размещения третьим лицам. Это привело к тому, что предприятия, которые раньше исправно платили за размещение отходов в федеральный бюджет принялись пытаться взыскать внесенные экологические платежи за последние три года. В свою очередь Росприроднадзор начал в судебном порядке взыскивать соответствующие платежи за три последних года с владельцев объектов размещения отходов. Сложившаяся ситуация не является повсеместно распространенной по стране, но прецедент создан, и крайними в данном случае остаются полигоны размещения отходов, поскольку собственники полигонов не закладывали финансовые средства в свои бизнес-планы при реализации проектов.

В заключение, хотелось бы отметить, что нормативно-правовая база нормирования в области обращения с отходами производства и потребления давно нуждается в обновлении. Сокращение количества плательщиков и аккумулирование экологических платежей в лице компаний, принимающих отходы на размещение позволит сделать процесс контроля за количеством вредных отходов платежей более прозрачным и эффективным.

Список использованных источников:

1. Егизаров В. А. Охрана окружающей среды при обращении с отходами: новое в теории экологического права // Аграрное и земельное право. – 2011. – № 4 (76). – С. 45–48.
2. Кичигин Н. В. Новые подходы к построению системы государственного регулирования в области обращения с отходами // Законодательство и экономика. – 2013. – № 2. – С. 60–64.
3. Ковшов В. П., Макаров Е. Т., Кирюшин А. В. Мировой опыт государственного регулирования переработки и утилизации отходов производства и потребления // Материалы круглого стола «Правовое обеспечение экологической безопасности в субъектах Российской Федерации». – М.: Юрлитинформ, 2010. – С. 62–67.
4. Шайхуллин М.С. Муниципальные образования как участники земельных правоотношений: проблемы правового и организационного регулирования. Издательство РИО БашГУ, Уфа. – 2007.
5. Шайхуллин М.С. Местное самоуправление в Российской Федерации. Учебное пособие. Издательство: РИЦ БашГУ, Уфа. – 2008.
6. Шайхуллин М.С. Особенности муниципально-хозяйственного сектора на современном этапе развития муниципальных образований в Республике Башкортостан.

Проблемы публичного права (Идель-Уральские правовые чтения. Межвузовский сборник. Выпуск 4. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008.

References:

1. Egizarov V.A. Ohrana okruzhajushhej sredy pri obrashhenii s othodami: novoe v teorii jekologicheskogo prava // Agrarnoe i zemel'noe pravo. – 2011. – № 4 (76). – S. 45–48.
2. Kichigin N.V. Novye podhody k postroeniju sistemy gosudarstvennogo regulirovanija v oblasti obrashhenija s othodami // Zakonodatel'stvo i jekonomika. – 2013. – № 2. – S. 60–64.
3. Kovshov V.P., Makarov E.T., Kirjushin A.V. Mirovoj opyt gosudarstvennogo regulirovanija pererabotki i utilizacii othodov proizvodstva i potreblenija // Materialy kruglogo stola «Pravovoe obespechenie jekologicheskoj bezopasnosti v sub#ektah Rossijskoj Federacii». – M.: Jurlitinform, 2010. – S. 62–67.
4. Shajhullin M.S. Municipal'nye obrazovanija kak uchastniki zemel'nyh pravootnoshenij: problemy pravovogo i organizacionnogo regulirovanija. Izdatel'stvo RIO BashGU, Ufa. – 2007.
5. Shajhullin M.S. Mestnoe samoupravlenie v Rossijskoj Federacii. Uchebnoe posobie. Izdatel'stvo: RIC BashGU, Ufa. – 2008.
6. Shajhullin M.S. Osobennosti municipal'no-hozjajstvennogo sektora na sovremennom jetape razvitija municipal'nyh obrazovanij v Respublike Bashkortostan. Problemy publichnogo prava (Idel'-Ural'skie pravovye chtenija. Mezhvuzovskij sbornik. Vypusk 4. – Ufa: RIC BashGU, 2008.

Зарипова Г.Б.,
Башкирский государственный университет

Некоторые пути совершенствования законодательства в области обращения с отходами производства и потребления

В докладе на основе анализа нормативно-правовых актов рассмотрены пути совершенствования законодательства в области обращения с отходами производства и потребления.

Ключевые слова: законодательство, отходы, производство, потребление.

Zaripova G.B.,
Bashkir state university

Some ways of improvement of the legislation in the field of the address with production wastes and consumption

In article on the basis of the analysis of normative legal acts ways of improvement of the legislation in the field of the address with production and consumption waste are considered.

Keywords: legislation, waste, production, consumption.

Правовое обеспечение в области обращения с отходами, по мнению большинства специалистов, не соответствует современным условиям развития экономики и промышленности [2]. Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» содержит неполный и нераскрытый понятийный аппарат – это касается как статьи 1 закона, так и последующих. В данном нормативном акте не закреплены некоторые международные нормы (в частности, нормы Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением), такие как обеспечение приоритета утилизации отходов над их размещением, принцип ответственности производителей за утилизацию их продукции в конце жизненного цикла, применение наилучших существующих технологий в области обращения с отходами, использование новейших научно-технических достижений в целях реализации малоотходных и безотходных технологий и другие [1]. Таким образом, современная российская нормативно-правовая база не позволяет в достаточной степени стимулировать физических и юридических лиц, занятых в сфере обращения с отходами к добросовестному исполнению возложенных на них обязанностей.

Данные проблемы усугубляются еще и тем, что в Российской Федерации практически отсутствует государственная поддержка юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [3,4], осуществляющих внедрение малоотходных технологий, использующих отходы в своей деятельности, осуществляющих уменьшение образования отходов, их сбор, сортировку, утилизацию, использование в качестве вторичных материальных и энергетических ресурсов.

Обращаясь непосредственно к теме настоящей статьи, следует выделить следующие проблемы:

1. Бюджетным кодексом Российской Федерации не предусмотрено перераспределение платежей между бюджетами субъектов Российской Федерации в случае несовпадения мест образования и размещения отходов производства и потребления.

2. Действующая система лицензирования в области обращения с отходами предусматривает, что при внедрении новой технологии по использованию и обезвреживанию отходов организация должна получать новую лицензию.

3. В Российской Федерации ответственность за решение проблемы обращения с отходами передана на уровень местного самоуправления, что резко обострило экологическую ситуацию, по причине отсутствия необходимых финансовых возможностей у органов местной власти.

Для решения обозначенных выше проблем возможно пойти по следующему пути совершенствования нормативно-правовых актов Российской Федерации и ее субъектов:

Во-первых, принять либо в форме отдельного законодательного акта, либо в виде соответствующих поправок в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» нормы о цикле упаковок товаров для потребления (в Германии стоимость стеклянной тары составляет около 50 % от цены напит-

ков, и тара принимается в любой торговой организации, в Российской Федерации большинство стеклянной и пластиковой тары поступает в общие мусорные контейнеры и не подлежит переработке, образуя огромную мусорную массу на общих полигонах твердых бытовых отходов). Удачные эксперименты в большинстве районов города Уфы свидетельствуют о том, что граждане готовы к сортировке твердых бытовых отходов и осознают проблему (необходимость в отдельных контейнерах для пластиковых отходов).

Во-вторых, необходимо разработать и внести в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации законопроекты, предусматривающие внесение изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации в части установления налоговых и иных льгот для предприятий, занимающихся утилизацией отходов, внедряющих малоотходные и ресурсосберегающие технологии и наилучшие существующие технологии в области обращения с отходами. Более того, для данных предприятий ставка всех налогов на 10 лет с момента их регистрации должна быть равна нулю.

В-третьих, внести изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части увеличения размера налагаемого взыскания за несанкционированное размещение отходов и их открытое сжигание не менее, чем в 10 раз.

В-четвертых, как на федеральном, так и на региональном уровнях необходимо обеспечить экономическое стимулирование деятельности по сбору, сортировке, переработке и использованию отходов в качестве вторичного сырья и энергоносителей, посредством таких инструментов, как государственный (муниципальный) заказ на продукцию из вторичного сырья.

В-пятых, так как на практике контролировать рядовых потребителей (имеются в виду граждане, а зачастую и юридические лица) на предмет надлежащей утилизации опасных твердых бытовых отходов (элементы питания, аккумуляторные батареи всех типов, энергосберегающие лампы, которые в сотни раз вреднее для экологии по сравнению с обычными благодаря содержанию ртути, тара от химической продукции и прочие) довольно затруднительно, необходимо возложить данную функцию на систему ЖКХ, работники которой при погрузке отходов на утилизацию имеют все возможности для их сортировки. Поэтому необходимо, например, в городе Уфе принять правовые нормы, обязывающие управляющие компании сортировать твердые бытовые отходы.

Список использованных источников:

1. Зарипова Г.Б., Шайхуллин М.С. Проблемы реализации полномочий органов местного самоуправления в области обращения с отходами производства и потребления. Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения: материалы международной научно-практической конференции (г. Уфа, 21 февраля 2011 г.): в 3-х ч. / Под общ. ред. А.В. Рагулина, М.С. Шайхуллина; Евразийский научно-исследовательский институт проблем права. – Уфа, 2011. – С. 136–138.

2. Слепенкова О. А. Обеспечение экологической безопасности в области обращения с отходами: отдельные аспекты // Аграрное и земельное право. – 2010. – № 9. – С. 69–73.

3. Степаненко В.С. Актуальные задачи борьбы с нарушениями законодательства об обращении с отходами в Российской Федерации // Российский криминологический взгляд. – 2010. – № 3. – С. 346–353.

4. Дикаева Д.М. Шайхуллин М.С. Правовые и организационные основы местного самоуправления в Санкт-Петербурге. Монография. – Уфа, РИО БашГУ, 2011.

5. Шайхуллин М.С., Рагулин А.В. Актуальные проблемы гражданского права. Обзор материалов международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы совершенствования российского законодательства и правоприменения» (Уфа, 24 апреля 2009) // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 20. – С. 132–141.

References:

1. Zaripova G.B., Shajhullin M.S. Problemy realizacii polnomochij organov mestnogo samoupravlenija v oblasti obrashhenija s othodami proizvodstva i potreblenija. Aktual'nye problemy sovershenstvovanija zakonodatel'stva i pravoprimenenija: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (g. Ufa, 21 fevralja 2011 g.): v 3-h ch. / Pod obshh. red. A.V. Ragulina, M.S. Shajhullina; Evrazijskij nauchno-issledovatel'skij institut problem prava. – Ufa, 2011. – S. 136–138.

2. Slepenkova O. A. Obespechenie jekologicheskoj bezopasnosti v oblasti obrashhenija s othodami: otdel'nye aspekty // Agrarnoe i zemel'noe pravo. – 2010. – № 9. – S. 69–73.

3. Stepanenko V.S. Aktual'nye zadachi bor'by s narushenijami zakonodatel'stva ob obrashhenii s othodami v Rossijskoj Federacii // Rossijskij kriminologicheskij vzgljad. – 2010. – № 3. – S. 346–353.

4. Dikaeva D.M. Shajhullin M.S. Pravovye i organizacionnye osnovy mestnogo samoupravlenija v Sankt-Peterburge. Monografija. – Ufa, RIO BashGU, 2011.

5. Shajhullin M.S., Ragulin A.V. Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava. Obzor materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Aktual'nye problemy sovershenstvovanija rossijskogo zakonodatel'stva i pravoprimenenija» (Ufa, 24 aprelja 2009) // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. – 2010. – № 20. – S. 132–141.

Затулина Т.Н., кандидат юридических наук, доцент,
Донской государственный аграрный университет

К вопросу о совершенствовании правового регулирования налоговой системы России

В докладе рассматривается постановка некоторых проблем нормативно-правового регулирования налоговых правоотношений.

Ключевые слова: налоговые правоотношения, налоговое администрирование, налоговая политика, налоги, налоговый федерализм.

Zatulina T.N., candidate of jurisprudence, associate professor,
Don state agrarian university

To a question of improvement of legal regulation of tax system of Russia

In work statement of some problems of standard and legal regulation of tax legal relationship is considered.

Keywords: tax legal relationship, tax administration, tax policy, taxes, tax federalism.

Вопросы совершенствования правового регулирования общественных отношений в России относятся к актуальным проблемам юриспруденции, в том числе науки финансового и налогового права. Развитие рыночных отношений в стране кардинальным образом изменило подходы к пониманию правового регулирования общественных отношений, особенно в области налогообложения.

Большое значение для правового регулирования налоговых отношений, в том числе отношений, возникающих при функционировании налоговой системы, имеет состояние ее нормативно-правовой базы. В настоящее время мы наблюдаем всплеск научного интереса к вопросам налогообложения. Объективной предпосылкой здесь выступает активность законодателя при проведении налоговой реформы, а также новизна, сложность и практическая значимость для экономики большинства проблем налогового законодательства.

В Бюджетном послании Президента РФ в 2013–2015 годах определены основные результаты, а также вскрыты проблемы бюджетной политики. Однако существует целый ряд нерешенных проблем, среди которых особо отмечается практика фрагментарных, не имеющих общей концепции изменений нормативно-правового регулирования. Даже при улучшении условий налогообложения для ведения предпринимательской деятельности это обусловливает необходимость постоянного отслеживания изменений и внесения корректив в планы финансовой деятельности, что вызывает дополнительные затраты, особенно у субъектов малого и среднего предпринимательства. Постоянное ожидание таких изменений препятствует реализации долгосрочных инвестиционных проектов по причине низкой предсказуемости налоговых издержек при разработке бизнес-планов. Сложность и масштабность задач в сфере социально-экономической политики государства, острота осуществления проблем требуют кардинального повышения качества стратегического управления экономикой и общественными финансами. Налоговая система должна быть настроена на улучшение качества инвестиционного климата, повышения предпринимательской активности, совершенствования структуры экономики, а также повышения ее конкурентоспособности [1].

Следует обратить внимание, что «Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов» являются документом, который необходимо учитывать в процессе бюджетного проектирования, как при планировании федерального бюджета, так и при подготовке проектов бюджетов субъектов Российской Федерации. Обратим внимание, что данный документ не является нормативно-правовым актом, что может быть отдельным предметом научной дискуссии, хотя он представляет собой основание для внесения изменений в законодательство о налогах и сборах, которые разрабатываются в соответствии с предусмотренными в нем положениями.

В целях поддержки инвестиционной деятельности в субъектах Российской Федерации был принят Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8], направленный на сокращение различий в уровне социально-экономического развития субъектов Российской Федерации путем формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций в их экономику. Этим законом расширен перечень оснований для представления инвестиционного налогового кредита, причем он может быть предоставлен на срок до 10 лет. Однако в настоящее время сохраняет актуальность и этот вопрос совершенствования налогового администрирования [3].

Можно констатировать, что ученые и практики в сфере налогового права не придерживаются единой классификации полномочий налоговых органов, трактуя их исходя из различных критериев, что оказывает негативное влияние на административно-юрисдикционную деятельность.

Нуждаются в регламентации и некоторые другие вопросы. Одна из главных причин жалоб на уровень административной нагрузки – это издержки, связанные с предоставлением заверенных копий документов. Представляется необходимым переход на электронное взаимодействие при предоставлении в налоговый орган всех первичных документов.

Налоговая политика требует также уяснения основных ее форм и методов. Анализ практики налогообложения показал, что до недавнего времени налоговыми органами преимущественно использовались методы контроля и принуждения.

В связи с принятием Федерального Закона от 16 ноября 2011 г. № 321-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с созданием консолидированной группы налогоплательщиков» [9] в практику был введен абсолютно новый институт. С появлением проекта этого федерального закона специалистами в области налогообложения было высказано единое мнение о том, что в сферу применения института консолидации могут быть включены лишь немногие организации. Возможные пробелы в установлении правил консолидированного на-

логообложения связаны в первую очередь с тем, что данный институт является новшеством для налоговой системы государства, поэтому многие упущения будут устранены в последующем с учетом практики применения заложенных норм [7, 5, 6, 4].

Таким образом, данные проблемы нуждаются в дальнейшем теоретическом осмыслении с учетом сложившейся правоприменительной деятельности налоговых органов.

Список использованных источников:

1. Барулин С.В., Кусмарцева В.С. Оценка результативности и эффективности реализации долгосрочных целевых программ // Финансы. – 2010. – № 5. – С. 22.
2. Громова Н.Н. Методы оценки эффективности целевых программ субъекта Российской Федерации: Автореф. дис. … канд. экон. наук. – СПб., 2012. – С. 11.
3. Гоголев А.М. Основные направления государственной политики в области налогового администрирования // Финансовое право. – 2013. – № 5. – С. 31.
4. Гараев И.Г. Переход на администрирование налога на прибыль по консолидированной группе как новое направление налоговой политики государства // Финансовое право. – 2013. – № 2. – С. 30.
5. Кондрашева Н.А. Особенности внедрения российскими организациями механизма налоговой консолидации // Налоги и финансовое право. – 2012. – № 10. – С. 225.
6. Мухамедеева Г.А. Договор о создании консолидированной группы налогоплательщиков как вид налоговых соглашений // Финансовое право. – 2013. – № 2. – С. 33.
7. Чайковская Л.А., Губанова А.В. Создание консолидированного налогоплательщика: последствия и преимущества // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. – 2010. – № 6. – С. 56.
8. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 49 (ч. 5). – ст. 7070.
9. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 47. – ст. 6611.

References:

1. Barulin S.V., Kusmarceva V.S. Ocenka rezul’tativnosti i jeffektivnosti realizacii dolgosrochnyh celevyh programm // Finansy. – 2010. – № 5. – S. 22.
2. Gromova N.N. Metody ocenki jeffektivnosti celevyh programm sub#ekta Rossijskoj Federacii: Avtoref. dis. … kand. jekon. nauk. – SPb., 2012. – S. 11.
3. Gogolev A.M. Osnovnye napravlenija gosudarstvennoj politiki v oblasti nalogovogo administrirovanija // Finansovoe pravo. – 2013. – № 5. – S. 31.
4. Garaev I.G. Perehod na administrirovanie naloga na pribyl’ po konsolidirovannoj gruppe kak novoe napravlenie nalogovoj politiki gosudarstva // Finansovoe pravo. – 2013. – № 2. – S. 30.
5. Kondrasheva N.A. Osobennosti vnedrenija rossijskimi organizacijami mehanizma nalogovoj konsolidacii // Nalogi i finansovoe pravo. – 2012. – № 10. – S. 225.

6. Muhamedeeva G.A. Dogovor o sozdanii konsolidirovannoj gruppy nalogoplatel'shhikov kak vid nalogovyh soglashenij // Finansovoe pravo. – 2013. – № 2. – S. 33.
7. Chajkovskaja L.A., Gubanova A.V. Sozdanie konsolidirovannogo nalogoplatel'shhika: posledstvija i preimushhestva // Finansovyj vestnik: finansy, nalogi, strahovanie, buhgalterskij uchet. – 2010. – № 6. – S. 56.
8. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2011. – № 49 (ch. 5). – st. 7070.
9. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2011. – № 47. – st. 6611.

Злобина О.В.,
Липецкий государственный педагогический университет

Принцип внесудебного урегулирования гражданских споров

Современные тенденции совершенствования российского судопроизводства направлены, преимущественно, на применение правосознания граждан для более скорого, взаимовыгодного для сторон, разрешения гражданского спора.

Ключевые слова: принцип внесудебного урегулирования спора, принципы правосудия, принципы судопроизводства, процессуальные принципы, принципы защиты прав человека.

Zlobina O.V.,
Lipetsk state pedagogical university

Principle of extrajudicial settlement of civil disputes

Current trends of improvement of the Russian legal proceedings are directed, mainly, on application of sense of justice of citizens for faster, mutually advantageous for the parties, permission of civil dispute.

Keywords: principle of extrajudicial settlement of dispute, principles of justice, principles of legal proceedings, procedural principles, principles of protection of human rights.

Теоретико-правовой анализ каждого принципа защиты прав человека предполагает определение его классификационной принадлежности к принципам правосудия, принципам судопроизводства либо процессуальным принципам. Изучению правовой природы принципов гражданского процесса посвящены труды таких научных деятелей как А.Л. Захаров [4], Р.Л. Иванов [5], Н.М. Коршунов, Ю.Л. Мареев [2], М.К. Треушников [1].

Обогащение российской судебной системы новым принципом – принципом внесудебного урегулирования спора, обусловлено высоким уровнем и темпами развития общественных отношений, предполагающих введение в гражданский процесс таких гибких процедур, которые позволяют при незначи-

тельных временных и материальных затратах получить максимум удовлетворения интересов каждой стороны в возникшем споре. В частности, реализация указанного принципа предполагает введение в гражданский процесс новых понятий, процедур, способствующих обеспечению защиты прав и интересов спорящих сторон. Руководствуясь положениями Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», определим, прежде, понятие принцип внесудебного урегулирования спора как совокупность нормативно регламентированных и практически обусловленных добровольных действий участников возникшего гражданского спора, направленных на скорейшее, взаимовыгодное урегулирование спорных отношений, посредством обращения к независимому лицу. Для него характерны следующие признаки: добровольность, конфиденциальность, беспристрастность посредника, сотрудничество сторон примирительной процедуры, принцип равноправия сторон примирительной процедуры.

Определяя классификационную принадлежность принципа внесудебного урегулирования спора, актуальной является в данном случае позиция Г.П. Химичевой, которая считает, что наиболее полно принципы судопроизводства осуществляются на стадии судебного разбирательства, в связи с чем, одновременно являются и принципами правосудия [7]. Анализируя принцип внесудебного урегулирования спора в гражданском процессе, представляется целесообразным характеризовать его именно как принцип судопроизводства, реализация которого в процессе обеспечивается посредством таких принципов как принцип диспозитивности, принцип равноправия сторон и такого принципа правосудия как принцип признания человека, его прав и свобод высшей ценностью. Принцип внесудебного урегулирования спора обладает основными признаками, характерными для принципов судопроизводства: 1) возможностью выбрать тот вариант разрешения спора, который позволит учесть интересы всех сторон; 2) обеспечение возможности реализовать право самостоятельного и взаимовыгодного урегулирования спора; 3) определение формальности участия суда; 4) возможность оговаривать вопросы, которые предмет иска напрямую не затрагивают.

Основной формой реализации принципа внесудебного урегулирования спора является медиация, представляющая собой процесс, в котором стороны встречаются с совместно избранным, беспристрастным, нейтральным специалистом-медиатором (посредником), который помогает им вести переговоры, с целью выработки взаимоприемлемого жизнеспособного решения в условиях, существующих между ними различий интересов [3]. Зачастую медиации предшествуют такие формы урегулирования спора как переговоры, направление претензионных писем, обращение в третейский суд, нотариусу, эксперту. В настоящее время данные формы прогрессируют [6].

Принцип внесудебного урегулирования – это высшая степень проявления правосознания лица, являющегося участником возникшего спора, поскольку

основными содержательными составляющими данного принципа предполагается определить следующие: альтернативная форма разрешения возникшего спора, позволяющая учесть интересы сторон как в настоящее так и будущее время; значительно сокращаются расходы на оплату услуг представителей сторон; позволяет сгладить негативную эмоциональную составляющую спора; самостоятельное определение направление и порядка разрешения спора; концепция разрешения спора может иметь условия, которые носят личностно-доверительный характер; достигнутое соглашение и особенности его реализации не всегда имеют четкое формальное закрепление.

Методами реализации вышеназванного принципа являются: разъяснение сути спорной ситуации и интересов каждой стороны в ней; предложение возможных, альтернативных судебному разбирательству, вариантов поведения сторон; определение направлений взаимных уступок для достижения большего положительного и выгодного результата;

Таким образом, принцип внесудебного урегулирования спора, являясь новым принципом в системе защиты прав человека, по своим признакам относится к принципам судопроизводства. Его реализация обеспечивается преимущественно таким принципом правосудия как принцип признания человека, его прав и свобод высшей ценностью. Процессуальные нормы-принципы, относительно обязательности применения рассматриваемого принципа отсутствует, поскольку предоставляет всем участникам процесса добровольность и диспозитивность поведения. В данном случае, стороны имеют право не только воспользоваться юридическими советами адвоката и представителя в выработке позиции в процессе, но и рассмотреть иные варианты разрешения возникшей спорной ситуации.

Тем не менее, рассматривая и другую сторону реализации принципа внесудебного урегулирования, связанную с введением, в перспективе, на законодательном уровне его обязательности по отдельным категориям дел, представляется возможным отметить также ряд положительных аспектов. Во-первых, обращение к независимому лицу до обращения в суд позволяет сторонам определиться с целесообразностью судебного разбирательства, зачастую связанного со значительными затратами на адвоката, представителя. Во-вторых, придание внесудебным соглашениям статус исполнительных документов позволит разгрузить суд.

Список использованных источников:

1. Гражданский процесс / Под ред. М.К. Треушникова – М., 2003. – С. 314.
2. Гражданский процесс / Под ред. Н.М. Коршунова, Ю.Л. Мареева – М., 2006. – С. 215.
3. Зайцев А. М., Кузнецов Н. В., Савельева Т. Л. Негосударственные процедуры урегулирования правовых споров: учеб. пособие. – Саратов, 2010. – С. 211.

4. Захаров А.Л. Межотраслевые принципы права: Дис. ... канд. юрид. наук. – Казанский государственный университе. – Самара, 2003. – С. 19.
5. Иванов Р.Л. Принципы советского права: Дис. … канд. юрид. наук. – Л., 1988. – С. 61.
6. Игбаева Г.Р., Игбаева З.Р., Вишневская П.В. Перспективы развития медиации в Республике Башкортостан: обзор круглого стола // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 2 (3). – С. 9–11.
7. Химичева Г.П. Принципы уголовного судопроизводства – М., 2002. – С. 74.

References:

1. Grazhdanskij process / Pod red. M.K. Treushnikova – M., 2003. – S. 314.
2. Grazhdanskij process / Pod red. N.M. Korshunova, Ju.L. Mareeva – M., 2006. – S. 215.
3. Zajcev A. M., Kuznecov N. V., Savel'eva T. L. Negosudarstvennye procedury uregulirovanija pravovyh sporov: ucheb. posobie. – Saratov, 2010. – S. 211.
4. Zaharov A.L. Mezhotraslevye principy prava: Dis. ... kand. jurid. nauk. – Kazanskij gosudarstvennyj universite. – Samara, 2003. – S. 19.
5. Ivanov R.L. Principy sovetskogo prava: Dis. … kand. jurid. nauk. – L., 1988. – S. 61.
6. Igbaeva G.R., Igbaeva Z.R., Vishnevskaja P.V. Perspektivy razvitija mediacii v Respublike Bashkortostan: obzor kruglogo stola // Evrazijskaja advokatura. – 2013. – № 2 (3). – S. 9–11.
7. Himicheva G.P. Principy ugolovnogo sudoproizvodstva – M., 2002. – S. 74.

Зюзина Т.Е., кандидат юридических наук, доцент,
Донской государственный аграрный университет

Разграничение административных и муниципальных правоотношений: постановка проблемы

В докладе рассматривается проблема соотношения административного и муниципального права, через систему приемов административного права для регулирования механизма исполнения органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий, выявляется необходимость принятия единой концепции регулирования местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, административное регулирование, муниципальное право, политика местного самоуправления.

Zyuzina T.E., candidate of jurisprudence, associate professor,
Don state agrarian university

Differentiation of administrative and municipal legal relationship: problem statement

In work the problem of a ratio of the administrative and municipal law, through system of methods of administrative law for regulation of the mechanism of execu-

tion by local governments of separate state powers is considered, need of adoption of the uniform concept of regulation of local government comes to light.

Keywords: local government, administrative regulation, municipal right, policy of local government.

Традиционно в качестве предмета административного права рассматриваются управленческие отношения, имеющие публично-властный характер. Местное самоуправление является разновидностью публичного управления, поэтому оно неизбежно подпадает под регулирование административного права. Правовая наука ряда зарубежных стран рассматривает институты местного самоуправления в рамках административного, а не конституционного права. Такой подход переносит внимание с вопросов организации местной власти и ее места в системе государственного устройства на практические вопросы исполнительно-распорядительной деятельности муниципалитетов.

Разграничение муниципальных и административных правоотношений, возникающих при осуществлении местного самоуправления, является важнейшей практической задачей. Сложная система отношений между гражданами, органами местного самоуправления и государством, складывающихся при осуществлении местного самоуправления, не может сводиться лишь к исполнительно-распорядительной деятельности.

К сожалению, в последние годы наблюдались попытки государственных органов подчинить себе органы местного самоуправления, урезать их самостоятельность, директивно руководить их деятельностью. В ряде субъектов Федерации отношения между органами государственной власти и органами местного самоуправления выстраивались на основе власти и подчинения, что неоднократно признавал недопустимым Конституционный Суд Российской Федерации [2–4]. В этих условиях вопрос о пределах административного регулирования в системе местного самоуправления приобретает особое значение.

С точки зрения Ю.М. Козлова, в системе органов местного самоуправления также действуют исполнительные органы, взаимодействующие с соответствующими субъектами исполнительной власти краев, областей и т. п. Их связи опосредуются административным правом, равно как сама их управленческая деятельность, несмотря на то, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. С наибольшей отчетливостью возникающие при этом отношения регулируются административным правом в случаях, когда органам местного самоуправления делегируются отдельные полномочия [1].

Европейская Хартия местного самоуправления в статье 8 требует, чтобы любой административный контроль за органами местного самоуправления осуществлялся в порядке и в случаях, предусмотренных конституцией и законами. Этим исключается возможность произвольного выбора государственными органами средств и методов указанного контроля. Хартия также уста-

навливает другой принцип, имеющий конституционно-правовую природу: соразмерность степени вмешательства контролирующего органа значимости интересов, которые он намерен защитить. Тем не менее отношения между органами государственной власти и органами местного самоуправления, возникающие при передаче и исполнении отдельных государственных полномочий, нельзя свети только к административно-правовым [4].

Сегодня федеральное законодательство все более активно использует приемы административного права для регулирования механизма исполнения органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий. Зачастую это не имеет достаточных оснований, и ведет к умалению конституционных принципов организации местного самоуправления [2]. Так, Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» [1] статья 48 допускает отмену исполнительными органами государственной власти муниципальных правовых актов в части, регулирующей осуществление отдельных государственных полномочий. Основания для такой отмены государственные органы вправе выбирать по своему произвольному усмотрению, Федеральный закон этого не указывает. Учитывая, что государственные органы уже обладают правом давать органам местного самоуправления обязательные для исполнения предписания, осуществлять контроль, наконец, изъять у органов местного самоуправления соответствующие полномочия, представление им права внесудебной отмены муниципальных правовых актов не может быть признано оправданным. Здесь наблюдается необоснованное вторжение административного права в предметы регулирования муниципального права. Между тем, отечественный опыт уже многократно подтвердил неэффективность моделей, выстроенных на основе подмены сложных моделей конституционного регулирования простыми схемами властного централизма [1]. К сожалению, законодатель продолжает использовать несостоятельные методы и решения.

В этой связи становится актуальной проблема внятной государственной политики в области местного самоуправления. А следовательно, требуется разработка Концепции местного самоуправления в Российской Федерации, учитывающей весь опыт и имеющиеся наработки (и положительного, и отрицательного характера) по реализации административной (муниципальной) реформы, экспертные мнения, а также традиции местного управления. Необходимо расширение статьи 1 в Федеральном законе от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления» для более подробного раскрытия природы местного самоуправления во взаимосвязи с Европейской Хартией местного самоуправления, Конституцией Российской Федерации. Представляется целесообразным разработка на базе Федерального закона № 131-ФЗ Кодекса РФ «О местном самоуправлении».

Список использованных источников:

1. Административное право: учебник / под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. – М., 2000. – С. 21.
2. Бондарь Н.С. Права человека и местное самоуправление в Российской Федерации. – Ростов-на-Дону, 1998.
3. Выдрин И.В. Местное самоуправление в Российской Федерации: от идеи к практике (конституционно-правовой аспект): Дис. … докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 1998.
4. Овчинников И.И. Теоретико-правовые основы местного самоуправления в Российской Федерации: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М., 2000. – С. 19.

References:

1. Administrativnoe pravo: uchebnik / pod red. Ju.M. Kozlova, L.L. Popova. – M., 2000. – S. 21.
2. Bondar' N.S. Prava cheloveka i mestnoe samoupravlenie v Rossijskoj Fede-racii. – Rostov-na-Donu, 1998.
3. Vydrin I.V. Mestnoe samoupravlenie v Rossijskoj Federacii: ot idei k praktike (konstitucionno-pravovoj aspekt): Dis. … dokt. jurid. nauk. – Ekaterinburg, 1998.
4. Ovchinnikov I.I. Teoretiko-pravovye osnovy mestnogo samoupravlenija v Rossijskoj Federacii: Avtoref. dis. … dokt. jurid. nauk. – M., 2000. – S. 19.

Исайкин Д.М.,
Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева

К вопросу о правовом регулировании национальных отношений

В докладе формулируется вывод о том, что национальные отношения, урегулированные правом, относятся к общим правоотношениям и их правовое регулирование возможно на нормативном уровне.

Ключевые слова: национальные отношения, правовое регулирование, общие правоотношения, конституционные правоотношения.

Isaykin D.M.,
Mordovian state university

To a question of legal regulation of the national relations

In article the conclusion about volume is formulated, the national relations settled by the right, belong to the general legal relationship and their legal regulation is possible at standard level.

Keywords: national relations, legal regulation, general legal relationship, constitutional legal relationship.

В процессе осуществления государственной национальной политики Российской Федерации национальные отношения являются предметом правового воздействия. Однако, своеобразие национальных отношений, их формирование в разных сферах и на разных уровнях, а также качественные отличия их участников, на наш взгляд, дают основание для постановки вопроса о дифференциации форм правового влияния на национальные отношения.

Правовое регулирование национальных отношений становится возможным с момента вступления в них государства, то есть с момента, когда отношения приобретают статус публичных. Соответственно, следует, считать, что вступление государства в национальные отношения, подтверждает общественную значимость данных отношений.

Рассматривая национальные отношения, как общественно значимые отношения для государства, А.В. Солодов предлагает следующее определение национальных отношений как предмета правового регулирования: это отношения между государством, с одной стороны, и этносом, общественным объединением, индивидом – с другой, возникающие по поводу защиты, воспроизводства или осуществления национальных запросов в экономической, политической, культурной или иной сфере [5]. Интересно также мнение Ю.Д. Дубровина, предлагающего определять предмет правового регулирования, как «совокупность общественных отношений, вытекающая из осуществления гражданами и народами Российской Федерации их конституционного права на свободное национальное развитие, регулятивной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления по обеспечению этих прав, а также по программно-целевому обеспечению реализации государственной национальной политики» [3].

Стоит рассмотреть вопрос о виде правового регулирования национальных отношений. По нашему мнению, национальные отношения, урегулированные правом, относятся к общим правоотношениям. Аргументировать данную точку зрения можно следующим образом: во-первых, субъект отношений обладает односторонней индивидуализацией в правоотношениях, и как следствие отсутствует поименная индивидуализация; во-вторых, отношения с указанным субъектом возникают не из юридических фактов, а непосредственно из норм закона; в-третьих, указанные правоотношения складываются, на основе конституционных прав, а поскольку конституционные нормы являются по отношению к нормам других отраслей права общими, то и возникающие на основе этих норм правоотношения тоже являются общими.

Односторонняя индивидуализация в правоотношениях проявляется, в том, что точно, «поименно» определена лишь одна существующая сторона – носитель субъективного права, в исследуемых отношениях народ (нация, этнос). Обязанными же по таким правоотношениям являются все другие лица – «всякий и каждый». Подобного рода отношения возникают при реализации конституционного права на самоопределение народов Российской Федерации.

Правоотношения с участием (наций) этносов возникают с момента вступления в силу соответствующих норм права (нормативно-правовых актов), регулирующих отношения с названными субъектами, и продолжающих действовать, пока существует нормы права.

Следует привести ряд положений, раскрывающих специфику общих правоотношений, и характеризующих их как определенный вид правоотношений. Признавая существование общих правоотношений, С.С. Алексеев указывал, что последние не имеют точной, «поименной» индивидуализации по субъектам, для их возникновения не требуется иных обстоятельств, кроме существования самого субъекта (носителя общего права или общей обязанности), по сроку действия они соответствуют сроку существования юридических норм [1].

Раскрывая, особенность субъектов общих (конституционных) правоотношений, заключающуюся в отсутствии поименной индивидуализации В.О. Лучин, пишет: «Конституционное правоотношение – это такая специфическая связь, индивидуализация которой выражается главным образом в строго определенной всеобщности прав и обязанностей, в том, что все лица являются носителями данных субъективных прав и обязанностей» [4].

Общие правоотношения направлены на закрепление существующих общественных порядков, они вместе с юридическими нормами, на их базе образуют ту основу, на которой затем складываются многочисленные и разнообразные конкретные правоотношения, опосредствующие динамику общественной жизни.

Однако целым рядом ученых идея об общих правоотношениях не разделяется по причине того, что признание за общими (конституционными) правами и обязанностями качество субъективных еще не является основанием для вывода о существовании общих правоотношений. Дело в том, что некоторые исследователи [6], признавая общие права и обязанности субъективными, тем не менее, не связывают существование этих прав и обязанностей с правоотношениями. По их мнению, к правоотношениям следует относить не любые, а только индивидуально – определенные связи управомоченных лиц с лицами обязанными, выражающиеся в конкретных корреспондирующих друг другу правах и обязанностях. Что же касается общих правовых связей, то они правоотношениями не являются.

Обобщая представленные идеи, следует признать, что правоотношения с участием наций и этносов относятся к общим правоотношениям, для возникновения которых достаточно закрепления субъективных прав и обязанностей, без указания конкретных корреспондирующих друг другу прав и обязанностей, в конституционных нормах. Данные отношения характеризуются высокой степенью абстрактности, в то же время служат для установления общего правового положения субъектов национально-государственного строительства и организации политико-территориальных отношений в Российской Федерации.

Необходимым представляется определить вид правового регулирования национальных отношений. Правовое регулирование можно подразделить на два вида: нормативно-правовое (нормативное) регулирование и индивидуально-правовое (индивидуальное) регулирование (казуально-правовое регулирование).

Осуществление индивидуального правового регулирования указанных отношений с участием этносов, народов из-за отсутствия конкретных корреспондирующих друг другу прав и обязанностей, отсутствия определенных юридических фактов не представляется возможным.

Соответственно говорить о вступлении этноса или народа в отношения с другим этносом, национальным общественным объединением или отдельным индивидом, связанные с установлением, изменением или прекращением юридических прав и обязанностей их участников в индивидуальном порядке, направленные на урегулирование конкретных ситуаций, требующих юридического разрешения, и осуществляемое путем совершения односторонних правомерных юридически значимых действий, заключения договоров и соглашений, либо властной правоприменительной деятельности уполномоченных субъектов, результатом которого являются индивидуальные правовые акты, с учетом изложенных теоретических положений юридически не корректно.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод: возникновение правового регулирования национальных отношений возможно на нормативном уровне правового регулирования с момента вступления соответствующих норм права в силу.

Список использованных источников:

1. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. – Свердловск, 1964. – Вып. 2. – С. 64.
2. Гревцов Ю.И. Правовые отношения и осуществление права. – Л., 1987. – С. 77.
3. Дубровин Ю.Д. О государственном регулировании межнациональных отношений в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. – 2007. – № 2. – С. 3–4.
4. Лучин В.О. Конституционные нормы и правоотношения. – М., 1997. – С. 134.
5. Солодов А. В. Национальные отношения как предмет правового регулирования: Теоретический аспект // Российский юридический журнал. – 2007. – № 1. – С. 136.
6. Общая теория государства и права: Академический курс в 2-х т. / Под. ред. М.Н. Марченко. – 1998. – Т. 2. – С. 278–279.

References:

1. Alekseev S.S. Obshhaja teorija socialisticheskogo prava. – Sverdlovsk, 1964. – Vyp. 2. – S. 64.
2. Grevcov Ju.I. Pravovye otnoshenija i osushhestvlenie prava. – L., 1987. – S. 77.

3. Dubrovin Ju.D. O gosudarstvennom regulirovanii mezhnacional'nyh otnoshenij v Rossijskoj Federacii // Gosudarstvennaja vlast' i mestnoe samoupravlenie. – 2007. – № 2. – S. 3–4.
4. Luchin V.O. Konstitucionnye normy i pravootnoshenija. – M., 1997. – S. 134.
5. Solodov A. V. Nacional'nye otnoshenija kak predmet pravovogo regulirovanija: Teoreticheskij aspekt // Rossijskij juridicheskij zhurnal. – 2007. – № 1. – S. 136.
6. Obshhaja teorija gosudarstva i prava: Akademicheskij kurs v 2-h t. / Pod. red. M.N. Marchenko. – 1998. – T. 2. – S. 278–279.

Казанцева О.Л., кандидат юридических наук, доцент,
Алтайский государственный университет

Экспертиза нормативных правовых актов:
соотношение правовой и антикоррупционной экспертиз

В докладе автор рассматривает понятие правовой и антикоррупционной экспертиз, теоретические аспекты их соотношения и делает вывод о самостоятельности антикоррупционной экспертизы.

Ключевые слова: правовая экспертиза, антикоррупционная экспертиза, нормативный правовой акт.

Kazantseva O.L., candidate of jurisprudence, associate professor,
Altai state university

Examination of regulations: ratio of legal and anti-corruption examinations

In article the author considers concept of legal and anti-corruption examinations, theoretical aspects of their ratio and draws a conclusion about independence of anti-corruption examination.

Keywords: legal examination, anti-corruption examination, regulatory legal act.

Экспертиза правовых актов – это исследование, которое осуществляется лицами, имеющими специальные познания, с целью оценки качества принимаемых правовых актов и определения возможных последствий их принятия и реализации, и оформляется заключением.

При правовой экспертизе дается правовая оценка формы правового акта, его целей и задач, предмета правового регулирования, компетенции органа, принявшего правовой акт, содержащихся в нем норм, порядка принятия, обнародования (опубликования) на предмет соответствия требованиям Конституции РФ и федеральных законов, а также оценка соответствия правового акта требованиям юридической техники. Правовая экспертиза проводится органами государственной власти, органами местного самоуправления по всем проектам правовых актов. Связано это с необходимостью предотвращения при-

нятия правовых актов, не соответствующих законодательству и нарушающих права граждан.

Антикоррупционная экспертиза осуществляется в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». Целью антикоррупционной экспертизы является выявление и устранение коррупциогенных факторов [1], а также обеспечение качества и эффективности принимаемых решений [2].

В научной литературе существует несколько точек зрения на соотношение правовой и антикоррупционной экспертиз.

1. Антикоррупционая экспертиза является частью правовой экспертизы и представляет собой специализированное исследование, направленное на выявление коррупциогенных факторов. В соответствии с ч. 4 ст. 3 Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» федеральные органы исполнительной власти, а также их должностные лица проводят антикоррупционную экспертизу принятых ими нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) при проведении правовой экспертизы данных актов и мониторинге их применения. Согласно абз. 1 п. 6 Порядка проведения в Министерстве обороны Российской Федерации антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) Министерства обороны Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны РФ от 19.12.2011 № 2610, антикоррупционная экспертиза проектов нормативных правовых актов проводится при проведении их правовой экспертизы. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов проводится при мониторинге их применения и по указанию Министра обороны РФ. Следовательно, антикоррупционная экспертиза проводится при разработке проектов нормативных правовых актов и является составной частью правовой экспертизы, имея с ней общий предмет.

2. Антикоррупционная экспертиза является самостоятельным видом экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Сторонником данного подхода является С.М. Будатаров. По его мнению, предмет правовой экспертизы уже, чем предмет антикоррупционной экспертизы. Правовая экспертиза осуществляется исключительно на основе принципа законности и не выходит за рамки законодательства. Эксперт, осуществляющий антикорруционную экспертизу, должен высказать личное мнение о правовой норме, при этом он должен выходить за рамки закона, то есть не связан буквой закона [3].

Р.А. Колесов, определяя правовую и антикоррупционную экспертизы, выделяет их общие и отличительные черты [4]. К общим чертам он относит следующие: обе экспертизы относятся к правовым; объектом экспертиз является правовой акт или его проект; направлены они на устранение из объекта экс-

пертизы недостатков; проводятся специалистами в области юриспруденции; проводятся в отношении всех принимаемых проектов правовых актов, являются обязательными элементами правотворческого процесса; проводятся, как правило, одновременно и т. д. Отличительными чертами, по его мнению, являются следующие: антикоррупционная экспертиза имеет более узкую направленность на выявление и устранение только коррупциогенных факторов; недостатки в проведении правовой экспертизы могут не привести к таким последствиям как коррупциогенность правового акта; антикоррупционная экспертиза проводится более широким кругом субъектов, включающим институты гражданского общества и граждан, а правовую экспертизу осуществляют, как правило, специалисты органа, принимающего правовой акт; различное правовое регулирование правовой и антикоррупционной экспертиз.

Действительно, анализируя черты, присущие этим двум экспертизам, можно сделать вывод о том, что они имеют много общего. Однако, учитывая значимость антикоррупционной экспертизы и специфическую методику ее проведения можно говорить о ее самостоятельности. Кроме того, антикоррупционная экспертиза имеет свою собственную правовую основу. В соответствии с Конвенцией ООН против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г.) принят специализированный закон об антикоррупционной экспертизе и внесены изменения в существующие правовые акты.

Таким образом, антикоррупционная экспертиза носит правовой и официальный характер, осуществляется в рамках регулирующего ее законодательства и является одной из мер профилактики коррупции.

Список использованных источников:

1. Талапина Э.В., Южаков В.Н. Методика первичного анализа (экспертизы) коррупциогенности нормативных правовых актов / Под ред. В.Н. Южакова. – М., 2007. – С. 20.
2. Хабриева Т.Я. Формирование правовых основ антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // Журнал российского права. – 2009. – № 10.
3. Будатаров С.М. Антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов: понятие, порядок проведения. – Томск, 2009. – С. 16–24, 50.
4. Колесов Р.А. О соотношении правовой и антикоррупционной экспертиз правовых актов и их проектов в Министерстве обороны Российской Федерации // Военное право: электрон. науч. изд. – 2010. – № 2 (URL: http://voennoepravo.ru/node/3963).

References:

1. Talapina Je.V., Juzhakov V.N. Metodika pervichnogo analiza (jekspertizy) korrupciogennosti normativnyh pravovyh aktov / Pod red. V.N. Juzhakova. – M., 2007. – S. 20.
2. Habrieva T.Ja. Formirovanie pravovyh osnov antikorrupcionnoj jekspertizy normativnyh pravovyh aktov // Zhurnal rossijskogo prava. – 2009. – № 10.

3. Budatarov S.M. Antikorrupcionnaja jekspertiza pravovyh aktov i ih proektov: ponjatie, porjadok provedenija. – Tomsk, 2009. – S. 16–24, 50.
4. Kolesov R.A. O sootnoshenii pravovoj i antikorrupcionnoj jekspertiz pravovyh aktov i ih proektov v Ministerstve oborony Rossijskoj Federacii // Voennoe pravo: jelektron. nauch. izd. – 2010. – № 2 (URL: http://voennoepravo.ru/node/3963).

Калина Е.С., кандидат юридических наук, доцент,
Южно-Уральский государственный университет

Практика применения административной ответственности в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций

В докладе рассматриваются вопросы разграничения сфер применения ст. 19.5 и ст. 20.6 КоАП РФ.

Ключевые слова: административная ответственность, гражданская оборона, чрезвычайные ситуации, природный и техногенный характер.

Kalina E.S., candidate of jurisprudence, associate professor,
Southern Ural state university

Practice of application of administrative responsibility in the sphere of the prevention and elimination of emergency situations

In the report problems of division of spheres of application art. 19.5 and senior 20.6 of the administrative code.

Keywords: administrative liability, civil defence, emergency situations.

Среди актуальных теоретических проблем, связанных с административной ответственностью за невыполнение требований норм и правил по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций важное место занимает проблема разграничения составов и процессуальных характеристик норм Особенной части КоАП РФ.

Как показывает анализ судебной практики, существует проблема разграничения сфер применения ч. 1 ст. 19.5 и ч. 1 ст. 20.6 КоАП РФ. Дело в том, что в отдельных случаях должностные лица, уполномоченные составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.6 КоАП РФ, не дают обнаруженным нарушениям должной правовой оценки, а ограничиваются вынесением предписаний об устранении обнаруженных нарушений. При следующей контрольной проверке, обнаружив, что предписание не выполнено, они составляют протокол об административном правонарушении по ст. 20.6 КоАП РФ по факту первоначально обнаруженного правонарушения. Но такое применение указанной статьи нередко выходит за пределы сроков дав-

ности, поскольку срок, отводимый на устранение обнаруженных нарушений, как правило, превышает сроки давности по делам об административных правонарушений указанной категории. Чтобы «обойти» это затруднение, субъекты административного надзора пытаются в действиях лиц, не выполнивших предписание, усматривать длящееся административное правонарушение, но при этом днем его обнаружения, с которого начинают исчисляться процессуальные сроки, считают день, когда было обнаружено невыполнение предписания об устранении нарушений.

Такая позиция является необоснованной, поскольку согласно п. 14 постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении КоАП РФ» [1], днем обнаружения длящегося административного правонарушения считается день, когда должностное лицо, уполномоченное составлять протокол об административном правонарушении, выявило факт его совершения. Очевидно, что в случае невыполнения предписания о выявленном правонарушении моментом совершения правонарушения является не момент его обнаружения уполномоченным должностным лицом (в связи с чем было вынесено предписание об устранении нарушений), а день, следующий за датой, указанной в предписании.

Существует норма Кодекса, которая устанавливает административную ответственность именно за невыполнение в срок законного предписания органа или должностного лица, осуществляющего государственный надзор. Это часть 1 статьи 19.5 КоАП РФ. Она предусматривает более мягкое наказание, чем ст. 20.6 КоАП РФ. Думаю, этим и объясняются практика привлечения к административной ответственности уполномоченными должностными лицами правонарушителей только по одной норме – т. е. ч. 1 ст. 19.5 КоАП РФ.

В отличие от должностных лиц контролирующих органов, суды, в случае поступления к ним двух протоколов об административных правонарушениях, занимая правильную позицию, привлекают к ответственности наряду с ч. 1 ст. 19.5 также и по ч. 1 ст. 20.6 КоАП РФ.

Немаловажной, на наш взгляд, представляется и следующая проблема. Согласно пунктам 1 и 7 части 2 ст. 28.3 КоАП РФ составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.6 КоАП РФ, уполномочены должностные лица органов внутренних дел (полиции) и должностные лица органов, специально уполномоченных на решение задач в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Однако, как видно из материалов изученных дел, на практике нередко функции этих должностных лиц произвольно принимают на себя другие лица. Чаще всего в этой роли выступают инспекторы по пожарному надзору. Это противоречит процессуальным нормам КоАП РФ и ведомственным правовым актам МЧС, согласно которым в компетенцию должностных лиц органов государственного пожарного надзора не входит составление протоколов по делам об административных правона-

рушениях, предусмотренных ст. 20.6 ч. 1 КоАП РФ. При таких обстоятельствах дело об административном правонарушении, предусмотренном ст. 20.6 ч. 1 КоАП РФ, должно быть прекращено за отсутствием в действиях лица состава административного правонарушения. Однако судебная практика по делам такого рода также неоднозначна. В одних случаях суды принимают обоснованные и законные решения, основанные на правильном разграничении сфер применения статей 20.4 и 20.6 КоАП РФ, в том числе в процессуальном аспекте. В других случаях суды неправомерно игнорируют нормы законодательства об административных правонарушениях, разграничивающие компетенции органов пожарного надзора и должностных лиц органов, специально уполномоченных на решение задач в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера за выполнением норм и правил по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и выносят постановления без учета того, что протокол об административном правонарушении составлен ненадлежащим должностным лицом.

Такая практика представляется неправильной, идущей вразрез с требованиями закрепленного в ст. 1.6 КоАП РФ принципа обеспечения законности при применении мер административного принуждения в связи с административным правонарушением. По смыслу нормы ч. 2 ст. 1.6. КоАП РФ, требование строгого соблюдения пределов компетенции органов и должностных лиц, участвующих в производстве по делам об административных правонарушениях, должно соблюдаться не только в отношении применения административного наказания и обеспечительных мер, но на всех этапах процесса по делу об административном правонарушении, начиная с возбуждения дела, которое, согласно п. 3 ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ считается возбужденным, в том числе с момента составления протокола об административном правонарушении. Такое понимание прямо вытекает из содержащегося в ст. 1.6 КоАП требования законности.

С учетом вышеизложенного, в целях более правильного (в соответствии с принципами законодательства об административных правонарушениях) применения норм КоАП РФ, устанавливающих ответственность, в том числе за невыполнение требований норм и правил по предупреждению и ликвидации ЧС, представляется целесообразным внести корректирующие изменения в формулировку ч. 2 ст. 1.6. КоАП РФ, изложив ее в следующей редакции:

«Возбуждение уполномоченными на то органом или должностным лицом дела об административном правонарушении, а также применение наказания и мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении в связи с административным правонарушением осуществляется в пределах компетенции указанных органа или должностного лица в соответствии с законом».

Список использованных источников:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 (ред. от 19.12.2013) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. – № 80. – 19.04.2005.

References:

1. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 24.03.2005 № 5 (red. ot 19.12.2013) «O nekotoryh voprosah, voznikajushhih u sudov pri primenenii Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarushenijah» // Rossijskaja gazeta. – № 80. – 19.04.2005.

Карпов Э.С., кандидат юридических наук,
РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

О современных тенденциях развития налогового законодательства в Российской Федерации

В докладе анализируются современные проблемы реформирования налоговой системы в Российской Федерации. Автор отмечает, что наблюдается постепенная замена налоговых платежей на неналоговые и минимизация количества налогов и сборов, указывает на недостатки данного явления.

Ключевые слова: налоговый кодекс Российской Федерации, реформирование налоговой системы, кодификация налогового законодательства.

Karpov E.S., candidate of jurisprudence,
Law department of RANHiGS

About current trends of development of the tax legislation in the Russian Federation

In article modern problems of reforming of tax system in the Russian Federation are analyzed. The author notes that gradual replacement of tax payments on non-tax is observed and minimization of quantity of taxes and fees, points out the defects of this phenomenon.

Keywords: tax code of the Russian Federation, reforming of tax system, codification of the tax legislation.

Становление современной налоговой системы началось с 1991 г. Формирование рыночной экономики в стране обусловило кардинальную перестройку сложившихся экономических отношений, главным результатом которой стал переход к формированию доходов бюджетов в основном за счет налогов.

Основной пакет законодательных актов, устанавливающих новые принципы и методы налогообложения, был принят Верховным Советом Российской Федерации в конце 1991 г. Первоначально в главе 2 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2118-1 «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» было установлено 15 федеральных, три региональных и 21 местных налогов и сборов. При этом указанный перечень был далеко не исчерпывающим, поскольку, как пишет О.А. Борзунова, «на практике в Законе, во-первых, отсутствовало упоминание о многочисленных регистрационных и лицензионных сборах; во-вторых, Президент и Правительство в 1993–1996 гг. вводили или позволяли регионам вводить налоги, не предусмотренные законами; в-третьих, законодатели сами иногда забывали отразить введенные ими налоги и сборы в рамочном законе» [1]. В результате этого к 1996 г., как отмечают исследователи, было установлено более 200 видов различных региональных и местных налогов, включая, например, такие платежи как налог на капитальные вложения на территории других регионов, сбор за взлет с полосы аэропорта, сбор за проезд по территории города, сбор на содержание футбольной команды и др. [3]

Сложившуюся ситуацию нельзя было признать удовлетворительной. В результате было объявлено о необходимости реформирования налоговой системы, одними из основных целей которого изначально провозглашались: во-первых – кодификация налогового законодательства; во-вторых – снижение общего количества налогов; в-третьих – снижение налоговой нагрузки на экономику. Изменение системы налогообложения началось с принятием Налогового кодекса Российской Федерации. На первоначальном этапе налоговой реформы можно было констатировать, что в достижении этих целей были определенные успехи. Так, если в первой редакции главы 2 части 1 НК РФ закреплялось 16 федеральных, 7 региональных, 5 местных налогов и сборов, то в редакции Федерального закона от 29 июля 2004 г. № 95-ФЗ – 10 федеральных налогов и сборов, 3 региональных и 2 местных.

К сожалению, сегодня мы становимся свидетелями развития обратных процессов. Государство, изыскивая средства для покрытия дефицита бюджета, ежегодно повышает налоговую нагрузку. Но происходит это завуалированно, путем изъятия налоговых платежей из НК РФ и придания им неналогового характера. Одним из первых подобных фактов стало взимание платы за негативное воздействие на окружающую среду в соответствии со ст. 16 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», хотя ранее, подобные платежи рассматривались как налоговые. Так, в Решении Верховного Суда РФ от 28 марта 2002 г. № ГКПИ2002-178 отмечалось: «при рассмотрении дела судом установлено, что плата за загрязнение окружающей природной среды по своей правовой природе обладает всеми признаками налога, перечисленными в статье 8 НК РФ». Однако уже в декабре 2002 г. Конституционный Суд РФ указал, что плата за загрязнение представляет собой форму возмещения экономического ущерба от вредного воздействия

на окружающую среду. …Таким образом, плата за загрязнение является индивидуально-возмездным платежом и в силу этого – сбором по правовой природе. Вследствие этого была окончательно утверждена неналоговая правовая природа платы за негативное воздействие на окружающую среду.

До 2005 г. в перечень федеральных налогов и сборов входила таможенная пошлина, которая, как отмечают И.А. Майбуров и А.М. Соколовская, «имеет налоговую природу, которую не следует искажать неадекватными законодательными решениями» [4]. В 2010 г. единый социальный налог в соответствии с Федеральным законом от 4 июля 2009 г. № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования» был заменен на страховые взносы. В результате мы имеем публичный платеж, не указанный в ст. ст. 13–15 НК РФ, но соответствующий всем признакам налога. Полагаем, наличие страхового элемента в этом платеже не отменяет его налогового характера.

И.А. Майбуров и А.М. Соколовская выделяют три варианта построения системы обязательных платежей: 1) построение системы обязательных платежей, исключающей (минимизирующей) количество и фискальную значимость платежей неналогового характера; 2) построение системы обязательных платежей, органично совмещающей платежи налогового и неналогового характера; 3) построение системы обязательных платежей, тяготеющей к постепенной замене налоговых платежей на неналоговые и минимизации количества налогов и сборов [4]. Согласимся с исследователями, отмечающими, что предпочтительным является первый вариант. И.И. Кучеров отмечают следующие его очевидные преимущества: во-первых, обеспечение упорядочения множества обязательных платежей, стремление к исключению их видового многообразия, ограничение возможностей государства в установлении дополнительных платежей, а во-вторых, достижение полной подчиненности единообразной и наиболее проработанной процедуры взимания, предусмотренной законодательством о налогах и сборах, имеющим наиболее обстоятельную процессуальную регламентацию, что создает дополнительные гарантии соблюдения прав и законных интересов плательщиков [2] этих платежей [3].

В настоящее время в России формируется система обязательных платежей по третьему варианту. Можно констатировать возрастание количества скрытых налогов, т. е. платежей, соответствующих определению налога, данному в п. 2 ст. 8 НК РФ, но регулируемых отдельными нормативными правовыми актами. Ст. 57 Конституции РФ предусматривает только два вида публичных платежей – налоги и сборы. Норма п. 5 ст. 3 НК РФ предусматривает, что ни на кого не может быть возложена обязанность уплачивать налоги и сборы, а также иные взносы и платежи, обладающие установленными НК РФ признаками налогов или сборов, не предусмотренные НК РФ либо установленные в ином

порядке, чем это определено НК РФ. С учетом существующего положения дел можно утверждать, что данная норма НК РФ превращается в декларацию.

Считаем, перед наукой финансового права и законодателем сегодня стоит актуальная задача: проанализировать имеющиеся обязательные платежи с точки зрения выявления присущих им существенных свойств, и включение платежей, имеющих ярко выраженный налоговый характер, в сферу правового регулирования Налогового кодекса Российской Федерации. Это обеспечит возможность оценить реальную налоговую нагрузку на субъекты экономической деятельности и предоставит возможность ее эффективного администрирования. Сегодня налоговая система России содержит небольшое и постоянно сокращающееся количество налогов и сборов, но совокупная фискальная нагрузка на экономику не уменьшается, а возрастает, что негативно сказывается на развитии экономики.

Список использованных источников:

1. Борзунова О.А. Налоговый кодекс Российской Федерации: генезис, история принятия и тенденции совершенствования. – М.: Юстицинформ, 2010.
2. Власенко А.В. Организационно-правовые основы оптимизации налогообложения: теория вопроса // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 2 (3). – С. 108–111.
3. Кучеров И.И. Теория налогов и сборов (правовые аспекты): монография. – М.: ЗАО «ЮрИнфоР», 2009.
4. Майбуров И.А., Соколовская А.М. Теория налогообложения. Продвинутый курс: учебник. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011.

References:

1. Borzunova O.A. Nalogovyj kodeks Rossijskoj Federacii: genezis, istorija prinjatija i tendencii sovershenstvovanija. – M.: Justicinform, 2010.
2. Vlasenko A.V. Organizacionno-pravovye osnovy optimizacii nalogooblozhenija: teorija voprosa // Evrazijskaja advokatura. – 2013. – № 2 (3). – S. 108–111.
3. Kucherov I.I. Teorija nalogov i sborov (pravovye aspekty): monografija. – M.: ZAO «JurInfoR», 2009.
4. Majburov I.A., Sokolovskaja A.M. Teorija nalogooblozhenija. Prodvinutyj kurs: uchebnik. – M.: JuNITI-DANA, 2011.

Князева И.Н., кандидат юридических наук,
Южно-Уральский государственный университет

К вопросу об упорядочении системы административных наказаний

В докладе рассматриваются проблемы определения критериев соотношения административных наказаний по порядку их возрастания от менее строгих

к более строгим. В целях обеспечения единообразного применения административной ответственности автором предлагается упорядочить систему административных наказаний.

Ключевые слова: административное наказание, законодательство об административных правонарушениях, альтернативные санкции, субъекты административной ответственности.

Knyazeva I.N., candidate of jurisprudence,
Southern Ural state university

To a question of streamlining of system of administrative punishments

In article problems of definition of criteria of a ratio of administrative punishments in the order of their increase from less strict to more strict are considered. For ensuring uniform application of administrative responsibility with the author it is offered to order system of administrative punishments.

Keywords: administrative punishment, legislation on the administrative offenses, alternative sanctions, subjects of administrative responsibility.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) регулярно дополняется новыми видами административных наказаний, в настоящее время в ч. 1 ст. 3.2 КоАП РФ установлен перечень из десяти административных наказаний, которые могут применяться к физическим и юридическим лицам за совершение административных правонарушений. Вместе с тем, в отличие от ст. 44 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), содержащей упорядоченный перечень уголовных наказаний от менее строгого наказания к более строгому, законодатель не выстроил такую же «лестницу наказаний» в КоАП РФ, тем самым затруднил практическое применение норм законодательства об административных правонарушениях при выборе и назначении наказания субъектами административной юрисдикции. Подобная позиция законодателя, возможно, объясняется тем, что к уголовной ответственности привлекаются только физические лица и сравнение наказаний по строгости санкций является в данном случае корректным. Тогда как к административной ответственности привлекаются две группы субъектов – физические и юридические лица, при этом к разным субъектам административной ответственности могут применяться и различные виды санкций. Так, например, к юридическим лицам из десяти видов административных наказаний могут применяться лишь четыре (ч. 2 ст. 3.2 КоАП РФ). В связи с чем сравнение административных наказаний по степени их строгости для всех делинквентов является весьма затруднительным и представляет актуальную проблему правоприменения.

Однако в целях правильного и единообразного назначения административных наказаний представляется необходимым упорядочить их систему. Помощь в решении проблемы могут оказать материальные нормы Особенной части УК РФ. Если обратить внимание на санкции, установленные за совершение преступлений, то становится очевидным, что законодатель, определяя альтернативные санкции, располагает их от менее строгих к более строгим, то есть в соответствии с «лестницей наказаний», установленной в ст. 44 УК РФ. Например, совершение действий, составляющих объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 213 УК РФ, наказывается штрафом, либо обязательными работами, либо исправительными работами, либо принудительными работами, либо лишением свободы.

В какой-то степени и КоАП РФ определяет соотношение некоторых наказаний по их тяжести, что можно использовать как «подсказку» при выборе и назначении наказания. Так, административное наказание назначается в пределах санкции, не предусматривающей назначение административного наказания в виде предупреждения, если одной из указанных санкций предусматривается назначение административного наказания в виде предупреждения (п. 1 ч. 3 ст. 4.4 КоАП РФ). Таким образом, можно заключить, что предупреждение является менее строгим наказанием, чем административный штраф.

Административное приостановление деятельности назначается только в случаях, предусмотренных статьями Особенной части КоАП РФ, если менее строгий вид административного наказания не сможет обеспечить достижение цели административного наказания (ч. 1 ст. 3.12 КоАП РФ). Применительно к некоторым санкциям, предусматривающим возможность назначения юридическим лицам и лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, наказания в виде административного штрафа либо административного приостановления деятельности, можно сделать вывод, что штраф является менее строгим наказанием по отношению к приостановлению деятельности (например, ч. 1 ст. 18.15, ч. 5 ст. 20.4 КоАП РФ и др.).

Далее, исходя из юридической конструкции санкций, учитывая только основные виды наказаний, можно определить, что административный штраф является также менее строгим наказанием и по отношению к конфискации орудия совершения или предмета административного правонарушения (ч. 1 ст. 16.1 КоАП РФ); к лишению специального права, предоставленного физическому лицу (ч. 4 ст. 12.9, ч. 4 ст. 20.8 КоАП РФ); к административному аресту (ст. ст. 7.27, 20.1 КоАП РФ); к административному выдворению за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства (ч. 1 ст. 18.8 КоАП РФ); к дисквалификации (ст. 20.3 КоАП РФ); к обязательным работам (ч. 2 ст. 5.26, ч. ч. 1–6 ст. 20.2 КоАП РФ); к административному запрету на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения (ст. 20.31 КоАП РФ).

К сожалению, при введении новых видов наказаний, законодатель не во всех случаях учитывает им же созданную конструкцию норм КоАП РФ, устанавливающих альтернативные санкции в определенной последовательности, что вносит путаницу и затрудняет правоприменение. Например, в санкции ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ наказания перечислены в такой последовательности: административный штраф, административный арест, обязательные работы. Однако учитывая исключительность такого вида наказания, как административный арест, что прямо определено в ч. 2 ст. 3.9 КоАП РФ, его следует отнести к самому строгому из всех видов административных наказаний [1]. Следовательно, по своей юридической природе административное наказание в виде обязательных работ является менее строгим наказанием, чем административный арест, что также вытекает из сравнительного анализа части 1 статьи 3.13 и части 1 статьи 3.9 КоАП РФ. А потому административные наказания в санкциях части 1 статьи 20.25 и части 2 статьи 20.25 КоАП РФ следовало бы перечислить следующим образом: административный штраф, обязательные работы, административный арест; и обязательные работы, административный арест, соответственно.

Несмотря на указанные выше трудности в определении и построении административных наказаний от менее строгого к более строгому, все же, опираясь на сопоставление и системный анализ статей 46 – 51, 53 – 59 УК РФ, а также статей 3.4 – 3.14 КоАП РФ, можно сделать такую попытку и выстроить следующую «лестницу наказаний» в части 1 статьи 3.2 КоАП: 1) предупреждение; 2) административный штраф; 3) административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения; 4) лишение специального права, предоставленного физическому лицу; 5) дисквалификация; 6) административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства; 7) административное приостановление деятельности; 8) обязательные работы; 9) конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения; 10) административный арест.

Данная точка зрения не является бесспорной, тем не менее, она может быть полезной для правоприменителей. В заключении хотелось бы отметить, что критерием определения строгости санкций в настоящей работе избран вид административного наказания, но не его размер, поскольку размер наказания не определяет сущность и юридическую природу каждого конкретного вида наказания.

Список использованных источников:

1. Осинцев Д.В. Спорный вопрос квалификации административного правонарушения: «вновь» – еще не повторно. URL: http://www.ruzh.org/rlj/2009/2009_3/DJVU/2037.pdf.

References:

1. Osincev D.V. Spornyj vopros kvalifikacii administrativnogo pravonarushenija: «vnov'» – eshhe ne povtorno. URL: http://www.ruzh.org/rlj/2009/2009_3/DJVU/2037.pdf.

Короткова О.С.,
Волгоградский государственный университет

Коллизии, выявленные в административных регламентах органов исполнительной власти при реализации на территории Волгоградской области Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210 – ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»

В докладе на основе анализа нормативно-правовых актов выявлены коллизии в административных регламентах органов исполнительной власти Волгоградской области.

Ключевые слова: органы государства, закон, нормативный акт, коллизии.

Korotkova O.S.,
Volgograd state university

The collisions revealed in administrative regulations of bodies of executive power at realization in the territory of the Volgograd region of the Federal law from July 27, 2010 No. 210 «About the Organization of Providing the State and Municipal Services»

In article on the basis of the analysis of normative legal acts collisions in administrative regulations of executive authorities of the Volgograd region are revealed.

Keywords: bodies of the state, law, statutory act, collisions.

27 июля 2010 г. Президентом Российской Федерации подписан Федеральный закон № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее – ФЗ).

ФЗ определил понятие и сущность государственных и муниципальных услуг, установил требования к организации их предоставления.

В соответствии с пунктом 1 статьи 1 названный ФЗ регулирует отношения, возникающие в связи с предоставлением государственных и муниципальных услуг федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов, исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, также местными администрациями, осуществляющими исполнительно – распорядительные полномочия.

Пунктом 1 статьи 6 ФЗ определено, что органы, предоставляющие государственные услуги, и органы, предоставляющие муниципальные услуги, обязаны предоставлять государственные или муниципальные услуги в соответствии с административными регламентами. Детализация каждой услуги в административном регламенте, является элементом противодействия коррупции [1, 2].

В настоящее время согласно требованиям установленным частью 14 статьи 13 ФЗ, на территории Волгоградской области действует постановление администрации Волгоградской области от 25 июля 2011 г. № 369-п «О разработке и утверждении административных регламентов предоставления государственных услуг» на основании которого разрабатываются административные регламенты предоставления государственных и муниципальных услуг.

Вместе с тем, в принятых Регламентах органами прокуратуры и юстиции неоднократно выявлялись несоответствия действующему федеральному законодательству. Следует отметить, что наиболее часто несоответствия выявлялись в разделе 5 административных регламентов регламентирующих «Досудебный (внесудебный) порядок обжалования решений и действия (бездействия) органа, предоставляющего государственную услугу, а также его должностных лиц». Можно выделить самые распространенные нарушения:

1) Так, согласно пункту 6 статьи 11.2 ФЗ жалоба, поступившая в орган, предоставляющий государственную услугу, либо в орган, предоставляющий муниципальную услугу, подлежит рассмотрению должностным лицом, наделенным полномочиями по рассмотрению жалоб, в течение пятнадцати рабочих дней со дня ее регистрации, а в случае обжалования отказа органа, предоставляющего государственную услугу, органа, предоставляющего муниципальную услугу, должностного лица органа, предоставляющего государственную услугу, или органа, предоставляющего муниципальную услугу, в приеме документов у заявителя либо в исправлении допущенных опечаток и ошибок или в случае обжалования нарушения установленного срока таких исправлений – в течение пяти рабочих дней со дня ее регистрации. Правительство Российской Федерации вправе установить случаи, при которых срок рассмотрения жалобы может быть сокращен.

Вместе с тем, в ряде административных регламентах предоставления государственных услуг указанный момент рассматривался как обычное обращение граждан по Федеральному закону от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» срок рассмотрения жалобы составляет 30 дней. В исключительных случаях, руководитель государственного органа или органа местного самоуправления, должностное лицо либо уполномоченное на то лицо вправе продлить срок рассмотрения обращения не более чем на 30 дней, уведомив о продлении срока его рассмотрения гражданина, направившего обращение.

Таким образом, выявленное несоответствие федеральному законодательству заключается в установлении иных сроков рассмотрения жалобы, поступившей в орган, предоставляющий государственную услугу, чем предусмотрены федеральным законодательством.

2) С принятием ФЗ произошло внедрение подсистем оказания государственных услуг, что вместе с использованием систем электронного документооборота позволяет перевести в электронную форму процесс оказания государственных и муниципальных услуг на всех уровнях – федеральном, региональном и муниципальном. Это обеспечивается интеграцией с «Единым порталом государственных и муниципальных услуг» (ЕПГУ) через Систему межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ).

«Электронное правительство» – это новая форма организации деятельности органов исполнительной власти, обеспечивающая за счет широкого применения информационных технологий качественно новый уровень оперативности и удобства получения гражданами организациями государственных или муниципальных услуг и информации о результатах деятельности государственных органов. Актуальность данного направления подчеркивается динамичностью развития таких сфер как, социальная (ФСС, Пенсионный Фонд, ФМС), юридическая (адвокатура, нотариат, судопроизводство), экономическая (бюджет, финансы, налоги), культурная (наука, образование), медицинская, муниципальная сфера (ЖКХ) и т. д.

Процесс предоставления государственной услуги заключается в следующем:

– заявитель обращается через портал оказания госуслуг «Электронное правительство» (http://www.gosuslugi.ru/) либо приходит лично в многофункциональный центр (МФЦ) или на сайт Правительства Волгоградской области (http://volganet.ru/services/pgu/index.jsp), чтобы заказать какую-либо услугу;

– заявка поступает в информационную систему ведомства, которое в случае, если административным регламентом предусмотрен сбор информации из различных органов власти, собирает нужную информацию путём запросов к веб-сервисам органов власти через единую систему межведомственного взаимодействия (СМЭВ), после чего на её основании принимает решение и информирует заявителя (по почте, по телефону или через ЕПГУ, в зависимости от способа обращения гражданина);

– если заявка заполнена на портале государственных услуг, то там же изменяется статус и заявителю автоматически приходит или SMS-сообщение, или уведомление по электронной почте.

Согласно пункту 2 статьи 11.2 ФЗ жалоба может быть направлена по почте, через многофункциональный центр, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», официального сайта органа, предоставляющего государственную услугу, органа, предоставляющего муниципальную услугу, единого портала государственных и муниципальных услуг либо реги-

онального портала государственных и муниципальных услуг, а также может быть принята при личном приеме заявителя.

Вместе с тем, в ряде Регламентов определено, что граждане имеют право обратиться к должностному лицу с письменным обращением либо лично в установленные часы приема.

Таким образом, выявленное несоответствие федеральному законодательству заключается в отсутствии возможности направления жалобы заявителем через многофункциональный центр, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», единый портал государственных и муниципальных услуг либо региональный портал государственных и муниципальных услуг. Кроме этого в процессе движения обращения следует учитывать принцип открытости информации [3], который позволяет следить за судьбой той или иной жалобы.

3) Согласно концепции ФЗ заключается в том, что для предоставления государственных и муниципальных услуг, заявитель должен быть избавлен от необходимости обращения в какие – либо иные органы за дополнительными документами («принцип одного окна»). Так, подпункты 2 и 3 статьи 7 ФЗ устанавливают, что с 1 июля 2012 г. органы, предоставляющие государственные и муниципальные услуги не вправе требовать предоставления документов и информации, которые находятся в распоряжении органов, предоставляющих государственные услуги, и органов, предоставляющих муниципальные услуги, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации, нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными правовыми актами, а также осуществления действий, в том числе согласований, необходимых для получения государственных и муниципальных услуг и связанных с обращением в иные государственные органы, органы местного самоуправления, организации.

Вместе с тем, в ряде Регламентов по предоставлению государственных услуг отсутствует информация о возможности непредоставления отдельных документов, которые органы могут запрашивать в порядке межведомственного взаимодействия и в случае не предоставления документов отказывается в предоставлении услуги. Таким образом, создаются дополнительные административные барьеры для получателей услуг.

4) Некоторые органы исполнительной власти Волгоградской области принимали административные регламенты по предоставлению услуг, которые не вправе предоставлять, чем вторгались в компетенцию другого органа исполнительной власти Волгоградской области.

В заключении, хотелось бы сказать о том, что принятие ФЗ снижает до минимума взаимодействие населения и органов исполнительной власти, что привело к оптимизации предоставления государственных и муниципальных услуг населению и бизнесу [4], поддержке и расширению возможностей само-

обслуживания граждан, росту технологической осведомленности и квалификации граждан, возможности получения государственных и муниципальных услуг с помощью электронного документооборота являющегося одним из элементов противодействия коррупции.

Список использованных источников:

1. Даукаев И.М. Современные представления о сущности коррупции // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 2 (3). – С. 87–89.
2. Журавленко Н.И., Даукаев И.М. Формирование системы противодействия коррупции // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 2 (3). – С. 90–92.
3. Михеев Д.С. Гласность в местном самоуправлении через призму конституционных положений // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 4 (5). – С. 81–83.
4. Шайхуллин М.С. Местное самоуправление и развитие предпринимательства в России: историко-правовой взгляд // Правовое государство: теория и практика. – 2009. – № 15. – С. 32–36.

References:

1. Daukaev I.M. Sovremennye predstavlenija o sushhnosti korrupcii // Evrazijskaja advokatura. – 2013. – № 2 (3). – S. 87–89.
2. Zhuravlenko N.I., Daukaev I.M. Formirovanie sistemy protivodejstvija korrupcii // Evrazijskaja advokatura. – 2013. – № 2 (3). – S. 90–92.
3. Miheev D.S. Glasnost' v mestnom samoupravlenii cherez prizmu konstitucionnyh polozhenij // Evrazijskaja advokatura. – 2013. – № 4 (5). – S. 81–83.
4. Shajhullin M.S. Mestnoe samoupravlenie i razvitie predprinimatel'stva v Rossii: istoriko-pravovoj vzgljad // Pravovoe gosudarstvo: teorija i praktika. – 2009. – № 15. – S. 32–36.

Котельников Д.С.,
Главное управление по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий по ХМАО – Югре

Проблема содержания понятия «носители сведений, составляющих государственную тайну»: теория и практика

В докладе содержится профессиональное толкование правового понятия «носители сведений, составляющих государственную тайну», которое направлено на уяснение его содержания с целью предупреждения дисциплинарных и уголовных правонарушений в практике правоприменения.

Ключевые слова: защита государственной тайны, секретные сведения, носители сведений, государственная тайна.

Kotelnikov D.S.,
Head department for civil defense, to emergency situations and natural disaster response across Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra

Problem content of the concept «carriers of the data which are the state secret»: theory and practice

Article contains professional interpretation of the legal concept «carriers of the data which are the state secret» which is directed on explanation of its contents for the purpose of the prevention of disciplinary and criminal offenses in practice of right application.

Keywords: protection of the state secret, classified information, carriers of the data which are the state secret.

Конституция Российской Федерации (ч. 4, ст. 29) гарантирует право граждан на информацию с учетом необходимости защиты государственной тайны. В данной сфере назрело множество проблем, требующих решения в плане единообразного понимания законодательных терминов практическими работниками.

Одной из насущных является проблема правильного толкования правового термина «носители сведений, составляющих государственную тайну». Носители в ст. 2 Закона «О государственной тайне» определяется как материальные объекты (в том числе физические поля). Поскольку секретные сведения суть информация, а данное понятие непрерывно связано с материей (т. е. с фундаментальным понятием физики), то в качестве носителя информации рассматривается именно материальный объект в его физическом понимании. Вследствие невозможно согласиться с теми авторами, которые считают, что «физическое лицо не является носителем информации согласно Закону о государственной тайне» [4]. Понятие «физическое лицо» в Законе не совпадает с понятием «субъект правоотношений» (под которыми имеются в виду, в числе прочих, граждане и должностные лица), а понимается именно в буквальном толковании – как физическое лицо (в понимании науки физики), т. е. как объект, состоящий из материи. И в этом понимании, например, человек, тело которого несет на себе следы воздействия применения секретных веществ, рассматривается как носитель определенной информации, а не как субъект правоотношений. Потому утверждение, что «Закон не рассматривает человека в качестве носителя сведений, составляющих государственную тайну. Человек рассматривается в качестве субъекта правоотношений, вступающего с государством в договорные отношения» представляется неверным толкованием данной нормы, поскольку понятия «субъект правоотношений», «человек» и «физическое лицо» идентичными в понимании Закона не являются.

Сведения, составляющие государственную тайну, в их понимании как информации, могут существовать в любом материальном объекте в виде многообразия его состояний и передаваться от объекта к объекту в процессе их взаимодействия. Существование сведений, составляющих государственную тайну, в виде объективного свойства материи вытекает из фундаментальных физических свойств материи – структурности, непрерывного изменения (движения) и взаимодействия. Потому физические поля законодателем справедливо отнесены к материальным объектам, что обусловлено их физической характеристикой как особой формы материи; физической системы, обладающей бесконечно большим числом степеней свободы. Вследствие этого нельзя согласиться с авторами, которые утверждают, что «под физическими полями здесь подразумеваются как раз те объекты, которые можно осязать, то есть увидеть, потрогать руками. При этом, поля непосредственно содержат на себе информацию, видимую как визуально, так и при помощи оптических или иных методов» [1]. Такое понимание физического поля является односторонним и не отражающим практической сущности данного нормативного понятия. Например, требование шифрования секретной информации, передаваемой по техническим каналам, обусловлено тем, что носителем сведений, составляющих государственную тайну, в данном случае является физическое поле (электромагнитное). Оборудование режимно-секретных помещений в соответствии с требованиями по противодействию иностранным техническим разведкам и технической защите информации обусловлено, в том числе тем, что при передаче информации от одного лица к другому в таких помещениях носителем секретных сведений может являться физическое поле (акустическое), и т. п. То есть понятие «физические поля» в Законе употребляется в соответствии с его буквальным научным значением, а не в контексте гуманитарного восприятия.

По форме представления информация на носителях может быть текстовая, числовая, графическая, звуковая, образная. Закон устанавливает, что сведения на носителях секретной информации находят свое отображение в определенном виде. Это могут быть: 1) символы – текстовые, числовые, графические (отображаются в документах); 2) образы – т. е. воспроизведение объекта, информация о нем или его описание, структурно сходное, но не совпадающее с ним (например, модель); 3) сигналы – электрические, оптические, акустические и др. (используются для передачи сообщений в системе связи); 4) технические решения – устройства, сооружения, изделия, являющиеся конструктивными элементами; способ, процесс выполнения действий над материальным объектом; вещество, искусственно созданное материальное образование (например, материалы, употребляемые для покрытий, изоляции, химические реагенты, вещества-излучатели, активные вещества, в т. ч. ядохимикаты), и т. п.; 5) технические процессы (например, процесс механической или термической обработки детали, и т. п.).

Особо важное практическое значение правильного понимания законодательного определения носителей заключается в том, что оно применяется в процессе засекречивания, хранения, охраны и рассекречивания конкретного вида носителя. Например, ст. 12 Закона о государственной тайне устанавливает требование оформления сопроводительной документации на носитель сведений, составляющих государственную тайну, если на него физически невозможно нанести требуемые законом реквизиты (когда носитель, например, представляет собой техническое решение или процесс). Практическую проблему представляет также своевременность нанесения реквизитов на некоторые виды машинных носителей, например, устройства внешней памяти ЭВМ (флоппи-диски, жесткие диски, магнитные ленты, флэш-накопители, и т. п.). Секретные сведения, находящиеся в файлах, даже в момент неактивности устройств внешней памяти существуют физически, и имеют все необходимые идентификационные признаки, соответственно, на них при внесении или поступлении секретной информации необходимо проставлять соответствующие реквизиты. Этим занимаются режимно-секретные подразделения. Но не на всех предприятиях на должном уровне обеспечено соблюдение режима секретности, поэтому указанные проблемы существуют при использовании оперативных запоминающих устройств (ОЗУ) самих ЭВМ, а также ОЗУ периферийных устройств (где временно хранятся массивы информации, предназначенные для обработки этими устройствами, например, принтеров). Нередки служебные расследования по фактам халатного обращения с секретной информацией на машинных носителях именно вследствие отсутствия реквизитов, проведения по этому поводу служебных расследований и привлечения сотрудников к различным видам ответственности (от дисциплинарной до уголовной).

Поскольку к носителям сведений, составляющих государственную тайну, относятся физические поля, носителем секретной информации может быть, помимо прочего, электрическая и прочая связь. И в этих случаях нанести реквизиты, в понимании этого как выполнения соответствующего текста, невозможно. Но сложившаяся практика предлагает эффективный инструмент – следует «рассекретить» информацию, например, в сети, применив криптографию. Шифртекст, полученный путем зашифрования с помощью средств криптографической защиты информации открытой секретной информации любых грифов, является несекретным. Таким образом, поскольку практическое нанесение на физическое поле требуемых реквизитов не представляется возможным, физические поля как носители секретной информации в незашифрованном виде ее содержать не должны.

Таким образом, носителем секретной информации может быть любой материальный объект, т. е. любая субстанция в понимании данной категории наукой физикой. Знание и понимание этого практическими работниками, которые оперируют сведениями, составляющими государственную тайну, поможет избежать ошибок, приводящих к совершению правонарушений.

Список использованных источников:

1. Козлов С.С., Тимошенко В.А. Комментарий к Федеральному закону от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне». – ООО «Новая правовая культура», 2006.
2. Болдырев С.А., Дудко Д.А., Егоров Ю.В., Котельников Д.С., Котухов С.А. Комментарий к Закону РФ от 21.07.1993 г. № 5485-I «О государственной тайне». – М.: ЭКСМО, 2012.
3. Ландау Л.Д., Лифшиц Е.М. Теория поля. Издание 8-е, стереотипное. – М.: Физматлит, 2001.
4. Спектор Е.И. Комментарий к Закону Российской Федерации «О государственной тайне». – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006.

References:

1. Kozlov S.S., Timoshenko V.A. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 21 ijulja 1993 g. № 5485-1 «O gosudarstvennoj tajne». – OOO «Novaja pravovaja kul'tura», 2006.
2. Boldyrev S.A., Dudko D.A., Egorov Ju.V., Kotel'nikov D.S., Kotuhov S.A. Kommentarij k Zakonu RF ot 21 ijulja 1993 g. № 5485-I «O gosudarstvennoj tajne». – M.: JeKSMO, 2012.
3. Landau L.D., Lifshic E.M. Teorija polja. Izdanie 8-e, stereotipnoe. – M.: Fizmatlit, 2001.
4. Spektor E.I. Kommentarij k Zakonu Rossijskoj Federacii «O gosudarstvennoj tajne». – M.: ZAO «Justicinform», 2006.

Кузьмин И.А.,
Иркутский юридический институт (филиал)
Академии Генпрокуратуры РФ

Общетеоретические и правоохранительные характеристики конституционно-правовой ответственности

В докладе анализируются базовые характеристики конституционно-правовой ответственности в двух ее измерениях: общетеоретическом и правоохранительном.

Ключевые слова: теория, конституционно-правовая, ответственность, правоохранительный.

Kuzmin I.A.,
Irkutsk legal institute (branch)
Academies of the State Office of Public Prosecutor of the Russian Federation

General-theoretical and law-enforcement characteristics constitutional and legal responsibility

In article basic characteristics of constitutional and legal responsibility in two of its measurements are analyzed: general-theoretical and law-enforcement.

Keywords: theory, constitutional and legal, responsibility, law-enforcement.

Проблемы конституционно-правовой ответственности на сегодняшний день остаются весьма сложными и неоднозначными. Являясь отраслевой разновидностью юридической ответственности и обладая ее общими особенностями, конституционно-правовая ответственность занимает важную нишу в системе мер по обеспечению прав и законных интересов личности, общества и государства.

Сущностные свойства конституционно-правовой ответственности наиболее ярко проявляются в двух измерениях: общетеоретическом и правоохранительном. Первый аспект раскрывает правовую природу этой категории, а второй – цель и главную направленность конституционно-правовой ответственности.

Рассмотрим грани конституционно-правовой ответственности с позиции общей теории юридической ответственности:

1) Ретроспективный (негативный) характер. Конституционно-правовая ответственность устанавливается в законодательстве и возлагается компетентными субъектами исключительно за те деяния (в форме действия/бездействия), которые имели место в прошлом. Негативный характер ответственности проявляется в характере санкций, предусматривающих наступление для правонарушителя неблагоприятных юридических последствий.

2) Родовая принадлежность. Определение родового признака ответственности в связи с отсутствием единообразия во взглядах по этому вопросу является отнюдь не простой задачей. Мы полагаем обоснованным разграничить объективное (нормативное) и субъективное (индивидуальное) воплощения конституционно-правовой ответственности [4]. В случае ответственности в объективном смысле, родовой признак состоит в «мерах государственного принуждения, закрепленных в нормах права». Субъективная конституционно-правовая ответственность раскрывается через «субъективную обязанность правонарушителя».

3) Основания возникновения. Для конституционно-правовой ответственности в объективном смысле основаниями возникновения являются причины ее появления в законодательстве. Субъективная конституционно-правовая ответственность обладает материально-правовым, фактическим и процессуальным основаниями своего возникновения.

4) Место в системе мер государственного принуждения. Конституционно-правовая ответственность, как и любая мера государственного принуждения, применяется к нарушителю права независимо от желания последнего. Обеспечивая безусловное утверждение государственной воли, конституционно-правовая ответственность состоит в негативных последствиях для правонарушителя, лишает каких-либо благ, статуса, возлагает дополнительные обязанности. Названные особенности отличают рассматриваемую ответственность от иных конституционно-правовых мер принуждения (профилактических, пресекательных, защитных и т. д.).

5) Цель. Главная цель конституционно-правовой ответственности как охранительного правового средства, заключается в обеспечении действия норм конституционного права и защите конституционного правопорядка. Цель ответственности исходит из объективных предпосылок (сложившейся политико-правовой ситуации, сущности конституционных правоотношений) и субъективного мнения законодателя (приоритетов власти, содержании и направлениях государственной политики).

6) Характер санкций. Меры конституционно-правовой ответственности принято именовать санкциями (в отличие от наказаний в отношении уголовно-правовой и административно-правовой ответственности). Упомянутые санкции носят организационный характер: отрешение от должности высшего должностного лица субъекта РФ, признание результатов выборов недействительными, принудительная ликвидация политической партии и т. д.

7) Процедура и форма реализации. Анализ российского законодательства позволяет разграничить три способа (процедуры) привлечения нарушителей к конституционно-правовой ответственности: привлечение к ответственности на основе судебного решения; привлечение к ответственности на основе решения компетентного несудебного органа власти; привлечение к ответственности избирателями (народом). Форма реализации конституционно-правовой ответственности – принудительная [5].

Измерение правоохранительного потенциала конституционной ответственности позволяет оценить ее с точки зрения охраны прав и законных интересов государства, общества и личности, методов (способов и приемов), применяемых для поддержания законности и правопорядка и равовых средств, обеспечивающих законность и правопорядок.

Рассуждая о правоохранительных правовых средствах В.А. Горбунов приходит к выводу, что защиту законных интересов личности, общества и государства обеспечивает установление государством мер принуждения к нарушителям правопорядка, которые могут быть привлечены, в частности, к конституционно-правовой ответственности [2]. Как верно замечает П.П. Глущенко основу содержания социально-правовой защиты конституционных прав и свобод составляет правозащитная функция государства и правозащитная деятельность субъектов этой защиты, решающее место среди которых занимает система государственных органов и организаций [1].

Пресекая правонарушения и подвергая нарушителей комплексному негативному воздействию, субъекты, применяющие меры конституционно-правовой ответственности, тем самым защищают правопорядок и устраняют препятствия к нормальной реализации норм конституционного права. Инструментарий конституционно-правовой ответственности закрепляется в законодательстве (правовое средство № 1) и проводится в общественную практику компетентными органами, организациями и их должностными лицами, а также народом через институты представительной демократии (правое средство № 2).

Следует согласиться с А.А. Кондрашевым в том, что институт контроля (надзора) является одним из важнейших организационно-правовых способов обеспечения законности в конституционно-правовых отношениях. Меры контроля (надзора) применяются, предваряя процесс использования конституционных санкций, так и одновременно с ними, а также и после факта применения меры конституционно-правовой ответственности к субъекту, нарушившему предписания конституционно-правовой нормы [3].

Измерение характеристик конституционно-правовой ответственности сквозь призму общетеоретических постулатов и правоохранительной деятельности обнаруживает ряд закономерностей, раскрывающих внутренние связи и особенности этой разновидности юридической ответственности.

На основании вышеизложенного, мы призываем научное сообщество, представителей власти и практикующих юристов вновь обратиться к базовым характеристикам конституционно-правовой ответственности и переосмыслить их на ином уровне с учетом вышеизложенных мыслей и суждений, направленных исключительно на постановку проблемы.

Список использованных источников:

1. Глущенко П.П. Конституционные права и свободы граждан в Российской Федерации: теоретические и организационно-практические вопросы социально-правовой защиты: Автореф: дис. … докт. юрид. наук. – СПб, 1998.

2. Горбунов В.А. Категория законного интереса (личности, общества, государства) в конституционном законодательстве Российской Федерации: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Тюмень, 2007.

3. Кондрашев А.А. Теория конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М., 2011.

4. Кузьмин И.А. О двуедином (объективном и субъективном) воплощении юридической ответственности // Академический юридический журнал. – 2013. – № 1. – С. 52–57.

5. Кузьмин И.А. Добровольная форма реализации юридической ответственности // Сибирский юридический вестник. – 2011. – № 4. – С. 10–16.

References:

1. Glushhenko P.P. Konstitucionnye prava i svobody grazhdan v Rossijskoj Federacii: teoreticheskie i organizacionno-prakticheskie voprosy social'no-pravovoj zashhity: Avtoref: dis. … dokt. jurid. nauk. – SPb, 1998. – 37 s.

2. Gorbunov V. A. Kategorija zakonnogo interesa (lichnosti, obshhestva, gosudarstva) v konstitucionnom zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii: Avtoref. dis. … kand. jurid. nauk. – Tjumen', 2007.

3. Kondrashev A.A. Teorija konstitucionno-pravovoj otvetstvennosti v Rossijskoj Federacii: Avtoref. dis. … dokt. jurid. nauk. – M., 2011.

4. Kuz'min I.A. O dvuedinom (ob#ektivnom i sub#ektivnom) voploshhenii juridicheskoj otvetstvennosti // Akademicheskij juridicheskij zhurnal. – 2013. – № 1. – S. 52–57.
5. Kuz'min I.A. Dobrovol'naja forma realizacii juridicheskoj otvetstvennosti // Sibirskij juridicheskij vestnik. – 2011. – № 4. – S. 10–16.

Кузьмина Е.М.,
Поволжский институт управления
имени П.А. Столыпина, филиал РАНХиГС

Типы и методы правового регулирования в условиях глобализации

В докладе с точки зрения инструментальной теории права анализируются современные подходы к типам и методам правового регулирования как комплексу правовых средств, оказывающих целенаправленное правовое воздействие на общественные отношения.

Ключевые слова: правовое регулирование, тип правового регулирования, метод правового регулирования, сущность правового регулирования.

Kuzmina E.M.,
Volga region institute of management

Types and methods of legal regulation in the conditions of globalization

In article from the point of view of the tool theory of the right modern approaches to types and methods of legal regulation as to a complex of the legal means rendering purposeful legal impacts on the public relations are analyzed.

Keywords: legal regulation, type of legal regulation, method of legal regulation, essence of legal regulation.

В современной науке продолжается дискуссия, затрагивающую понятия теории правового регулирования. Предлагается в частности рассматривать в качестве автономных институционный и дискретный методы правового регулирования и основанные на них одноименные типы правового регулирования.

Аргументируется означенная позиция тем, что институционность и дискретность как парные категории, вполне реально отражают способы формирования норм и институтов в праве. Институционный метод позволяет придать правовой норме строго определенный характер и сводит к минимуму усмотрение властного субъекта; создает «жесткий» тип правового регулирования, свидетельствует о высоком качестве закона, опосредует публично-правовую сферу общественных отношений. Дискреционный метод напротив фиксирует возможность свободного усмотрения субъектов; применим в первую очередь при восполнении и преодолении правовых пробелов, правовых коллизий, ре-

шении ситуации по аналогии, придает правовому регулированию гибкость, в то же время создает угрозу злоупотребления правом.

Представленную точку зрения следует на наш взгляд оценивать критически. Дискреция – от лат. «разделение» представляет собой прерывность пространства правового регулирования, где последнее теряет целостность, связанность и предсказуемость, приобретает латентный характер [2].

Правовое регулирование, основанное на дискреционных установлениях (например, оценочных нормах права), на усмотрении публично-властных субъектов, фактически лишается качества нормативности, а воздействие опосредуемого ими социального регулирования, соответственно, качества правового. Таким образом, дискреционный метод правового регулирования нельзя признать самостоятельным, наряду с институционным. Решение правовой ситуации по усмотрению должно быть исключительным способом опосредования общественных отношений и иметь надежные правовые гарантии, обеспечивающие законность и справедливость принятого правового акта.

Нельзя в полной мере согласиться с тезисом о том, что дискреционный тип правового регулирования наиболее характерен и естественен для судебной деятельности [2]. Думается, что дискреционный тип правового регулирования вряд ли можно признать естественным для судебной деятельности, регулируемой процессуальным законодательством, которое отнюдь не является дискреционным, хотя отдельные возможности дискреции, конечно же, присущи деятельности судей.

Еще один неординарный подход к правовому регулированию демонстрирует в своем диссертационном исследовании Е.К. Шевырин, обосновывающий тип правового регулирования как результат логической операции – типологии, осуществляемой в отношении правового регулирования как явления [3]. Используя указанный методологический прием, он различает генетические и структурные типы правового регулирования. Первые выделяются на основе цивилизационного подхода и методов сравнительного правоведения и имеют разновидности: западный (правовые средства здесь выступают в качестве основного средства упорядочения общественных отношений, обладающих собственной ценностью и значением) и незападный (где право является дополнительным инструментом, «приложением» к традициям, обычаям, морали и др.); романо-германский и англосаксонский типы правового регулирования.

Критериями структурного типа правового регулирования, по мнению автора, являются: характеристика правил, воздействующих на поведение людей и способ их установления; тип правовых санкций и порядок их реализации; особенности прав и обязанностей, установленных для участников общественных отношений. Учитывая генетическую типологию в рамках конкретной правовой системы, например, романо-германской, структурные типы правового регулирования классифицируются на публично-правовой и частноправовой [3].

Выводы ученого безусловно заслуживают внимания, особенно верным представляется методология исследования – применение приема классификации.

В то же время имеются спорные моменты. Так, в частности усматривается противоречие между сущностью правового регулирования как специально-юридического (осуществляемого средствами права) воздействия на общественные отношения и незападным типом правового регулирования, в котором основные средства упорядочения связей – социальные нормы традиционного общества. Правовое регулирование смешивается в данном подходе с социальной средой, в которой формируется право, общественные отношения, правовой менталитет. Например, создание благоприятного правового режима для деятельности юридических лиц (коммерческих организаций) и индивидуальных предпринимателей, предоставление им широких прав и свобод в области предпринимательства и хозяйственной деятельности стимулирует развитие товарно-рыночных отношений, производство и потребление товаров, с одной стороны, и стремление определенной части юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к созданию некоммерческих организаций по самозащите своих прав и свобод, к саморегулированию – с другой стороны [1].

В заключение следует констатировать, что правовое регулирование – феномен требующий дальнейшей разработки. Особенно актуальным становится исследование данного явления в условиях процессов глобализации, формирования институтов гражданского общества, расширения субъектов применения права. Необходимо самым тщательным образом изучать факторы, обусловливающие тип правового регулирования в ходе юридической практики. Ведь от адекватности объекта и типа правового регулирования зависит уровень законности и правопорядка, столь необходимые для современного российского общества.

Список использованных источников:

1. Авдеев М.Ю., Грудцына Л.Ю. Демократия, народ и гражданское общество в России // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 5 (6). – С. 90.

2. Цыгановкин В.А. Институционный и дискреционный методы и типы правового регулирования // Юриспруденция. – 2011. – № 3. – С. 118–126.

3. Шевырин Е.К. Тип правового регулирования: теоретические и практические проблемы: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Самара, 2008.

References:

1. Avdeev M.Ju., Grudcyna L.Ju. Demokratija, narod i grazhdanskoe obshhestvo v Rossii // Evrazijskaja advokatura. – 2013. – № 5 (6). – S. 90.

2. Cyganovkin V.A. Institucionnyj i diskrecionnyj metody i tipy pravovogo regulirovanija // Jurisprudencija. – 2011. – № 3. – S. 118–126.
3. Shevyrin E.K. Tip pravovogo regulirovanija: teoreticheskie i prakticheskie problemy: Avtoref. dis. … kand. jurid. nauk. – Samara, 2008.

Литовкина М.И.,
Российский государственный социальный университет

Право граждан на безопасность в сфере охраны здоровья: международное и российское законодательство

В докладе произведен анализ международных и российских законодательных актов, в которых регламентированы права граждан (пациентов), возникающие при реализации конституционного права на охрану здоровья, а также содержатся положения, регулирующие проблему безопасности в указанной области.

Ключевые слова: конституционное право, охрана здоровья, безопасность, пациенты, медицинская помощь.

Litovkina M.I.,
Russian state social university

The right of citizens for safety in the health protection sphere: international and Russian legislation

In article the analysis of the international and Russian acts in which the rights of citizens (patients) arising at realization of a constitutional law on health protection are regulated is made, and also the provisions regulating a problem of safety in specified area contain. The conclusion is drawn on need of standard fixing «the rights for safety» in the health protection sphere.

Keywords: constitutional law on health protection, safety, patients, medical care.

В сфере охраны здоровья при любом медицинском воздействии (например, при получении медицинской помощи и связанных с ней услуг) граждане реализуют специфические права, производные от общих политических, гражданских, социальных, культурных и экономических прав человека [1], которые представляют собой права пациентов. В свою очередь, последние можно рассматривать только в контексте конституционного права на охрану здоровья, при осуществлении которого они и возникают. Впервые на международном уровне право на охрану здоровья нашло косвенное отражение в положениях таких правовых документов, как: Всеобщая декларация прав человека 1948 г. и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., в

виде права на жизнь, на свободу и личную неприкосновенность; на уважение личной и семейной жизни; на достаточный жизненный уровень и социальное обеспечение и др. В более поздних правовых документах за рубежом право на здоровье прямо декларируют: Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. (недопустимость расовой дискриминации при реализации права на охрану здоровья и медицинскую помощь); Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., (право на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья); Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. (право женщин на доступ к медицинскому обслуживанию); Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г. (право на медицинскую помощь и равенство в сфере медицинского обслуживания); Конвенция о правах инвалидов 2006 г. (право на наивысший достижимый уровень здоровья).

Постепенно за рубежом сформировалось законодательство, непосредственно регулирующее права пациентов: Лиссабонская Декларация о правах пациента 1981 г., Декларация о политике в области обеспечения прав пациентов в Европе 1994 г., Европейская хартия по правам пациентов 2002 г., Директива № 2011/24/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О правах пациентов в трансграничном медицинском обслуживании» и др. В некоторых из данных международных актов прямо закреплено право на безопасность в сфере охраны здоровья, которое, законодатель рассматривает через призму оказания качественной медицинской помощи, то есть, как возможность избежать вреда вследствие ошибок [2] и небрежности медицинских работников, а также как возможность пользоваться услугами здравоохранения и лечения, соответствующих высоким стандартам безопасности.

Положения указанных правовых документов имплементированы в Декларации о правах пациентов России, принятой 28 мая 2010 г. (на Первом Всероссийском конгрессе пациентов в г. Москве), не носящей нормативного характера, но зафиксировавшей в ст. 1.9. право каждого индивида на безопасность, подразумевающее оказание ему медицинской помощи, безопасной для жизни и здоровья, соответствующей стандартам качества; без нанесения вреда вследствие недостатков, дефектов и ошибок медицинской деятельности.

Методические рекомендации № 2004/46, непосредственно регулируют безопасность граждан (пациентов) в сфере охраны здоровья, определяя ее, как максимально возможное соответствие клинических исходов ожиданиям врача и пациента при минимальном риске отрицательных последствий лечения и диагностики. Кроме того, проблема безопасности граждан (пациентов) в сфере охраны здоровья в России регламентирована целым рядом государственных программ, концепций, доктрин, стратегий и федеральных законов. Например, Стратегией национальной безопасности РФ до 2020 г. обозначены

ориентиры по обеспечению продовольственной безопасности и безопасности лекарственных препаратов (ст. 49).

В Стратегии государственной антинаркотической политики РФ до 2020 г. законодатель упоминает об угрозе для безопасности здоровья населения со стороны незаконного оборота и немедицинского потребления психотропных препаратов, что, в свою очередь, способствует распространению вирусных гепатитов и ВИЧ-инфекции. Положения, касающиеся предупреждения инфекций у пациентов и медицинского персонала (биологическая безопасность), посредством создания эпидемиологически безопасных условий; проведения эпидемиологически безопасных медицинских технологий и процедур, содержатся в Национальной концепции профилактики инфекций, связанных с оказанием медицинской помощи. Федеральный закон № 323-ФЗ от 21.11.2011 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» регламентирует вопросы контроля безопасности медицинских изделий (п. 3 ст. 95; ст. 96). Федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ генерирует правовой микроклимат для развития правоотношений, связанных с обеспечением безопасности граждан в процессе использования результатов генно-инженерной деятельности (ст. 4).

В Федеральном законе от 09.01.1996 № 3-ФЗ прямо закреплено право граждан на радиационную безопасность (ст. 22), в том числе при взаимодействии с источниками ионизирующего излучения, используемых в медицинских организациях. Таким образом, в России проблема безопасности «красной нитью» «прошивает» внушительный объем правового материала в сфере охраны здоровья, однако собственно «право граждан на безопасность» в данной области пока не нашло нормативного закрепления.

Тем не менее, факт инкорпорирования совокупности прав пациентов в национальное законодательство можно считать предпосылкой для издания со временем соответствующего отдельного законодательного акта. Не случайно еще в 2009 году в Докладе Совета Федерации Федерального Собрания РФ «О состоянии законодательства в РФ» было указано на необходимость разработки Федерального закона «О правах пациентов». Тем не менее, факт обсуждения в настоящее время проекта Федерального закона РФ «Об обязательном страховании пациентов при оказании медицинской помощи» (вступающего в силу с 1 января 2015 г.) свидетельствует о признании угрозы нанесения вреда здоровью граждан в ходе медицинской деятельности.

Таким образом, безопасность граждан (пациентов) в сфере охраны здоровья, которая представляет собой глобальную проблему, можно расценить как состояние защищенности личности от угроз нарушения ее жизненно важных интересов при реализации конституционного права на охрану здоровья, относящегося к группе социальных прав. Обоснованным представляется нормативное закрепление права пациентов на безопасность, осуществление которого будет способствовать обеспечению социальной безопасности в целом.

Список использованных источников:

1. Литовка А.Б. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: дис ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 144.
2. Мустафаева А., Мамедов В. Медицинское право – составная часть биоэтики и новое направление юридической науки // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 6 (7). –С. 78–86.

References:

1. Litovka A.B. Pravo na ohranu zdorov'ja i medicinskuju pomoshh' v Rossijskoj Federacii: konstitucionno-pravovoe issledovanie: dis ... kand. jurid. nauk. – M., 2005. – S. 144.
2. Mustafaeva A., Mamedov V. Medicinskoe pravo – sostavnaja chast' biojetiki i novoe napravlenie juridicheskoj nauki // Evrazijskaja advokatura. – 2013. – № 6 (7). –S. 78–86.

Лукьянова Ю.Н.,
Анапский филиал МГГУ имени М.А.Шолохова

Становление и развитие государства: историко-правовые формации

В докладе на основе различных точек зрения рассмотрен вопрос о государстве как сложном, многогранном и историческом меняющемся явлении.

Ключевые слова: государство, становление, этапы.

Lukyanova Yu.N.,
Anapa branch of MGGU

Formation and state development: historical and legal formations

In article on the basis of various points of view the question of the state as the difficult, many-sided and historical changing phenomenon is considered.

Keywords: state, formation, stages.

Каждое государство и право функционирует в определенном обществе. Непрерывно, с той или иной степенью интенсивности, в развивающемся обществе неизбежно наступают более или менее длительные периоды такого состояния, когда объективное развитие, прежде всего экономики, производительных сил и производственных отношений, приводит к переходу его в новое качественное состояние, от одной общественно-экономической формации к другой.

Переходный период в обществе – это всегда сложное, противоречивое, нередко кризисное состояние государства и права, связанное и обусловленное

критической переоценкой практики и функционирования в прошлом, трудном выборе пути своего дальнейшего развития. Поэтому знание причин и условий переходного периода имеет важное практическое значение, поскольку позволяет найти пути выхода из кризисных состояний, плавной трансформации общества, государства и права с минимальными издержками.

Таким образам, задачей общества является – не дать кризисным явлениям достичь критической величины, принять необратимый характер, придающий обществу новое качественное состояние и ставящий его на грань гибели. Особенно важно это учитывать в России – стране, в которой любые противоречия и конфликты всегда были особенно острыми.

Что же собой представляет государство, как конкретно – историческое социальное явление?

Возникновение государства – закономерный этап развития человеческого общества, отделяющегося от остального живого мира и переходящего к иным формам совместного проживания по законам возрастания своих потребностей. Удовлетворение новых потребностей осуществлялось посредством активного познания действительности, общественного разделения труда при постоянном объективном обособлении его новых видов, а также опыта, знаний навыков и умений между отдельными группами людей.

В свою очередь, разделение труда породило различные формы социальной неоднородности и неравенства. Этого не было в догосударственном обществе, в котором люди могли выжить только сообща, приспосабливаясь к природе и удовлетворяя лишь примитивные потребности, не разделяя индивидуальные и общие интересы, права и обязанности.

Переход к государству совершался в различных исторических формах. Например, на Востоке наибольшее распространение получила такая форма, как «азиатский способ производства». Здесь устойчивыми оказались социально-экономические структуры родового строя.

Римское же государство, напротив, возникло не из внутренних противоречий, а в результате борьбы между патрициями – членами патрицианского рода и пришельцами – плебеями. Германская форма возникновения государства также не являлась классической, т.к. связанна с завоеванием чужих территорий, для господства над которыми родовая организация не была приспособлена [12].

Можно сказать, что постоянное усложнение социальной системы, какой является общество, привело к необходимости управления ею. Однако на формирование государства повлияли и демографические, психологические, географические, внешние факторы. Заслуживают внимания понятия государства, разработанные дореволюционными русскими юристами. Е.Н. Трубецкой считал, что государство есть союз людей, властвующий самостоятельно и исключительно в пределах определенной территории [14]. Н.М. Коркунов определял государство как общественный союз, представляющий собой самостоятель-

ное, признанное принудительное властвование над свободными людьми [10]. В.М. Хвостов рассматривал государство как союз свободных людей, живущих на определенной территории и подчиняющихся принудительной и самостоятельной верховной власти [15]. По мнению Л. Гумпловича, государство – это естественно возникающая организация властвования, предназначенная для охраны определенного правопорядка [4].

Таким образом, большинство мыслителей прошлого рассматривали государство с социологической точки зрения. Но предпринимались попытки дать и юридическое определение государства. Например, Г. Еллинек считал, что государство представляет собой особое общественное образование и особое правовое явление, иначе говоря, государство имеет юридическую природу [6]. Гегель, исходя из своей общей философской системы, трактовал государство как порождение особых духовных начал человеческого бытия: «Государство есть действительность нравственной идеи – нравственный дух…». [3].

Классовость как важнейший признак любого государства признавалось большинством советских юристов. По мнению профессора МГУ М.Н. Марченко, «государство – политическая организация классового общества, выражающая в концентрированной форме интересы и волю господствующих классов, материальным носителем политической власти которых выступает публичная власть».

По словам А.Б. Венгерова, «государство стало выражать и защищать интересы всего общества, классовые интересы, интересы иных социальных групп» [2]. По убеждению А.И. Косарева, государство и право, «будучи классовыми явлениями, одновременно выступают выразителем интересов и потребностей всего общества» [11]. С.Л. Зивс исходит их того, что «выполнение общих дел, выражающих некоторый общезначимый для всех членов общества интерес, есть неотъемлемый элемент, сущностная сторона деятельности любого аппарата государственной власти» [7].

По мнению профессора А.И. Коваленко, «государство можно определить как всеохватывающую политическую организацию господствующего класса, служащую главным орудием обеспечения его интересов» [9].

Современное государство можно рассматривать как постсоветское квазидемократическое государство, выражающее и защищающее преимущественно интересы бюрократической номенклатуры [13].

Многообразие взглядов на государство обусловлено в первую очередь тем, что само государство представляет собой чрезвычайно сложное, многогранное и исторически меняющееся явление.

В зависимости от конкретно-исторических условий той или иной страны формы, темпы и результаты социальных явлений весьма различны. Например, любая революция достигает быстрых и радикальных результатов, если ее движущей силой является весь народ, а не отдельная социальная группа.

И, напротив, радикальные реформы, не поддерживаемые большинством населения, не могут реализовываться многие десятилетия.

И последний важный фактор, это то, что допускает альтернативное развитие государства и права.

Все эти факторы могут оказывать различное влияние на развитие или регресс государства, время от времени среди них обозначаются доминирующие, но они всегда воздействуют на государство только во взаимосвязи.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что нередко понятие о государстве дается не в его исторической действительности, а в идеальном представлении. Вместо того чтобы определить, что такое государство, часто лишь описывают, каким оно должно быть. Конечно, в современный период все концепции и определения государства должны рассматриваться как одно из направлений общественной мысли наряду с другими теориями и концепциями. Методологическая задача при определении основных направления вопросов становления и развития государства состоит в том, чтобы дать признаки того исторического явления, которое носит название «государство».

Список использованных источников:

1. Баранов В.М. Правовая демагогия // Вопросы теории государства и права. – 2004. – № 3.
2. Венгеров А.Б. Несущие конструкции правового государства // Право и власть. – М., 1994.
3. Гегель. Философия права. – М., 1996.
4. Гумплович Л. Общее учение о государстве. – СПб., 1910.
5. Денисов А.И. Основы марксистско-ленинской теории государства и права. – М., 1995.
6. Еллинек Г. Общее учение о государстве. – СПб., 1910.
7. Зивс С.Л. Источники права. – М., 1994.
8. Керимов Д.А. Методология права предмет, функции, проблемы философии и права). – М.: Аванта+, 2000.
9. Коваленко А.И. Правовое государство: концепции и реальность. – М., 1993.
10. Коркунов Н.М. История философии права. – СПб., 1915.
11. Косарев А.И. Происхождение и сущность государства. – М., 1996.
12. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. – М.: Юристъ, 2006.
13. Нерсенянц В.С. История идей правовой государственности. – М., 2003.
14. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. – М., 1917.
15. Хвостов В.М. Общая теория права. – М., 1914.
16. Хропанюк В.Н. Теория государства и права. – М., 2001.

References:

1. Baranov V.M. Pravovaja demagogija // Voprosy teorii gosudarstva i prava. – 2004. – № 3.

2. Vengerov A.B. Nesushhie konstrukcii pravovogo gosudarstva // Pravo i vlast'. – M., 1994.
3. Gegel'. Filosofija prava. – M., 1996.
4. Gumplovich L. Obshhee uchenie o gosudarstve. – SPb., 1910.
5. Denisov A.I. Osnovy marksistsko-leninskoj teorii gosudarstva i prava. – M., 1995.
6. Ellinek G. Obshhee uchenie o gosudarstve. – SPb., 1910.
7. Zivs S.L. Istochniki prava. – M., 1994.
8. Kerimov D.A. Metodologija prava predmet, funkcii, problemy filosofii i prava). – M.: Avanta+, 2000.
9. Kovalenko A.I. Pravovoe gosudarstvo: koncepcii i real'nost'. – M., 1993.
10. Korkunov N.M. Istorija filosofii prava. – SPb., 1915.
11. Kosarev A.I. Proishozhdenie i sushhnost' gosudarstva. – M., 1996.
12. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. Teorija gosudarstva i prava. – M.: Jurist#, 2006.
13. Nersenjanc V.S. Istorija idej pravovoj gosudarstvennosti. – M., 2003.
14. Trubeckoj E.N. Lekcii po jenciklopedii prava. – M., 1917.
15. Hvostov V.M. Obshhaja teorija prava. – M., 1914.
16. Hropanjuk V.N. Teorija gosudarstva i prava. – M., 2001.

Марченко М.П.,
Волгоградский государственный университет

Конституционная доктрина правового положения личности

В докладе анализируется современное понимание конституционно-правового статуса личности.

Ключевые слова: право, конституционный, статус, государство, закон.

Marchenko M.P.,
Volgograd state university

Constitutional doctrine of a legal status of the personality

In article the modern understanding of constitutional legal status of the personality is analyzed.

Keywords: right, constitutional, status, state, law.

Многообразные связи права и личности наиболее полно могут быть охарактеризованы через понятие правового статуса, в котором отражаются все основные стороны юридического бытия индивида: его интересы, потребности, взаимоотношения с государством, трудовая и общественно-политическая деятельность, социальные притязания и их удовлетворение. Это собирательная, аккумулирующая категория. В самом кратком виде правовой статус определяется в науке как юридически закрепленное положение личности в обще-

стве. В основе правового статуса лежит фактический социальный статус, т. е. реальное положение человека в данной системе общественных отношений. Право лишь закрепляет это положение, вводит его в законодательные рамки. Социальный и правовой статусы соотносятся как содержание и форма.

Конституционные права и свободы составляют ядро правового статуса личности и лежат в основе всех других прав, закрепляемых иными отраслями права. В Конституции РФ проводится разграничение основных прав и свобод на права и свободы человека и гражданина. Права гражданина охватывают сферу отношений индивида с государством, в которой он рассчитывает не только на ограждение своих прав от незаконного вмешательства, но и на активное содействие государства в их реализации. Статус гражданина вытекает из особой правовой его связи с государством – института гражданства.

Важное место в системе отрасли конституционного права занимает институт, нормы которого закрепляют основы правового статуса личности или, иными словами, основы правового положения (статуса) человека и гражданина. Конституционное воплощение этот институт получил в гл. 2 действующей Конституции Российской Федерации: «Права и свободы человека и гражданина». В нормах этой главы конкретизирована одна из основ конституционного строя России, которая провозглашена в ст. 2 Конституции и в которой устанавливается, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства [6].

Конституционно-правовой институт, нормы которого закрепляют основы правового статуса личности, отражает наиболее существенные, исходные начала, определяющие положение человека в обществе и государстве, принципы их взаимоотношений [2].

Во всех сферах отношений, регулируемых правом, человек и гражданин выступает как субъект соответствующих прав, свобод и обязанностей, которые определены нормами конкретной отрасли. Всеми отраслями права предусмотрены и условия его участия в качестве субъекта тех или иных видов правоотношений при реализации им своей правоспособности.

Конституционное право выполняет особую роль в установлении правового положения человека и гражданина.

Институт, устанавливающий основы правового статуса личности, занимает важное место в системе конституционного права Российской Федерации, непосредственно следуя за совокупностью норм, закрепляющих основы конституционного строя [5]. Такая последовательность закономерна. Именно основы конституционного строя определяют те начала устройства общества, от которых производно правовое положение человека и гражданина.

Нормы, закрепляющие основы правового статуса личности, тесно связаны с нормами других конституционно-правовых институтов, причем эта связь взаимная. Формирование, принципы деятельности органов государственной

власти и органов местного самоуправления базируются на основах правового статуса человека и гражданина и, в свою очередь, содержат соответствующие конкретные гарантии их реализации.

Прежде чем перейти к анализу принципов правового статуса человека и гражданина, необходимо рассмотреть вопрос о развитии концепции прав человека и гражданина в конституционном законодательстве России. Без этого нельзя уяснить глубинную суть, новое содержание конституционных установлений, закрепляющих основы статуса человека и гражданина [7].

Понятия «права человека» и «права гражданина» близки, но не совпадают по содержанию. Они отражают различные аспекты статуса личности. Вот почему Конституция, характеризуя этот статус, применяет оба понятия, фиксируя права и свободы и человека, и гражданина.

Понятие «права человека» подчеркивает неотъемлемость прав личности как таковой, невмешательство государства во внутреннюю жизнь человека.

Конституционный статус личности в России – одно из важнейших достижений на пути преобразования общества [3]. Это убедительное доказательство того, что наша страна идет по пути демократии и гуманизма, строит правовое государство [1]. Многое сделано в сфере политических прав и свобод, особенно в создании предпосылок для развития многопартийности, гласности, информации, деятельности общественных организаций. Конституционная доктрина современных государств все же признает возможность существования некоторых различий в правах и обязанностях граждан, имеющие естественный характер: например, обязанность проходить военную службу в большинстве государств мира возлагается только на граждан мужского пола, особые конституционные права в последние десятилетия стали закрепляться за инвалидами, детьми. Безусловно, важнейшим среди личных прав является право на жизнь. Содержание права на жизнь многогранно и различается в разных государствах.

Список использованных источников:

1. Агапов А.Н. Конституционно-правовые гарантии личной безопасности // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 2 (3). – С. 77–80.
2. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. – М., 2007.
3. Матузов Н.И. Право в системе социальных норм // Правоведение. – 2006. – № 2.
4. Пучкова М.В. Нормативные акты Совета Министров союзной республики в механизме реализации конституционных прав граждан // Советское государство и право. – 2005. – № 3.
5. Рудинский Ф.М. Личность и социалистическая законность. – Волгоград, 2006.
6. Теория государства и права / Под ред. В.В. Лазарева. – М., 2004.
7. Явич Л.С. Общая теория права. – Л., 2003.

References:

1. Agapov A.N. Konstitucionno-pravovye garantii lichnoj bezopasnosti // Evra-zijskaja advokatura. – 2013. – № 2 (3). – S. 77–80.
2. Voevodin L.D. Juridicheskij status lichnosti v Rossii. – M., 2007.
3. Matuzov N.I. Pravo v sisteme social'nyh norm // Pravovedenie. – 2006. – № 2.
4. Puchkova M.V. Normativnye akty Soveta Ministrov sojuznoj respubliki v mehanizme realizacii konstitucionnyh prav grazhdan // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 2005. – № 3.
5. Rudinskij F.M. Lichnost' i socialisticheskaja zakonnost'. – Volgograd, 2006.
6. Teorija gosudarstva i prava / Pod red. V.V. Lazareva. – M., 2004.
7. Javich L.S. Obshhaja teorija prava. – L., 2003.

Мукова Л.А., кандидат юридических наук, профессор,
Василев Л.А., магистр права
Международное высшее бизнес училище

К вопросу о правовом регулировании публично-частного партнерства в Болгарии

В 2013 году в Болгарии был принят Закон о публично-частном партнерстве. Закон закрепил правовой статус публично-частного партнерства и создал нормативную базу для его практического внедрения.

Ключевые слова: публично-частное партнерство, правовой объектный и субъектный состав, публичный партнер, подготовительные действия публичного партнера, процедура определения частного партнера.

Mukova L.A., candidate of jurisprudence, professor,
Vassilev L.A., master of law
International school highest business

To a question of legal regulation public and private partnership in Bulgaria

In 2013 in Bulgaria the Law on public and private partnership was adopted. The law fixed legal status of public and private partnership and created regulatory base for its practical introduction.

Keywords: public and private partnership, legal object and subject structure, public partner, preparatory actions of a public partner, procedure of definition of the private partner.

В рамках статьи не представляется возможным раскрыть всю гамму вопросов, связанных с ПЧП [1, 2], поэтому мы избрали форму тезисного изложения лишь одного из них.

Первый тезис: Экономическая теоретико-практическая платформа ПЧП. Исследование законодательной базы в этой области необходимо начинать с экономической теоретико-практической платформы ПЧП, так как перед нами прежде всего экономическая категория. ПЧП имеет несколько определений, данных экономистами. При всех несущественных различиях, в общем плане ПЧП определяется как сотрудничество между органами государственной и муниципальной власти и частным бизнесом на основе принципов достижения баланса между публичными и частными интересами, экономической эффективности реализуемых проектов, социализации деятельности и взаимной ответственности сторон. Форма должна обеспечить финансирование, строительство, реинновацию, управление и содержание инфраструктуры или предложение публичных услуг.

Субъектный состав ПЧП включает: государственные и местные органы власти, торговцев (товарищества, общества и кооперации) и юридические лица с идеальной целью. При этом участники в ПЧП как субъекты гражданского оборота вступают в срочные правоотношения добровольно, несут взаимные юридические обязательства, действуют на паритетных началах, т. е. соразмерно расходуют ресурсы и время, несут риски и выгоды, оформляют свои отношения через договоры или другой правоустановительный акт. Экономическими принципами ПЧП являются: стоимость за реальные деньги; цена финансирования; рамочное приложение принципов рыночной экономики к публичной сфере. Современные экономические исследования показывают, что проблемы с внедрением ПЧП существуют везде, включительно и в странах ЕС. Среди проблем указываются: отсутствие целостной стратегии в отношение ПЧП; хаотичность законодательства; недостаточный административный капацитет; недостаточные публичные финансы; неготовность частного сектора к сотрудничеству; недостаточность политической воли и др.

Второй тезис: Правовой и законодательный институт ПЧП в Болгарии.

Выбор модели ПЧП осуществляется посредством законодательной базы, целей и приоритетов в социально-экономической стратегии развития конкретного государства. Модель работает там, как правильно отмечается рядом авторов, где присутствуют основания для нее – состояние экономического развития, соответствующие институты власти, электронизация правительства. Прежде чем был принят Закон о ПЧП в Болгарии были приняты Закон об общественных заказах (2004 г.) и Закон о концессиях (2006 г.). Не один из этих законов не совершенен для регулируемой сферы общественных отношений. Концессии заключаются обычно на большие объекты большой инфраструктуры (которых в Болгарии не так много), а общественные заказы имеют несколько другое предназначение по объектному составу.

Принятый Закон об ПЧП (2013 г.) состоит из восьми глав (общие положения; объекты и субъекты, планирование, отчетность, процедура осуществления; заключение договора и др.). Легальная дефиниция ПЧП дана в ст. 3, ч. 1

ЗПЧП, согласно которой под ПЧП понимается долгосрочное договорное сотрудничество между одним или более публичными партнерами, с одной стороны, и одним и более частными партнерами, с другой стороны, для осуществления деятельности с целью удовлетворения общественного интереса при достижении лучшей стоимости вложенных публичных средств и при распределении рисков между партнерами. Правовыми принципами ПЧП в соответствие с законом являются: публичность, прозрачность, свободная и лояльная конкуренция, недопущение дискриминации, равноправие и пропорциональность. Правовые принципы соответствуют экономическим принципам ПЧП [3].

ПЧП согласно Закона может быть оговорено при наличии двух условий: когда общественно-значимая деятельность не может быть осуществлена в порядке установленным Законом об общественных заказах и когда она не может быть осуществлена через концессию (ст. 3, ч. 2, т. т. 1, 2 ЗПЧП). В ст. 4 ЗПЧП конкретно определены две группы объектов: 1) объекты технической инфраструктуры и зеленой системы; 2) объекты социальной инфраструктуры. В общем, объектами могут быть: земли, здания, сооружения, движимые вещи или права на индустриальную или интеллектуальную собственность, принадлежащие государству, муниципалитетам или публичным организациям, и/или частному партнеру. При этом объект обязательно подлежит страхованию (риск повреждения или гибели носит собственник) и в отношении него в течение срока ПЧП не могут осуществляться сделки по переводу права собственности в пользу третьих лиц (ст. 5, ч. 3 ЗПЧП).

Субъектами по ПЧП – правоотношению являются публичные и частные партнеры. Публичные партнеры распределены в три группы. Таковыми являются: министры или руководители ведомств с соответствующей компетенцией; мэры (кметы) общин и государственные и общинские публичные организации (юридические лица) с определенным предметом деятельности с общественным интересом. Частным партнером может быть капиталовое торговое общество (АО, ООО, Коммандитное АО) существующее или новообразованное при соблюдении законных требований. Определение сторон-участников по договору о ПЧП подчинено определенной процедуре.

Третий тезис: Проблема, связанная с детализацией и продолжительностью процедур.

С одной стороны, детализация закона может быть оценена позитивно, так как позволяет ему соответствовать установленным правовым принципам ПЧП – публичности, прозрачности, недопущению дискриминации по отношению к участникам правоотношения и др., т. е. с целью избегания коллизии интересов (коррупционных схем). С другой стороны, большая продолжительность бюрократических процедур оформления отношений между публичным и частным партнерами может нести отрицательный экономический эффект. Во-первых, если иметь ввиду специфику объектов, по поводу которых и возникают данные правоотношения (например, объекты зеленой системы: парки,

сады, зеленые городские площади и др.), то сроки реализации проектов могут еще отодвинуться на неопределенное время. Во-вторых, сложные публичные процедуры отталкивают предпринимателей независимо от привлекательности проектов. В-третьих, у партнеров (публичных и частных) в постсоциалистических странах отсутствует современная правовая культура взаимоотношений подобного типа.

Первичное развитие рынков в этих странах не способствует созданию толерантной модели поведения. И у одних и у других при контакте возникает чувство недоверия. Подтверждением тому является текст ЗПЧП Болгарии. Так, решения о государственных ПЧП и о ПЧП государственных публично-правовых организаций принимаются Советом Министров по предложению министра или руководителя ведомства. Решения об общинских ПЧП и общинских публично-правовых организаций принимаются Общинским советом по предложению мэра общины.

Решения принимаются управомоченным органом каждого публичного партнера, когда в договоре о ПЧП участвуют более одного публичного партнера. Публичный партнер обязан провести подготовительные действия для ПЧП-проектов, которые включены в Оперативный план или в соответствующую программу общины. Порядок подготовки определен ст. 30 ЗПЧП. Процедура определения частного партнера установлена в ст. 32 ЗПЧП и включает: принятие решений об открытии процедуры, определении частного партнера, о прекращении процедуры. Процедура по определению частного партнера может быть нескольких видов: открытая, ограниченная, состязательный диалог или процедура с договариванием в соответствии с ЗОП.

Решением об открытии процедуры, опубликованном в Регистре общественных заказов, определяются условия договора ПЧП (права и обязанности сторон и максимальный размер нормы возвращаемости для частного партнера); одобряются содержание объявления и документации для участия в процедуре по определению частого партнера. Объявление также публикуется в Регистре общественных заказов и в «Официальной газете» Европейского союза. Выбирается наиболее выгодная с экономической точки зрения оферта. Комиссия по организации процедуры проводит классацию, на основе которой публичный партнер предоставляет уполномоченному органу в течение одного месяца с момента окончания работы Комиссии доклад и проект решения об определении частного партнера. К докладу прилагается протокол комиссии. Проводится выбор частного партнера. Решением о выборе частного партнера конкретизируются условия договора о ПЧП и определяется срок его заключения, который согласно ст. 39, т. 2 ЗПЧП не может быть более трех месяцев.

Даже из краткого описания процедур видно, что на заключение договора о ПЧП может уйти от шести до восьми и более месяцев, не говоря уже о разработке самих оперативных планов и программ государства и общин в отношении объектов ПЧП.

В результате теряется экономический смысл самого правового института. Думается, что решением вопроса является пересмотр модели определения частных участников ПЧП, она должна быть менее загруженна бюрократическими элементами, и предусматривать быстрейшее создание структур электронного управления и контроля за заключением и исполнения договоров о ПЧП.

Список использованных источников:

1. Варнавский В.Г, Клименко А.В., Королёв В.А. Теоретические основы государственно частного партнёрства. Государственно-частное партнёрство: теория и практика. М: Изд. дом. – ГУ ВШЭ, 2010.
2. Кънев Е. Публично-частно партньорство – принципи, модели и политики за частно предлагане на публични услуги. – С., изд-во «Изток-запад». – 2011.
3. Радев Е. Новият закон за публично-частното партньорство. – Сп. «Търговско и облигационно право». – 2013.

References:

1. Varnavskij V.G, Klimenko A.V., Koroljov V.A. Teoreticheskie osnovy gosudarstvenno chastnogo partnjorstva. Gosudarstvenno-chastnoe partnjorstvo: teorija i praktika. – M: Izd. dom. – GU VShJe, 2010.
2. K#nev E. Publichno-chastno partn'orstvo – principi, modeli i politiki za chastno predlagane na publichni uslugi. – S., izd-vo «Iztok-zapad». – 2011.
3. Radev E. Novijat zakon za publichno-chastnoto partn'orstvo. – Sp. «T#rgovsko i obligacionno pravo». – 2013.

Панасенко Т.И.,
Санкт-Петербургский государственный университет

Законодательные конструкции и законодательная политика

Важнейшим видом правовой политики является законодательная политика, которая определяет основные приоритеты законодательной деятельности и содержание законодательных конструкций.

Ключевые слова: законодательная политика, законодательная конструкция, гносеологическая юридическая конструкция, теоретическая модель.

Panasenko T.I.,
St. Petersburg State University

Legislative designs and legislative policy

The most important type of legal policy is legislative полити which defines the main priorities of legislative activity and the maintenance of legislative designs.

Keywords: legislative policy, legislative design, gnoseological legal design, theoretical model.

Важнейшим компонентом правовой политики является деятельность по созданию норм законодательства на основе современной доктринально обоснованной законодательной политики. Среди известных в юридической литературе определений понятия законодательной политики в контексте исследуемого вопроса следует выделить определение, предложенное Д.В. Березовским, который рассматривает законодательную политику как совокупность целей, средств и способов деятельности субъектов законодательной власти, направленную на реализацию правотворческой функции государства, выраженную в форме принятия законов, в целях повышения эффективности правового регулирования, обеспечения прав и свобод граждан, укрепления законности и правопорядка [1]. По мнению А.П. Мазуренко, совершенствование механизма согласования воли государства и народа при формировании законотворческих решений является одной из важнейших задач законодательной политики [3].

Для достижения цели адекватного формулирования текста закона законодателю необходимо опираться на выработанные в юриспруденции законодательные конструкции как инструментарий построения нормативного материала. По мнению А.Ф. Черданцева, «юридические конструкции придают нормам права логическую стройность, способствуют полному, беспробельному и четкому урегулированию тех или иных общественных отношений» [4]. Юридическая конструкция, обоснованная в юридической науке, должна рассматриваться в качестве теоретической модели, на основе которой законодатель создает реальную законодательную конструкцию. Теоретическая модель – это гносеологическая юридическая конструкция, идеальная модель юридической действительности. Гносеологическая функция юридической конструкции позволяет заместить реальный объект познания его логическим эквивалентом (моделью). Знание, получаемое посредством познавательных операций, таких как мысленный эксперимент, с подобным логическим эквивалентом объекта, переносится затем на объект и используется, в том числе, при построении новых законодательных конструкций.

Одной из часто используемых российским законодателем конструкций является конструкция льготы. Например, пп. 7 п. 1 ст. 333.36 НК РФ установле-

но освобождение организаций и физических лиц от уплаты государственной пошлины по делам, рассматриваемым в судах общей юрисдикции, а также мировыми судьями, – при подаче в суд жалоб на действия (бездействие) судебного пристава-исполнителя, а также жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях, вынесенных уполномоченными на то органами.

Согласно п. 2 ст. 329 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), заявление об оспаривании постановлений должностных лиц службы судебных приставов, их действий (бездействия) государственной пошлиной не облагается.

Терминологически в данных положениях отсутствует понятие льготы, однако по своему содержанию указанные нормы отвечают существенным признакам юридической конструкции льготы: субъектам предоставляются дополнительные возможности для реализации их интересов; имеет место отклонение от единых нормативных требований; законное изъятие.

Пп. 7 п. 1 ст. 333.36 НК РФ установлены льготы при подаче жалоб в суды общей юрисдикции и к мировым судьям, однако не предусмотрено освобождение от обязанности по уплате государственной пошлины при подаче заявления в Арбитражный суд. В свою очередь ВАС РФ в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 25.05.2005 № 91 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами главы 25.3 Налогового кодекса Российской Федерации» разъяснил, что после введения в действие гл. 25.3 НК РФ положения нормы п. 2 ст. 329 АПК РФ не утратили силу, о чем исходя из универсальности воли законодателя свидетельствует содержание пп. 7 п. 1 ст. 333.36 НК РФ. В данном случае ВАС РФ руководствовался аналогией закона.

В НК РФ нет прямого запрета на применение его норм по аналогии, однако в любом случае применение аналогии закона к нормам-исключениям недопустимо, поскольку они должны быть установлены на законодательном уровне. Таким образом, создавая юридическую конструкцию льгот посредством применения аналогии закона ВАС РФ нарушает закон непротиворечия юридической конструкции, согласно которому «юриспруденція связана какъ съ закономъ, такъ и съ самой собой, съ понятіями, тезисами, выставленными ею въ другом месте, ея конструкціи должны согласоваться какъ въ самихъ себе, такъ и между собою» [2]. Юридическая конструкция не должна составлять исключения из более общих положений, а должна быть согласована с ними. Ст. 333.37 НК РФ посвященная освобождению от уплаты государственной пошлины по делам, рассматриваемым в арбитражных судах. В данной статье не предусмотрено освобождение от уплаты государственной пошлины при подаче в Арбитражный суд заявления об оспаривании постановлений должностных лиц службы судебных приставов, их действий (бездействия). Кроме того, ч. 1 п. 3 ст. 333.21 НК РФ установлена государственная пошлина при подаче заявления в арбитражный суд о признании решений и действий (бездействий)

государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц незаконными. Исходя из толкования данной статьи, следует логический вывод о том, что государственной пошлиной облагается, в том числе, оспаривание постановлений должностных лиц службы судебных приставов, их действий (бездействия).

Государственная пошлина отнесена к федеральным сборам. В соответствии с п. 5 ст. 12 НК РФ федеральные, региональные и местные налоги и сборы отменяются НК РФ. Согласно п. 1 ст. 56 НК РФ льготами по налогам и сборам признаются представляемые отдельным категориям налогоплательщиков и плательщиков сборов предусмотренные законодательством о налогах и сборах преимущества по сравнению с другими налогоплательщиками или плательщиками сборов, включая возможность не уплачивать налог или сбор либо уплачивать их в меньшем размере. В соответствии с п. 2 указанной статьи, льготы по федеральным налогам и сборам устанавливаются и отменяются НК РФ. Следовательно, подача в Арбитражный суд РФ заявление об оспаривании постановлений должностных лиц службы судебных приставов, их действий (бездействия) должна облагаться государственной пошлиной впредь до внесения изменений в НК РФ, предусматривающих освобождение от ее уплаты.

Таким образом, избежание правовых коллизий, создание последовательных и непротиворечивых законодательных конструкций, которые бы отражали реальное положение дел в российском обществе, возможно при использовании выработанных и обоснованных правовой доктриной законодательных конструкции как инструментария построения нормативного материала.

Список использованных источников:

1. Березовский Д.В. Становление и развитие законодательной политики субъектов Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. – 2005. – № 2.
2. Иеринг. Р. Юридическая техника // Переводъ съ немецкаго. – СПб., 1905.
3. Мазуренко А.П. Законодательная политика: общетеоретический аспект // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 2 (3). – С. 121–123.
4. Черданцев А.В. Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Правоведение. – 1972.

References:

1. Berezovskij D.V. Stanovlenie i razvitie zakonodatel'noj politiki sub#ektov Rossijskoj Federacii // Pravovaja politika i pravovaja zhizn'. – 2005. – № 2.
2. Iering. R. Juridicheskaja tehnika // Perevod# s# nemeckago. – SPb., 1905.
3. Mazurenko A.P. Zakonodatel'naja politika: obshheteoreticheskij aspekt // Evrazijskaja advokatura. – 2013. – № 2 (3). – S. 121–123.
4. Cherdancev A.V. Juridicheskie konstrukcii, ih rol' v nauke i praktike // Pravovedenie. – 1972.

Петров Д.В.,
Евразийский НИИ проблем права

Личность и профессиональная деятельность адвоката как объект государственной защиты

В докладе на основе анализа действующего законодательства и юридической литературы рассмотрена деятельность адвоката как объекта государственной защиты.

Ключевые слова: государство, законодательство, право, защита, адвокат.

Petrov D.V.,
Eurasian scientific research institute of problems of law

Personality and professional activity of the lawyer as object of the state protection

In article on the basis of the analysis of the current legislation and legal literature activity of the lawyer as object of the state protection is considered.

Keywords: state, legislation, right, protection, lawyer.

Значение профессиональной деятельности адвоката по реализации закрепленного в Конституции РФ права каждого на получение квалифицированной юридической помощи трудно переоценить.

В этой связи вполне обоснованным является закрепление, как в международном, так и в российском законодательстве норм, направленных на защиту личности и профессиональной деятельности адвоката в целях создания для него возможности по реализации функций адвокатуры.

Если рассмотреть Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» (далее – ФЗ Об адвокатуре), то из наименования статьи 18 и её содержания следует, что гарантия независимости адвоката реализуется, в том числе, по средством защиты со стороны государства, а также мер по обеспечению безопасности осуществляемых органами внутренних дел.

Вместе с тем, какие – либо иные положения, раскрывающие содержание этой гарантии в отношении адвокатов, в ФЗ Об адвокатуре отсутствуют. В связи с этим, представляется необходимым рассмотреть данную проблему.

Понятие «защита» в русском языке означает то, что защищает, служит обороной, оберегает, охраняет от чего-либо, действие по значению глагола: защищать, защитить, защищаться, защититься.

В свою очередь термины «защищать» или «защитить» определяются как охранять, оберегать, ограждать от каких-либо враждебных действий, неблагоприятного, вредного воздействия, влияния, отстаивать, заступаться, не давать

в обиду, закрывать, загораживать охраняя [1], «защитить» – охраняя, оградить от посягательств, от враждебных действий, от опасности, предохранить, обезопасить от чего-нибудь.

В действующем законодательстве понятию «государственная защита» дается определение в ст. 1 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», как осуществление предусмотренных настоящим Федеральным законом мер безопасности, направленных на защиту их жизни, здоровья и (или) имущества, а также мер социальной поддержки указанных лиц в связи с их участием в уголовном судопроизводстве уполномоченными на то государственными органами.

Аналогичное определение государственной защиты, как мер безопасности, правовой и социальной защиты, дается в Федеральном законе от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (ст. 1).

Исходя из приведенных законодательных норм, в содержание государственной защиты входят меры безопасности, направленные на защиту жизни, здоровья и (или) имущества, меры правовой защиты и меры социальной поддержки.

Близко к термину «защита» и понятие «безопасность». В русском языке оно означает защищенность, отсутствие угрозы извне.

В ст. 1 ранее действующего Закона РФ от 05.03.1992 № 2446-1 «О безопасности» понятию «безопасность» давалось следующее определение – как состоянию защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

В действующем Федеральном законе от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» данного определения нет, но в части 1 статьи 4 указывается, что государственная политика в области обеспечения безопасности является частью внутренней и внешней политики Российской Федерации и представляет собой совокупность скоординированных и объединенных единым замыслом политических, организационных, социально-экономических, военных, правовых, информационных, специальных и иных мер.

В иных нормативных актах понятие безопасности также определяется как состояние защищенности объектов от какого-либо незаконного вмешательства, действия (бездействия), а также иных угроз.

К защищаемым субъектам ч. 4 ст. 18 ФЗ Об адвокатуре относит непосредственно самого адвоката и членов его семьи.

Вместе с тем, в Федеральном законе от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» в числе лиц подлежащих государственной защите члены семьи не указываются. Не встречается такое понятие в УК РФ и УПК РФ. В этой связи в научных исследованиях неоднократно указывалось на необходимость

внесения изменений в ч. 4 ст. 18 ФЗ Об адвокатуре и приведении её в соответствие с другими нормативными актами [2].

Справедливую критику вызывает и такое положение рассматриваемой нормы, как возложение государственной защиты адвоката и членов его семьи исключительно на органы внутренних дел, поскольку такая формулировка не согласуется ни с ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», ни с ФЗ «О полиции».

Кроме того, как отмечает А.В. Рагулин, в ФЗ «О полиции» нет прямого указания на то, что органы внутренних дел обязаны обеспечивать безопасность адвокатов. При этом государственная защита полицией адвоката, не в связи с его участием в уголовном судопроизводстве, ФЗ «О полиции» прямо не предусмотрена [2].

В заключение можно сделать вывод о том, что действующее российское законодательство нуждается в совершенствовании, поскольку не позволяет в полной мере обеспечить практическую реализацию государственной защиты личности и профессиональной деятельности адвоката, а также членов его семьи.

Вместе с тем, необходимо отметить, что сама по себе государственная защита адвоката является лишь составной частью целого комплекса мер, направленных на обеспечение безопасности личности и профессиональной деятельности адвоката, которые также нуждаются в нормативном и практическом совершенствовании.

Список использованных источников:

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – СПб., 1863–1866.
2. Рагулин А.В. Современные проблемы регламентации и охраны профессиональных прав адвоката-защитника в России: Монография. – М.: ЮРКОМПАНИ, 2012. – С. 138.

References:

1. Dal’ V.I. Tolkovyj slovar’ zhivogo velikorusskogo jazyka: V 4 t. – SPb., 1863–1866.
2. Ragulin A.V. Sovremennye problemy reglamentacii i ohrany professional’nyh prav advokata-zashhitnika v Rossii: Monografija. – M.: JuRKOMPANI, 2012. – S. 138

Пискунова Е.А.,
Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Проблемы эффективности законодательства Российской Федерации

В докладе рассматриваются некоторые насущные проблемы эффективности российского законодательства, среди которых можно выделить отсутствие

нормативного закрепления критериев оценки эффективности, отсутствие специалистов-легистов, а также заметная нестабильность принятых законов.

Ключевые слова: эффективность законодательства, легистика, качество закона, законодательный процесс.

Piskunova E.A.,
Moscow state legal university

Problems of efficiency of the legislation of the Russian Federation

In presented article some essential problems of efficiency of the Russian legislation from which it is possible to distinguish lack of standard fixing of criteria of an assessment of efficiency, absence of experts-legistov, and also noticeable instability of the adopted laws are considered.

Keywords: efficiency of the legislation, легистика, quality of the law, legislative process.

Тема эффективности законодательства для Российской Федерации представляется актуальной ввиду недостаточного качества современного состояния законодательства. Пороки качества могут выражаться в различных аспектах. Самый простой из них – количественный: подсчитано политологами, что для успешного развития государства необходимо около 70–80 новых законов в год, в то же время за 2013 год в России принято 448 законов федерального уровня. При этом большинство из этого числа – законы о поправках в ранее принятые законы, что свидетельствует о нестабильности законодательной базы.

Классическая теория государства и права предполагает два подхода к исследованию эффективности законодательства. Первый, более распространенный, можно обозначить как «целевой», то есть сравнение цели закона и достигнутого результата. К примеру, закон ставил своей целью снижение преступности, а после вступления в силу закона преступность снизилась, значит, закон следует признать эффективным. Однако, такой, казалось бы, логичный подход не лишен недостатков, так он не учитывает возможный дефект цели, когда в случае неправильно поставленной цели был нанесен вред урегулированным общественным отношениям, а закон все равно можно считать эффективным. Второй подход называют «конкретно-социологическим». Суть его заключается в том, что методами социологии можно измерить социальный сдвиг, произошедший после принятия исследуемого закона. К тому же примеру про уровень преступности: если до принятия закона он был один, а после изменился, значит, произошел социологический сдвиг, который можно измерить социологическими методами. Все же и этот подход уязвим, так как не всегда можно выделить роль нормы, содержащейся в исследуемом законе по отношению к другим социальным инструментам [1]. Однако на вопрос, кто

занимается оценкой эффективности законодательства в России по подходам, выработанным теорией права, сложно дать однозначный ответ.

Практика показывает, что оценить эффективность закона можно, используя и другие критерии: стабильность закона, то есть отсутствие многочисленных поправок сразу после вступления закона в силу, как ответ на реакцию граждан, которая в свою очередь могла бы быть предусмотрена законодателями еще в момент рассмотрения закона; качество принятого закона, выражающегося в закреплении работающих механизмов реализации правовых норм, высокий уровень юридической техники или количество опротестованных законов органами прокуратуры и прочее. Тем не менее, критерии оценки не закреплены нормативно.

Справедливости ради нельзя не указать на то, что вопросы качества, эффективности законов достаточно давно занимают умы специалистов. Так еще Екатерина II писала: «Законы должны быть писаны простым языком. И уложение, законы в себе содержащее, должно быть книгою весьма употребительною и, которую бы за малою ценою достать можно было наподобие букваря…» [4]. Шарль Монтескье в своем труде «О духе законов» сформулировал основополагающие правила, которые необходимо учитывать разработчикам законов, например: слог законов должен быть сжатым и простым; прямые выражения всегда доступнее пониманию, чем изысканные; законы не должны вдаваться в тонкости; они предназначены для людей посредственных и содержат в себе здравые понятия простого отца семейства, а не искусство логики и другие [3].

Современный период предъявляет дополнительные требования к законодательной технике в государстве, оформились определенные тенденции, которые можно рассмотреть на примере Европейской ассоциации законотворчества. Председатель Л. Мадер выделил критерии качественного законодательства: 1. Законодательство является легитимным, т. е. соответствует принципам и предписаниям международного права и конституции страны; 2. Формируется в рамках юридически безупречной процедуры, отвечающей определенным демократическим требованиям; 3. Учитывает общественные потребности и ожидания, внося свой вклад в реализацию поставленных целей, не страдает внутренними противоречиями и пробелами; 4. Отвечает формальным требованиям качества [2]. И все же до сих пор параллельные прямые теории и практики по данному вопросу остаются прямыми в геометрии Евклида, но не Лобачевского.

Ключевой проблемой эффективности законодательства является также качество подготовки специалиста, его разрабатывающего. В структуре российского образования не выделяется специальность – «составитель закона» или «легист». По общему правилу в России это считается работой юриста, между тем в теории существуют принципиально иные точки зрения. Например, «законотворчество – не прерогатива юристов, поэтому специалистов по правотворчеству (легистов) нужно готовить с учетом отраслей общественной и

экономической деятельности» [1]. При этом, предполагая, что специальность юриспруденция вполне подходит для осуществления подобного рода деятельности, следует отметить, что стандартами высшего образования по специальности «Юриспруденция» не предусмотрены учебные курсы по юридической технике. Таким образом, сегодня в России не предусмотрено обучение специалистов, которые должны осуществлять законодательный процесс.

Решение проблемы повышения эффективности законодательства, законодательного процесса для Российской Федерации должно стать приоритетной задачей, так как без успешной законодательной базы невозможно развитие демократического, правового государства.

Список использованных источников:

1. Исаков В.Б. Оценка законодательства: теоретические аспекты // Оценка законов и эффективности их принятия. – М.: Издание Государственной Думы, 2005.
2. Мадер Л. Европейский опыт в области оценки законов – от нормативного идеализма к законодательству, опирающемуся на очевидные обстоятельства // Материалы Международной научно-практической конференции – М., 30 марта 2007 г. / под ред. С.В. Кабышева, Г.В. Минха, О.В. Афанасьевой. – М., С. 207, 286.
3. Монтескье Ш. Избранные произведения. – М., 1955.
4. Сочинения Императрицы Екатерины II // Антология мировой правовой мысли в 5 т. – Т. 4. – Россия XI– XIX вв. – М., 1999.

References:

1. Isakov V.B. Ocenka zakonodatel'stva: teoreticheskie aspekty // Ocenka zakonov i jeffektivnosti ih prinjatija. – M.: Izdanie Gosudarstvennoj Dumy, 2005.
2. Mader L. Evropejskij opyt v oblasti ocenki zakonov – ot normativnogo idealizma k zakonodatel'stvu, opirajushhemusja na ochevidnye obstojatel'stva // Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii – M., 30 marta 2007 g. / pod red. S.V. Kabysheva, G.V. Minha, O.V. Afanas'evoj. – M., S. 207, 286.
3. Montesk'e Sh. Izbrannye proizvedenija. – M., 1955.
4. Sochinenija Imperatricy Ekateriny II // Antologija mirovoj pravovoj mysli v 5 t. – T. 4. – Rossija HI– HIH vv. – M., 1999.

Пономарёв А.А.

Права и обязанности человека в учении Русской православной церкви: основные этапы становления

В докладе рассматривается вопрос основных этапов становления учения о правах и обязанностях человека в социальной доктрине Русской православной церкви в России.

Ключевые слова: свобода совести, защита прав человека, церковное учение о правах человека.

Ponomaryov A.A.

The rights and duties of the person in the Russian Orthodox Church doctrine: main stages of formation

In article the question of the main stages of formation of the doctrine of the rights and duties of the person in the social doctrine of Russian Orthodox Church in Russia is considered.

Keywords: freedom of worship, protection of human rights, the church doctrine about human rights.

В отличие от учения о государстве и праве в социальной доктрине Римско-католической церкви, которое имеет длительную историю и наиболее детально проработано [4], учение Русской православной церкви о правах и обязанностях человека прошло сравнительно незначительный исторический путь формирования, и в своем современном состоянии оно не проработано в достаточной степени.

В дореволюционный период Русская православная церковь была неотъемлемой составной частью самодержавной монархической системы, поэтому не имела реальной возможности заниматься разработкой всеобъемлющей доктрины по социальным вопросам [6]. Анализируя этот этап развития социального учения Русской православной церкви, можно сказать, что юридический вопрос прав и обязанностей человека там не рассматривался. Однако в начале XX века в Российской империи возникла ситуация, которая способствовала тому, что отдельные православные священнослужители высказали своё отношение к теме прав человека и, особенно, к проблеме закрепления права на свободу совести. В национальных регионах империи начал скапливаться значительный контингент людей, лишенных нормальной религиозной жизни и раздраженных политикой правительства. Государственные гонения на инаковерующих подталкивали многих из них от религиозного протеста к политическому. Революционное движение начала XX века наряду с требованиями прав политической свободы поставило в повестку дня и религиозный вопрос [7].

В этих условиях в сентябре 1901 года проходил Орловский миссионерский съезд, на котором обсуждалась сущность свободы совести. В начале работы съезда с докладом выступил М.А. Стахович. В своём докладе он высказал идею о необходимости признания и распространения в общественном сознании права на свободу совести [11]. Доклад М.А. Стаховича вызвал широкое обсуждение проблемы права на свободу совести. В этой дискуссии участво-

вали многие представители православного духовенства (протоиерей Иоанн Кронштадтский, епископ Никанор, священник Савва Потихин и др.), которые выступили с критикой позиции автора доклада [3]. Орловский миссионерский съезд вызвал последующие дискуссии о свободе совести. В Санкт-Петербурге в 1902–1903 годах под председательством ректора Санкт-Петербургской Духовной академии, епископа Ямбургского Сергия (Страгородского) проходили Религиозно-философские собрания. Теме свободы совести были посвящены три заседания (VII–IX) [5]. На нем были высказаны различные точки зрения по вопросу свободы совести. В 1905 году царское правительство под давлением революции было вынуждено начать радикальные реформы в религиозной сфере. Идея свободы совести была отражена в Указе «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. и Манифесте 17 октября 1905 г. Эти законодательные акты декларировали введение религиозной свободы в России и поставили перед правительством непростую задачу пересмотра отечественного законодательства о вероисповеданиях и устранения из него пунктов, противоречащих веротерпимости и свободе совести [9]. Святейший Синод Русской православной церкви, участвовавший в обсуждении этих инициатив, последовательно придерживался консервативных взглядов, стремясь сохранить прежние преимущества Православной церкви и все ограничения прав неправославных исповеданий [10].

В советский период церковь оказалась в жестких рамках, и её социально-политическая пассивность стала способом выживания в большевистском государстве. Поэтому в указанный период Русской православной церковью не было составлено какого-либо документа, отражающего её взгляд на права и обязанности человека [2]. С тех пор, как в ходе революции Русская православная церковь была отделена от государства и лишена гражданских прав, соблюдение прав верующих и церкви в целом как социального института стало для неё важной проблемой. Это было связано с массовыми гонениями на верующих и фактическим отсутствием гражданского законодательства в области свободы совести [1]. При этом в данном случае мы можем вести речь именно о правозащитной деятельности церкви, а не о целостном её учении о правах человека. Протоиерей Всеволод Чаплин в этом отношении отметил деятельность протоиереев Димитрия Дудко, Владимира Осипова, Александра Огородникова, митрополитов Николая (Ярушевича), Никодма (Ротова), Ювеналия (Пояркова), патриархов Тихона, Сергия, Алексия I и Пимена, которые защищали права священнослужителей и верующих в советский период [12].

Современный этап начался в 1988 году, когда на XIX Всесоюзной партконференции М.С. Горбачёв объявил о демократизации духовной жизни в СССР, предоставлении верующим права свободно выражать своё мнение и разработке закона о свободе совести [8]. С этого момента и до 2008 года происходил постепенный процесс формирования социальной доктрины Русской православной церкви, содержащей церковный взгляд на многие социаль-

ные вопросы, включая вопрос прав и обязанностей человека. На этом этапе церковное учение о правах человека эволюционировало от первоначального некритичного одобрения процесса демократизации общественной жизни в СССР к осознанию проблемы защиты традиционных духовных ценностей. В этот период были приняты: Основы социальной концепции Русской православной церкви (2000), Декларация о правах и достоинстве человека (2006), Основы учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека (2008), которые содержат широкое изложение церковного видения проблем прав человека: проблемы секуляризации западного правосознания, проблемы защиты права на жизнь (запрет абортов, эвтаназии), проблемы гармонизации свободы человека и его ответственности и т. д. Вместе с тем нужно признать, что ряд вопросов церковного учения ещё требует дальнейшей разработки.

Список использованных источников:

1. Вальер П. Русское православие и права человека / Права человека и религия: Хрестоматия / В. Новик. – М.: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2001.
2. Горкунова П.И. Религиозно-философская традиция и современность социально-политической мысли Русской православной церкви (XX–XXI вв.) // Право и политика. – 2010. – № 11.
3. Доклады священников на съезде // Миссионерское обозрение. – 1901. – № 11.
4. Жилинская В.С. Представления Римско-католической церкви о государстве и праве: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2008.
5. Записки Петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.). Общ. ред. С.М. Половинкина. – М.: Республика. – 2005.
6. Красиков А. О социальной доктрине русского православия// Православие и католичество: социальные аспекты. Проблемно-тематический сборник. Отв. ред. Т.Г. Пархалина. – М., 1998.
7. Кудрявцев А.И., Пинкевич В.К. Исторический опыт вероисповедной политики Российского государства // Вероисповедная политика Российского государства: Учебное пособие. Отв. ред. М.О. Шахов. – М.: Изд-во РАГС. – 2003.
8. Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. – М., 1988.
9. Сафонов А.А. Правительственные законопроекты о свободе совести начала XX века и отношение к ним Святейшего Синода Русской православной церкви // Церковь и государство: XX век. – Тамбов, Изд-во ТГУ имени Г.Р. Державина. – 2002.
10. Сафонов А.А. Правовое регулирование функционирования религиозных объединений в России в начале XX века: Дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2008.
11. Стахович М.А. Доклад М.А. Стаховича, читанный на Орловском миссионерском съезде // Миссионерское обозрение. – 1901. – № 11.
12. Чаплин В. Доклад // Материалы Международной научно-практической конференции «Православие и права человека». – М., МАП. – 2007.

References:

1. Val'er P. Russkoe pravoslavie i prava cheloveka / Prava cheloveka i religija: Hrestomatija / V. Novik. – M.: Biblejsko-bogoslovskij in-t sv. apostola Andreja, 2001.
2. Gorkunova P.I. Religiozno-filosofskaja tradicija i sovremennost' social'no-politicheskoj mysli Russkoj pravoslavnoj cerkvi (XX–XXI vv.) // Pravo i politika. – 2010. – № 11.
3. Doklady svjashhennikov na s#ezde // Missionerskoe obozrenie. – 1901. – № 11.
4. Zhilinskaja V.S. Predstavlenija Rimsko-katolicheskoj cerkvi o gosudarstve i prave: Avtoref. dis. … kand. jurid. nauk. – M., 2008.
5. Zapiski Peterburgskih Religiozno-filosofskih sobranij (1901–1903 gg.). Obshh. red. S.M. Polovinkina. – M.: Respublika. – 2005.
6. Krasikov A. O social'noj doktrine russkogo pravoslavija// Pravoslavie i katolichestvo: social'nye aspekty. Problemno-tematicheskij sbornik. Otv. red. T.G. Parhalina. – M., 1998.
7. Kudrjavcev A.I., Pinkevich V.K. Istoricheskij opyt veroispovednoj politiki Rossijskogo gosudarstva // Veroispovednaja politika Rossijskogo gosudarstva: Uchebnoe posobie. Otv. red. M.O. Shahov. – M.: Izd-vo RAGS. – 2003.
8. Materialy XIX Vsesojuznoj konferencii Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Sojuza. – M., 1988.
9. Safonov A.A. Pravitel'stvennye zakonoproekty o svobode sovesti nachala XX veka i otnoshenie k nim Svjatejshego Sinoda Russkoj pravoslavnoj cerkvi // Cerkov' i gosudarstvo: XX vek. – Tambov, Izd-vo TGU imeni G.R. Derzhavina. – 2002.
10. Safonov A.A. Pravovoe regulirovanie funkcionirovanija religioznyh ob#edinenij v Rossii v nachale XX veka: Dis. ... dokt. jurid. nauk. – M., 2008.
11. Stahovich M.A. Doklad M.A. Stahovicha, chitannyj na Orlovskom missionerskom s#ezde // Missionerskoe obozrenie. – 1901. – № 11.
12. Chaplin V. Doklad // Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Pravoslavie i prava cheloveka». – M., MAP. – 2007.

Приходько М.А.,
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина

Правовое обеспечение административных реформ и правопорядок в Российской империи в начале XIX в.

Административные преобразования во внутренней политике Российской империи в начале XIX в. достаточно отчетливо подразделяются на учреждение Непременного Совета, сенатскую реформу, министерскую реформу и учреждение Государственного Совета.

Ключевые слова: административные преобразования, реформы, правовое обеспечение, учреждение.

Prikhodko M.A.,
Moscow state legal university

Legal support of administrative reforms and law and order in the Russian Empire at the beginning of the XIX century

Administrative transformations in domestic policy of the Russian Empire at the beginning of the XIX century are rather distinctly subdivided into establishment of Indispensable Council, senatorial reform, ministerial reform and establishment of the State Council.

Keywords: administrative transformations, reforms, legal support, establishment.

Непременный (государственный) Совет был учрежден в соответствии с Указом «Об учреждении Непременного Совета для рассмотрения важных государственных дел» от 30 марта 1801 г. в составе 12 членов и под руководством генерал-фельдмаршала Н.И.Салтыкова [1].

Данный орган получил статус высшего законосовещательного учреждения.

В 1802 г. император Александр I предпринял попытку реформы Сената.

По Указу «О правах и обязанностях Сената» от 8 сентября 1802 г. Сенат получил право надзора за соответствием издаваемых указов уже существующим [1], но уже в 1803 г. на основе Указа «О неприкосновенности прав предоставленных дворянству» от 21 марта 1803 г. он потерял это право [1].

Проведение министерской реформы и введение министерской системы управления в Российской империи было осуществлено в соответствии с целым рядом правовых актов.

8 сентября 1802 г. были изданы Манифест «Об учреждении министерств» и Указ Сенату «Об образовании первых трех коллегий в образе производства государственных дел на прежнем основании и о лицах, избранных к управлению министерствами» [1].

В соответствии с Манифестом 8 сентября 1802 г. учреждались первые 8 министерств: военных сухопутных сил, морских сил, иностранных дел, юстиции, внутренних дел, финансов, коммерции и народного просвещения [1].

Указом Сенату от 8 сентября 1802 г. были назначены министры и их заместители – товарищи министров. Вместе с министрами был назначен и Государственный казначей [1].

Новый всплеск интереса Александра I к преобразованию российского административного механизма связан с именем М.М.Сперанского, статс-секретаря с марта 1801 года и с декабря 1808 года товарища министра юстиции.

К октябрю 1809 г. Сперанский составил по поручению императора и представил на рассмотрение Александра I «Введение к уложению государственных законов» – обширный план реформ всего внутриполитического устройства страны, в котором, в том числе, были систематизированы недостатки

министерской реформы [2]. В этом проекте Сперанский выделил три основных недостатка министерской реформы: 1. «недостаток ответственности»; 2. «некоторая неточность и несоразмерность в разделении дел»; 3. «недостаток правил или учреждения» [1]. На ликвидацию этих недостатков было направлено новое преобразование министерств. Начался завершающий период министерской реформы 1810–1811 гг.

Юридической основой этого периода стали три законодательных акта: Манифест 25 июля 1810 г. «О разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов каждому управлению принадлежащих»; «Высочайше утвержденное разделение государственных дел по министерствам» от 17 августа 1810 г. и «Общее учреждение министерств» от 25 июня 1811 г. [1].

Проекты всех трех актов были разработаны М.М. Сперанским.

Манифест от 25 июля 1810 года разделил все государственные дела «в порядке исполнительном» на пять главных частей: 1) внешние сношения; 2) устройство внешней безопасности; 3) государственная экономия; 4) устройство суда гражданского и уголовного и 5) устройство внутренней безопасности.

Им провозглашалось создание новых центральных учреждений государственного управления: Министерства полиции и Главного управления духовных дел разных исповеданий.

Учреждалось звание Государственного контролера – руководителя ревизии государственных счетов.

Предметы ведения Министерства коммерции переходили в Министерство финансов и Министерство внутренних дел, что означало фактическое упразднение Министерства коммерции.

В общих чертах устанавливались предметы большинства министерств, за исключением Военного министерства, Министерства военных морских сил, Министерства иностранных дел и Министерства юстиции [1].

«Высочайше утвержденное разделение государственных дел по министерствам» 17 августа 1810 г. конкретизировало состав Министерства внутренних дел, Министерства полиции, Министерства народного просвещения, министерства финансов, Главного управления духовных дел иностранных исповеданий и факт ликвидации Министерства коммерции [1].

«Общее учреждение министерств» 25 июня 1811 г. – стало главным и определяющим законодательным актом министерской реформы.

Структурно оно состояло из двух частей: 1. «Образование министерств»; 2. «Общий наказ министерствам». Вместе они составляли 401 параграф и одно приложение: «Формы письмоводства».

«Образование министерств» определяло общее разделение государственных дел и предметы каждого министерства, и главного управления. (Во многом, текстуально, повторяя положения манифеста от 25 июля 1810 г.). Им устанавливалось единое общее организационное устройство центральных органов управления.

«Общий наказ министерствам» устанавливал степень и пределы власти министров, степень и пределы власти департаментов и их директоров, обязанности канцелярии министра и ее директора, обязанности и степень ответственности всех департаментских чиновников.

Приложением к «Общему учреждению министерств» – «Формы письмоводства», вводились единые формы делопроизводственных документов всех центральных учреждений государственного управления [1].

Законодательные акты 1810–1811 гг. фактически завершили министерскую реформу. Практически, все основные отрасли управления были выделены в самостоятельные министерства и главные управления. Вводилось отраслевое разграничение местных органов управления, что способствовало формированию ведомств – центральных государственных учреждений, с подчиненными им местными государственными органами и должностными лицами.

В 1810 г. по «Образованию Государственного Совета» от 1 января 1810 г. взамен Непременного Совета учреждается Государственный Совет, высший законосовещательный орган, для разработки проектов законодательных актов, утверждаемых императором [1].

Тем самым, административные реформы в России в начале XIX в. имели правовое обеспечение и способствовали укреплению правопорядка в Российской империи.

Список использованных источников:

1. Полное собрание законов Российской империи. – Собрание 1-е. Т. 26, 27, 31. – СПб., 1830.
2. Сперанский М.М. Проекты и записки. – М. – Л., 1961.

References:

1. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. – Sobranie 1-e. – T. 26, 27, 31. –SPb., 1830.
2. Speranskij M.M. Proekty i zapiski. – M. – L., 1961.

Рааб Р.С.

Влияние процессов миграции на правосознание в условиях глобализации

В докладе, крупномасштабные миграционные процессы рассматриваются как фактор, воздействующий на правосознание, которой, в свою очередь, в значительной степени связан с вопросами правоприменения.

Ключевые слова: миграция, глобальное правосознание, представления о «должном праве».

Influence of processes of migration on sense of justice in the conditions of globalization

In article, large-scale migratory processes are considered as the factor influencing sense of justice which, in turn, in considerable degree is connected with right application questions.

Keywords: migration, global sense of justice, ideas of «the due right».

Рассуждения о праве в эпоху глобальных перемен зачастую мысленно отсылают нас к вопросам международного права, что, разумеется, не будучи ошибочным, тем не менее неоправданно выводит право отдельных государств из зоны нашего непосредственного внимания. А ведь оно в последнее время также испытывает на себе последствия глобальных процессов.

Одним из таких процессов является массовая миграция, непосредственно вписывающаяся в систему глобальной экономики, которая ставит много вопросов не только перед экономистами, но и перед законодателями.

На примере Евросоюза мы видим, что из-за диспропорций в представлениях о толерантности и ряда других особенностей, мигранты не всегда способны эффективно интегрироваться в общество с другими ценностями, даже не смотря на то, что это самое общество обеспечивает их социальными пособиями. Политика европейского мультикультурализма себя не оправдала, обнажив, в довесок к экономическим, еще и проблему сосуществования культур. Правовые притязания неинтегрируемых элементов растут прямо пропорционально усилению их притока. Именно это явление, наблюдаемое сегодня в Европе, в перспективе может коснуться значительной части Евразийского пространства [2].

Но, как известно, любое действие рождает противодействие, ибо запас толерантности представителей титульной нации ограничен. Динамика роста популярности правых популистских партий в странах ЕС является наилучшим тому доказательством.

Для предотвращения неблагоприятных последствий социокультурного дисбаланса, необходимо искать точки соприкосновения между интересами разнородных социальных общностей. Огромная роль в поиске путей цивилизованного разрешения противоречий отведена праву, так как именно вокруг законов разгорается наибольшее количество дискуссий, митингов и прочих актов выражения общественного мнения.

Рассуждая о подобного рода процессах в правовой сфере, уместным будет использовать такое понятие как «глобальное правосознание» [1]. В данном понятии мыслится, с одной стороны, существующая в данный момент времени совокупность, в том числе и противоречащих друг другу, представлений о

праве всех членов рода человеческого (1 подход), и с другой стороны, наиболее общие представления о праве (2 подход), присущие большинству населения земли (не убей, не укради и т. п.). Сегодня же, когда носители совершенно разных взглядов на должный образ права составляют значительные доли населения одного и того же государства, «во главе угла» правовой системы такого государства окажутся наиболее универсальные, актуальные одновременно почти для всех групп населения, представления о праве. Этим преимущественно и обусловлен рост влияния глобального правосознания.

В таких условиях обостряется необходимость в сохранении социально-политической стабильности, обеспечение которой во многом зависит от своевременных мер по приведению законодательства в соответствие с потребностями меняющегося общества.

Как бы ни отразилась тенденция возрастания роли глобального правосознания на количестве нормативно-правовых актов и их объёме, главное изменение будет заключаться в их применении и реализации. Дело в том, что, ранее уже упомянутые, наиболее универсальные представления о должных нормах права формируются при активном воздействии такого слоя бессознательного, как «Сверх-Я» [1]. Следовательно, правовая концепция, согласующая очень сильно различающиеся представления о праве различных социальных групп, будет во многом согласована с нашим внутренним механизмом самоконтроля.

Если сегодня в правовом регулировании акцент смещён на современные представления о «сущем праве» [1], на четкое следование букве закона, которое является идеалом правового поведения, то в новых условиях произойдет смещение этого акцента в пользу представлений о «должном праве» (которые продиктованы областью «Сверх-Я»), что может поставить под сомнение формулу «справедливость и закон – не одно и то же», причем в пользу справедливости. Проще говоря, в юридически значимой ситуации, при наличии своего рода выбора: поступить так, как предписывает право при наименее иносказательном его толковании, или же прислушаться к своему «Сверх-Я», человек с большей вероятностью склонится к последнему, ибо «правом бессознательного» это будет оправдано.

В итоге незыблемости идеала строгого следования правовым нормам будет нанесен определенный ущерб. Авторитет права, в центре которого будут порожденные глобальным правосознанием приоритеты, сопоставимые с областью универсальных представлений о должном праве, пострадает, так как люди, не обладающие достаточным уровнем правовой культуры, начнут воспринимать его как нечто производное от, по природе более близкой к человеческой сущности, морали (а в некоторых случаях и религии), а значит и по сути своей второстепенное.

Список использованных источников:

1. Белканов Е.А. Структура и функции правосознания: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1996.
2. Шайхуллин М.С. Актуальные проблемы международного права: обзор материалов международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы совершенствования российского законодательства и правоприменения» (г. Уфа, май 2009) // Евразийский юридический журнал. – 2009. – № 13. – С. 109–116.

References:

1. Belkanov E.A. Struktura i funkcii pravosoznanija: Avtoref. dis. … kand. jurid. nauk. – Ekaterinburg, 1996.
2. Shajhullin M.S. Aktual'nye problemy mezhdunarodnogo prava: obzor materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Aktual'nye problemy sovershenstvovanija rossijskogo zakonodatel'stva i pravoprimenenija» (g. Ufa, maj 2009) // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. – 2009. – № 13. – S. 109–116.

Рудман М.Н., кандидат исторических наук,
Башкирский государственный университет

Индивидуализм как универсальная традиция права: от Декларации к Конституции

В докладе рассмотрены актуальные вопросы универсализации традиций права в их законодательном движении и признании.

Ключевые слова: право, закон, традиция, декларация, конституция.

Rudman M.N., candidate of historical sciences,
Bashkir state university

Individualism as the universal tradition of right: from the Declaration to the Constitution

In article topical issues of a universalization of traditions of the right in their legislative movement and recognition are considered.

Keywords: right, law, tradition, declaration, constitution.

Поводом для подготовки доклада послужили последние инициативы депутатов Государственной Думы Российской Федерации о пересмотре Конституции РФ. Сам факт инициатив декабря 2013 года по освобождению зависимости Конституции РФ от приоритета международного права и возвращению к праву государства устанавливать государственную идеологию определяет необходимость освежить правовое значение Конституции.

Конституционый строй не обязательно сводится к формальному принятию систематизированного сборника норм под названием «Конституция». Для советской публики памятным является яркий образ Костика из кинофильма «Покровские ворота». «Константин» в переводе с античного означает «постоянный». Так или иначе, конституционное право отражает Традицию, нарушение которой НЕДОПУСТИМО с точки зрения гражданского коллектива (античного полиса, христианской общины Средневековья, нации Нового времени, Объединенных наций Новейшего врмени), не допускающей такого нарушения.

Американский юрист Г. Берман определяет источник политической активности у великих революционных умов конца XVIII-начала XIX в. как веру в Человека, отдельного Человека, его Природу, его Разум, его Права. Определить это состояние с учетом протестантского толкования роли личности в преображении социальной практики можно как веру в Бога в человеке. Но игнорировать факт их религиозной природы невозможно. Политические и социальные философии, выросшие из Просвещения, были религиями, потому что они приписывали высший смысл и святость индивидуальному разуму, диктующему во имя обеспечения безопасности Свободы объединение в нацию.

Выразителями основ христианского конституционализма стали богословы, признававшие практический авторитет Библии. Профессор Оксфордского университета Дж. Уиклиф (1320–1384) как инициатор перевода Библии на английский язык и авторитетный сторонник церковной реформы в Предисловии к изданному в 1384 году английскому переводу Библии, он написал «Библия предназначена для правления народа, при помощи народа и во имя народа» [2]. Позволим себе сравнить «декларацию» Уиклифа с будущим классическим определением демократии, данным А. Линкольном в Геттисбургской речи 1863 года: «правление народа, волей народа, для блага народа», заимствованный авторами многих современных конституций [5].

«Религиозный рационализм» сформировался в рамках традиционного христианства и трансформировался в современный гуманизм, целостно выраженный в принципах конституционного права. Центр внимания сосредоточен не на происхождении человека от природы или по воле Бога-Творца, а на факте его существования, который сам по себе является ценностно-идеологическим основанием наличия у него фундаментальных, неотчуждаемых прав. Сакральный смысл христианской Троицы воплощается в естественно-правовых «триадах» Нового времени, в которых закрепляются неотчуждаемые права. Равенство перед Богом выражается в борьбе за признание государством равенства в неотчуждаемых правах на «жизнь, свободу и собственность» в доктрине Д. Локка, на «жизнь, свободу и стремление к счастью» – в Декларации независимости 4 июля 1776 года, на «Свободу, Равенство и Братство» в Декларации «прав и свобод человека и гражданина» 26 августа 1789 г.

Таким образом, Декларация Нового времени выражает волю гражданской общины в отстаивании справедливости, понимаемой как защита сформулиро-

ванных в Декларации с политической целью фундаментальных интересов всех членов общины. Политически и юридически идеалы Декларации закрепляются в Конституции, имеющей уже универсальное значение источника «основ государственного и общественного строя».

В конституционном праве фундаментальным с идеологической точки зрения является правовой статус личности, права и свободы который самим фактом издания Конституции утверждаются неотчуждаемыми.

Указанная последовательность от Декларации к Конституции в выражении и закреплении обнаруживается в подавляющем большинстве политически значимых актов Нового времени, а в Новейшее время эволюционирует в сремление утвердить проверенные временем и обнаружившие свою незаменимость ценности свободы личности на уровне международного права как «общечеловеческие ценности».

Очевидные претензии на роль универсальной политической системы мирового масштаба, открытой для всех желающих вступить в нее наций и отражающей рассмотренный ранее идеал социального устройства в форме Федерации равноправных общин, заявлены не только в Декларациях 1776 и 1789 года, остающихся при этом все-таки декларациями, но в Конституции США 1787 года. В самом названии отсутствует национальная идентификация. Источником власти является «народ», путем Конституции учредивший федеральные органы власти и одновременно установивший жесткий предел их полномочиям в ограничении свобод граждан путем «Билля о правах», число статей которого явно призвано подчеркнуть преемственность от Десяти заповедей Ветхого завета. В формулировке источника власти («Мы, народ Соединенных Штатов») и целей создания Союза также имеет место универсализм, истоки которого мы обнаруживали выше в христианском стремлении к улучшению мира: «образование более совершенного Союза, утверждение правосудия, обеспечение внутреннего спокойствия, организация совместной обороны, содействие общему благосостоянию и обеспечение благ свободы». Трудно обнаружить в современном мире национально-культурную идентичность, цели которой прямо и косвенно противоречили бы указанной формулировке целей первой Конституции, явно подразумевавшей возможность включения в состав Союза любой община на правах Штата, согласного с положениями Конституции. Стремительное расширение состава США с 13 штатов до 51 в XIX веке на фоне усиливающегося кризиса национальных конституционных моделей в Европе отражает уникальный потенциал реализации идеала «мирового государства». И можно уверенно сказать, что до 1918 года политическая элита США была уверена в своем идеологическом превосходстве и особой политической миссии распространения «благ свободы» в силу отсутствия на международной политической арене реальной политической конкуренции. Первая мировая война как потрясший западный мир системный кризис либеральной демократии, кризис ценностей Свободы в ее западной модели привела к по-

явлению достойного конкурента американскому универсализму. Но сама форма его проявления отражала универсальность модели «Декларация-Конституция» как некоторую преемственность советской модели контитуционализма от американской.

На протяжении первого десятилетия советской власти СССР выступал в роли знаменосца универсалистских, мессианских идей глобального масштаба, свойственных тогда европейской интеллектуальной традиции [6]. 2 ноября 1917 г. была подписана Декларация прав народов России. Присущая большевистским декларациям склонность к превознесению труда также совпадает с протестантским отношением труда не как наказанию за грехи, но почетному призванию. Сложный вопрос, какая сторона была более последовательна в этой морального и правового регулирования: протестантский догмат о творческом и ответственном отношении к индивидуальному труду как личной Миссии участия в неведомом Промысле Божьем или закрепление в советских Конституциях гарантированного права на труд, которое, в отличие от многих других советских конституционных прав и свобод, отнюдь не было «декларативным».

III Всероссийский съезд Советов принял Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, также как и конституционные акты о создании США, выражающую принципы нового общественного строя, которые самим отсутствием указания на какие-либо национальные рамки отражали претензию на идеологическую роль в осуществлении миссии Мировой революции.

Г. Берман отмечает «общего предка в мире христианства» для правовых принципов социализма и либеральной демократии, несмотря на все различия. Советский «Моральный кодекс строителя коммунизма» поразительно напоминает пуританский кодекс Массачусетсской колонии, «Корпус свобод» 1641 г., в его наказании идеологических отклонений, безделья и личной аморальности. Применение для достижения утопической мечты сильных мер принуждения и официального права еще раз напоминает политику пуританских конгрегаций XVII–XVIII вв.

Главный элемент признания идеологами Советской власти универсальности американского конституционного опыта заключается в том, что по воле В.И. Ленина, впервые в истории отечественного государства и права в 1922 году учреждается «американская» форма государственного устройства – Федерация, прежде имевшая место в России только в конституционных проектах А.Н. Радищева и П.И. Пестеля. Само название и идеологическая цель «Конституции Союза Советских социалистических республик» показывает ее отличие от всех «национальных» конституций Нового и Новейшего времени. Начало Новейшего времени обуславливается в науке именно с появлением «советской модели» государства, претендующей аналогично американскому конституционному универсализму на наднациональную функцию осуществления Мировой революции, от которой советское правительство официально отказалось

только в 1943 году. Аналогичные черты по духу и форме имеют место только в рассмотренной выше Конституции США. Выбор формы ведущих источников советского права, легитимизирующих советское государство – Декларация и Конституция СССР отражает допускаемую правительством В.И. Ленина преемственность.

Созидательное значение советского конституционализма для формирования современных универсальных принципов государства и права в осуществлении мечты каждого индустриального рабочего XIX–XX вв. – гарантированного права на труд. Дальнейшее развитие западного конституционализма связано с самим фактом появления такого мощного конкурента в борьбе за «мировое господство» как Советское государство, не знавшее безработицы. Будущее рабочее законодательство США, начало которому положено Законом Вагнера 1935 года, помимо объективных внутренних причин вызвано к жизни анализом советского опыта и перспективы повторения броска Красной армии в 1920 году на запад, но уже при опоре на итоги военно-промышленной индустриализации.

Не случайно, рабочее законодательство «Нового курса» в США вызвало резкие обвинения в «социализме» политики Ф.Д. Рузвельта. Но близость социальных условий двух сверхдержав заключалась в значимости политического влияния «трудящихся и эксплуатируемых», патриотизм которых при угрозе надвигающейся Второй мировой войны мог быть обеспечен именно «социалистическим» по духу законодательством. О популярности социальной политики «второго этапа» «Нового курса», впервые учредившей в американском обществе систему социального и пенсионного страхования говорит сюжет снятого в 1935 году в Голливуде и имевшего огромный успех в прокате фильма «Одиссея капитана Блада», в котором «благородный пират» назначает «страховые выплаты» каждому участнику «общественного договора» по распределению добычи: в случае потери в бою ноги – 800 песо, а в случае потери в бою руки – 600 песо.

Военно-политическое сближение СССР и США в борьбе с нацизмом так или иначе опиралось в большей степени на морально-идеологическую неприемлемость нацистской доктрины, в равной степени отрицавшей все рассмотренные «триады» общечеловеческих ценностей.

Осознание необходимости формирования наднациональной системы международной безопасности с целью предотвращения войны происходит в США в рамках «Нового курса» во внешней политике, направленного с 1933 года на сближение с СССР. Возможность идеологического взаимопонимания, потенциально, создающего условия если не для союза, то хотя бы для «соревнования двух систем» отражается и в жизненной необходимости для США для спасения конституционного либерального строя отказаться от доктрины государства «ночного сторожа» и перейти к политике активного регулирования трудовых отношений, мало отличающейся от «социализма» в плане госу-

дарственной поддержки трудящихся. США не стали «пролетарской» страной, но мощный рост политического влияния профсоюзов и активная социальная политика может рассматриваться как конституционный консерватизм, отражающий идеалы джефферсоновских республиканцев. Трудно отрицать несовместимость либерального конституционализма и политики сталинской диктатуры в 30-е годы, но обратим внимание на то, что террор идеологически никак не был отражен в Конституции 1936 года, явно имевшей целью, в отличие от «классовых принципов» Конституций 1918 и 1924 гг. подчеркнуть единство социальной общности советских людей, объединенных, хотя бы декларативно, стремлением обеспечить реальность свободы в советском обществе, противопоставляемой «свободе» западного типа, недоступной в советском понимании для трудящихся. Но отсюда следует, что мирное соревнование систем с различным политическим строем в области обеспечения «благ свободы» началось не при Н.С. Хрущеве, а в 1936 году. Трудно поспорить с утверждением И.В. Сталина в беседе с американским корреспондентом о том, что «настоящая свобода имеется только там, где уничтожена эксплуатация, где нет угнетения одних людей другими, где нет безработицы и нищенства, где человек не дрожит за то, что завтра может потерять работу, жилище, хлеб». Одновременно политика Ф.Д. Рузвельта демонтрирует близкое понимание государственных гарантий в обеспечении свободы в США в осуществлении реформы социального страхования в США. Для нас важным является сам факт близкого толкования, если не совпадения теоретических позиций И.В. Сталина и Ф.Д. Рузвельта как творцов конституционного строя. Относительно растущей угрозы нацизма хотя бы теоретически лидеры США и СССР говорят языком идентичных ценностей, а в советском анекдоте даже спорят о том, в чьей стране больше свободы.

В 1941 году Ф.Д. Рузвельт формулирует универсальные общечеловеческие «Четыре свободы» применительно к индивидам, а не к нациям, включающим с учетом рагического опыта мирового экономического кризиса наряду со свободой слова и вероисповедания, свободу от нужды и свободу от страха перед военной агрессией.

Дополнением свободы от нужды, ориентированным на развитие в качестве одной из конституционных основ международного права стала идея о равных социальных и экономических правах, которых необходимо добиваться наряду с традиционными конституционными правами из «Билля о правах» 1791 года. «Декларация Объединенных Наций» (1942) призывала к «полной победе», с тем чтобы наряду с остальными «сохранить права человека». Идеологической и юридической основой обеспечения мира в деятельности ООН стал конституционный индивидуализм. Ст. ст. 55 и 56 Устава ООН (1945) включали обязанность наций к совместным и самостоятельным действиям, обеспечивающим «права человека».

Идея прав человека, как почти все остальное, вскоре стала использоваться в «холодной войне». Демократические государства, как писал известный аме-

риканский историк, обрушились на коммунистический мир за попрание гражданских и политических прав; коммунистический мир обрушился на демократические государства за их пренебрежение социальными и экономическими правами [8].

Но именно в ходе уже начавшейся «холодной войны» в декабре 1948 г. Генеральная ассамблея ООН принимает Всеобщую декларацию прав человека, определившую, как прежние декларации Нового и Новейшего времени ООН общечеловеческие стандарты в области права, подтвержденные теперь согласием мировых держав в необходимости их соблюдения.

Декларация 1948 года опирается на триаду неотъемлемых прав на свободу, справедливость и всеобщий мир, выстраданных в результате мировых и гражданских войн первой половины XX века в результате синтеза конституционных систем, изначально ориентировавшихся не на права наций, а на права и свободы индивида в качестве общечеловеческих ценностей, которые необходимо гарантировать всем членам «человеческой семьи».

Новый уровень конституционного индивидуализма очевиден в реализованном распространении понимания прав человека как приоритетной ценности по сравнению с нацией-государством, ранее присущий только странам с наиболее развитой конституционной демократией. Принятие Всеобщей декларации прав 1948 года определило издание конституционных актов международного права, гарантирующих права и свободы личности, соблюдение которых стало юридическим обязательством государств, входящих в ООН.

Универсальная схема «Декларация-Конституция» во второй половине XX века имела место уже в рамках сосуществования с системой международного конституционного права, которая предоставляла готовую и проверенную временем форму конституционализма, в гибкой форме приспособляемую к местным условиям национального государства. Значение европейского социализма и советского конституционализма в плане ускорения интеграции в систему общечеловеческих ценностей, выраженных в актах международного права общепринятых в настоящее время экономических и социальных прав, отсутствовавших в первом либеральном варианте американского и французского конституционализма, несомненно.

Действующая российская конституция в полной мере отражает достижения эволюции конституционного права, отражающие социальный опыт нескольких тысячелетий. Свобода мысли и свобода совести как основа конституционного индивидуализма в течение всего этого периода обеспечивали продуктивность эволюции общественного строя к современному стандарту прав и свобод личности, обеспечивающему возможность ее самореализации на благо общества. От И. Христа до А.Н. Сахарова героизм конфликта свободы совести с общественными устоями обеспечивал воспроизводство индивидуальной ответственности как эффективный политический идеал для современников и потомков. И потому свобода совести и следующий из нее запрет уста-

навливать государственную идеологию являются достойной законодательной традицией, обеспечивающей не достижение на земле Рая, но недопущения ее превращения в Ад.

Примечательно, что критики запрета на установление государственной идеологии ни разу не предложили вразумительной идеологии. Идеология как таковая на уровне государственной религии снимает необходимость в Конституции как таковой. При недостатке своих доводов остается обратится к традиции конституционного индивидуализма: «Не следуй за большинством на зло и не решай тяжб, отступая по большинству от правды (Исх. 23:1–3).

Список использованных источников:

1. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 1998.
2. Графский В.Г. Всеобщая история права и государства: Учебник для вузов. – М.: НОРМА, 2003.
3. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности: Пер. с фр. В.А. Туманова. – М.: Междунар. отношения, 1999.
4. История политических и правовых учений: Учебник для вузов / Под общей ред. акад. РАН, доктор юридических наук, проф. В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2006.
5. Конституционное (государственное право) зарубежных стран: В 4 т. Тома 1–2. Часть общая: Учебник /Отв. ред. проф. Б.А. Страшун – 3-е изд., обновл. и дораб. – М.: Издательство БЕК, 2000.
6. Рубинский Ю.И. Большая Европа: этапы становления // Безопасность Евразии. – 2008. – № 3. – С. 195–218.
7. Хайнлайн Р.Э. Чужак в чужой стране (пер. с англ. Пчелинцева М.). – М.: Валери СПД, Эксмо-Пресс, 2002.
8. Шлезингер-младший А.М. Циклы американской истории: Пер. с англ. Закл. ст. Терехова В.И. – М: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. – С. 140.

References:

1. Berman G.Dzh. Zapadnaja tradicija prava: jepoha formirovanija / Per. s angl. – 2-e izd. – M.: Izd-vo MGU: Izdatel'skaja gruppa INFRA-M-NORMA, 1998.
2. Grafskij V.G. Vseobshhaja istorija prava i gosudarstva: Uchebnik dlja vuzov. – M.: NORMA, 2003.
3. David R., Zhoffre-Spinozi K. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti: Per. s fr. V.A. Tumanova. – M.: Mezhdunar. otnoshenija, 1999.
4. Istorija politicheskih i pravovyh uchenij: Uchebnik dlja vuzov / Pod obshhej red. akad. RAN, doktor juridicheskih nauk, prof. V.S. Nersesjanca. – M.: Norma, 2006.
5. Konstitucionnoe (gosudarstvennoe pravo) zarubezhnyh stran: V 4 t. Toma 1–2. Chast' obshhaja: Uchebnik /Otv. red. prof. B.A. Strashun – 3-e izd., obnovl. i dorab. – M.: Izdatel'stvo BEK, 2000.

6. Rubinskij Ju.I. Bol'shaja Evropa: jetapy stanovlenija // Bezopasnost' Evrazii. – 2008. – № 3. – S. 195–218.
7. Hajnlajn R.Je. Chuzhak v chuzhoj strane (per. s angl. Pchelinceva M.). – M.: Valeri SPD, Jeksmo-Press, 2002.
8. Shlezinger-mladshij A.M. Cikly amerikanskoj istorii: Per. s angl. Zakl. st. Terehova V.I. – M: Izdatel'skaja gruppa «Progress», «Progress-Akademija», 1992. – S. 140.

Сафина С.Б., кандидат юридических наук, доцент,
Башкирская акдемия государственной службы и управления
при Президенте Республики Башкортостан

Вопросы определения конституционного законодательства России и республик в её составе

В докладе рассматриваются определения конституционного законодательства России и конституционного законодательства республик в ее составе, анализируются различные точки зрения на состав конституционного законодательства.

Ключевые слова: конституционное законодательство, источники конституционного права, нормативные правовые акты, структура законодательства.

Safina S.B., candidate of jurisprudence, associate professor,
Bashkir akdemiya of public service and management

Questions of definition of the constitutional legislation of Russia and the republics in its structure

In article definitions of the constitutional legislation of Russia and the constitutional legislation of the republics in its structure are considered, various points of view on structure of the constitutional legislation are analyzed.

Keywords: constitutional legislation, sources of a constitutional law, regulations, legislation structure.

Как известно, в Российской Федерации нормативное определение конституционного законодательства, как, впрочем, и законодательства вообще, отсутствует. Принятый 16 декабря 1993 года Указ Президента РФ № 2171 «Об Общеправовом классификаторе отраслей законодательства» (позднее утратил силу) не включал в перечень отраслей законодательства конституционное законодательство, хотя все остальные отрасли законодательства там указывались: гражданское, гражданско-процессуальное, арбитражно-процессуальное, жилищное, таможенное, уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное, законодательство об административных правона-

рушениях и др. Перечень отраслей начинало не «конституционное законодательство», а «основы конституционного строя».

Не содержат конституционного законодательства и статьи 71 и 72 Конституции Российской Федерации в той части, где перечисляются отрасли законодательства, входящие в предметы ведения Российской Федерации и совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов.

Пожалуй, единственным федеральным нормативным правовым актом, содержащим указание на конституционное законодательство, является Федеральный закон от 4 марта 1998 года «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации», в статье 4 которого упоминается «комитет Государственной Думы, к ведению которого отнесены вопросы конституционного законодательства». Подобный комитет есть и в верхней палате Федерального Собрания – комитет Совета Федерации по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества.

На уровне республик в составе Российской Федерации конституционное законодательство также не имеет нормативного определения. Более того, те правовые акты, которые содержали указание на названную отрасль законодательства, сегодня утратили силу. Так, например, Постановлением Верховного Совета Республики Башкортостан от 15 июня 1992 г. № ВС-12/6 «О системе законодательства Республики Башкортостан» признавалось необходимым вести настойчивую работу по формированию самостоятельной системы законодательства Республики Башкортостан, имея в виду среди основных направлений развития этого законодательства конституционное законодательство. Затем статья 127 Конституции Республики Башкортостан 1993 года (в первоначальной редакции) подтвердила конституционное законодательство в качестве приоритетного направления развития системы законодательства Республики Башкортостан.

Имеющиеся сегодня научные исследования в области понятия, структуры и системы конституционного законодательства, как на уровне Федерации, так и на уровне республик, показывают крайне неоднозначные, дискуссионные взгляды. Например, если Ю.А. Тихомиров определяет конституционное законодательство как ведущую отрасль российского законодательства, определяющую основные принципы построения и деятельности государства, его институты, закрепляющие положение человека и статус гражданина, регулирующую основные стороны гражданского общества и устанавливающую правовую систему страны [3], то Е.С. Аничкин – как ведущую отрасль отечественного законодательства, выраженную в системе особых правовых источников (курсив мой. – С.С.) (законов) федерального уровня и субъектов РФ, которые содержат нормы, устанавливающие основы конституционного строя страны, правовое положение человека и гражданина, федеративное устройство, организацию и функционирование высших федеральных органов государственной власти и

высших органов государственной власти субъектов РФ, основы местного самоуправления [1]. Подобное определение понятию конституционного законодательства через «систему особых правовых источников» дает и Н.Н. Гашина [2].

Анализируя работы названных и других авторов, посвященные структуре конституционного законодательства, можно заметить использование некоторыми из них понятия «источников конституционного законодательства». Например, монография «Конституционное законодательство России» (под ред. Ю.А. Тихомирова) в главе 2 содержит §2 под названием «Источники конституционного законодательства. Виды законов», но в тексте параграфа эти источники не уточняются и не определяются, а сказано, что конституционное законодательство образуют девять видов законодательных актов [3]. Понятие «источников конституционного законодательства» используется и в работе Е.С. Аничкина [1], опять же без их определения, хотя по смыслу использования этого понятия ясно, что под ними автор понимает составные или структурные элементы конституционного законодательства. Точно так же, не определяя понятия источника конституционного законодательства, но, используя его для обозначения состава конституционного законодательства, применяет его и Н.Н. Гашина [2]. Наконец, целый параграф под названием «Источники конституционного законодательства Республики Бурятия» содержится в научном исследовании Ю.Г. Хамнуева [4], который, по выражению самого автора, «посвящен вопросам системы республиканских источников конституционного права».

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что авторы вводят в оборот понятие, которое не определяют, либо определяют неоднозначно. Вызывает сомнение необходимость введения в научный оборот термина «источник» применительно к конституционному законодательству (России ли, республики ли). В классической теории права мы имеем дело только с источниками конституционного права и видится неверным применять это понятие в конституционном законодательстве. Очевидно, что рассматриваемая проблема проистекает из общей дискуссии о соотношении системы права, как внутренней формы права, и системы законодательства, как внешней формы права. Систему права и систему законодательства нельзя ни отождествлять, ни противопоставлять, они неразрывно связаны и не существуют друг без друга. При этом исходным элементом системы права является правовая норма, а исходным элементом законодательства – нормативный акт. В данном случае структура права и структура законодательства соотносятся как содержание и форма, и в этом смысле право имеет первичный характер, а законодательство – вторичный. Каждая отрасль права выражается в определенной системе нормативных правовых актов. И поэтому отрасль законодательства понимается как объединение нормативных правовых актов по определенной сфере правового регулирования.

Нормативные акты, являясь объективированной формой права, источником конституционного права, не могут иметь своего внешнего выражения, т. е. источника. А так как законодательство есть совокупность нормативных правовых актов, то и законодательство в целом не имеет своих источников. Следовательно, конституционное законодательство как отрасль законодательства, есть совокупность нормативных правовых актов, принятых в установленном конституцией порядке по основам конституционного строя, правовому статусу человека и гражданина, территориальному устройству, организации и деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

Список использованных источников:

1. Аничкин Е.С. Конституционное законодательство Российской Федерации: понятие, признаки, источники // Правоведение. – 2006. – № 4 (267).
2. Гашина Н.Н. Конституционное законодательство РФ: современное состояние и пути совершенствования: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2012.
3. Конституционное законодательство РФ / Под ред. Ю.А.Тихомирова. – М., 1999.
4. Хамнуев Ю.Г. Конституционное законодательство республики – субъекта РФ в системе законодательства РФ (на примере Республики Бурятия): Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2003.

References:

1. Anichkin E.S. Konstitucionnoe zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii: ponjatie, priznaki, istochniki // Pravovedenie. – 2006. – № 4 (267).
2. Gashina N.N. Konstitucionnoe zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii: sovremennoe sostojanie i puti sovershenstvovanija: Avtoref. dis. … kand. jurid. nauk. – M., 2012.
3. Konstitucionnoe zakonodatel'stvo Rossii / Pod red. Ju.A.Tihomirova. – M., 1999.
4. Hamnuev Ju.G. Konstitucionnoe zakonodatel'stvo respubliki – sub#ekta RF v sisteme zakonodatel'stva RF (na primere Respubliki Burjatija): Dis. … kand. jurid. nauk. – M., 2003.

Степаненко Д.М., кандидат экономических наук, доцент,
Белорусско-Российский университет

Кодификация законодательства Республики Беларусь об инновационной деятельности как направление его совершенствования

В работе исследуется национальное законодательство Республики Беларусь об инновационной деятельности. Обосновывается необходимость кодификации соответствующей законодательной базы.

Ключевые слова: законодательство, инновационная деятельность, инновационное развитие, кодификация, кодекс.

Stepanenko D.M., candidate of economic sciences, associate professor,
Belarusian-Russian university

Codification of the legislation of Republic of Belarus about innovative activity as the direction of its improvement

The national legislation of Republic of Belarus on innovative activity is investigated. Need of codification of the corresponding legislative base locates.

Keywords: legislation, innovative activity, innovative development, codification, code.

В условиях курса на инновационное развитие экономики Республики Беларусь все более важное значение приобретает проблема совершенствования национального законодательства об инновационной деятельности.

В рамках анализа законодательной базы, регламентирующей осуществление в Беларуси инновационной деятельности, можно говорить об общем и специальном законодательстве республики об инновационной деятельности.

Общее законодательство Беларуси об инновационной деятельности охватывает собой нормативные правовые акты, не имеющие в качестве своего основного предназначения поддержку инновационной деятельности, но содержащие в себе отдельные положения, ориентированные на ее поддержку.

Налоговый кодекс Республики Беларусь содержит в себе нормы, устанавливающие определенные налоговые льготы в отношении субъектов, осуществляющих инновационную деятельность. Гражданский кодекс Республики Беларусь регламентирует на ее территории основную массу отношений собственности, вопросы заключения и исполнения договоров между субъектами хозяйствования, что имеет ключевое значение для развития в стране предпринимательства.

Специальное законодательство Республики Беларусь об инновационной деятельности охватывает собой совокупность нормативных правовых актов, имеющих поддержку новаторской активности на ее территории в качестве своего главного предназначения. При этом могут быть выделены следующие группы такого рода нормативных правовых актов:

1) специальные нормативные правовые акты, ориентированные на стимулирование инновационной деятельности в республике в целом;

2) специальные нормативные правовые акты, формулирующие программные установки инновационного развития белорусского государства;

3) специальные нормативные правовые акты, имеющие в качестве своего основного предназначения поддержку в Беларуси науки и регулирование научной деятельности;

4) специальные нормативные правовые акты, регулирующие в Беларуси отношения интеллектуальной собственности;

5) специальные нормативные правовые акты, регламентирующие процессы функционирования на территории республики субъектов инновационной инфраструктуры;

6) специальные нормативные правовые акты, устанавливающие меры налоговой поддержки инновационной деятельности в республике;

7) специальные нормативные правовые акты, регламентирующие в Беларуси процессы заключения и исполнения договоров, предполагающих в ходе своего исполнения осуществление инновационной деятельности.

Например, в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь «О некоторых мерах по стимулированию инновационной деятельности в Республике Беларусь» научные организации, созданные в форме учреждений, и учреждения высшего образования с согласия государственных органов (государственных организаций), в подчинении (ведении) которых эти учреждения находятся (в состав которых входят), либо собственник их имущества вправе создавать организации, использующие результаты интеллектуальной деятельности (обеспечивающие использование этих результатов), принадлежащие этим учреждениям, за счет превышения остающихся в их распоряжении от осуществления данной деятельности доходов над расходами, в том числе от передачи имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности по договорам [1].

В целом, результаты исследований законодательства Республики Беларусь об инновационной деятельности свидетельствуют о том, что для него в настоящий момент характерны разрозненность и хаотичность образующих его норм, отсутствие четкой согласованности между собой его отдельных положений.

В такой ситуации важным направлением совершенствования законодательной базы Республики Беларусь, призванной способствовать инновационному развитию ее национальной экономики, должна стать кодификация соответствующего законодательства. Кодификация представляет собой такой вид систематизации, который предполагает не только внешнюю обработку нормативного правового материала, но и изменение его содержания в процессе создания кодифицированных актов. Важным плюсом кодификации является то, что в процессе ее осуществления имеет место своего рода «расчистка» законодательства от устаревших правовых норм в совокупности с одновременным обновлением нормативных установлений, учитывающих потребности жизни.

Результатом кодификации национального законодательства Беларуси об инновационной деятельности призвано стать принятие Инновационного кодекса Республики Беларусь, который должен являться основополагающим нормативным правовым актом государства, регулирующим отношения в инновационной сфере. Инновационный кодекс Беларуси, будучи основой национального инновационного законодательства, должен:

1) давать трактовку на законодательном уровне основополагающим понятиям, связанным с инновационной деятельностью (инновации, инноваци-

онная деятельность, инновационная политика, инновационный процесс, инновационный проект, инновационный потенциал);

2) фиксировать активизацию инновационной деятельности в качестве долгосрочной основы экономической стратегии страны;

3) закреплять на законодательном уровне основные принципы реализации государственной инновационной политики;

4) законодательно четко и оптимально распределять полномочия государственных органов, реализующих инновационную политику;

5) закреплять на законодательном уровне основные критерии инновационных проектов, имеющих наиболее важное для страны значение, при соблюдении которых возможно финансирование из государственного бюджета их реализации;

6) законодательно фиксировать национальные приоритеты в области развития высокотехнологичных производств;

7) формулировать конкретные мероприятия, направленные на обеспечение ускоренного развития в стране высокотехнологичных отраслей исходя из определенных приоритетов;

8) обеспечивать при прочих равных условиях инвестирования соответствующее стимулирование осуществления инвестиций в инновации [2];

9) определять мероприятия по привлечению в страну инновационно ориентированных иностранных инвестиций;

10) устанавливать формальные правила, способствующие развитию науки в стране;

11) закреплять на законодательном уровне правовой статус субъектов инновационной инфраструктуры;

12) устанавливать меры по поддержке развития в стране инновационно ориентированного малого предпринимательства;

13) регламентировать порядок применения ускоренной и «свободной» амортизации отечественными субъектами хозяйствования;

14) устанавливать формальные правила, способствующие экспорту отечественной инновационной продукции;

15) законодательно закреплять критерии отнесения субъектов хозяйствования к инновационно активным и перечень мер соответствующего стимулирования такого рода предприятий.

Список использованных источников:

1. О некоторых мерах по стимулированию инновационной деятельности в Республике Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 09.03.2009 № 123.

2. Студенцов А.В. Инфляционные потери. Арбитражный компонент инвестиционных рисков в Беларуси // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 1 (2). – С. 108–113.

References:

1. O nekotoryh merah po stimulirovaniju innovacionnoj dejatel'nosti v Respublike Belarus': Ukaz Prezidenta Respubliki Belarus' ot 09.03.2009 № 123.
2. Studencov A.V. Infljacionnye poteri. Arbitrazhnyj komponent investicionnyh riskov v Belarusi // Evrazijskaja advokatura. – 2013. – № 1 (2). – S. 108–113.

Степанова А.А., кандидат юридических наук,
Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Амосова

К вопросу о государственной поддержке семьи

В докладе рассматриваются вопросы государственной поддержки семей, проживающих в районах Крайнего Севера. Обосновывается необходимость совершенствования законодательства, регулирующего порядок выплаты компенсации за проезд к месту использования отпуска работника, работающего и проживающего в районах Крайнего Севера.

Ключевые слова: государственная поддержка, семья, Крайний Север, проезд, расходы, компенсация.

Stepanova A.A., candidate of jurisprudence,
Northeast federal university

To a question of the state family support

In article questions of the state support of the families living in the region of the Far North are considered. Need of improvement of the legislation regulating an order of payment to compensation for journey to a place of use of holiday of the worker, working and living in the region of the Far North locates.

Keywords: state support, family, Far North, journey, expenses, compensation.

В соответствии с Конституцией в Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, а также материнство и детство, семья находятся под защитой государства (ст. 7, ч. 2; ст. 38, ч. 1, Конституции РФ). Защита семьи, провозглашенная ч. 1 ст. 38 Конституции РФ, является составной частью социальной политики России и представляет собой целостный комплекс мер организационного, экономического, правового характера, направленных на обеспечение необходимых условий для реализации семьей всех ее функций в жизни общества и обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав.

В рамках этой статьи хотелось бы обратиться к вопросу о государственной поддержке семей, проживающих на Крайнем Севере. Одной из насущных

проблем, касающихся всей семей и волнующих их, является проблема проезда. В силу удаленности районов Крайнего Севера от мест проведения отпусков, от мест проживания родственников, а также дороговизны стоимости проезда совместные семейные поездки стали серьезным бременем для семейного бюджета, а для некоторых семей и вовсе неразрешимой проблемой. Нельзя сказать, что государство не предпринимает никаких мер для решения этой проблемы. Лица, работающие в организациях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, имеют право на оплачиваемый один раз в два года проезд к месту отдыха за счет средств работодателя. Также оплачивается стоимость проезда к месту использования отпуска работника и обратно и провоза багажа не только самому работнику, но и неработающим членам его семьи мужу, жене, несовершеннолетним детям. Однако, к сожалению, при этом существуют и некоторые законодательные ограничения государственной поддержки семьи. Так, Закон РФ «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» (в ред. от 02.07.2013) обязывает оплачивать стоимость проезда к месту использования отпуска работника и обратно и провоза багажа неработающим членам его семьи (мужу, жене, несовершеннолетним детям) ограниченный круг работодателей – лишь те организации, которые финансируются за счет средств федерального бюджета. Если работник работает в организациях, финансируемых из бюджетов субъектов Российской Федерации, и в организациях, финансируемых из местных бюджетов, то размер, условия и порядок компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно для лиц, устанавливаются соответственно органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления. Но в том случае, если работник работает в организациях, не относящихся к бюджетной сфере, то размер, условия и порядок компенсации расходов на оплату стоимости проезда устанавливаются работодателем (статья 33 Закона). Такие же правила установлены и Трудовым Кодексом РФ (п. 7 ст. 325 ТК РФ).

Иными словами, если лица, работающие в организациях, финансируемых из государственного и муниципального бюджетов, подпадают под заботливое крыло государства и местной власти, то лица, работающие в организациях, не относящихся к бюджетной сфере, фактически «отдаются» на усмотрение работодателя. Таким образом, семьи разделяются на две категории в зависимости от того, работает ли основной работник семьи в организациях, финансируемых из бюджета (федерального, регионального и местного) или не работает. У одних семей право на обязательную оплату проезда практически всех ее членов есть, у других нет. Это касается достаточно большого количества работников и их семей (согласно Перечню районов Крайнего Севера и приравненных к нему районов, такими районами являются территории около 30 субъектов РФ). Можно ли при этом говорить о полноценной реализации государствен-

ной политики, направленной на укрепление семьи, поддержки построения семейных отношений? Кроме того, при таком разделении семей можно усмотреть нарушение принципа равенства прав в отношении тех граждан, которые объединены фактом проживания на территориях Крайнего Севера.

Стоимость проезда к месту использования отпуска работника, работающего и проживающего в районах Крайнего Севера, часто превышает разумные пределы. Особенно это касается лиц, проживающих в отдаленных и труднодоступных местностях. При существующем порядке оплаты стоимости проезда к месту использования отпуска работника не все работающие могут рассчитывать на компенсацию расходов, не говоря о членах их семей. Справедливости ради отметим, что с 2009 года работает Федеральная программа субсидированных перевозок жителей Дальнего Востока. В частности, в 2012 году авиакомпания «Якутия» перевезла 69 721 человек в рамках Федеральной программы субсидированных перевозок жителей Дальнего Востока РФ. К сожалению, предпринимаемых Правительством РФ мер недостаточно, так как возможность приобрести авиабилеты по специальному тарифу предоставляется лишь молодежи в возрасте до 23 лет и женщинам старше 55 лет, мужчинам старше 60 лет, инвалидам 1 группы любого возраста и сопровождающих их лицам, а также лицам, сопровождающим детей-инвалидов. Иными словами, программа не охватывает основной контингент работающих граждан. Соответственно, лица, работающие в организациях, не относящихся к бюджетной сфере, и их семьи, также не попадают в круг лиц, поддерживаемых государством.

Принцип государственной поддержки семьи, закрепленный в ч. 2 ст. 7 Конституции РФ, может быть реализован применительно к этой ситуации только в том случае, если государство предпримет меры, обеспечивающие равенство прав граждан на льготы и компенсации независимо от места работы. Все работающие граждане, независимо от финансирования их организаций, являются налогоплательщиками, вносят свою лепту в благополучие и процветание государства, поэтому вправе рассчитывать на поддержку государства. Гарантии и компенсации в полном объеме должны касаться и их. К сожалению, в настоящее время однозначно решить все эти вопросы в пользу семьи не представляется возможным. Конституционный суд РФ при вынесении решений по схожим вопросам указал, что осуществление государством конституционной обязанности по установлению гарантий социальной защиты должно согласовываться, в том числе, «с имеющимися у него на данном этапе социально-экономического развития финансовыми и иными средствами и возможностями» [1]. То есть, решение этой задачи упирается в финансовые возможности государства. Нет денег – нет решения проблемы.

Исходя из этого, остается уповать на другое решение Конституционного Суда РФ, согласно которому на органы государственной власти возлагаются обязанности изыскивать средства и создавать другие предпосылки для повышения государственных пособий, имея в виду необходимость их установле-

ния, в конечном счете, на уровне, отвечающем социальному предназначению и конституционной природе этих выплат [2]. Лишь тогда можно говорить об обеспечении реализации принципа государственной поддержки семьи, закрепленного в статье 7 Конституции Российской Федерации.

Список использованных источников:

1. Определение Конституционного Суда РФ от 10 октября 2002 г. № 258-О «Об отказе в принятии к рассмотрении жалобы гражданина М.Д. Рамалданова на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «О дополнительных гарантиях по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2003. – № 2.
2. Определение КС РФ от 2 октября 2003 г. № 382-О «О проверке конституционности положений статей 8, 15 и 17 Федерального Закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2004. – № 1.

References:

1. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 10 oktjabrja 2002 g. № 258-O «Ob otkaze v prinjatii k rassmotrenii zhaloby grazhdanina M.D. Ramaldanova na narushenie ego konstitucionnyh prav polozhenijami Federal'nogo zakona «O dopolnitel'nyh garantijah po social'noj zashhite detej-sirot i detej, ostavshihsja bez popechenija roditelej» // Vestnik Konstitucionnogo Suda RF. – 2003. – № 2.
2. Opredelenie KS RF ot 2 oktjabrja 2003 g. № 382-O «O proverke konstitucionnosti polozhenij statej 8, 15 i 17 Federal'nogo Zakona «O gosudarstvennyh posobijah grazhdanam, imejushhim detej» // Vestnik Konstitucionnogo Suda RF. – 2004. – № 1.

Степанова А.В., кандидат исторических наук, доцент,
Саратовский государственный технический университет
имени Ю.А. Гагарина

Становление адвокатуры в России

Адвокатура как система сложилась в России в пореформенный период и имела большие препятствия в реализации своей деятельности. Каковы эти проблемы и причины их появления и болезненной реакции власти автор попытался проанализировать.

Ключевые слова: адвокатура, власть, система, компромисс, профессионалы.

Stepanova A.V., candidate of historical sciences, associate professor,
Saratov state technical university

Developement of Legal profession in Russia

The legal profession as system developed in Russia during the post-reform period and had big obstacles in realization of the activity. What these problems and the reasons of their emergence and painful reaction of the power the author tried to analyse.

Keywords: legal profession, power, system, compromise, professionals.

Девятнадцатый век – существенный рубеж в развитии Российского государства. Рубежный он и для судебной системы, поскольку преобразование судопроизводства вызывало ожесточенные споры, но в итоге оказалось самой завершенной из всех реформ царствования Александра II. Профессиональная адвокатура, в соответствии с положениями судебной реформы 1864 г., явилась учреждением совершенно новым по содержанию и форме. На место «юридических знахарей» пришли высокопрофессиональные юристы. А.М. Пальховский в своем исследовании сделал вывод: «Адвокатура, в силу самой своей природы, должна занимать не подчиненное, а высшее положение сравнительно с магистратурой» [9].

Общеизвестно, что «судебные уставы вступили в действие 17 апреля 1866 г., однако работа над уставами и оформлением структуры присяжных поверенных в России шла задолго до «первого свистка». Комиссия при Правительствующем Сенате постановила: «В связи с тем, что правительство «...изъявило уже свои намерения, то остается рассмотреть основания, на коих должно быть учреждено звание стряпчих, советуясь с примерами, представленными ныне Францией, Англией, Германией [5].

Комиссией была регламентирована ответственность, расписаны и указаны различные размеры штрафов, взятые из французского законодательства» [5]. Проект не был утвержден. Ссылка на то, что «должно быть учреждено звание стряпчих, советуясь с примерами, представленными ныне Францией», настораживала власти и тормозила реализацию проекта.

Во второй половине 1850-х гг. вновь началась реформаторская лихорадка. Объективные и субъективные причины, которые осознавало самодержавие, подготовили почву для реформ.

Охранительная позиция прослеживается на всех этапах подготовки проектов. Так, в 1857 г. «обсуждение Государственным Советом ... проекта началось с чтения Высочайшего повеления, коим воспрещалось касаться вопросов о суде присяжных и адвокатуре» [5]. Стратегически просчитывая варианты улучшения системы управления, правительство руководствовалось политической целесообразностью в рамках опять же самодержавной идеологии.

Чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, сенатор Н.А. Буцковский, профессор-юрист Б.А. Кистяковский, многие другие настойчиво стремились отделить проблемы судопроизводства от вопросов сугубо политических. Самодержавие вполне осознавало, что игнорировать запросы общества было невозможно, а оно все настойчивей предъявляло права на участие в решении хотя бы своих проблем. В итоге судебная реформа состоялась.

В результате утверждения судебной реформы 1864 г. были провозглашены и реализованы следующие принципы судоустройства и судопроизводства: отделение суда от администрации, создание всесословного суда, равенство всех граждан перед судом, несменяемость судей, гласность, устность, состязательность процесса, презумпция невиновности, прокурорский надзор, выборность (мировых судей и присяжных заседателей). Два года спустя получила право на жизнь и адвокатура. Так, с 1866 г. первой общественной организаций самодержавной России, официально признанной государством, стала адвокатура.

С первых же дней существования российский институт присяжных поверенных подвергся непрестанному натиску правых, доказывавших его французские корни [17]. Русские юристы, стремясь защитить адвокатуру от нападок, подчеркивали независимость и обособленность ее от французской системы правозащиты.

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что, несмотря на официальное отмежевание от европейских образцов адвокатуры, мерилом авторитетности и значимости института защиты для составителей судебных уставов (а тем более для адвокатов) оставалась система организации адвокатуры во Франции, Германии, Англии [6]. Косвенным тому доказательством служат и бесконечные «самооправдания» представителей русской защиты в печати.

При детальном изучении специальных юридических исследований выявляется масса общего в устройстве и принципах деятельности русской и французской адвокатуры.

Подводя итоги, следует сказать, в сложной общественно-политической ситуации пореформенных отрицание сходства русской адвокатуры с европейскими аналогами было тактическим маневром, жизненной необходимостью, заботой о будущем России. Это позволяло не только рассчитывать на развитие правовой базы гражданского общества, но и предопределило формирование плеяды выдающихся юристов, поколения правоведов-защитников, пополнивших золотой фонд выдающихся деятелей русской общественной жизни.

Список использованных источников:

1. Арсеньев К.К. Заметки о русской адвокатуре. – Тула, 2000.
2. Барымов А. Защита по уголовным делам // Юридический вестник. – 1878. – № 9. – С. 383.
3. Васьковский Е.В. Организация адвокатуры. – СПб., 1893. – Ч. 1.

4. Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969.
5. История русской адвокатуры / Под ред.И.В. Гессена. – М., 1914. – Т.1.
6. Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений России. – СПб., 1908.
7. Макалинский П.В. С.-Петербургская присяжная адвокатура. – СПб., 1889.
8. Немытина М.В. Суд в России. Вторая половина XIX – начало XX в. – Саратов, 1999.
9. Пальховский А.М. О праве представительства на суде. – М., 1876.
10. Потехин П.А. Отрывки из воспоминаний адвоката // Право. – 1900. – № 47. – С. 2213.
11. Спасович В.Д. Две речи. – Берлин, 1892.
12. Спасович В.Д. Застольные речи (1873–1901). – Лейпциг, 1903.
13. Стоянов А.Н. Английская адвокатура // Юридический вестник. 1880. № 8.
14. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с рассуждениями, на коих они основаны. – СПб., 1867. – Ч. 3. – Разд. 9. – Гл. 2. – Ст. 353–406.
15. Троицкий Н.А. Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904. – Тула, 2000.
16. Черкасова Н.В. Формирование и развитие адвокатуры в России. 60–80-гг. – XIX в. – М., 1987.
17. Шайхуллин М.С. Понятие правовой традиции адвокатуры // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 3 (4). – С. 52–56.

References:

1. Arsen'ev K.K. Zametki o russkoj advokature. – Tula, 2000.
2. Barymov A. Zashhita po ugolovnym delam // Juridicheskij vestnik. – 1878. – № 9. – S. 383.
3. Vas'kovskij E.V. Organizacija advokatury. – SPb., 1893. – Ch. 1.
4. Vilenskij B.V. Sudebnaja reforma i kontrreforma v Rossii. Saratov, 1969.
5. Istorija russkoj advokatury / Pod red.I.V. Gessena. – M., 1914. – T.1.
6. Kovalevskij M.M. Ocherki po istorii politicheskih uchrezhdenij Rossii. – SPb., 1908.
7. Makalinskij P.V. S.-Peterburgskaja prisjazhnaja advokatura. – SPb., 1889.
8. Nemytina M.V. Sud v Rossii. Vtoraja polovina XIX – nachalo XX v. – Saratov, 1999.
9. Pal'hovskij A.M. O prave predstavitel'stva na sude. – M., 1876.
10. Potehin P.A. Otryvki iz vospominanij advokata // Pravo. – 1900. – № 47. – S. 2213.
11. Spasovich V.D. Dve rechi. – Berlin, 1892.
12. Spasovich V.D. Zastol'nye rechi (1873–1901). – Lejpcig, 1903.
13. Stojanov A.N. Anglijskaja advokatura // Juridicheskij vestnik. 1880. № 8.
14. Sudebnye ustavy 20 nojabrja 1864 g. s rassuzhdenijami, na koih oni osnovany. – SPb., 1867. – Ch. 3. – Razd. 9. – Gl. 2. – St. 353–406.
15. Troickij N.A. Advokatura v Rossii i politicheskie processy 1866–1904. – Tula, 2000.
16. Cherkasova N.V. Formirovanie i razvitie advokatury v Rossii. 60–80-gg. – XIX v. – M., 1987.
17. Shajhullin M.S. Ponjatie pravovoj tradicii advokatury // Evrazijskaja advokatura. – 2013. – № 3 (4). – S. 52–56.

Стребкова Е.Г., кандидат юридических наук,
Саратовская государственная юридическая академия

Обеспечение единообразия судебной практики как гарантия реализации Конституции РФ

Доклад посвящен актуальным проблемам обеспечения единообразия судебной практики в российской судебной системе. Автор анализирует указанные проблемы в свете последних нововведений в Конституцию РФ.

Ключевые слова: Конституция РФ, судебная практика, Конституционный суд, Высший Арбитражный Суд, Верховный суд.

Полагаю, что объединение судов направит судебную практику в единое русло, а значит, будет укреплять гарантии реализации важнейшего конституционного принципа – равенства всех перед законом.

В.В. Путин

Strebkova E.G., candidate of jurisprudence,
Saratov state legal academy

Ensuring uniformity of jurisprudence as guarantee of implementation of the Constitution of the Russian Federation

Article is devoted to actual problems of ensuring uniformity of jurisprudence in the Russian judicial system. The author analyzes the specified problems in the light of the last innovations in the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, jurisprudence, Constitutional court, Supreme Arbitration Court, Supreme Court.

В 2013 году Конституция РФ отпраздновала свое 20-летие. Однако жизнь не стоит на месте, и спустя 20 лет назрела необходимость внесения поправок в Конституцию, на основании которых объединятся Верховный и Высший Арбитражный суды. Как отметил Президент РФ В.В. Путин: «Сегодня в трактовке многих законов эти суды часто расходятся, иногда весьма существенно, выносят разные решения по схожим делам, а то и по одним и тем же. В итоге возникает правовая неопределённость, а порой и несправедливость, которая отражается на людях». Конечно, для такого суждения есть все основания. Однако следует отметить, что проблема единообразия судебной практики актуальна не только для арбитражных судов и судов общей юрисдикции, такая проблема возникает и внутри системы судов общей юрисдикции.

Вопросы обеспечения единства правоприменительной практики в рамках установленной Конституцией РФ компетенции Верховного Суда РФ неодно-

кратно становились предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ: постановления от 23 декабря 1997 года № 21-П, от 28 марта 2000 года № 5-П, от 23 января 2007 года № 1-П, от 8 ноября 2012 года и др.

Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 23 декабря 2013 года № 29-П отмечается, что требование единства практики применения норм законодательства всеми судами обусловливается балансом закрепленных Конституцией РФ принципов независимости судей при осуществлении правосудия (ч. 1 ст. 120), верховенства Конституции РФ и федеральных законов в российской правовой системе, а также равенства всех перед законом и судом (ч. 2 ст. 4, ч. 1, 2 ст. 15, ч. 1 ст. 19).

Кроме того, следует отметить, что при отсутствии единообразия в правоприменительной практике возникает возможность появления коррупциогенных факторов.

Вместе с тем необходимая степень определенности правового регулирования может быть достигнута с помощью разъяснений по вопросам судебной практики, даваемых Верховным Судом Российской Федерации и Высшим Арбитражным Судом РФ. В связи с этим возникает вопрос о формировании в нашей стране системы прецедентного права.

Что же такое прецедент? Юридический прецедент можно определить как судебное или административное решение по конкретному юридическому делу, которому придается сила нормы права и которым руководствуются при разрешении схожих дел [1].

Ст. 126 и 127 Конституции России не придают обязательного характера разъяснениям Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросам судебной практики. Однако согласно ч. 2 ст. 13 Федерального конституционного закона от 28.04.1995 № 1-ФКЗ (ред. от 06.12.2011) «Об арбитражных судах в Российской Федерации» по вопросам своего ведения Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ принимает постановления, обязательные для арбитражных судов в РФ.

Что касается Верховного Суда, то в соответствии с п. 1 ч. 4 ст. 14 Федерального Конституционного закона «О судах общей юрисдикции» Пленум Верховного Суда РФ дает судам общей юрисдикции разъяснения по вопросам применения законодательства РФ в целях обеспечения единства судебной практики. Как видно, в законе не указано, что разъяснения Верховного Суда обязательны для нижестоящих судов. Однако они играют большую роль в формировании единой судебной практики, являются основой для разрешения других сходных дел, в сущности, имеют значение прецедентов. В законах невозможно предусмотреть все без исключения случаи, с которыми имеют дело судьи при рассмотрении конкретного дела. Прецедентная система может существенно снизить нагрузку на судей, приведет к единообразному применению законов на территории всего государства.

В России прецедентное право пока не закреплено законодательно. Решения судов высших инстанций не признаются прецедентами. Однако следует отметить, что постепенно начинается процесс внедрения прецедентной системы в российскую судебную практику. Рассмотрим несколько примеров.

Согласно Постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 февраля 2008 года № 14 толкование той или иной нормы права, определяющее (изменяющее) практику ее применения, данное в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации или в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, может рассматриваться в качестве основания пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам судебного акта, вступившего в законную силу ранее, чем Высшим Арбитражным Судом РФ была определена практика по данному вопросу, если лицо, участвующее в деле, по которому принят судебный акт, обратилось с заявлением о его отмене в порядке надзора.

Постановлением Конституционного Суда от 21 января 2010 г. взаимо-связанные положения пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 АПК РФ, допускающие – в истолковании, данном в пункте 5.1 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 марта 2007 г. № 17 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам» (в редакции Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 февраля 2008 г. № 14), – пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам вступившего в законную силу судебного акта, оспариваемого заявителем в порядке надзора и основанного на положениях законодательства, практика применения которых после принятия оспариваемого судебного акта определена Высшим Арбитражным Судом РФв постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ или в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, в том числе, принятом по результатам рассмотрения другого дела в порядке надзора, не противоречащими Конституции РФ.

Итак, традиционно Россия не относится к государствам с прецедентной системой права (в которой источником права является решение суда по конкретному делу), а российское законодательство прямо не предусматривает возможность использования судебных решений по сходным делам. Однако на практике все обстоит иначе. Судьи при вынесении постановлений учитывают позиции вышестоящих судов, сформировавшиеся при рассмотрении других сходных дел.

Таким образом, единообразие правоприменительной практики обеспечивает стабильное правовое пространство, непротиворечивость российской правовой системы, способствует повышению доверия граждан к суду, является важнейшей гарантией реализации закрепленных в Конституции прав и свобод человека и гражданина.

Список использованных источников:

1. Большой юридический словарь. – М.: Проспект. А.В. Малько. – 2009.
2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 12 декабря 2013 г. // Российская газета. – 2013. – 13 декабря.

References:

1. Bol'shoj juridicheskij slovar'. – M.: Prospekt. A.V. Mal'ko. – 2009.
2. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniju RF 12 dekabrja 2013 g. // Rossijskaja gazeta. – 2013. – 13 dekabrja.

Тихая Л.С., кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский университет МВД России

К вопросу о защите прав несовершеннолетних

В силу наличия у несовершеннолетних определенных возрастных особенностей, они не в состоянии самостоятельно защитить свои права так же эффективно, как взрослый, что является главной причиной создания и действия специальных правовых средств по защите ребенка.

Ключевые слова: права несовершеннолетних, защита прав ребенка, правовой статус ребенка, эффективность защиты.

Tihayja L.S., candidate of jurisprudence, associate professor,
Ministry of Internal Affairs St. Petersburg university of Russia

To a question of protection of the rights of minors

Owing to existence at minor certain age features, they aren't able to protect independently the rights as is effective, as the adult that is the main reason of creation and action of special legal means on protection of the child.

Keywords: rights of minors, protection of the rights of the child, legal status of the child, efficiency of protection.

Специфичность статуса ребенка, особенно малолетнего, состоит в его физической и социальной беспомощности, в силу которой многие его права не могут быть им реализованы, а ответственность за их обеспечение лежит на других субъектах: родителях, лицах, их заменяющих, государстве и обществе в лице специальных учреждений и органов. По достижении определенного возраста (14, 15 лет и старше) во многих ситуациях, в том числе при угрозе собственной жизни, подросток в принципе потенциально способен защитить

себя как физически, так и используя правовой порядок гарантий своих прав и свобод. Однако многие определенные Конституцией РФ права, в том числе составляющие правовой статус ребенка, в реальной жизни остаются лишь декларацией.

Несовершеннолетние, по справедливому мнению А.Д. Магденко, наряду с престарелыми и инвалидами относятся к числу физических лиц, в наибольшей степени подверженных негативному воздействию со стороны общества, а потому нуждающихся в особой защите своих прав [4].

Таким образом, выделение прав ребенка в отдельную категорию вызвано конкретизацией прав специфической социальной группы, стремлением создания действенного механизма защиты наиболее уязвимых членов общества.

Под правовой защитой несовершеннолетних следует понимать совокупность нормативных правовых актов, устанавливающих правовой статус несовершеннолетних как участников общественных отношений и закрепляющих основы организации деятельности системы органов по работе с несовершеннолетними [5].

Все нормативные документы, защищающие права несовершеннолетних, можно классифицировать на международные акты, федеральные нормативные правовые акты (законы и подзаконные акты), действующие на всей территории Российской Федерации, региональное законодательство. Необходимо также отметить, что более детально права несовершеннолетнего охраняются отраслевым законодательством.

Не отрицая «функциональную» сущность защиты прав несовершеннолетних, А.В. Ермаков считает, что не только связанность с государственной деятельностью определяет истинный ее смысл [1]. Защита – естественный атрибут права.

Источники материального неблагополучия малообеспеченной семьи, основу которой составляет супружеская пара в трудоспособном возрасте с 1–2 детьми, на протяжении последних десятилетий остаются все те же: отсутствие заработка у взрослых или мизерные ее размеры, не обеспечивающие удовлетворение элементарных потребностей ее членов, особенно детей. Постоянный страх потерять работу или, наоборот, чрезвычайная загруженность родителей на работе, наличие в семье больных детей, детей-инвалидов – все это лишает даже самых добросовестных родителей возможности защитить своего ребенка, обеспечить ему достойное существование [2].

Специфика правосубъектности несовершеннолетних, небольшой жизненный опыт, зависимость от родителей или иных законных представителей приводят к тому, что несовершеннолетний не имеет реальной возможности защищать свои права столь же эффективно, как это может делать взрослый человек [9]. Отсюда необходимость повышенной правовой защиты законных интересов несовершеннолетних. Ребенок при любых обстоятельствах должен быть среди тех, кто первым получает социальную защиту и помощь [6].

Стратегическое значение для формирования идеологии и практики защиты прав детей имеет принятие в 1998 г. Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации.

Правоприменитель, защищая ребенка, вынужден использовать либо нормы международного права, либо общие нормы права, не отражающие особенности правового положения несовершеннолетнего. Причиной этого является отчасти специфика развития законодательства, посвященного правовому статусу ребенка, поскольку до определенного времени этот статус рассматривался исключительно в контексте семейных отношений, где он частично поглощен правовым статусом родителей ребенка [7].

Конституционные нормы имеют целью общую, универсальную регламентацию статуса личности, в обобщенном виде выражающую самые существенные черты ее правового положения.

С одной стороны, это гарантирует обеспечение естественно равной защиты прав любого человека независимо от каких бы то ни было признаков, в том числе и возрастных. С другой стороны, в силу специфических возрастных особенностей, характеризующих статус ребенка, данное обстоятельство можно расценивать как упущение, правовой пробел, свидетельствующий о низкой гарантированности и слабой защищенности прав и интересов российских детей [8], а детей, лишенных попечения родителей, особенно.

Право на судебную защиту принадлежит каждому физическому лицу, а следовательно, и несовершеннолетнему, который может защищать свои права в суде с помощью родителей или иных законных представителей. Семейный кодекс РФ в ст. 56 также закрепляет право ребенка самостоятельно обратиться в суд для защиты собственных прав по достижении им четырнадцати лет. Это право не может быть реализовано до принятия соответствующего федерального закона, предусматривающего механизм обращения ребенка в суд.

Разобщенность российского законодательства, регулирующего правовой статус несовершеннолетних, оказывает негативное влияние на уровень и степень их правовой защищенности, ответственности. Назрела настоятельная необходимость в установлении «общих для всех отраслей права базовых основ законодательного регулирования статуса несовершеннолетних и преодоления отраслевой разобщенности в праве в тех ситуациях, когда предметом правового регулирования становятся правоотношения с участием детей и подростков» [10].

В заключение можно отметить, что в силу наличия у несовершеннолетних определенных возрастных особенностей, они не в состоянии самостоятельно защитить свои права так же эффективно, как взрослый, что является главной причиной создания и действия специальных правовых средств по защите ребенка. Защита прав ребенка осуществляется в предусмотренном российским законом порядке – судебном и административном. Применение того или иного порядка защиты имеет свои преимущества и зависит от конкретного нару-

шения прав ребенка. Эффективность защиты зависит от четко определенных, детально разработанных и действенных ее механизмов. При отсутствии таких механизмов правоприменительная деятельность, то есть реализация правовых норм, предусматривающих защиту, будет затруднена.

Список использованных источников:

1. Ермаков А.В. Прокурорский надзор в сфере защиты прав несовершеннолетних: Монография. – М.: Экслибрис-Пресс, 2008.
2. Нечаева А.М. Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). – М.: Институт государства и права РАН, 2000.
3. Мейер Д.И. Русское гражданское право. Ч. 2. По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. – М.: Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1997.
4. Магденко А.Д., Танаева З.Р. Обеспечение прав несовершеннолетних в деятельности милиции: Учеб. пособие. – Челябинск: ГОУ ВПО ЧЮИ МВД России, 2008.
5. Основы ювенального права: Учеб. пособие. В 3-х томах / Под науч. ред. В.Ф. Воробьева, Е.Д. Волоховой, А.В. Заряева. – Т. 1. – Воронеж, 2001.
6. Борисова Н.Е. Правовое положение несовершеннолетних в Российской Федерации. 2-е изд. – М.: Издательство РГСУ, 2006.
7. Борисова Н.Е. Конституционные предпосылки защиты прав ребенка: Материалы науч.-практ. конф. / Отв. ред. А.М. Нечаева. – М., 2004.
8. Борисова Н.Е. Конституционные предпосылки защиты прав ребенка: Материалы науч.-практ. конф. / Отв. ред. А.М. Нечаева. – М.: Институт государства и права РАН, 2004.
9. Паршукова К.Ю. Проблемы реализации прав детей, лишенных родительского попечения в России // Юрист. – 2007. – № 10.
10. Рябов Е.Н. Правовой статус несовершеннолетних в российском законодательстве // Юридический мир. – № 2. – 2009.

References:

1. Ermakov A.V. Prokurorskij nadzor v sfere zashhity prav nesovershennoletnih: Monografija. – M.: Jekslibris-Press, 2008.
2. Nechaeva A.M. Rossija i ee deti (rebenok, zakon, gosudarstvo). – M.: Institut gosudarstva i prava RAN, 2000.
3. Mejer D.I. Russkoe grazhdanskoe pravo. Ch. 2. Po ispravlennomu i dopolnennomu 8-mu izd., 1902. – M.: Statut (v serii «Klassika rossijskoj civilistiki»), 1997.
4. Magdenko A.D., Tanaeva Z.R. Obespechenie prav nesovershennoletnih v dejatel'nosti milicii: Ucheb. posobie. – Cheljabinsk: GOU VPO ChJuI MVD Rossii, 2008.
5. Osnovy juvenal'nogo prava: Ucheb. posobie. V 3-h tomah / Pod nauch. red. V.F. Vorob'eva, E.D. Volohovoj, A.V. Zarjaeva. – T. 1. – Voronezh, 2001.
6. Borisova N.E. Pravovoe polozhenie nesovershennoletnih v Rossijskoj Fede-racii. 2-e izd. – M.: Izdatel'stvo RGSU, 2006.
7. Borisova N.E. Konstitucionnye predposylki zashhity prav rebenka: Materialy nauch.-prakt. konf. / Otv. red. A.M. Nechaeva. – M., 2004.

8. Borisova N.E. Konstitucionnye predposylki zashhity prav rebenka: Materialy nauch.-prakt. konf. / Otv. red. A.M. Nechaeva. – M.: Institut gosudarstva i prava RAN, 2004.
9. Parshukova K.Ju. Problemy realizacii prav detej, lishennyh roditel'skogo popechenija v Rossii // Jurist. – 2007. – № 10.
10. Rjabov E.N. Pravovoj status nesovershennoletnih v rossijskom zakonodatel'stve // Juridicheskij mir. – № 2. – 2009.

Усманова Р.М., кандидат юридических наук, доцент,
Усманов А.К.,
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета

Этнические обычаи в системе публичного регулирования общественных отношений

В докладе на основе действующего законодательства рассмотрены отдельные этнические обычаи, встречающиеся на территории России.
Ключевые слова: закон, обычай, публичный, муниципальный, власть.

Usmanova R.M., associate professor,
Usmanov A.K.,
Sterlitamak branch of the Bashkir state university

Ethnic customs in system of public regulation of the public relations

In article on the basis of the current legislation the separate ethnic customs meeting in the territory of Russia are considered.
Keywords: law, custom, public, municipal, power.

Национальные, религиозные и иные особенности, присущие конкретному этническому образованию, а также их привычки со временем повторяясь и закрепляясь в сознании индивидов, становятся нормами поведения. Для определенного этноса обычаи являются одним из основных социальных регуляторов, которые настолько прочно отпечатались в общественном сознании, что воспринимаются как неотъемлемый элемент общественной жизни. Поэтому обычаи, как сложившиеся правила поведения среди отдельной группы людей становятся привычными и обязательными в силу длительности и непрерывности существования.

В частности такие обычаи закреплены в ст. 2 Федерального закона от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» где говорится об уважении обычаев граждан различных этнических общностей. Об уважении обычаев народов закрепляется и региональным законодательством. Например, Законом Республики Башкортостан от 18 марта 2005 г. № 162-з

«О местном самоуправлении в Республике Башкортостан» закрепляется обязанность главы местной администрации муниципального района (городского округа) проявлять уважение к обычаям и традициям народов Российской Федерации.

В муниципальном образовании органы местного самоуправления для сохранения обычаев, самобытности и культуры народов вправе проводить различные мероприятия. Например, глава сельского поселения Давыдовское Орехово-зуевского муниципального района Московской области распоряжением от 11.03.2013 № 40 утвердил положение о проведении культурно-массового мероприятия посвященное проводам русской зимы «Масленица» в д. Давыдово. Данное мероприятие включает в себя такие обычаи как: организация и проведение ярмарок, спортивных состязаний, игр-конкурсов, сжигание чучела масленицы.

Для сохранения обычаев проводится и праздник Сабантуй. Примечательно, что в актах органов местного самоуправления описывается порядок проведения праздника, куда входят обычаи национальных состязаний.

Регламентация муниципальными актами религиозных праздников и соответственно обычаев необходима в целях пропаганды и предоставления жителям муниципальных образований равных возможностей для развития национальных культур, а также для устранения напряженности и конфликтов среди различных народов.

Особое место в системе обычаев занимают этнические обычаи коренных малочисленных народов. О них пишут многие, применительно в обычному праву этносов. В Федеральном законе от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» говорится об обычаях коренных малочисленных народов, как правил ведения традиционного природопользования и традиционного образа жизни.

Именно в качестве альтернативы правовому регулированию обычай выступает в отношениях с коренным малочисленным народом, в целях сохранения традиционного образа жизни.

Так, обычай используется: 1) при регулировании отношений, в области образования, охраны и использования территорий традиционного природопользования, если такие обычаи не противоречат законодательству Российской Федерации, законодательству субъектов Российской Федерации (ст. 2 Федерального закона от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»); 2) при регулировании отношений по использованию природных ресурсов, находящихся на территориях традиционного природопользования, для обеспечения ведения традиционного образа жизни (ст. 13 этого же Закона); 3) при решении вопросов внутренней организации общины малочисленных народов и взаимоотношений между ее

членами, если это не наносит ущерб интересам других этносов и граждан (Федеральный закон от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»); 4) при рассмотрении в судах дел, в которых лица, относящиеся к малочисленным народам, выступают в качестве истцов, ответчиков, потерпевших или обвиняемых (ст. 14 Федерального закона от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»).

Возможность выступать в качестве регулятора общественных отношений, наряду с нормами права гарантируется и законодательством субъектов Российской Федерации. Например, Закон Ненецкого автономного округа от 15 марта 2002 г. «Об оленеводстве в Ненецком автономном округе» устанавливает, что в качестве регулятора отношений в области оленеводства признаются традиции и обычаи коренных малочисленных народов Севера и этнических общностей (ч. 2 ст. 3). Закон Красноярского края «Основы правовых гарантий коренных малочисленных народов Севера Красноярского края» от 1 июля 2003 г. устанавливает право пользования земельными и другими природными ресурсами на территории традиционного природопользования в соответствии с обычаями малочисленных народов.

Как видим, обычаи выступают в качестве одного из социальных регуляторов общественных отношений, наряду с нормами права, но только в отношениях с коренным малочисленным народом и если это разрешено законом.

Также обычай может дополнять правовое регулирование. Например, в Тазовском районе Ямало-Ненецкого автономного округа, постановлением главы муниципального образования от 22.03.2004 № 40 утверждено Положение о «О кочевых приемных главы муниципального образования Тазовский район», где в п. 5.6. говорится о том, что к отношениям не урегулированным настоящим Положением применяются в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации обычаи делового оборота. В этом случае законодатель намеренно оставил вопрос, находящейся в поле его зрения открытым и отдал его на регулирование с помощью обычаев и традиций.

Анализ вышеизложенного позволяет нам сделать вывод о том, что этнические обычаи как социальные регуляторы в публичной сфере на северных территориях в большей степени охватывают общественные отношения, связанные с ведением традиционного хозяйства и природопользования, и для народов являются одним из главных правил поведения. На остальных территориях этнические обычаи в основном связаны с культурой и традицией народов, и в публичном регулировании общественных отношений они выполняют второстепенную роль.

Чеснокова И.С.,
Уральский институт – филиал РАНХиГС

Проблемы в сфере образовательной государственной политики

В докладе описываются некоторые проблемы современного образования и предлагаются пути его совершенствования.

Ключевые слова: государство, образование, право, политика, закон.

Chesnokova I.S.,
The Ural institute – RANHiGS branch

Problems in the sphere of an educational state policy

In article some problems of modern education are described and ways of its improvement are offered.

Keywords: state, education, right, policy, law.

Как бы парадоксально ни звучало, но государственная политика в сфере образования сводится к максимальному сокращению участия государства в образовании. Вплоть до отказа от обеспечения образования. И тому есть ряд примеров уже на данном этапе развития нашей страны.

Конституционно гарантированное бесплатное образование на практике не реализуется. Государственные учебные заведения испытывают огромные финансовые трудности на фоне того, что год от года снижается процент их финансирования из бюджета страны. Основные расходы переложили на плечи родителей обучающихся, но при этом им не дают никакой возможности повлиять на организацию учебного процесса.

Дефицит школьных библиотечных фондов приводит к тому, что родители и законные представители детей вынуждены покупать учебники. Уровень подготовки огромного количества современных российских учителей в совокупности с пропагандой развлекательного образа жизни в СМИ приводит к оплате труда репетиторов. Это всё, конечно же, можно объяснить правами человека на труд и образование, а также широкими возможностями, которые предоставляет республиканско-демократический режим.

Но в то же время многие российские средние общеобразовательные школы находятся в аварийном состоянии или попросту обладают несоответствующей требованиям материально-технической базой. Данное обстоятельство диссонирует с огромными бюджетными ассигнованиями в образование. Какое решение данной проблемы предлагает государство? Согласно новой редакции закона «Об образовании» образовательные учреждения, де-юре, должны самостоятельно изыскивать средства для обеспечения социальных

функций [2]. На основании чего сделан такой вывод? Образование широкого формата, основанного на достижениях таких великих людей как Ломоносов, Сухомлинский, Монтессори, Кашпировский, писателей уровня Пастернака, Фадеева, Булгакова, по сути превратилось в сферу услуг, сферу торговли, доходную часть бюджета. Законы, подобные этому, приняты только в беднейших странах Центральной Африки, Центральной Америки (Гондурас, Гватемала) и ряда стран Океании (Тувалу, например). В качестве дополнительного способа выживания школам предлагается перейти на автономную форму. Но не каждое среднее образовательное учреждение может себе это позволить в чисто экономическом плане.

Не красит картину и присоединение России к Болонскому соглашению. Да, теперь отечественные дипломы о высшем образовании котируются в странах Евросоюза. Да, теперь в нашей стране, как и в остальной Европе, готовят бакалавров и магистров. Но стоит сравнить магистерский балл, минимально допустимый для получения степени магистра, скажем, Сорбонны и Санкт-Петербургского университета, и станет ясно, что российские ВУЗы в данном компоненте в ранге аутсайдеров. Чего только стоит прошлогодний выход МГУ из списка сотни лучших институтов мира? Стоит упомянуть и то, что СМИ и люди науки наперебой говорят о падении качества образования в нашей стране. Приводятся как примеры, свидетельствующие о вопиюще низком уровне аттестации школьников и студентов (вплоть до того, что готовящимся к государственным экзаменам выпускникам ВУЗов преподаватели предварительно выдают ответы к вопросам в готовом виде), так и примеры из истории. Справедливо отмечает доцент М.Р. Габитов: задача в том, как соединить российскую образовательную традицию, основанную на освоении фундаментальных теоретических знаний, с: а) западными образовательными технологиями, прагматичными по своей сути; б) образовательными курсами, получаемыми через Интернет [1].

Всем известный президент Джон Кеннеди в 1961 году во время одного из своих выступлений заявил, что в Советском Союзе лучшая в мире система образования. В Советском Союзе прививалось самостоятельное, незаурядное мышление и культивировалось всестороннее развитие. В США же в то время обучали детей и взрослых так, как в нашей стране делают это сегодня – широко используя тестовую систему проверки знаний. Тест, в частности, по литературе, – абсурд, не правда ли? Как для такого теста составить вопросы – это же не физика или алгебра?!

Упомянув о тестовой составляющей отечественного образования нельзя не сказать о Едином государственном экзамене (аналог которого в США – лишь платный бонус при поступлении в ВУЗ). Безусловно, это великолепный шанс для жителей сёл и маленьких городов получить высшее образование в лучших институтах и университетах страны, а также данный вид аттестации удобнее и экономичнее традиционной системы «экзаменатор-человек». Это и ощутимый

удар по коррупции в системе образования. В то же время происходит «натаскивание» обучающихся на типовые для ЕГЭ задания. Многополярное мышление, тем самым, сокращается до двуполярного («да» – «нет», «чёрное» – «белое»), пространства для свободомыслия не так много, как хотелось бы. Переход от знаниевой к компетентностной модели образования – от человека – «знайки» к человеку, по сути, «незнайке», в целом является отрицательным элементом государственной политики в сфере образования.

На сегодняшний день становится очевидным то, что необходимо полностью менять методическую базу образовательной системы, поскольку современное образование не успевает за быстро развивающимся обществом. Многие выпускники, получая диплом некогда авторитетных государственных учебных заведений, не могут найти работу по специальности. Когда они приходят на предприятие, становится очевидным, что этих молодых специалистов приходится доучивать.

Учитывая отсутствие практики распределения выпускников ВУЗов на рабочие места (получившее название «право на свободный труд») не стоит удивляться тому, что очень многие, в итоге, работают не по профессии, а, следовательно, эффективность труда и целесообразность полученных ЗУНов оставляет желать лучшего.

Подводя итог, приходится констатировать не самую желаемую картину: на сегодняшний день очевиден постепенный отказ государства от выполнения своих социальных, конституционно прописанных функций; происходит переход к автономизации учебных учреждений. Для тех, кто сможет это обеспечить (далеко не от лучшей жизни), принято достаточно большое количество официальных документов, так или иначе связанных с модернизацией системы образования, однако их реализация на практике не принесла желаемых результатов [2]. Определение целей и механизма модернизации развития системы образования не обеспечено достаточными фундаментальными научными исследованиями, что в значительной степени обусловливает имеющийся консерватизм и низкую эффективность многочисленных реформ, предпринимавшихся в этой сфере в последнее десятилетие. Новые задачи часто решаются при помощи старого механизма управления, не позволяющего выйти за рамки «самодостаточности» системы образования [3]. Следовательно, на современном этапе образование находится в определенном смысле на переломе, когда возможны кардинальные изменения по его реформированию, результаты которого в большей степени зависят от деятельности государственных органов.

Список использованных источников:

1. Габитов М.Р. Концепция юридического образования будущего // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 4 (5). – С. 84.

2. Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.dvfu.ru/umu/zakrf/doktrin1.htm (проверено 03.12.2013).
3. Поташник М.М. Качество образования: проблемы и технология управления. – М.: Педагогическое общество России, 2005.

References:

1. Gabitov M.R. Koncepcija juridicheskogo obrazovanija budushhego // Evrazijskaja advokatura. – 2013. – № 4 (5). – S. 84.
2. Nacional'naja doktrina obrazovanija v Rossijskoj Federacii do 2025 goda [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://www.dvfu.ru/umu/zakrf/doktrin1.htm (provereno 03.12.2013).
3. Potashnik M.M. Kachestvo obrazovanija: problemy i tehnologija upravlenija. – M.: Pedagogicheskoe obshhestvo Rossii, 2005.

Чмыхало Е.Ю., кандидат юридических наук, доцент,
Саратовская государственная юридическая академия

О некоторых правовых проблемах стимулирования эффективного использования земель

В работе выясняется, какими правовыми мерами, стимулируется эффективное использование земель. Делается вывод о том, что применение правовых ограничений имеет эффективное правовое воздействие.

Ключевые слова: эффективное использование земель, правовые ограничения.

Chmykhalo E.Yu., candidate of jurisprudence, associate professor,
Saratov state legal academy

About some legal problems of stimulation of effective use of lands

In work it becomes clear, what legal measures, stimulate effective use of lands. The conclusion that application of legal restrictions has effective legal influence is drawn.

Keywords: effective use of lands, legal restrictions.

В публичных интересах на субъектов земельных правоотношений возлагаются различные обязанности, исполнение которых обеспечивается, прежде всего, возможностью привлечения к юридической ответственности. Однако, необходимо выделить и иные правовые нормы, стимулирующие исполнение обязанностей субъектами земельных отношений.

Для примера воспользуемся нормами ст. 20 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ), запрещающими предоставлять после введения в действие ЗК РФ, земельные участки юридическим лицам на праве постоянного (бессрочного) пользования, за исключением лиц, указанных в п. 1 ст. 20 ЗК РФ. На юридических лиц, не указанных в п. 1 ст. 20 ЗК РФ, приобретших земельные участки на данном праве до введения в действие ЗК РФ, была возложена обязанность до 1 июля 2012 года приобрести их в собственность или на правах аренды. За не соблюдение этой обязанности предусмотрена ответственность в ст. 7.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, вступившей в силу с 1 января 2013 года. Угроза привлечения к ответственности должна стимулировать соблюдение этой обязанности. Но эта не единственная мера, стимулировавшая исполнение данной обязанности. Земельные участки указанными юридическими лицами приобретались в порядке, установленном в ст. 36 ЗК РФ.

В п. 1.1 ст. 36 ЗК РФ определяется порядок расчета платы за земельные участки, приобретаемые в собственность, и указано, что плата не может превышать их кадастровой стоимости. Иной порядок расчета платы был установлен для юридических лиц, являющихся собственниками расположенных на таких земельных участках зданий, строений, сооружений, при переоформлении ими права постоянного (бессрочного) пользования земельными участками. Приобретение указанными лицами земельных участков осуществлялось по цене, устанавливаемой субъектами Российской Федерации в пределах: двадцати процентов кадастровой стоимости земельного участка, расположенного в городах с численностью населения свыше 3 миллионов человек; двух с половиной процентов кадастровой стоимости земельного участка, расположенного в иной местности. Норма действовала до 1 июля 2012 года, то есть до даты, до которой юридические лица были обязаны переоформить право на земельный участок. Возможность приобретения земельных участков в частную собственность по цене ниже рыночной являлось существенным стимулом, который должен побудить к совершению активных позитивных действий, переоформлению права на земельные участки.

Земля является не только недвижимым имуществом, но и природным объектом и природным ресурсом. С учетом этого в ст. 1 ЗК РФ закрепляется принцип, в соответствии с которым регулирование отношений по использованию и охране земли осуществляется исходя из представлений о земле как о природном объекте и природном ресурсе и одновременно как о недвижимом имуществе, об объекте права собственности и иных прав на землю. Поэтому особо значимы нормы, стимулирующие эффективное использование земель. К ним можно отнести норму, содержащуюся в п. 1 ст. 36 ЗК РФ, предоставляющие право приобретать в частную собственность земельные участки, на которых расположены здания, строения и сооружения, по цене, определяемой по п. 1.1 ст. 36 ЗК РФ. В ст. 36 ЗК РФ не указаны объекты, неза-

вершенного строительства. Сформирована правоприменительная практика, в соответствии с которой перечень объектов, содержащихся в п. 1 ст. 36 ЗК РФ является исчерпывающим, и норма расширительному толкованию не подлежит, а поэтому обладатели объектов незавершенного строительства не могут в порядке, установленном в данной статье, приобретать права на земельные участки. Как правило, объекты незавершенного строительства, располагаются на земельных участках, предоставленных на правах аренды. Арендаторы земельных участков, также как и иного имущества, наделены преимущественным правом приобретения их в частную собственность (п. 3 ст. 22 ЗК РФ). Однако, при применении п. 3 ст. 22 ЗК РФ необходимо согласие собственника земельного участка на его выкуп и выкупаться он будет по рыночной цене. В отличие от них правообладателям зданий, строений и сооружений не может быть отказано в приобретении земельных участков в частную собственность, за исключением случаев, перечисленных в п. 2 ст. 28 ЗК РФ, и расчет стоимости таких участков осуществляется в соответствии с п. 1.1 ст. 36 ЗК РФ, согласно которого продажа земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, собственникам зданий, строений, сооружений, расположенных на этих земельных участках, осуществляется по цене, установленной государственными органами исполнительной власти и органами местного самоуправления. Как отмечалось выше, цена таких земельных участков, не может превышать их кадастровую стоимость. Возможность приобретения земельного участка в частную собственность в порядке, установленном ст. 36 ЗК РФ, стимулирует завершение строительства объекта в заявленные сроки, а, следовательно, обеспечивает эффективное использование земель.

Эффективное использование земель как природного объекта стимулируется и иными правовыми нормами, регулирующими земельные отношения. Не неиспользование земельного участка, предназначенного для сельскохозяйственного производства либо жилищного или иного строительства, в указанных целях в течение срока, установленного федеральным законом, влечет наложение административного штрафа, то есть привлечение к административной ответственности. Если такие земельные участки не используются для соответствующей цели в течение трех лет, если более длительный срок не установлен законом, они могут быть изъяты у правообладателя (ст. 45, 46 ЗК РФ, 284 Гражданского кодекса РФ, ст. 6 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ (ред. от 28 декабря 2013 г.) «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»). Эти меры ответственности применяются крайне редко. Наиболее активно применяются иные нормы. Налоговым кодексом Российской Федерации установлены повышающие коэффициенты при расчете земельного налога с земельных участков, предоставленных для жилищного строительства, с учетом срока введения в эксплуатацию жилого строения. Подобная норма содержится и в п. 3 ст. 65 ЗК РФ.

Увеличение размера земельного налога и арендной платы, как и привлечение к ответственности, имеет одинаковые признаки реализации: связаны с неблагоприятными условиями для реализации собственных интересов, так как направлены на сдерживание и одновременную защиту общественных интересов; предполагают уменьшение объема возможностей, свободы; достигаются с помощью наказаний и т. п.; обозначают собой отрицательную правовую мотивацию; предполагают снижение негативной активности [1]. Этим признакам соответствуют правовые ограничения.

Анализ земельного законодательства позволил судить, что соблюдение обязанностей субъектами земельных отношений, как правило, стимулируется применением правовых ограничений, и не только меры ответственности, но и иные, имеющие высокую степень эффективного правового воздействия.

Список использованных источников

1. Большой юридический словарь / Под ред. А.В.Малько. – М.: Проспект, 2009. – С. 39.

References:

1. Bol'shoj juridicheskij slovar' / Pod red. A.V.Mal'ko. – M.: Prospekt, 2009. – S. 39.

Шайхуллин М.С., кандидат юридических наук, доцент,
Евразийский НИИ проблем права

О некоторых теоретических подходах к формированию нравственных основ в системе местного управления

В докладе сделана попытка рассмотреть основные научные взгляды и течения в контексте формирования нравственных основ в системе местного управления.

Ключевые слова: право, нравственность, традиция, местное управление.

Shaikhullin M.S., candidate of jurisprudence, associate professor,
Eurasian scientific research institute of problems of law

About some theoretical approaches to formation of moral bases in system of local management

In article attempt to consider the main scientific views and flow in a context of formation of moral bases in system of local management is made.

Keywords: right, moral, tradition, local management.

На методологическую постановку вопроса о нравственности в системе местного управления в дореволюционной России сильное влияние оказали различные научные школы и течения. Еще до нашей эры, основатель «моизма» Мо-Цзы (479–400 гг. до н. э.) призывал к развитию нравственных форм воздействия на людей, причем эта идея была одной из ключевых, способствовавших зарождению теории договорного управления, власти единой справедливости. У Гомера известное деление на «дике» – справедливость и «темис» – обычное право, расшифровывало теологический код нравственных отношений в обществе, а пифагорейцы Архит, Лизис, Филолай и др. пытались посредством математических методов объяснить нравственные и правовые явления в социуме. В критике демократии Гераклита сделан акцент на фигуру управляющего человека как обладающего нравственностью в силу «логоса», что отделяло такие типы нравственных людей от толпы. Известной, другой позиции в определении нравственно-правового человека придерживался Демокрит, по которому лучшими людьми были не властьимущие, а те, кто обладали высокоинтеллектуальными и нравственными качествами, соответственно были способными к судебной и управленческой деятельности.

Значительный сдвиг в исследовании нравственности с позиции правовых явлений в государственной и общественной жизни был сделан Сократом. Впервые философское постижение различий закона, нравственности, морали у Сократа становится на дефинитивный уровень, закладываются фундаменты этических начал присутствующие в деятельности по управлению обществом. При всей значимости нравственности для законов и политики, у сторонников нравственной ориентации в праве были и оппоненты – софисты, которые кроме всего прочего опирались на идею о преднамеренности нарушения установившихся правил и законов (Протагор, Фрасимах, Флавий Филострат, Юлиан Отступник и др.). На развитие идеи правовой нравственности, оказали мощное влияние работы Марка Аврелия, который призвал к принципу равенства подданных перед законом, а основатель Никопольской философской школы – Эпиктет взывал к личному нравственному совершенству, адресованному, прежде всего к богачам, однако по словам современников, Эпиктет трактатов не писал. В Восточно-правовой традиции ярким представителем правовой нравственности был Аль-Фараби, который отмечал необходимость соблюдения морально-этического долга любым руководителем города, без прямой идеализации норм мусульманского права.

В русской правовой мысли развитию нравственных начал в сфере управления способствовали труды Максима Грека, в которых он критически осуждает «лихоимство» процветающее в судебной системе, ставит вопросы относительно нравственного статуса носителей власти. Приблизительно такой же позиции, относительно развития нравственных оснований в сфере местного управления придерживался окольничий, дипломат, Федор Иванович Карпов, будучи политическим деятелем при Василии Ивановиче III, при всей своей

скромности, отличился либеральными мыслями касательно формирования в Российском государстве состояния «правозаконности» в основе которой видел идею соблюдения законов как основы нравственного состояния общества. Любое пренебрежение законами, писатель связывал с падением нравов, этим и заслужил преимущественную благосклонность у дворянского сословия.

На развитие нравственно-правовых основ в сфере местного управления не мог не оказать влияния литературный памятник XVI века «Домострой» – своего рода кодекс этики для представителей купеческого и боярского сословия, однако на этот счет существовали разные мнения. Домострой сделался широко известным в литературе после публикации его в 1849 г. Д.П. Голохвастовым. Одни считали, что Домострой – это «не картина того времени» и «не взгляд народа», а «воззрения и желания Сильвестра и быть может других духовных лиц на нравственное устройство общества (И.Е. Забелин, К.С. Аксаков, И.И. Срезневский), другие, что Домострой – это идеал семейной жизни созданный древним русским обществом (Ф.И. Буслаев, С.М. Соловьев) [2].

Статья 24 «О неправедной жизни» Домостроя, содержала нравственные предписания касающиеся должностных лиц местного управления: «А кто не по-божьи живет, не по-христиански, чинит всякую неправду, насилие и обиду: силой отнимает, долгов не платит, томит волокитой, младшего по чину во всем изобидит, с соседями не добр, в селе на своих крестьян или волости, или в приказе накладывает тяжкие дани и незаконные налоги…. или кого в чем подведет, или безвинно оштрафует, или в рабство неповинных лукавством или насилием охолопит, или нечестно судит, или неправедно производит розыск, или ложно свидетельствует – точно будут все в аду, и прокляты будут на земле ибо за все грешные дела хозяин такой Богом не прощен и народом проклят, и обиженные им вопиют к Богу.

Исходя из данного текста можно утверждать, что во многом эти положения нравственного кодекса касались не рядовых крестьян, а должностных лиц имеющих прямое отношение к городскому или сельскому управлению, о чем свидетельствуют как сами полномочия отраженные в ст. 24 указанного кодекса «томить волокитой», «чинить насилие», «обижать младшего по чину», «накладывать тяжкие налоги» и т. д. так мнения ученых. В частности профессор А.В. Михайлов в своей рецензии на исследование И.С. Некрасова «К вопросу о Домострое» писал, что «этот памятник предназначался не для боярства, а вообще для состоятельных людей» [2]. Известный исследователь местного самоуправления, профессор истории А.А. Кизеветтер видел в Домострое некое «учение о всепоглощающей силе государства. Поскольку появление таких памятников как Домострой было обусловлено развитием городов, их экономическим ростом, темпами хозяйствования и др. обстоятельствами, в связи с чем, можно говорить о началах структуризации нравственно-правовых оснований и их влиянии на развитие этического состояния лиц осуществляющих функции местного управления.

В конце XVI века известный писатель, государственный деятель, историк Иван Тимофеев работал над исследованием нравственно-правовой природы носителей власти и подвластных им лиц, однако как представляется в его теории правового положения властьимущих лиц, впервые на историографическом уровне [4] представлена научная модель вопроса о моральном облике царствующих персон. Будучи критиком элиты Тимофеев все преступления, или, как он их называет, «грехи», находит в представителях господствующих классов своего времени. Именно среди этой части русского общества он видит полное разложение и падение нравов. Народ оказывается при этом как бы жертвой этого «шатания» в «верхах»; оно, по его мнению, и приводит к тому, что народная масса, не чувствуя над собой твердой власти, начинает «безумно двигатися по своему хотению».

Русский историк и философ М.М. Щербатов, почти дословно следуя за Иваном Тимофеевым, приходил к выводу, что результатом тирании является общее падение нравов, выразившееся в уподлении людей, вкоренении робости, раболепства и страха [3]. Щербатов полагал, что в обществе должна наблюдаться определенная гармония закона с нравами и обычаями. Если вводимый закон не соответствует народным нравам, то действие его будет не только ограничено, но он может и вовсе не выполняться [1]. Таким образом, Щербатов в своих идеях одним из первых выделяет гипотезу об учете местных нравов, традиций и обычаев в законотворческой деятельности, при этом выделяет субъекты юридической безнравственности (должностные лица) делая вывод, что и законодательство может быть безнравственным. Ученый считал: «невозможно изменить нравы и обычаи так же быстро, как и законы» [1]. Будучи моралистом, Щербатов отмечал, что дисгармония закона и обычая всегда имела для Российского государства самые трагические последствия. Примерно такой же позиции придерживался статский советник, Я.П. Козельский – ученик М.В. Ломоносова, который запомнился кроме прочего дифференцированным подходом к категориям закон и право. М.М. Щербатов считал, что «основополагающие человеческие качества не подвержены временным трансформациям», это дает нам основание считать его родителем российской правовой нравственности.

Несколько иной позиции придерживался А.Н. Радищев писавший: «злом является именно крепостное право, а не лица, его осуществляющие, и замена «злого» помещика на «доброго» ничего изменить не может». Н.М. Карамзин писал, что государству для его безопасности нужно не только физическое, но и нравственное могущество. Освобожденные от надзора господ, имевших собственную земскую исправу, или полицию, гораздо деятельнейшую всех земских судов, станут пьянствовать, злодействовать, – какая богатая жатва для кабаков и мздоимных исправников, но как худо для нравов и государственной безопасности. Эти тезисы выдающегося историка подводят к выводу о том, что контроль за местными властями был обусловлен необходимостью государ-

ственной безопасности через механизм развития нравственно-правового состояния лиц находящихся на правительственной или земской службе.

Список использованных источников:

1. Артемьева Т.В. Михаил Щербатов. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1994. – С. 17.
2. Зимин А.А. Иван Пересветов и его современники. – М.: Академия наук СССР. – С. 55.
3. История политических и правовых учений. Учебник для вузов. Под общей редакцией члена-корреспондента РАН В.С. Нерсесянца. – М., 1996. – С. 353.
4. Рыбаков Д.А. Временник Ивана Тимофеева – несостоявшийся историографический проект начала XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2007. – № 2 (28). – С. 65.

References:

1. Artem'eva T.V. Mihail Shherbatov. – SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1994. – S. 17.
2. Zimin A.A. Ivan Peresvetov i ego sovremenniki. – M.: Akademija nauk SSSR. – S. 55.
3. Istorija politicheskih i pravovyh uchenij. Uchebnik dlja vuzov. Pod obshhej redakciej chlena-korrespondenta RAN V.S. Nersesjanca. – M., 1996. – S. 353.
4. Rybakov D.A. Vremennik Ivana Timofeeva – nesostojavshijsja istoriograficheskij proekt nachala XVII v. // Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki. – 2007. – № 2 (28). – S. 65.

Барашян Л.Р., кандидат юридических наук, доцент,
Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ДГТУ

Проблемы и перспективы в сфере налогового администрирования

В докладе на основе анализа нормативно-правовых актов выявлены проблемы налогового администрирования и предложены пути его совершенствования.

Ключевые слова: законодательство, налоговый, администрирование.

Barashyan L.R., candidate of jurisprudence, associate professor,
Services industry and business institute DGTU branch)

Problems and prospects in the sphere of tax administration

In article on the basis of the analysis of normative legal acts problems of tax administration are revealed and ways of its improvement are offered.

Keywords: legislation, tax, administration.

Федеральным Собранием Российской Федерации в июле 2013 года были приняты федеральные законы, вносящие корректировки в Налоговый кодекс Российской Федерации.

Законом № 248-ФЗ вводится принципиально новое правило, в соответствии с которым теперь сумма налога исчисляется в полных рублях. Округление производится по общим правилам: все суммы менее 50 копеек округляются в меньшую сторону, 50 копеек и больше соответственно округляются в большую сторону. Следует отметить, что раньше такое правило отсутствовало. В связи с этим на практике информация о размере налоговой задолженности по данным налогового органа и данным налогоплательщика могла различаться на копейки из-за разных правил округления, применяемых системами учета. Указанное изменение вступило в силу с 1 января 2014 года.

В качестве нового способа обеспечения исполнения обязанности по уплате налогов и сборов предлагается использовать банковскую гарантию. Ранее такой способ обеспечения мог быть использован только в частном случае – заявительный порядок возмещения НДС (ст. 176.1 НК РФ). По сути, все требования к банковской гарантии, установленные статьей 176.1, с небольшими корректировками были перенесены в первую часть НК РФ. Гарантия должна быть предоставлена банком, включенным в перечень банков, отвечающих установленным Министерством финансов Российской Федерации требованиям, для принятия банковских гарантий в целях налогообложения, быть безотзывной и

непередаваемой. Указанные изменения внесены Законом № 248-ФЗ, в котором содержатся и иные требования к гарантии: сроки действия, суммы покрытия, условия предъявления требований по гарантии. Окончательная ясность внесена в вопрос о моменте возникновения права налоговых органов арестовывать имущество налогоплательщиков. В соответствии с новыми правилами, введенными Законом № 248-ФЗ, такое право возникает только в случае недостаточности или отсутствия денежных средств (п. 3 ст. 77 НК РФ). При этом на банки возлагается обязанность информировать налоговые органы о невозможности исполнения поручений на списание денежных средств в связи с их отсутствием или недостаточностью. Кроме того, налоговым органам предоставляется право по ходатайству налогоплательщика заменять арест имущества залогом. Закон не содержит указание на какие-либо объективные критерии, при выполнении которых ходатайство подлежит обязательному удовлетворению.

Законом № 153-ФЗ уточняется, что жалоба на решение о привлечении (отказе в привлечении) к ответственности за совершение налогового правонарушения должна быть рассмотрена в течение одного месяца с момента ее получения. Указанный срок может быть продлен не более чем на месяц, в том числе в случае представления налогоплательщиком дополнительных документов.

Во всех остальных случаях (жалобы на иные акты, действия и бездействия) срок рассмотрения жалобы не должен превышать 15 рабочих дней (может быть продлен еще на 15 дней, в том числе по указанным основаниям).

Кроме того, устанавливается правило, в соответствии с которым нарушение сроков рассмотрения жалобы вышестоящим налоговым органом предоставляет налогоплательщику право дальнейшего обжалования в судебном порядке. Срок для обращения в суд исчисляется со дня, когда лицу стало известно о принятом вышестоящим налоговым органом решении или со дня истечения срока принятия решения по жалобе. Ранее подобные правила в законе отсутствовали. Заинтересованность налогоплательщиков в сокращении налогового бремени, будучи законной, должна быть гарантирована государством [1].

Законом № 153-ФЗ изменяются полномочия вышестоящего налогового органа при рассмотрении жалоб. Частично изменение полномочий связано с расширением предмета обжалования (акты, действия и бездействия). Однако изменились и полномочия при рассмотрении жалоб на решения о привлечении или отказе в привлечении к ответственности.

В соответствии с новыми правилами при рассмотрении жалобы на такие решения вышестоящий налоговый орган вправе отменить решение полностью или в части или же отменить решение полностью и принять по делу новое решение. Отметим, что ранее вышестоящий налоговый орган имел право отменять решения инспекции в части и принимать по этой части новое решение.

Данные изменения являются доказательством того, что законодатель пересмотрел свой подход к процессуальному статусу решения, принимаемого вышестоящим налоговым органом по результатам рассмотрения жалобы.

Законами № 153-ФЗ и № 248-ФЗ также внесены следующие изменения:

1) установлены основания для приостановления действия поручения налогового органа на списание денежных средств со счетов налогоплательщика и основания для отзыва неисполненных поручений;

2) установлены новые основания для признания налоговой задолженности безнадежной;

3) позитивно установлено, что правила статьи 78 НК РФ применяются к случаям возмещения налога на добавленную стоимость;

4) устанавливается срок на подачу жалобы в ФНС России – 3 месяца с момента принятия решения по жалобе (апелляционной жалобе) налогоплательщика;

5) установлены формальные требования к содержанию жалобы;

6) установлен закрытый перечень оснований для оставления жалобы налогоплательщика (в том числе апелляционной) без рассмотрения:

– отсутствие подписи или доказательств наличия полномочий на подписание;

– истечение сроков на подачу жалобы;

– отзыв жалобы;

– наличие уже поданной жалобы по тем же основаниям;

7) положения о начислении процентов за несвоевременный возврат суммы налога на добавленную стоимость (ст. 176 НК РФ) теперь применяются только в том случае, если заявление о возврате и зачете подано налогоплательщиком до дня вынесения решения по проверке. В противном случае применяются общие правила и порядок возврата, установленные статьей 78 НК РФ.

Список использованных источников:

1. Власенко А.В. Организационно-правовые основы оптимизации налогообложения: теория вопроса // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 2 (3). – С. 109.

2. Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса РФ».

3. Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 248-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса РФ».

References:

1. Vlasenko A.V. Organizacionno-pravovye osnovy optimizacii nalogooblozhenija: teorija voprosa // Evrazijskaja advokatura. – 2013. – № 2 (3). – S. 109.

2. Federal'nyj zakon ot 2 ijulja 2013 g. № 153-FZ «O vnesenii izmenenij v chast' pervuju Nalogovogo kodeksa RF».

3. Federal'nyj zakon ot 23 ijulja 2013 g. № 248-FZ «O vnesenii izmenenij v chasti pervuju i vtoruju Nalogovogo kodeksa RF».

Барсукова Л.И.,
Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга

К вопросу о внесении изменений и дополнений в учредительные документы юридических лиц

В докладе рассматривается порядок внесения изменений и дополнений в учредительные документы юридических лиц, а также акцентируется внимание на новом законодательстве в части проверки достоверности сведений, представляемых в ЕГРЮЛ.

Ключевые слова: юридическое лицо, учредительные документы, внесение изменений, достоверность сведений, устав.

Barsukova L.I.,
Kamchatka state university

To a question of modification and additions in constituent documents of legal entities

In article the order of modification and additions in constituent documents of legal entities is considered, and also the attention is focused on the new legislation regarding check of reliability of the data presented to EGRYuL.

Keywords: legal entity, constituent documents, modification, reliability of data, charter.

Государственная регистрация изменений и дополнений, внесенных в учредительные документы юридического лица, обусловлена п. 3 ст. 52 ГК РФ. Императивные требования о государственной регистрации изменений учредительных документов предусмотрены для всех видов юридических лиц.

Для государственной регистрации изменений, вносимых в учредительные документы юридического лица, в регистрирующий орган представляются: подписанное заявителем заявление (например, заявление о государственной регистрации изменений, вносимых в устав общества с ограниченной ответственностью в связи с увеличением уставного капитала общества, должно быть подписано лицом, осуществляющим функции единоличного исполнительного органа общества. В заявлении подтверждается соблюдение обществом требований п. 1 и п. 2 ст. 18 (п. 4 ст. 18 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО) о государственной регистрации по форме, утвержденной Правительством РФ; решение о внесении изменений в учредительные документы юридического лица (решение может приниматься как общим собранием участников юридического лица (например, п. 2 ст. 15 Федерального закона от 8 мая

1996 г. № 41-ФЗ «О производственных кооперативах» определяет, что решение об изменении устава кооператива принимаются тремя четвертями голосов присутствующих на общем собрании членов кооператива. Пункт 4 ст. 12 Закона об ООО определяет, что изменения в устав общества вносятся по решению общего собрания участников общества. Пункт 2 ст. 21 Федерального закона от 15 апреля 1998 г. № 66-ФЗ «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» регламентирует, что решение о внесении изменений в устав объединения и дополнений к его уставу принимаются общим собранием членов такого объединения большинством в две трети голосов.), уполномоченными органами (Пункт 7 ст. 9 Федерального закона от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» (далее – Закон о государственных и муниципальных унитарных предприятиях) регламентирует, что внесение изменений в устав унитарного предприятия осуществляется по решению государственного органа РФ, государственного органа субъекта РФ или органа местного самоуправления), так и судом (если сохранение устава фонда в неизменном виде влечет за собой последствия, которые невозможно предвидеть при учреждении фонда, а возможность изменения его устава не предусмотрена, либо устав не изменяется уполномоченными лицами, право внесения изменений в соответствии с ГК РФ принадлежит суду по заявлению органов фонда или органа, уполномоченного осуществлять надзор за деятельностью фонда (п. 4 ст. 14 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»); изменения, вносимые в учредительные документы юридического лица; документ об уплате государственной пошлины.

Порядок государственной регистрации изменений, вносимых в учредительные документы юридического лица определен в ст. 18 Федерального Закона от 8 августа 2001 г. № 129 – ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее – Закон о государственной регистрации юридических лиц).

Изменения, внесенные в учредительные документы юридического лица, приобретают силу для третьих лиц с момента государственной регистрации данных изменений. Данная норма основывается на правиле, содержащемся в п. 3 ст. 52 ГК РФ. В целях защиты интересов третьих лиц ГК РФ определяет также, что юридические лица и их учредители (участники) не вправе ссылаться на отсутствие регистрации таких изменений в отношениях с третьими лицами, которые действовали уже с учетом этих изменений (в этом случае, например, ООО не может отказаться от исполнения обязанности, ссылаясь на отсутствие регистрации изменений устава.).

Однако ГК РФ (п. 3 ст. 52) устанавливает и исключения из общего правила. В случаях, предусмотренных законом, изменения учредительных документов приобретают силу в ином порядке. Например, в случаях, прямо указанных в Законе об ООО, такие изменения становятся юридически значимыми для тре-

тьих лиц не с момента их государственной регистрации, а с момента уведомления обществом органа, осуществляющего государственную регистрацию, о внесении соответствующих изменений (так, согласно п. 5 ст. 5 Закона об ООО изменения в уставе ООО сведений о его филиалах и представительствах вступают в силу для третьих лиц с момента уведомления о таких изменениях органа, осуществляющего государственную регистрацию юридических лиц. Аналогичные правила предусмотрены, например, и для акционерных обществ.).

Закон о государственной регистрации юридических лиц содержит правила, определяющие общий порядок осуществления всех видов государственной регистрации юридических лиц. Однако в Законе установлены также специальные нормы (ст. ст. 17–19), определяющие особенности государственной регистрации изменений, вносимых в учредительные документы юридического лица.

В соответствии с п. 2 ст. 19 Закона о государственной регистрации юридических лиц при внесении изменений в учредительные документы юридического лица регистрирующий орган в срок не более чем пять дней с момента получения указанного уведомления вносит соответствующую запись в ЕГРЮЛ, о чем в письменной форме сообщает юридическому лицу.

Однако, нередки случаи, когда регистрирующий орган по каким-либо причинам либо отказывает в регистрации изменений, вносимых в учредительные документы, либо признает уже зарегистрированные изменения в учредительные документы недействительными, что влечет за собой исковые заявления в суд [2] с требованием восстановить нарушенные права в сфере предпринимательской деятельности. Большее число исков приходилось на признание регистрации внесенных изменений в учредительные документы недействительной и требованием аннулировать запись о зарегистрированных изменениях в ЕГРЮЛ. С чем это связано? По нашему мнению, в последнее время наиболее часто используемыми способами уклонения от налогообложения, взятыми на вооружение недобросовестными налогоплательщиками, являлись всевозможные методы использования института государственной регистрации юридических лиц, такие как: регистрация по несуществующему или недостоверному юридическому адресу, регистрация с использованием утерянных либо позаимствованных паспортов «учредителей».

Названные способы использовались не только на стадии создания организаций, но и при внесении изменений в учредительные документы ранее зарегистрированных юридических лиц. До недавнего времени отсутствовала правовая экспертиза документов, представляемых в регистрирующий орган [1], однако новый Федеральный закон от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» предусматривает несколько новелл, имеющих антирейдерский характер. Так, в связи с принятием вышеназванного закона п. 3 ст. 51 ГК РФ предусматривает обязанность

регистрирующего органа проверять достоверность сведений, включаемых в ЕГРЮЛ. Кроме того, заинтересованным лицам в установленном порядке будет заблаговременно сообщаться о внесении каких-либо изменений в устав юридического лица или иные сведения, содержащиеся в ЕГРЮЛ, если такие изменения затрагивают их интересы (п. 4 ст. 51 ГК РФ).

Список использованных источников:

1. Барсукова Л.И. Федеральный закон о государственной регистрации юридических лиц: дискуссионные проблемы // Закон и жизнь. – 2010. – № 10 (228).
2. Деханов С.А. Иск как универсальное средство защиты гражданских прав // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 6 (7). С. 73–77.

References:

1. Barsukova L.I. Federal'nyj zakon o gosudarstvennoj registracii juridicheskih lic: diskussionnye problemy // Zakon i zhizn'. – 2010. – № 10 (228).
2. Dehanov S.A. Isk kak universal'noe sredstvo zashhity grazhdanskih prav // Evrazijskaja advokatura. – 2013. – № 6 (7). S. 73–77.

Батурина Н.А., кандидат юридических наук,
Саратовская государственная юридическая академия

Проблемы реализации принципа коллегиальности при пересмотре гражданских дел в кассационном и надзорном порядке

Рассматривая принцип коллегиального рассмотрения гражданских дел через призму психологии, автор статьи делает вывод, что закрепленный в ГПК РФ вариант коллегиального рассмотрения дел в судах кассационной и надзорной инстанций не в полной мере способствует повышению эффективности гражданского судопроизводства.

Ключевые слова: гражданский процесс, принцип коллегиальности, пересмотр гражданских дел, кассационная инстанция, надзорная инстанция.

Baturina N.A., candidate of jurisprudence,
Saratov state legal academy

Problems of realization of a principle of collective leadership at revision of civil cases in a cassation and supervising order

Considering the principle of joint consideration of civil cases through a psychology prism, the author of article draws a conclusion that the option of joint hearing

of cases fixed in GPK Russian Federation in vessels of cassation and supervising instances not fully promotes increase of efficiency of civil legal proceedings.

Keywords: civil process, principle of collective leadership, revision of civil cases, cassation instance, supervising instance.

Вопрос о составе суда, рассматривающего гражданские дела, в науке процессуального права был всегда предметом активного обсуждения. Большинство ученых-процессуалистов являются сторонниками коллегиального рассмотрения дел на стадиях пересмотра судебных актов, так как коллегиальное рассмотрение дел обеспечивает более тщательное, многостороннее, компетентное, объективное, справедливое рассмотрение дела. Предпочтение же единоличному рассмотрению гражданских дел в суде первой инстанции, отдается из-за быстроты, удобства, доступности и, безусловно, экономической оправданности.

Если опираться на исследования проблем принятия коллективных решений, проведенных в области психологии, социологии, философии, то не возникает сомнений, что при коллегиальном рассмотрении дел принимается больше безошибочных решений, чем при единоличном рассмотрении [4].

В целом, разделяя мнение ученых, считающих, что единоличное рассмотрение гражданских дел увеличивает риск допущения судебной ошибки, в то же время полагаем, что значение коллегиального рассмотрения гражданских дел в судах кассационной и надзорной инстанций не стоит преувеличивать. Обратим внимание на некоторые моменты, подтверждающие данный вывод.

Во-первых, при принятии коллегиальных решений существенную роль начинают играть социально-психологические закономерности межличностного, группового взаимодействия, среди которых приоритетное место занимает конформизм.

Бесспорно, любой судья, являющийся членом коллегиального состава суда, не может быть абсолютно свободен от внушающего воздействия на него других членов коллегии. Проблема ещё более усугубляется в случае, когда в состав судебной коллегии входит председатель суда, поскольку не является секретом, что председатели судов оказывают большое влияние на судей [5,6]. Наиболее ярко конформизм проявляется при решении сложных вопросов, обуславливая ошибки.

Подтверждением конформизма судебных коллегий является то, что решение об отмене в кассационном порядке апелляционных определений в подавляющем большинстве случаев принимается единогласно, а не большинством голосов. Кроме того, крайне редко в судебной практике судьи, являющиеся членами коллегиального состава суда, используют право на написание особого мнения.

Во-вторых, в качестве недостатка коллегиального принятия судебных актов необходимо назвать стремлением отдельных судей прилагать меньше

усилий для достижения обозначенных в ст. 2 ГПК РФ целей, чем в случае единоличного принятия решений. В психологии указанное явление получило название социальной лености [4]. Объясняется это тем, что при коллегиальном рассмотрении дела отдельный судья не наделен всей полнотой ответственности за окончательное судебное решение. Каждый судья понимает, что в случае допущения судебной ошибки ответственность возлагается на весь состав суда, а не лично на него.

В-третьих, фактором, существенно подрывающим способность коллегиального состава суда принимать безошибочные решения, является огруппление мышления (группомыслие). Последнее представляет собой режим мышления, возникающий у членов группы в процессе принятия решения, когда стремление к консенсусу превалирует над реалистической оценкой возможных альтернатив [7].

В-четвертых, нельзя не обратить внимание и на несовершенство модели законодательного регулирования вопросов коллегиального состава суда. Так, ещё в конце XIX в. русский юрист Г. Вербловский в качестве недостатка коллегиального состава при пересмотре гражданских дел указывал на то, что в большинстве случаев коллегия лишена возможности основательно и всесторонне изучать дело, поскольку, как правило, при коллегиальном рассмотрении наиболее детально с материалами дела ознакомлен только судья-докладчик, два других судьи могут лишь знать отдельные моменты дела, а в большинстве случаев вовсе не вмешиваются в процесс, полностью полагаясь на мнение судьи, знакомившегося с делом [3]. Если обратиться к судебной практике настоящего времени, то можно с уверенностью сказать, что ситуация абсолютно не изменилась и «под формой коллегиальности зачастую скрывается единоличное начало» [1].

В судебной практике, как правило, в качестве судьи-докладчика выступает судья, изучавший жалобу и вынесший определение о передаче кассационной (надзорной) жалобы (представления) для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной (надзорной) инстанции. С одной стороны это оправдано, поскольку именно этот судья наилучшим образом подготовлен к судебному заседанию и как никто другой может подробно изложить обстоятельства дела, содержание вынесенных по рассматриваемому делу судебных постановлений, доводы жалобы (представления). Но, с другой стороны, судья, изучивший жалобу и материалы дела, при рассмотрении дела в суде кассационной (надзорной) инстанции может доминировать над другими членами коллегии [2]. Возможно, именно последним руководствовался законодатель, установив в ч. 3 ст. 401.13 УПК РФ норму о том, что судья, вынесший постановление о передаче кассационной жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, не вправе участвовать в рассмотрении данного уголовного дела. Полагаем, что ГПК РФ также нуждается в аналогичной норме.

Кроме того, изучение материалов дела и подготовка по нему доклада для выступления в судебном заседании одним из судей судебной коллегии вовсе не освобождает остальных судей, входящих в состав судебной коллегии, от изучения материалов гражданского дела до судебного заседания. Видится более правильным, чтобы судья-докладчик вводил в курс дела не судей, входящих в состав коллегии, а иных участников судебного заседания. В связи с этим в ГПК РФ необходимо предусмотреть норму, которая бы обязывала всех судей, входящих в состав коллегии, до судебного заседания изучать материалы гражданского дела подлежащего рассмотрению. Ведь незнание материалов гражданского дела всеми членами коллегиального состава суда, не позволяет критически оценить выводы судьи-докладчика и заставляет соглашаться со всеми его предложениями.

Вышесказанное доказывает, что закрепленный в ГПК РФ вариант коллегиального рассмотрения гражданских дел не является безупречной гарантией объективного, многостороннего и справедливого осуществления правосудия и нуждается в существенных изменениях. Полагаем, что для повышения качества работы коллегиального состава суда в первую очередь необходима основанная на научных достижениях психологии теоретическая разработка способов минимизации отрицательного воздействия социально-психологических факторов на судей, входящих в состав судебных коллегий, что позволит законодательно увеличить число процессуальных гарантий, нацеленных на повышение независимости и объективности членов суда.

Список использованных источников:

1. Борисова Е.А. Проверка судебных актов по гражданским делам. – М.: «Издательский Дом «Городец», 2005.
2. Быков В.М. Производство в суде кассационной инстанции по новому Закону: научный комментарий // Налоги. – 2011. – № 6. – С. 17–22.
3. Вербловский Г. Вопросы русского гражданского права и процесса. Единоличный суд по гражданским делам. Москва: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1896.
4. Майерс Д. Психология / Д. Майерс; пер. с англ. И.А. Карпиков, В.А. Старовойтова. – 2-е изд. – Мн.: «Попуррм», 2006.
5. Нешатаева Т.Н. Суд и защита прав и свобод граждан Российской Федерации // Теоретические и практические проблемы гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства: Сборник научных статей. – Краснодар – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – С. 34–43.
6. Столяренко Л.Д. Психология: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2008.
7. Свенцицкий А.Л. Социальная психология: Учебник. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – С. 214–217.

References:

1. Borisova E.A. Proverka sudebnyh aktov po grazhdanskim delam. – M.: «Izda-tel'skij Dom «Gorodec», 2005.
2. Bykov V.M. Proizvodstvo v sude kassacionnoj instancii po novomu Zakonu: nauchnyj kommentarij // Nalogi. – 2011. – № 6. – S. 17–22.
3. Verblovskij G. Voprosy russkogo grazhdanskogo prava i processa. Edinolichnyj sud po grazhdanskim delam. Moskva: Tovarishhestvo tipografii A.I. Mamontova, 1896.
4. Majers D. Psihologija / D. Majers; per. s angl. I.A. Karpikov, V.A. Starovojtova. – 2-e izd. – Mn.: «Popurrm», 2006.
5. Neshataeva T.N. Sud i zashhita prav i svobod grazhdan Rossijskoj Federacii // Teoreticheskie i prakticheskie problemy grazhdanskogo, arbitrazhnogo processa i ispolnitel'nogo proizvodstva: Sbornik nauchnyh statej. – Krasnodar – SPb.: Izdatel'stvo R. Aslanova «Juridicheskij centr Press», 2005. – S. 34–43.
6. Stoljarenko L.D. Psihologija: Uchebnik dlja vuzov. – SPb.: Piter, 2008.
7. Svencickij A.L. Social'naja psihologija: Uchebnik. – M.: TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2004. – S. 214–217.

Богатырёва Н.А.,
Саратовская государственная юридическая академия

Актуальные проблемы в сфере купли – продажи земель сельскохозяйственного назначения

В докладе дан краткий анализ особенностей заключения договора купли – продажи земель сельскохозяйственного назначения, с учетом изменений внесенных в Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения».

Ключевые слова: договор, купля-продажа, земли, оборот, сельскохозяйственный, закон.

Bogatyryova N.A.,
Saratov state legal academy

Actual problems in the sphere of purchase and sale of lands of agricultural purpose

In article the short analysis of features of the conclusion of the contract of purchase and sale of lands of agricultural purpose, taking into account changes made to the Federal law «About a turn of lands of agricultural appointment» is given.

Keywords: contract, purchase and sale, lands, turn, agricultural, law.

Пожалуй, никто не станет отрицать, что земли сельскохозяйственного назначения имеют особое значение по сравнению с землями других категорий,

поскольку от их рационального использования зависит развитие сельского хозяйства нашей страны и достижения общегосударственных интересов.

Учитывая, что купля – продажа земель является одной из самых распространенных сделок с земельными участками, представляется необходимым исследовать проблемы осуществления данного вида сделок применительно к землям сельскохозяйственного назначения. Необходимость исследования обусловлена наличием множества нерешенных теоретических и практических проблем, связанных с реализацией преимущественного права публичных образований на приобретение земельного участка [1].

Правовой основой регулирования данных отношений, помимо Гражданского и Земельного кодексов, является Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», раскрывающий особенности купли – продажи земель сельскохозяйственного назначения.

Федеральным законом от 18 июля 2005 г. № 87 – ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и Федеральный закон «О землеустройстве» несколько изменены правила, касающиеся преимущественного права субъекта РФ (муниципального образования) на приобретение продаваемых сельхозугодий. Общая норма (ч. 1 ст. 8 ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения») осталась прежней – прежде чем продать участок в свободном порядке, надо учитывать преимущественное право субъекта РФ (в соответствующих случаях – органа местного самоуправления) на его приобретение. Однако изменился состав данных о земельном участке, направляемых соответствующему публичному образованию. Согласно измененным правилам, в сведениях о земельном участке теперь следует указывать не только цену, но и размер участка, его местоположение, а также срок, до истечения которого должен быть осуществлен взаимный расчет. Этот срок не должен быть более чем 90 дней.

Земельный участок, как объект права, должен быть индивидуализирован соответствующим образом, определены его размеры, границы и местоположение. В связи с чем, отсутствие сведений, например, о границах земельного участка могут послужить основанием для отказа со стороны уполномоченного органа при заключении договора купли-продажи земельного участка.

Так, различные судебные инстанции неоднократно рассматривали заявления сельскохозяйственного производственного кооператива (артели) с требованием о признании незаконным решения администрации, которым отказано в заключении договора купли-продажи земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в муниципальной собственности. В результате рассмотрения данного дела от арбитражного суда первой инстанции до Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, в удовлетворении заявления было отказано, поскольку, рассматривая заявление кооператива, администрация исходила из представленных заявителем кадастровых выписок с отметкой о

том, что границы земельных участков не установлены в соответствии с требованиями земельного законодательства, конфигурации земельных участков не соответствуют действительной конфигурации земельных участков, в связи с чем, администрация не имела реальной возможности подготовить проект договора купли-продажи и направить его заявителю.

При отказе публичного образования от покупки или, если в письменной форме в течение 30 дней не последует уведомление о намерении приобрести участок, продавец вправе продать такой участок в течение года третьему лицу по цене не ниже указанной в извещении.

По мнению А. Л. Корнеева, указание на годичный срок само по себе выступает ограничением для свободной продажи, т. е. независимо от изменения цены и существенных условий. Такое толкование легко объяснимо: по прошествии года, в соответствующем административно – территориальном образовании, может радикально измениться ситуация относительно сельхозугодий, потребность в них для удовлетворения общественных интересов может существенно возрасти, побуждая публичное образование приобрести ранее не купленный земельный участок [2].

Такое право возникает в ситуациях, когда публичные торги не проводятся или соответственно при возмездном отчуждении доли другие участники долевой собственности не пожелают ее приобрести. Смысл данного правила, конечно же, заключается в предоставлении субъектам РФ правовой возможности влиять на рынок сельскохозяйственных земель.

Указанное полномочие есть субъективное гражданское право, не превращающее возможность приобретения земельного участка (или соответственно доли) в обязанность публичного образования. Данное преимущественное право надо отличать от других ситуаций, когда проводится выкуп земельного участка.

Ранее норма п. 4 ст. 8 ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» предусматривала право публичных образований при нарушении рассмотренных правил требовать перевода на себя прав и обязанностей покупателя. Сейчас она заменена нормой, согласно которой нарушение преимущественного права публичных образований влечет ничтожность сделки.

Если же земельные участки сельскохозяйственного назначения выделяются из земель публичных образований, то правила об их продаже в целом совпадают с продажей иных участков из государственных и муниципальных земель (продажа на торгах).

Таким образом, хотелось бы отметить, что необходима дальнейшая более четкая правовая регламентация права преимущественной покупки публичным образованием земель сельскохозяйственного назначения для минимизации их изъятия и использования в несельскохозяйственных целях. В противном случае, возможно нерациональное использование земель данной категории и утрата ценных сельскохозяйственных угодий.

Список использованных источников:

1. Ващенко Ю.С. Дихотомическое соотношение понятий публичного и частного начала в земельных правоотношениях // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 5(6). – С. 78–86.
2. Корнеев А. Л. Сделки с земельными участками. – М.: Городец, 2006.

References:

1. Vashhenko Ju.S. Dihotomicheskoe sootnoshenie ponjatij publichnogo i chastnogo nachala v zemel'nyh pravootnoshenijah // Evrazijskaja advokatura. – 2013. – № 5(6). – S. 78–86.
2. Korneev A. L. Sdelki s zemel'nymi uchastkami. – M.: Gorodec, 2006.

Буробина Е.В.
Адвокатская фирма «Юстина»

Основные тенденции правового регулирования способов защиты гражданских прав в России

Настоящий доклад посвящен основным тенденциям правового регулирования способов защиты гражданских прав в России. Среди тенденций автор выделяет важную роль судебной практики, повышение специализации, усиление административного элемента и другие.

Ключевые слова: гражданское право, способ защиты, убытки, неустойка, компенсация.

Burobina E.V.
Law firm «Justina»

The main tendencies of legal regulation of ways of protection of the civil rights in Russia

The present report is devoted to the main tendencies of legal regulation of ways of protection of the civil rights in Russia. The author distinguishes an important role of jurisprudence, specialization increase, strengthening of an administrative element from tendencies and others.

Keywords: civil law, way of protection, losses, penalty, compensation.

Современные гражданские правоотношения требуют от законодателя и правоприменителя качественно новых решений. Для эффективного гражданского оборота необходимы одновременно гибкость правовых конструкций и защищенность гражданских прав.

Как отмечал В.П. Грибанов в своем фундаментальном исследовании вопросов защиты гражданских прав: «субъективное право, предоставленное лицу, но не обеспеченное от его нарушения необходимыми средствами защиты, является лишь «декларативным правом» [1].

В последние годы, и особенно в ходе реформы гражданского права регулирование способов защиты гражданского права оказалось в центре внимания.

Изменения, произошедшие в этой области, позволяют выделить некоторые общие тенденции и направления развития правового регулирования способов защиты.

1. Существенная роль судебной практики, (особенно практики арбитражных судов) в правовом регулировании способов защиты гражданских прав.

При этом некоторые способы защиты, вопреки предписанию статьи 12 ГК РФ, не закреплены в законодательстве, но выработаны и широко используются судебной практикой, другие – заимствованы из практики и интегрированы в законодательство.

В частности, судебная практика допускает применение некоторых способов защиты, не предусмотренных каким-либо законом: признание договора незаключенным, признание недействительной ничтожной сделки, признание помещения общим имуществом, признание договора заключенным и действующим и иные экзотические способы.

Кроме того, в результате реформы гражданского законодательства, статья 12 ГК РФ была дополнена еще одним способом защиты гражданских прав – «признание недействительным решения собрания».

Не вдаваясь в дискуссию о целесообразности признания решения собрания юридическим фактом, отличным от многосторонней сделки (указанное изменение объясняется позицией разработчиков проекта реформы относительно специфики так называемых «корпоративных отношений» по сравнению с обязательственными отношениями. В частности, в ходе реформы предпринята попытка отграничения решения собраний (участников юридического лица, его кредиторов при банкротстве и т. д.) от многосторонних сделок), [5, 6, 7] хотелось бы отметить, что предлагаемый способ защиты, как он описан в статьях 181.3–181.5 ГК РФ, следует сложившейся в этой области судебной практике [3].

2. Повышение специализации способов защиты гражданских прав – появление все большего количества способов защиты применимых только для определенных правоотношений: для защиты вещных прав, корпоративных прав, исключительных прав и т. д.

3. Усиление «административного элемента» в ответственности за нарушение гражданских прав.

Для способов защиты гражданских прав характерна, прежде всего, направленность на восстановление имущественной сферы пострадавшего [2] от нарушения. Тем не менее, в Гражданском Кодексе РФ имеются и иные санкции.

Так, за неоднократные и грубые нарушения исключительных прав юридическое лицо может быть ликвидировано, а деятельность индивидуального предпринимателя прекращена (ст. 1253 ГК РФ). Лицо, пострадавшее от правонарушения, может реализовать указанную меру, как способ защиты своего права, путем обращения в прокуратуру.

Пункт 4 статьи 1252 ГК РФ предусматривает возможность изъятия и уничтожения материальных носителей, в которых выражены результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, если их изготовление, распространение или иное использование приводят к нарушению исключительного права на такой результат или на такое средство. Оборудование, прочие устройства и материалы, главным образом используемые или предназначенные для совершения нарушения исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации также подлежат изъятию и уничтожению (п. 5 ст. 1252 ГК РФ).

4. Постепенный отказ от абсолютизации принципа «неправильное избрание способа защиты влечет отказ в защите нарушенного права».

Как следует из разъяснения, содержащегося в пункте 3 совместного постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», в случае ненадлежащего формулирования истцом способа защиты при очевидности преследуемого им материально-правового интереса суд не должен отказывать в иске ввиду неправильного указания норм права, а обязан сам определить, из какого правоотношения спор возник, и какие нормы подлежат применению.

На практике это положение применяется не только к вещным, но и обязательственным правоотношениям.

5. Повышение эффективности и упрощение применения способов защиты.

Низкая эффективность и сложность возмещения убытков в сочетании с отсутствием единства практики применения положений о снижении неустойки по статье 333 ГК РФ [4] привели к введению такого способа защиты, как компенсация (п. 7 ст. 32.1 ФЗ «Об акционерных обществах», п. 3 ст. 1252 ГК РФ). Компенсация как способ защиты характеризуется тем, что не требует доказывания размера ущерба, причиненного нарушением, и не может быть снижена на основании статьи 333 ГК РФ.

Список использованных источников:

1. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М., 2000. – С. 104.
2. Груздев В.В. Установительные и преобразовательные охранительные правомочия в составе субъективного гражданского права // Евразийская адвокатура. – 2012. – Т. 1. – № 1-1 (1). – С. 139–148.

3. Исаева Т.В. Значение судебной практики в системе источников гражданского права российской федерации // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 2 (3) – . С. 85–86.
4. Кузнецов В.Н. О толковании высшими судебными инстанциями статьи 333 гражданского кодекса российской федерации и противоречивой судебной практике арбитражных судов и судов общей юрисдикции по ее применению // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 1 (2). – С. 104–107.
5. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. – М., 2008.
6. Ломакин Д.В. Правовые проблемы определения субъектов ответственности за необоснованное списание акций // Вестник ВАС РФ. – 2007. – № 9. – С. 52.
7. Степанов Д.И. От субъекта ответственности к природе корпоративных отношений // ВАС РФ. – 2009. – № 1. – С. 20-75.

References:

1. Gribanov V.P. Osushhestvlenie i zashhita grazhdanskih prav. – M., 2000. – S. 104.
2. Gruzdev V.V. Ustanovitel'nye i preobrazovatel'nye ohranitel'nye pravomochija v sostave sub#ektivnogo grazhdanskogo prava // Evrazijskaja advokatura. – 2012. – T. 1. – № 1-1 (1). – S. 139–148.
3. Isaeva T.V. Znachenie sudebnoj praktiki v sisteme istochnikov grazhdanskogo prava rossijskoj federacii // Evrazijskaja advokatura. – 2013. – № 2 (3) – . S. 85–86.
4. Kuznecov V.N. O tolkovanii vysshimi sudebnymi instancijami stat'i 333 grazhdanskogo kodeksa rossijskoj federacii i protivorechivoj sudebnoj praktike arbitrazhnyh sudov i sudov obshhej jurisdikcii po ee primeneniju // Evrazijskaja advokatura. – 2013. – № 1 (2). – S. 104–107.
5. Lomakin D.V. Korporativnye pravootnoshenija: obshhaja teorija i praktika ee primenenija v hozjajstvennyh obshhestvah. – M., 2008.
6. Lomakin D.V. Pravovye problemy opredelenija sub#ektov otvetstvennosti za neobosnovannoe spisanie akcij // Vestnik VAS RF. – 2007. – № 9. – S. 52.
7. Stepanov D.I. Ot sub#ekta otvetstvennosti k prirode korporativnyh otnoshenij // VAS RF. – 2009. – № 1. – S. 20–75.

Быкина М.В.,
Южный федеральный университет

Договор об установлении вещного права как юридический факт, порождающий обязательственное правоотношение

В докладе исследуется договор об установлении вещного права как юридический факт, порождающий обязательственные правоотношения между собственником и лицом, в пользу которого устанавливается ограниченное вещное право. Представлен критический взгляд на перечень вещных прав.

Ключевые слова: вещные права, обязательственное правоотношение, вещное правомочие, вещная сделка, договор об установлении вещного права.

Bykina M.V.,
Southern federal university

The contract on establishment of the real right as the legal fact generating obligations legal relationship

The article investigates the contract on the establishment of a right in rem as a legal fact, generating a binding relationship between the owner and the person in whose favor a limited right in rem is established. There is represented a critical look at the list of rights in rem.

Keywords: limited real rights, binding relationship, property entitlement, property transactions, the contract on the establishment of a limited real right.

Законопроект о внесении изменений в гражданский кодекс РФ предлагает ввести закрытый перечень ограниченных вещных прав, отвечающих признакам, установленным в главе 15 ГК РФ в редакции Законопроекта. Однако в науке в связи с выделением определенных признаков вещных прав существуют разногласия о том, следует ли относить к вещным правам то или иное право только на основании включения его в законодательно установленный перечень вещных прав. В частности, относительно договора аренды, а именно аренды как права, высказываются мнения о том, что право аренды должно признаваться вещным правом по причине охраны арендатора от неопределенного круга лиц, а также в связи с присущим праву аренды свойства следования. Высказывается также мнение о том, что договор, в результате которого устанавливается то или иное вещное право, является особым видом договора, который не порождает никаких обязательств, за исключением порождения вещного права, например, конструкция реального договора дарения [2].

ГК, в редакции Законопроекта, называет договор, в силу которого возникает вещное право договором об установлении вещного права (пункт 3 статьи 224 ГК РФ в редакции Законопроекта).

Причем этот договор должен содержать те условия вещного права, которые содержатся в ГК РФ применительно к этому праву. Между тем пункт 4 статьи 224 ГК РФ предусматривает возможность установления дополнительных условий, причем с возможностью регистрации этих условий, которая также определяется договором. Эти условия касаются именно возникновения этого права, но, исходя из логики общих положений о вещных правах, не его содержания, так как осуществление вещных прав регулируется ГК РФ и другими законами (пункт 3 статьи 221 ГК РФ в редакции Законопроекта).

Именно благодаря такого рода условиям, следует говорить о возможности возникновения именно обязательственных отношений между собственником и лицом, в пользу которого устанавливается вещное право.

Для более полного понимания того, что закон понимает под «условиями» следует обратиться к статьям, устанавливающим отдельные вещные права.

Первое по «списку» право – это право постоянного землевладения. Интерес представляет норма пункта 2 статьи 299.1 ГК РФ: «Лицо, имеющее право постоянного землевладения, вправе, а в случае, предусмотренном договором, – обязано, осуществлять изменения земельного участка, направленные на улучшение его природных свойств и качеств.

Возведение на земельном участке зданий или сооружений допускается при условии предоставления лицу, имеющему право постоянного землевладения, права застройки земельного участка».

Из этого пункта видно, что договор может трансформировать право землевладельца в обязанность. Таким образом, осуществление права постоянного землевладения ограничивается положительной обязанностью выполнять определенные действия – улучшать земельный участок. Согласно пункту 1 статьи 299.2 ГК РФ, существенными условиями договора об установлении права постоянного землевладения являются условия о земельном участке (статья 287), о целях использования земельного участка, о плате за право постоянного землевладения. Говоря о существенных условиях, можно также уже говорить о заключенности или незаключенности этого договора. Первые два условия позволяют индивидуализировать это право (земельный участок и пределы осуществления права пользования этим земельным участком в части установления цели), причем его содержание определяется этим договором. При таком понимании этот пункт противоречит пункту 3 статьи 221 ГК РФ, ведь в отношении права постоянного землевладения законодатель должен был бы предоставить определение цели использования земельного участка другим законам, в частности Земельному Кодексу РФ и нормативным актам, договор же должен был бы лишь закрепить ту или иную цель использования в соответствии с нормативным актом. Третье условие и вовсе касается обязательственного правоотношения, которому посвящена отдельная статья 299.4 ГК РФ в редакции Законопроекта и за нарушение которого возможно прекращение права постоянного землевладения (п. 6 ст. 299.6 Законопроекта).

Из приведенного анализа договора об установлении права постоянного землевладения видно, что договор об установлении права постоянного землевладения устанавливает не только дополнительное условие об оплате, но и условие о содержании этого права, причем эти условия нельзя рассматривать исключительно как ограничения права постоянного землевладения, поскольку существует особое обязательственное отношение между собственником и землевладельцем.

В отношении права застройки (глава 20.1 Законопроекта) договором также устанавливаются пределы осуществления права застройки (п. 1 ст. 300.1 ГК РФ в редакции Законопроекта), плата за право застройки (п. 2 ст. 300.1 и ст. 300.2 ГК РФ в редакции Законопроекта).

Наиболее полное определение содержания права определено в отношении сервитутов, однако конкретика осуществления предоставлена договору (ст. 301.1). Такое же правило действует и в отношении права личного пользовладения (ст. 302.3). В отношении ипотеки возможно установление стоимости заложенной вещи (ст. 303.9). В отношении права приобретения чужой недвижимой вещи договор об установлении этого права также содержит именно условия осуществления этого права (ст. 304.3). Право вещной выдачи вообще тесно связано с договором ренты (ст. 305.2).

Право оперативного управления не устанавливается на основании договора в связи с чем, имеет особую природу и здесь не может быть рассмотрено в силу другого предмета статьи.

Вышесказанное доказывает смешанный характер каждого из вещных прав. В этом случае по меткому выражению С.И. Аскназия представляется правильно говорить не о вещных правах как таковых, а о вещных правомочиях [1]. Попытка законодателя определить содержание осуществления вещных прав (п. 3 ст. 221) без учета конкретики не может быть признана удачной, поскольку только договор может опосредовать конкретное единичное общественное отношение. Нормы права только с помощью конкретных юридических средств могут быть признаны действующими [4]. Наряду с конкретикой общественного бытия, договор об установлении вещного права в отношении вещных прав пользования определяет плату за пользование вещью, что говорит об обязательственном характере отношений. В отношении вещных прав, предоставляющих распоряжение вещами в тех или иных пределах (ипотека, право приобретения чужой недвижимой вещи), договором определяются пределы осуществления этого правомочия распоряжения, в части порядка и условий его осуществления.

Эти перечисленные права входят в перечень вещных прав, установленных законодателем.

Между тем, как неоднократно отмечалось в литературе, вещные правомочия входят не только в те права, которые законодателем отнесены к вещным [5]. По всем договорам о передаче имущества существуют правомочия, которые реализуются наряду с существующим обязательством независимо от контрагента обязательства, не наделенного этими правомочиями, как, например, право пользования по договору аренды (ст. 615 ГК РФ). Статья 1020 ГК РФ устанавливает возможность установления пределов осуществления прав доверительным управляющим в отношении имущества, переданного в доверительное управление.

В этом смысле классификационные критерии, установленные доктриной и законодателем в отношении отнесения тех или иных прав к вещным теряют смысл. Выделение вещных прав из всего состава субъективных гражданских прав носит скорее методологический характер и не содержит тех сущностных характеристик этих прав, которые бы позволили бы отделить их от смежных

обязательственных прав. Отнесение того или иного права к вещному зависит скорее от самого законодателя, от той конструкции, в которую обличено это право. Так, если аренда регулируется главой 34 ГК РФ и расположена среди других договоров, то законодательно она регулируется как договорное обязательство. Но законодатель мог бы поступить по-другому, перенеся акцент с «договора аренды» на «право аренды», и урегулировать аренду как ограниченное вещное право. Сути явления это нисколько бы не изменило. Любой договор о передачи имущества в собственность или пользование мог бы быть сконструирован как ограниченное вещное право, а договорные обязанности могли бы быть определены как ограничения этого права.

Отличия между договорной конструкцией и конструкцией ограниченного вещного права, пожалуй, лишь в уровне императивности норм права. Договор предоставляет большую свободу, большую диспозитивность, а закон в отношении вещных прав – большую императивность и рамки осуществления прав. Закон не позволяет ограниченным правам пользования стать слишком расплывчатыми, что например, в отношении договора аренды вполне возможно, в части, определения пределов осуществления правомочия пользования арендатора (либо слишком узко, либо слишком широко). Между тем роль договора в отношении вещных прав, признанных законодателем таковыми, не стоит недооценивать. Он не является в чистом виде договором об установлении вещного права. Это не вещная сделка, какие существуют в германском праве, по мнению Л.Ю. Василевской [3]. Вещная сделка, как отметил Е.А. Суханов, в германском праве «рассматривается как особый и притом абстрактный договор, по существу представляющий собой исполнение обязательственного договора» [6].

Таким образом, вещная сделка понимается как акт общественной действительности – как соглашение о передаче и сама передача. Такое понятие вообще чуждо российскому праву, поскольку вещные сделки в германском праве абстрактны и не зависят от обязательственных сделок, в нашем же праве применительно к договору об установлении того или иного вещного права законодатель говорит о существенных условиях этого договора, а также о возможности признания договора незаключенным, стало быть договор об установлении вещного права является обычной обязательственной сделкой, подчиняющейся общим правилам о договорах. Этот договор порождает обязательственные правоотношения между собственником и лицом, в пользу которого устанавливается вещное право. Таким образом, ограниченные вещные права ничем не отличаются от обязательств при рассмотрении их со стороны взаимоотношений с собственником. Равно как обязательственные права не будут ничем отличаться от вещных прав, если сделать акцент на осуществлении правомочий в отношении самой вещи, являющейся предметом обязательственного права.

Список использованных источников:

1. Аскназий С.И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права. – М., 2008. – С. 582–587.
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотипное. – М.: Статут, 2001. – Кн. 1. – С. 282.
3. Василевская Л.Ю. К вопросу об особенностях предмета вещного договора по германскому праву // Юрист. – 2003. – № 3. – С. 41–43.
4. Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. – М.: Издательство АН СССР, 1958. – С.11.
5. Мисник Н.Н. Роль договора в возникновении вещных прав на землю и определении их содержания // Юрист. – 2008. – № 3.
6. Суханов Е.А. О видах сделок в германском и в российском гражданском праве // Вестник гражданского права. – 2006. – № 2.

References:

1. Asknazij S.I. Osnovnye voprosy teorii socialisticheskogo grazhdanskogo prava. – M., 2008. – S. 582–587.
2. Braginskij M.I., Vitrjanskij V.V. Dogovornoe pravo. Obshhie polozhenija. 3-e izd., stereotipnoe. – M.: Statut, 2001. – Kn. 1. – S. 282.
3. Vasilevskaja L.Ju. K voprosu ob osobennostjah predmeta veshhnogo dogovora po germanskomu pravu // Jurist. – 2003. – № 3. S.41–43.
4. Kechek'jan S.F. Pravootnoshenija v socialisticheskom obshhestve. – M.: Izdatel'-stvo AN SSSR, 1958. – S.11.
5. Misnik N.N. Rol' dogovora v vozniknovenii veshhnyh prav na zemlju i opredelenii ih soderzhanija // Jurist. – 2008. – № 3.
6. Suhanov E.A. O vidah sdelok v germanskom i v rossijskom grazhdanskom prave // Vestnik grazhdanskogo prava. – 2006. – № 2.

Быкина М.В.,
Южный федеральный университет

Современное гражданско-правовое представление о самовольной постройке

В докладе рассмотрен правовой режим самовольной постройки в свете новейших изменений гражданского законодательства, дана критика пониманию самовольной постройки как гражданско-правовому деликту. Выделены признаки самовольной постройки и степень нарушения норм объективного права вообще при возведении самовольной постройки.

Ключевые слова: самовольная постройка, беститульное владение, деликт, объект субъективных гражданских прав.

Bykina M.V.,
Southern federal university

Modern civil law notion of unauthorized construction

The article considers the legal status of unauthorized construction in the light of the latest changes to the civil law, there is given the criticism of the understanding of unauthorized construction as a civil tort. There are marked signs of unauthorized construction and the extent of violations of the law in general while erecting an unauthorized construction.

Keywords: unauthorized construction, untitled possession, tort, object of subjective civil rights.

В законопроекте о внесении изменений в Гражданский кодекс РФ предлагается неким образом либерализовать нормы о самовольной постройке. Учитывая тот факт, что в ГК РФ вносятся изменения, следует еще раз остановится на нормах о самовольной постройке и проанализировать их с разных сторон.

В настоящее время этому посвящена статья 222 ГК РФ. В Законопроекте регулированию самовольной постройки отведена статья 244 ГК РФ. Смысл самовольной постройки и ее правовой режим не отличаются в приведенных статьях. Смысл в том, что она возводится без разрешений, на не отведенном для этих целей земельном участке, с существенным нарушением градостроительных и строительных норм и правил. Статья 244 Законопроекта более строго (как и весь законопроект) подходят к категории недвижимого имущества, поэтому оно не используется в определении самовольной постройки. Режим ее таков, что лицо, возведшее самовольную постройку не приобретает на нее право собственности. Из содержания статей видно, что правоустанавливающим фактом является решение суда о признании права собственности на самовольную постройку.

Возражение против отнесения самовольной постройки к объектам гражданских прав.

По смыслу статьи 222 ГК РФ (244 Законопроекта) самовольная постройка не является объектом гражданских прав. Это вытекает из системного толкования норм гражданского права о недвижимостях и самовольной постройке. Согласно статье 219 ГК РФ, право собственности на здания, сооружения и другое вновь создаваемое недвижимое имущество, подлежащее государственной регистрации, возникает с момента такой регистрации. Но объект владения и объект гражданских прав понятия не равнозначные (следует отметить, что объектом владения по смыслу статьи 211 Законопроекта является материальная индивидуально-определенная вещь, объекты гражданских прав изложены в статье 128 ГК РФ, среди которых числятся и имущественные права (что применительно к российскому владению недопустимо), объектами гражданских

прав являются также и нематериальные блага. Следует здесь же отметить, что не всякая материальная вещь является объектом гражданских прав (например, объекты изъятые из оборота). Самовольная постройка является тем самым уникальным объектом, который является объектом владения, но не является объектом гражданских прав. Причем статус объекта права самовольная постройка может получить только в результате признания права собственности на нее. В силу действующего законодательства самовольная постройка является недвижимым имуществом, такая точка зрения выдвинута в статье 222 ГК РФ и поддерживается, в частности, Тихомировой Л.В., Тихомировым М.Ю.: «Перечень объектов недвижимости, которые создаются на земельном участке и могут быть признаны самовольной постройкой, является открытым. К другим строениям, сооружениям или иному недвижимому имуществу могут быть отнесены, в частности, бани, гаражи, сараи, ангары, павильоны, проходные и т. п.» [5]. Хотелось бы отметить, что самовольная постройка является недвижимостью в силу своих природных свойств. Статья 244 Законопроекта не содержит такого термина «иное недвижимое имущество». Исходя из этого самовольная постройка является специфическим объектом материального мира. Беститульное владение ею возможно, но право собственности подлежит признанию.

Интересно сослаться на судебную практику в том, что в силу добросовестного приобретения право собственности на самовольную постройку не может быть приобретено [2], между тем приобретение в силу давностного владения самовольной постройкой допустимо [2]. Такого рода подход судебной практики выглядит в высшей мере логичным и теоретически обоснованным, потому что допускает беститульное давностное владение самовольной постройкой и не допускает приобретение в силу сделки «не объекта» гражданских прав (самовольной постройки), то есть добросовестное приобретение. Такого рода подход ставит вопрос перед будущим правоприменителем о возможности посессорной защиты самовольной постройки, нормы о которой также предполагается ввести в ГК РФ.

Следует признать, что, исходя из смысла новейшего законодательства, самовольная постройка как объект беститульного владения подлежит посессорной защите, то есть владелец самовольной постройки будет наделен посессорной защитой своей постройки. Кроме того, такого рода подход уже поддерживается судебной практикой, в частности тем, что снесена самовольная постройка может быть, только по решению суда [2]. Чем это не подтверждает посессорную защиту? Ведь владелец самовольной постройки может испытывать посягательства органов исполнительной власти или местного самоуправления или физических или юридических лиц, направленные на фактический снос самовольной постройки.

Взгляд на самовольную постройку как на гражданско-правовой деликт.

По мнению некоторых авторов, решения суда о сносе самовольной постройки является фактом, прекращающим длящееся правонарушение, выражающееся в возведении самовольной постройки, так как возведение самовольной постройки расценивается как гражданское правонарушение [1].

Основополагающим моментом во всяком деликте является вред, причинение вреда, между тем самовольная постройка не всегда на практике создает или может создать какой-либо вред. Если понимать вред в смысле гражданского права, то даже самое широкое его понимание может быть расценено как нарушение объективных норм гражданского права. В узком же смысле вред вообще понимается как нарушение прав и законных интересов субъектов гражданского права. В статьях, посвященных самовольной постройке речь идет о 2 категориях: о нарушении градостроительных и строительных норм и правил и о создании угрозы жизни или здоровью граждан (частный случай нарушения гражданских прав). Действительно, как статья 222 ГК РФ, так и подлежащая введению статья 244 Законопроекта о внесении изменений в ГК РФ, так и судебная практика, в частности, абзац 1 пункта 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» [3] четко разграничивают категорию нарушения градостроительных норм и правил и создание угрозы жизни или здоровью граждан (то есть причинение вреда). Статья 244 Законопроекта заходит в этом вопросе слишком далеко. Так согласно пункту 4 статьи 244 Законопроекта, «Право собственности на самовольную постройку, созданную без необходимых разрешений на находящемся в государственной или муниципальной собственности земельном участке, в отношении которого лицо, осуществившее постройку, имеет права, допускающие строительство на нем, может быть признано за этим лицом, если указанная самовольная постройка возведена без существенных нарушений градостроительных и строительных норм и правил». В этом пункте речь идет, как это вытекает из текста, лишь о нарушении градостроительных и строительных норм и правил. Согласно пункту 5 статьи 244 Законопроекта, «право собственности на самовольную постройку может быть признано за собственником земельного участка по его требованию, если ее сохранение не создает угрозу жизни или здоровью граждан. В этом случае лицо, за которым признано право собственности на самовольную постройку, возмещает осуществившему ее лицу расходы на постройку в размере, определенном судом». Здесь уже речь идет только о создании угрозы жизни и здоровью граждан, при этом ничего не говорится о нарушении градостроительных норм и правил. Только пункт 6 статьи 244 Законопроекта объединяет всё в единстве: «в случае, когда самовольная постройка возведена лицом на принадлежащем ему земельном участке с соблюдением правил о целевом назначении земельного участка без существенных нарушений градостроительных и строительных норм и правил, а также прав и охраняемых зако-

ном интересов третьих лиц, право собственности на самовольную постройку может быть признано за этим лицом, если ее сохранение не создает угрозу жизни или здоровью граждан».

Исходя из такого определения самовольной постройки, разве можно её во всех без исключения случаях признавать гражданско-правовым деликтом?

Ответ никогда не может быть дан категорично, так как правильно будет сказать: «самовольная постройка может являться длящимся гражданским правонарушением». Деликтом возведение самовольной постройки может быть признана только та ситуация, в результате которой нарушаются права и законные интересы третьих лиц, но в случае нарушения градостроительных и строительных норм и правил (и не нарушении прав и законных интересов третьих лиц), самовольная постройка не может быть признана гражданским правонарушением.

Категоричность ответа о том, что самовольная постройка является гражданским деликтом приводит к дополнительным спорам о применении гражданско-правовой ответственности за совершении подобного деликта.

«Тот факт, что в основании квалификации строительства как самовольного лежит публичный деликт, не означает, как уже говорилось, того, что механизм ст. 222 ГК является формой ответственности» [4].

Признание самовольной постройки деликтом (без известных оговорок) не может дать ответы на следующие вопросы: Почему нельзя прибегнуть к самозащите? Как, в случае если это деликт, может быть признано право собственности на самовольную постройку вообще? Будет ли это означать признание деликта правомерным действием? Почему, если это деликт, снос самовольной постройки не является формой ответственности, если ответственность в гражданском праве носит компенсаторный характер?

Ответы на эти вопросы не могут быть даны при построении четкой системы гражданского права.

Взгляд на самовольную постройку со стороны государства и публичного права вообще.

Возведение самовольной постройки представляет собой качественно разную степень нарушений. Возведение самовольной постройки представляет собой интенсивную величину нарушения, где минимальной точкой отсчета является незначительное (Использование оценочных категорий в праве при реальном отсутствии иных регуляторов общественных отношений (таких как, например, мораль) нежелательно, но тем не менее присутствует как в нормативных актах, так и в судебной практике) нарушение градостроительных норм и правил, а максимальной – создание угрозы жизни и здоровью граждан.

Нарушение норм публичного права, в частности норм Градостроительного Кодекса, влечет публично-правовую ответственность. В свою очередь, даже ГРК РФ использует понятие вред (статьи 58-63 ГрК РФ). Только в этом случае, включается механизм частного права. С помощью публичного права государ-

ство предостерегает лиц от самовольного строительства с целью недопущения причинения вреда гражданам, а следовательно и гражданско-правовой ответственности. С точки зрения государства, возведение самовольной постройки является либо административным правонарушением, либо уголовным.

Таким образом, в зависимости от степени (интенсивности) нарушения минимальной точкой отсчета будет являться возведение самовольной постройки – административное правонарушение, затем гражданско-правовой деликт и затем преступление.

Список использованных источников:

1. Беляева О.А. Правовые последствия самовольного строительства // Право и экономика. – 2007. – № 7.
2. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения арбитражными судами статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. –2011. – № 2.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав // Вестник ВАС РФ. – 2010. – № 6.
4. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. – М.: Статут, 2010. – С. 772.
5. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Самовольная постройка: комментарии, официальные разъяснения, судебная практика / под ред. М.Ю. Тихомирова. – М.: Изд-во Тихомирова М.Ю., 2010.

References:

1. Beljaeva O.A. Pravovye posledstvija samovol'nogo stroitel'stva // Pravo i jekonomika. – 2007. – № 7.
2. Obzor sudebnoj praktiki po nekotorym voprosam primenenija arbitrazhnymi sudami stat'i 222 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Vestnik VAS RF. – 2011. – № 2.
3. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF № 10, Plenuma VAS RF № 22 ot 29.04.2010 «O nekotoryh voprosah, voznikajushhih v sudebnoj praktike pri razreshenii sporov, svjazannyh s zashhitoj prava sobstvennosti i drugih veshhnyh prav // Vestnik VAS RF. – 2010. – № 6.
4. Sklovskij K.I. Sobstvennost' v grazhdanskom prave. 5-e izd., pererab. – M.: Statut, 2010. – S. 772.
5. Tihomirova L.V., Tihomirov M.Ju. Samovol'naja postrojka: kommentarii, oficial'nye raz#jasnenija, sudebnaja praktika / pod red. M.Ju. Tihomirova. – M.: Izd-vo Tihomirova M.Ju., 2010.

Валуйсков Н.В., кандидат юридических наук, доцент,
Уставицкий И.В.,
Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ДГТУ

Гражданско-правовое значение передачи в консенсуальных и реальных договорах

Доклад посвящен одному из наиболее дискуссионных вопросов в гражданском праве – передаче в консенсуальных и реальных договорах. В работе рассматриваются основные аспекты передачи в консенсуальных и реальных договорах.

Ключевые слова: консенсуальные договоры, реальные договоры, право собственности.

Valuyskov N.V., candidate of jurisprudence, associate professor,
Ustavitsky I.V.,
Institute of services industry and businesses branch of DGTU

Civil value of transfer in consensual and real contracts

Article is devoted to one of the most debatable questions in civil law – transfer in consensual and real contracts. In work the main aspects of transfer in consensual and real contracts are considered.

Keywords: consensual contracts, real contracts, property right.

В большинстве гражданско-правовых отношений, а именно в консенсуальных договорах с передачей связывается исполнение должником его гражданско-правовой обязанности перед кредитором, а с этим и прекращение данной обязанности. В договорах реальных, передача, основанная на договоре «с отодвинутым эффектом», выступает в качестве обязательной предпосылки заключения договора и завершает процесс установления между лицом, осуществившим передачу, и лицом, в пользу которого передача произведена, обязательственного правоотношения. Передача играет здесь конституирующую роль и не может обсуждаться в контексте и рассматриваться в качестве исполнения обязательства: до передачи обязательство еще не возникло, а применительно к несуществующему обязательству нельзя говорить и о его исполнении. Именно поэтому, по консенсуальному договору, учитывая известные оговорки, можно уступить другому лицу право требования передачи имущества, по реальному же договору такая уступка невозможна [1]. С формальной точки зрения, согласно ст. 382 ГК РФ другому лицу может быть передано право требования, принадлежащее кредитору на основании обязательства, однако до заключения реального договора, т. е. до передачи имущества, обязательство

не возникло, стало быть, не возникло и право (требование), которое можно было бы уступить. По существу же уступка требования передачи в реальном договоре должна была бы означать не что иное, как уступку субъективного права на заключение договора, которым в действительности цедент не обладает, нет здесь и противостоящего ему обязанного субъекта (должника) [5].

В консенсуальных договорах передача всегда относится к стадии исполнения договорного обязательства, при этом ее обязательственно-правовая и вещная функции могут, как совпадать, так и не совпадать. Передача создает вещный эффект уже потому, что обычно влечет переход владения, а в консенсуальных договорах (купли-продажи, мены, обещания дарения) она обеспечивает также переход права собственности, хотя в силу указания закона или соглашения сторон этот переход может состояться как до передачи так и уже после того, как таковая состоялась (п. 1 ст. 223 ГК). Поэтому, традент, должен обладать правом собственности на вещь к тому моменту, к которому в соответствии с законом или соглашением сторон приурочен переход к приобретателю права собственности, но он может и не быть собственником вещи на момент заключения отчуждательного договора.

В реальных договорах передача связана с процессом их заключения, при этом обе свои функции – обязательственно-правовую и вещную (соответственно заключение договора и переход права собственности) – она выполняет одновременно, а потому, традент всегда должен обладать правом собственности уже в момент заключения договора. В консенсуальных договорах, не направленных на отчуждение имущества (в частности, аренды и ссуды), о вещной функции передачи по понятным причинам можно говорить только в контексте обсуждения объема правомочий арендатора (в частности, имеет ли он статус владельца арендуемой вещи ч. 1 ст. 606 ГК) или ссудополучателя, который является только пользователем чужого имущества (ст. 689 ГК). Не всегда право собственности переходит и по реальным договорам (например, реальным договорам ссуды и хранения), в которых, следовательно, вещная функция передачи также сводится к обеспечению перехода от одного контрагента к другому лишь отдельных правомочий (пользования, владения) [2].

Основанием перехода права собственности является юридический факт (фактический состав), с которым правопорядок связывает возникновение у конкретного лица права собственности. Но если нет сомнений в том, что основанием перехода права собственности по консенсуальному договору является сам консенсуальный договор, то определение основания перехода права собственности по реальному договору вызывает известные сложности. При решении этого вопроса следует, прежде всего, исключить договор «с отодвинутым эффектом» сам по себе вплоть до момента передачи он не порождает субъективных обязанностей и прав, а также юридической связанности сторон, а потому до и без передачи не может считаться юридическим фактом.

В консенсуальных договорах переход права собственности обычно связывается с передачей. Если предметом договора выступает индивидуально-определенная движимая вещь, переход права собственности (учитывая, что объектом права собственности может быть только индивидуальная вещь) соглашением сторон может быть приурочен уже к моменту заключения договора. Однако применение консенсуальной системы перехода права собственности несовместимо с отсутствием у тредента на момент заключения договора права собственности на отчуждаемую вещь. В таких случаях переход права собственности может связываться только с каким-либо обстоятельством, которое наступит после заключения договора (например, с последующей передачей вещи, с окончательной уплатой приобретателем покупной цены и др.), когда отчуждатель станет собственником, а значит, сможет исполнить свою важнейшую обязанность перед приобретателем [4].

Переход права собственности на недвижимое имущество не связан с его передачей: вещные права на объекты недвижимости, а также их ограничение, возникновение, переход и прекращение подлежат государственной регистрации (п. 1 ст. 131 ГК) и по общему правилу, если иное не установлено законом) возникают с момента таковой (п. 2 ст. 8, п. 2 ст. 223 ГК).

В условиях перехода права собственности по договору, в соответствии с системой традиции с заключением консенсуальных договоров возникает обязательственно-правовое требование исполнения отчуждателем обязанности передать вещь приобретателю. Осуществляемая в соответствии с таким договором передача: обеспечивает переход владения, определяет переход к приобретателю права собственности, прекращает соответствующую обязанность (по передаче) отчуждателя перед приобретателем. В реальных договорах передача, совершаемая в соответствии с договором «с отодвинутым эффектом»: а) является необходимой предпосылкой совершения реального договора; б) обеспечивает переход владения; в) определяет момент перехода права собственности.

Переход права собственности по договору в соответствии с консенсуальной системой, сам по себе представляющий в условиях действующего российского законодательства исключение, особо предусматриваемое законом или соглашением сторон, возможен только по консенсуальным договорам, имеющим своим предметом индивидуально-определенную движимую вещь. Поэтому только в консенсуальных договорах момент перехода права собственности потенциально может обсуждаться, как по системе традиции, так и по консенсуальной системе. В реальных договорах, перфекция которых невозможна без и до акта передачи, переход права собственности по договору связан с традицией, только в отдельных случаях переход права собственности можно связывать с более поздним (чем передача) моментом.

Список использованных источников:

1. Гражданское право. Учебник / под общ. ред С.С. Алексеева. – М.: Проспект. – 2012.
2. Гражданское право / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: Велби. – 2012.
3. Гражданское право. – Т. 2 / Под ред. А.П. Сергеева. Ю.К. Толстого. – М.: Проспект. – 2011. – С. 498.
4. Гражданское право. – Т. 1. / под ред. Е.А. Суханова. – М.: Волтерс Клувер. 2011. – С. 341.
5. Гражданское право. – Т. 2. полутом 1. / под ред. Е.А. Суханова. – М.: Волтерс Клу-вер. – 2011.
6. Зенин И.А. Гражданское право. – М.: Высшее образование, 2010.

References:

1. Grazhdanskoe pravo. Uchebnik / pod obshh. red S.S. Alekseeva. – M.: Prospekt. – 2012.
2. Grazhdanskoe pravo / Pod red. A.P. Sergeeva. – M.: Velbi. – 2012.
3. Grazhdanskoe pravo. – T. 2 / Pod red. A.P. Sergeeva. Ju.K. Tolstogo. – M.: Pro-spekt. – 2011. – S. 498.
4. Grazhdanskoe pravo. – T. 1. / pod red. E.A. Suhanova. – M.: Volters Kluver. 2011. – S. 341.
5. Grazhdanskoe pravo. – T. 2. polutom 1. / pod red. E.A. Suhanova. – M.: Volters Kluver. – 2011.
6. Zenin I.A. Grazhdanskoe pravo. – M.: Vysshee obrazovanie, 2010.

Волкова Т.В., кандидат юридических наук, доцент,
Саратовская государственная юридическая академия

Актуальные проблемы управления рынком земли в Российской Федерации

В докладе анализируются актуальные проблемы эффективности процесса управления рынком земли в России на современном этапе его развития с позиции правоприменения норм гражданского и земельного законодательства.

Ключевые слова: управление, рынок, земли, законодательство, право.

Volkova T.V., candidate of jurisprudence, associate professor,
Saratov state legal academy

Actual problems of management of the earth market in the Russian Federation

In work actual problems of efficiency of management process by the earth market in Russia at the present stage of its development from a position of right application of standards of the civil and land legislation are analyzed.

Keywords: management, market, lands, legislation, right.

Рынок недвижимости – это многомерное информационное, социально-экономическое, территориальное, организационно-правовое пространство обеспечения оборотоспособности объектов недвижимости и прав на них. В этом пространстве и взаимодействуют продавцы и покупатели объектов недвижимости и различных прав на них, согласовывая цены, осуществляя и затем в установленном порядке регистрируя соответствующие рыночные сделки [2].

Конституция РФ в ст. 35–36 установила принципиально новый правовой строй в земельно-имущественных отношениях страны, определив перспективы развития института частной собственности на землю, но с учетом специфики специальных норм земельного и экологического законодательства (ст. 9, 42, 72).

Рынок земли на переходном этапе развития экономики служит инструментом и одновременно гарантией реализации основных конституционных прав граждан и юридических лиц на землю: право иметь ее частной собственностью, право свободно (если это не наносит вреда окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц) осуществлять владение, пользование и распоряжение землей [1].

Можно выделить ряд основных проблем правового регулирования управления земельными ресурсами, связанных с рынком земли, как общих для всего земельного законодательства, так и специальных – применительно к регулированию отношений рынка земли, от решения которых будет зависеть развитие правовых основ данного рынка:

– концептуальное обеспечение развития земельного законодательства вообще, правового обеспечения проведения и завершения земельной реформы в особенности и рынка земли в частности;

– правовое регулирование отношений собственности на землю;

– уточнение приоритетов в развитии правового регулирования использования отдельных категорий земель;

– надлежащее правовое регулирование управления земельными ресурсами.

Исходя из уникальности земельно-имущественного комплекса в российском законодательстве земельные участки, участки недр и все, прочно связанное с землей, являются определяющими понятиями. Это законодательное закрепление приоритета земли позволяет выделить новую систему государственного управления (регулирования) земельными ресурсами на основе обеспечения соблюдения права собственности и экономической самостоятельности землепользования. Применение современных эффективных инновационных форм хозяйствования, базирующихся на административно-рыночных механизмах регулирования земельно-имущественных отношений, позволяет решить следующие задачи:

1) рациональное и эффективное использование и охрана земли как территориально-базисного, социально-экономического и природно-хозяйственного объекта;

2) создание эффективной системы социально-правовых и финансово-управленческих начал для развития всех форм собственности;

3) создание действенного механизма экономико-правовой ответственности землепользователей за причинение ущерба другим собственникам, окружающей среде и экологической безопасности государства;

4) совершенствование правового механизма по наделению субъектов РФ и местных органов самоуправления полномочиями по регулированию комплекса земельно-имущественных отношений в регионах, городах и поселениях.

Нельзя отрицать необходимость сбалансированного развития научного, высокотехнологичного и образовательного секторов различных отраслей экономики и права. Их системное урегулированное взаимодействие позволит обеспечить получение, распространение и использование научно-правовых результатов, новых технологий и наукоемкой продукции в различных отраслях права, в том числе земельного права как самостоятельной отрасли правовой системы. В настоящее время без этого немыслимо перспективное развитие экономики страны в целом, основу которой составляют земля и иные природные ресурсы, являющиеся основой жизнедеятельности народов, проживающих на соответствующей территории. Такой тип экономики на современном этапе развития общества и государства именуется инновационной.

Разработка, внедрение в практику новых подходов к разрешению правовых коллизий в земельном законодательстве имеют важное значение, как средство повышения эффективности правоприменения национального законодательства в целом.

Рынок как некое экономическое пространство проведения операций с объектами недвижимости (типа купли-продажи, аренды, мены и т. д.) безусловно, имеет вполне определенное отношение к проблеме эффективного государственного управления недвижимостью, в том числе и земельными участками. На рынке земельных ресурсов реализуется одно из важных управленческих правомочий собственника – правомочие распоряжения, полного распоряжения правовой судьбой принадлежащего ему объекта недвижимости (земельного участка).

Управление инновационными процессами в сфере рационального использования и охраны земель – одно из направлений стратегического государственного управления, осуществляемого на всех уровнях власти.

Его целью является определение основных направлений научно-правового обоснования в законотворческой и правоприменительной деятельности в следующих областях: разработка и внедрение новых подходов к определению, применению, толкованию теоретических и практических положений как земельного, так и гражданского, экологического и иных смежных отраслей права.

Список использованных источников:

1. Волков Г.А., Голиченков А.К., Козырь О.М. Развитие рынка земли: правовой аспект // Государство и право. – 1998. – № 2. С. 50–58.
2. Гровер Р., Соловьев М. Управление недвижимостью: Учебник. – М., 2001. – С. 41.
3. Конституция Российской Федерации / авт. историко-правового комментария М.В. Баглай. – 3-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014.

References:

1. Volkov G.A., Golichenkov A.K., Kozyr' O.M. Razvitie rynka zemli: pravovoj aspekt // Gosudarstvo i pravo. – 1998. – № 2. S. 50–58.
2. Grover R., Solov'ev M. Upravlenie nedvizhimost'ju: Uchebnik. – M., 2001. – S. 41.
3. Konstitucija Rossijskoj Federacii / avt. istoriko-pravovogo kommentarija M.V. Baglaj. – 3-e izd., pererab. – M.: Norma: INFRA-M, 2014.

Гарифуллина Г.Х.,
Башкирский государственный университет

Особенности гражданско-правовой ответственности за нарушение лесного законодательства

В докладе на основе анализа современной практики рассмотрен вопрос об особенностях гражданско-правовой ответственности за нарушение лесного законодательства.

Ключевые слова: лесное законодательство, ответственность, суд.

Garifullina G.H.,
Bashkir state university

Features of civil responsibility for violation of the forest legislation

In article on the basis of the analysis of modern practice the question of features of civil responsibility for violation of the forest legislation is considered.

Keywords: forest legislation, responsibility, court.

Треть суши нашей планеты относится к зоне лесов, вместе с тем за последние 50 лет, планета утратила половину своего лесного фонда и продолжает терять его с каждым днем. Вопросами охраны растительного мира занимается, как международное законодательство, так и внутригосударственное, что выражается в нормах экологического, административного, уголовного и гражданского законодательства. Как закреплено в преамбуле Лесного кодекса Российской Федерации, лесные отношения регулируются с учетом представления

о лесе, как о совокупности лесной растительности, животного мира и земли в целом, а также иных компонентов окружающей среды, которые имеют важнейшее экономическое, социальное и экологическое значение. Человечество за свою историю уже знает немало достаточно печальных примеров, показывающих, к чему может привести неразумная вырубка лесов, когда некогда зеленый и живой уголок может в одночасье превратиться в безжизненную, необитаемую пустыню, где жить человеку уже становится невозможно.

Лес, как предмет имущественных прав, представляет собой самостоятельный объект гражданских правоотношений и недвижимости, что подтверждается статьей 130 Гражданского кодекса РФ.

Гражданско-правовая ответственность наступает за девятнадцать видов правонарушений в сфере лесных правоотношений (уголовных преступлений и административных проступков). Однако, гражданско-правовой ответственности за нарушение лесного законодательства в чистом виде не существует, она лишь дополняет санкции за административные и уголовные правонарушения, ибо если ущерб причинен частной собственности, например, деревьям на приусадебном участке, речь не может идти о причинении вреда лесному фонду. Например, Министерство лесного хозяйства Республики Башкортостан в защиту интересов РФ в лице УФК по РБ (Министерство лесного хозяйства РБ) обратилось в суд с иском к гражданину N о взыскании ущерба, причиненного преступлением. Судом установлено, что приговором Аургазинского районного суда Республики Башкортостан гражданин N признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 260 Уголовного кодекса РФ, при следующих обстоятельствах. Гражданин N умышленно из корыстных побуждений с целью незаконной рубки деревьев для дальнейшего использования, не заключив договора купли-продажи лесных насаждений в нарушении ч. 4 ст. 30 Лесного кодекса РФ и ч. 4 ст. 75, согласно которому в договоре указывается местоположение лесных насаждений и объем заготовки древесины, предварительно взяв в своем личном хозяйстве бензомоторную пилу, пришел в лесопосадку, расположенную в квартале 64 Толбазинского участкового лесничества в выделе № …, расположенный на огороженной территории личного хозяйства гражданина N, где с помощью принесенной бензопилы произвел незаконную рубку до степени прекращения роста сырорастущих деревьев породы дуб в количестве 3-х корней, объемом 4,92 куб.м, тем самым, согласно справки-расчета ущерба, причинил ущерб РФ в лице ГУ «Стерлитамакское лесничество» Министерства лесного хозяйства РБ в особо крупном размере.

На наш взгляд, возможно выделение гражданско-правовой ответственности за нарушение лесного законодательства в отдельный независимый вид в следующих случаях. Во-первых, в случае причинения лесному фонду, находящемуся в коллективной собственности (парк на территории частной коллективной застройки). Во-вторых, в случае исполнения неправомерного распоряжения, приказа органов государственной власти РФ, ее субъектов или

муниципальных органов. Например, мэрия города Уфы выносит решение о спиливании деревьев в парковой зоне, в котором нет никакой необходимости (однако состава административного и уголовного деяний не имеется), предприятие, зная заведомо неправомерность такого решения, производит спил деревьев. В результате жильцам прилегающей к данной зоне территории наносится экологический ущерб, который должен быть компенсирован со стороны администрации города Уфы и предприятия, осуществившего бессмысленное уничтожение деревьев.

Применение норм гражданско-правовой ответственности за нарушение лесного законодательства, имеет ряд особенностей: 1) ущерб, причиненный при рубках главного пользования, подсочке древостоев, рубках промежуточного пользования, прочих рубках, рубках леса при переводе в установленном порядке лесных земель в нелесные в целях, как связанных, так и не связанных с ведением лесного хозяйства и пользованием лесным фондом, при строительстве объектов и производстве на участках лесного фонда работ, не связанных с ведением лесного хозяйства, возмещается в форме неустоек; 2) за ряд нарушений лесного законодательства ущерб возмещается по определенным Правительством РФ таксам.

Учитывая повышенную опасность, с точки зрения экологии, которая причиняется различными нарушениями лесного законодательства, на мой взгляд, следует усилить гражданско-правовую ответственность, то есть установить единый пропорциональный принцип возмещения ущерба, не вписывающийся как в рамки неустойки, так и в рамки правительственных норм. А именно, ущерб, нанесенный лесному фонду подлежит возмещению в размере 5-ти кратной стоимости реально нанесенного ущерба в пользу собственника уничтоженной или поврежденной лесной растительности. Данная норма должна быть закреплена в нормах как лесного, так и гражданского законодательства.

Список использованных источников:

1. Василишина М.И. Правовое обеспечение публичных интересов в лесном законодательстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013.
2. Зиновьева О.А. Обзор изменений законодательства, касающегося понятия и правового режима земель лесного фонда // Аграрное и земельное право. – 2009. – № 9. – С. 58–61.
3. Колесова О.Н. О соотношении норм земельного, лесного и гражданского законодательства: теория и практика // Актуальные проблемы правоведения. – 2010. – № 4. – С. 118–124.
4. Филимонов Н.С. Юридическая природа сервитута в лесном законодательстве Российской Федерации // Юрист. – 2009. – № 8. – С. 62–67.
5. Шайхуллин М.С. Муниципальные образования – сельские поселения современного Башкортостана как участники земельных, лесных и водных правоотношений. Изд-во: РИО БашГУ, Уфа. – 2006.

6. Шайхуллин М.С. К вопросу о трансформации традиций местного самоуправления и правовых основах их нейтрализации в советской России // История государства и права. – 2013. – № 5. – С. 41–43.

7. Шайхуллин М.С. Лес как объект права собственности. Актуальные проблемы права собственности: теория и практика. Материалы круглого стола. 26 октября 2006 г., Уфа РИО БашГУ.

8. Шайхуллин М.С. Лес как имущество муниципалитетов образующее экономическую основу местного самоуправления в Республике Башкортостан. Российское государство и бизнес: проблемы и перспективы современных взаимоотношений. Уфа: Башкирская академия государственной службы и управления, 2006.

References:

1. Vasilishina M.I. Pravovoe obespechenie publichnyh interesov v lesnom zakonodatel'stve: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – M., 2013.

2. Zinov'eva O.A. Obzor izmenenij zakonodatel'stva, kasajushhegosja ponjatija i pravovogo rezhima zemel' lesnogo fonda // Agrarnoe i zemel'noe pravo. – 2009. – № 9. – S. 58–61.

3. Kolesova O.N. O sootnoshenii norm zemel'nogo, lesnogo i grazhdanskogo zakonodatel'stva: teorija i praktika // Aktual'nye problemy pravovedenija. – 2010. – № 4. – S. 118–124.

4. Filimonov N.S. Juridicheskaja priroda servituta v lesnom zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii // Jurist. – 2009. – № 8. – S. 62–67.

5. Shajhullin M.S. Municipal'nye obrazovanija – sel'skie poselenija sovremennogo Bashkortostana kak uchastniki zemel'nyh, lesnyh i vodnyh pravootnoshenij. Izd-vo: RIO BashGU, Ufa. – 2006.

6. Shajhullin M.S. K voprosu o transformacii tradicij mestnogo samoupravlenija i pravovyh osnovah ih nejtralizacii v sovetskoj Rossii // Istorija gosudarstva i prava. – 2013. – № 5. – S. 41–43.

7. Shajhullin M.S. Les kak ob#ekt prava sobstvennosti. Aktual'nye problemy prava sobstvennosti: teorija i praktika. Materialy kruglogo stola. 26 oktjabrja 2006 g., Ufa RIO BashGU.

8. Shajhullin M.S. Les kak imushhestvo municipalitetov obrazujushhee jekonomicheskuju osnovu mestnogo samoupravlenija v Respublike Bashkortostan. Rossijskoe gosudarstvo i biznes: problemy i perspektivy sovremennyh vzaimootnoshenij. Ufa: Bashkirskaja akademija gosudarstvennoj sluzhby i upravlenija, 2006.

Глебов В.Г., кандидат юридических наук, доцент,
Алтайский государственный университет

Ученичество в истории советского законодательства

В докладе на основе анализа советского законодательства рассмотрен вопрос о правовом регулировании ученичества.

Ключевые слова: ученичество, советское законодательство, обучение.

Glebov V.G., candidate of jurisprudence, associate professor,
Altai state university

Apprenticeship in the history of the Soviet legislation

In article on the basis of the analysis of the Soviet legislation the question of legal regulation of an apprenticeship is considered.

Keywords: apprenticeship, Soviet legislation, training.

В кодексах о труде советской России отношения ученичества свое закрепление получили не сразу. В Кодексе законов о труде РСФСР 1918 г. не содержалось норм об ученичестве.

В КЗоТ РСФСР 1922 г. появилась глава XII «Об ученичестве». В статьях данной главы были обозначены лишь наиболее важные положения, имеющие отношение к регулированию ученических отношений. В статье 121 КЗоТ РСФСР 1922 г. перечислялись категории лиц, которые признавались учениками. При этом в законе не указывалось, что это должны быть обязательно работники предприятия, в чем заключалось существенное отличие от УПТ, в котором учениками признавались только рабочие.

В качестве обучающей стороны в ученических отношениях выступали ученические школы, учебные бригады, мастерские или квалифицированные рабочие, под чьим руководством проходит индивидуальное обучение. Ст. 125 КЗоТ РСФСР 1922 г. на предприятия возлагалась обязанность проведения необходимых мероприятий для правильной постановки обучения подростков.

Кроме КЗоТ РСФСР 1922 г., отношения ученичества в тот период регулировались подзаконными актами Наркомата Труда СССР. Так, в п. 1 Постановления НКТ СССР от 31.05.1923 № 242/765 говорилось о том, что принимать учеников имеют право только те лица, организации и учреждения, которые имеют промысловое свидетельство на содержание соответствующих предприятий.

В более поздние годы советского периода издавались отдельные постановления об обучении определенных категорий работников. Так, на основании Постановления Совета Министров СССР от 29.06.1960 № 693 «О замене женского труда на морских судах флота рыбной промышленности» осуществлялось обучение высвобождаемых женщин тем специальностям, по которым они будут работать на береговых предприятиях, с сохранением среднемесячной заработной платы за время обучения, но не более чем за три месяца.

В КЗоТ РСФСР 1971 г. в гл. XIII «Льготы для работников, совмещающих работу с обучением» содержалось несколько статей, посвященных ученическим отношениям.

В статье 184 КЗоТ РСФСР 1971 г. было закреплено, что для профессиональной подготовки и повышения квалификации работников, особенно молодежи, администрация предприятий, учреждений, организаций организует индиви-

дуальное, бригадное, курсовое и другие формы профессионального обучения на производстве за счет предприятия, учреждения, организации. При этом в Кодексе не раскрывался круг лиц, которые могли быть учениками.

В подзаконных нормативных актах также не давалось определения понятия учеников, лишь указывалось, что подготовка новых рабочих осуществляется из числа лиц, принятых на работу на предприятия. Отдельно оговаривалось, что подготовка новых рабочих из числа женщин, а также несовершеннолетних производится только по профессиям, а также для тех производств и работ, на которых разрешается применение их труда (п. 8 Типового положения о профессиональном обучении рабочих на производстве).

Субъектами ученических отношений после принятия КЗоТ РСФСР 1971 г., с одной стороны, выступали работники предприятия, учреждения, организации, обучающиеся (переобучающиеся) новым профессиям, а с другой стороны – само предприятие, которое должно было организовать обучение на производстве. Из анализа законодательства следует, что физические лица в этот период не могли осуществлять обучение самостоятельно. Физические лица являлись участниками ученических отношений. Участники – это те лица, которые не являются сторонами ученического договора, но выполняют ту или иную функцию в процессе обучения. Участниками ученических отношений можно назвать работников предприятия, на которых законодательством в силу занимаемой должности (например, главные инженеры), возлагалась обязанность непосредственной организации обучения, а также лиц, которые осуществляли такое обучение уже в процессе производства.

Широкий круг участников ученических отношений не означает трехстороннего характера обязательства, возникшего на основании ученического договора. Сторонами договора выступают ученик, с одной стороны, и предприятие, учреждение, организация – с другой. Работники, занимающиеся обучением, являются участниками отношения по обучению, но не стороной ученического договора.

Таким образом, с одной стороны, заключенный ученический договор порождает ученические отношения между предприятием и учеником, а с другой стороны, может послужить основанием для изменения уже заключенных трудовых договоров других работников, т.к. работодатель может поручить своему конкретному работнику обучать другого. Естественно, такое изменение заключенного трудового договора допускается только с согласия работника, если самим трудовым договором изначально не была предусмотрена обязанность в случае необходимости производить обучение.

Недостатком законодательства этого периода можно считать то, что в нем не предусматривались основания возникновения ученических отношений: должен ли был быть это отдельный договор или было достаточно уже заключенного с работником трудового договора. Из анализа законодательства затруднительно сделать однозначный вывод о том, к каким отношениям следует

относить ученические отношения, – к трудовым или к отношениям особого вида; о возможности применения к отношениям ученичества законодательства, регулирующего непосредственно трудовые отношения; о содержании ученического договора; о правах и обязанностях участников этих отношений; о характере и пределах их ответственности; о порядке прекращения ученических отношений и последствиях прекращения ученического договора.

На недостатки правового регулирования и малую эффективность обучения непосредственно на производстве в советский период обращали внимание официальные органы.

Указывалось, что «влияние научно-технического прогресса на темпы развития современного производства требует непрерывного роста современного образования и деловой квалификации трудящихся. В связи с этим все большее значение приобретает подготовка, переподготовка и повышение квалификации рабочих непосредственно на производстве».

Позднее некоторые вопросы регулирования ученических отношений нашли разрешение в подзаконных нормативных актах. Так, например, о подготовке новых рабочих на производстве говорилось в Типовом положении «О профессиональном обучении рабочих на производстве».

Подводя итог, отметим, что в советский период ученические отношения нашли закрепление в законодательстве не сразу. Первые нормы появились только в КЗоТ РСФСР 1922 г. Объем правовой регламентации в кодексах был минимальный, многие вопросы ученичества решались в подзаконных нормативных актах. Как такового ученического договора, понимаемого как соглашение между обучающей и обучаемой сторонами о профессиональной подготовке и переподготовке непосредственно на производстве, в законодательстве не предусматривалось.

Евко В.Ю., кандидат юридических наук, доцент,
Харьковский национальный университет внутренних дел

Понятие фактических брачных отношений в семейном праве Украины

В докладе на основе анализа действующего семейного законодательства Украины и доктрины семейного права сформулировано правовое понятие фактических брачных отношений, которые регулируются СК Украины.

Ключевые слова: брак, фактический, брачные отношения, семья, гражданский брак, мужчина, женщина.

Evko V.Yu., candidate of jurisprudence, associate professor,
Kharkov national university of internal affairs

Concept of the actual marriage relations of a family law Ukraine

In the report on the basis of the analysis of the existing family legislation of Ukraine and the doctrine of a family law the legal concept of the actual marriage relations which are governed by SK of Ukraine is formulated.

Keywords: marriage, actual, marriage relations, family, civil marriage, man, woman.

Государство заинтересовано в воздействии, которое упорядочивает матримониальную сферу, что находит отражение в привнесении публично-правовых начал в регулирование взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Действие этих принципов проявляется в установлении основных требований к сожительству женщины и мужчины: условий вступления в брак, основных границ поведения по отношению друг к другу (определенный объем прав и обязанностей), процедуры заключения и прекращения брака. Естественно, что гарантии защиты личных и имущественных интересов предоставляются только тем лицам, которые соблюдают все установленные требования. Как социальное явление существует также сожительство женщины и мужчины, без соблюдения формы, установленной государством для брака. И в итоге только эти лица решают вопрос регистрировать или не регистрировать брак. Сегодня в Украине законодатель встал на позицию защиты имущественных интересов женщины и мужчины, которые проживают одной семьей, но не находятся в браке между собой или в любом другом браке. Относительно легализации фактических брачных отношений высказаны противоположные взгляды из-за многочисленных противоречий между нормами СК Украины. Среди украинских и российских ученых юристов и практиков существуют как сторонники [2], так и противники таких положений [1]. По нашему мнению, отношения, которые возникают между такими лицами должны быть урегулированы СК Украины, но нормы, которые их регулируют, должны иметь другую редакцию.

Прежде всего необходимо обратить внимание на тот термин, которым в законодательстве и юридической литературе должны именоваться отношения между женщиной и мужчиной, которые проживают одной семьей, но не находятся в браке между собой, или в любом другом браке, поскольку предложенная в СК Украины конструкция, является достаточно громоздкой для применения.

На сегодняшний день в обществе для обозначения отношений между женщиной и мужчиной, которые проживают одной семьей, но не находятся в браке между собой, является довольно распространенным термин «гражданский брак». Но это определение не является синонимом указанных выше

отношений, поскольку понимание указанного понятия как незарегистрированного брака ошибочно. Понятие «гражданский брак», наоборот, означает брак, оформленный в органах государственной власти, однако без участия церкви. Поскольку до революции признавались только церковные браки, а гражданские не допускались, то и после 1917 года люди по привычке употребляют термин «гражданский брак», имея в виду фактические брачные отношения. Следовательно, гражданский брак не следует путать с фактическим.

Среди юристов распространенными являются термины «фактический брак» и «фактические брачные отношения». Считаем, что термин «фактический брак» является не совсем уместным в данном случае, поскольку женщину и мужчину, которые проживают одной семьей, но не находятся в браке между собой, не связывает весь комплекс супружеских прав и обязанностей, а только некоторые из них. Поэтому термины «фактический брак» и «фактические брачные отношения» не являются тождественными. В данном случае, представляется более точным применять термин «фактические брачные отношения».

В ст. 21 СК Украины, которая закрепляет понятие брака, он определяется как симейный союз женщины и мужчины, зарегистрированный в органе государственной регистрации актов гражданского состояния. В данном определении отражены основные признаки брака.

Во-первых, брак – это союз женщины и мужчины. СК позволяет заключать брак только между женщиной и мужчиной, а отсюда создание такого союза двумя женщинами или двумя мужчинами не влечет за собой появления у них прав и обязанностей супругов. Соответственно не имеет правового значения и сожительство двух женщин или двух мужчин.

Во-вторых, следствием создания этого союза является создание семьи. Анализируя определения семьи, которые существуют в науке семейного права, а также легальное определение семьи, содержащиеся в ст. 3 СК Украины, можно определить ее признаки: семья создается на основаниях, которые не запрещены законом и не противоречат моральным основам общества; совместное проживание лиц, которые ее составляют; совместный быт членов семьи; наличие взаимных прав и обязанностей между членами семьи. При сопоставлении норм ст. 3 и ст. 74 СК Украины можно сделать вывод о том, что между женщиной и мужчиной, при наличии юридического состава, который включает совместное проживание и общий быт, возникают взаимные права и обязанности, которые регулируются семейным законодательством.

Последним признаком брака является регистрация брака в органе государственной РАГС. Данный признак является конститутивным, ибо предполагает обязательность государственной регистрации такого союза, необходимость воплощения его в установленную форму, которая может иметь гражданский (светский), а не религиозный характер. Именно этот признак и отсутствует при конкубинате.

Таким образом, рассмотрев основные признаки брака, которые закреплены в СК Украины, можно сделать вывод, что женщина и мужчина, которые проживают одной семьей, но не находятся в браке между собой, имеют статус семьи, но не имеют статуса супругов.

Однако для признания отношений женщины и мужчины, не состоящих в браке между собой, влекущими возникновение семейных прав и обязанностей, они, на наш взгляд, должны характеризоваться не только совместным проживанием и общностью быта, а еще и отсутствием формальных препятствий к заключению брака: 1) стороны конкубината должны достичь брачного возраста – 18 лет (ст. 22 СК); 2) они не могут находиться в другом браке, который не расторгнут в установленном законом порядке (ст. 25, 74 СК); 3) они не могут находиться между собой в степенях родства, которые запрещены для вступления в брак (ст. 26 СК); 4) добровольность пребывания в фактических брачных отношениях (ст. 24 СК).

Отдельно следует заметить, что зарегистрированный брак пользуется так сказать, «биологической защитой». Это выражается в том, что при заключении брака лица, которые подали заявление о регистрации брака, должны сообщить друг другу о состоянии своего здоровья. Такой защиты лишен конкубинат. Справедливо мнение о том, что фактические брачные отношения должны носить относительно длительный характер [3]. Это объясняется тем, что лица, между которыми фактические брачные отношения продолжались довольно долгое время, имеют большее количество общего имущества и по этому признаку более приближены к статусу супругов. Тем не менее, вопрос, о том, какой брак считать длительным, остается дискуссионным.

Кроме того, обращаясь к опыту, накопленному юридической практикой в прошлом, можно к особенностям конкубината отнести также проявление супружеских отношений перед третьими лицами, в личной переписке и других документах.

Последние две особенности конкубината свидетельствуют об относительной стабильности взаимоотношений, которые складываются между сожителями, возможной реализации основных социальных функций семьи (рождение и воспитание детей, ведение совместного домашнего хозяйства и др.).

Итак, конкубинат должен отвечать двум группам условий: первая – условия, наличие которых является обязательным при заключении брака, вторая – условия, которые позволяют одновременно приблизить конкубинат к браку, но и отличают его от него. К первой группе относятся условия, которые закреплены в статьях 22, 24–26 СК Украины. Ко второй группе можно отнести: 1) совместное проживание; 2) общий быт; 3) достаточная продолжительность фактических брачных отношений; 4) выявление этих отношений перед третьими лицами. Соблюдение условий первой и второй группы должен устанавливать суд при решении любого имущественного спора с участием сторон, которые проживали или проживают в фактических брачных отношениях.

Таким образом, можно сформулировать следующее определение фактических брачных отношений (конкубината): это отношения между женщиной и мужчиной, которые связаны совместным проживанием и общим бытом, отвечающие всем условиям вступления в брак, кроме регистрации в государственном органе регистрации актов гражданского состояния, и характеризуются достаточной продолжительностью и открытостью.

Список использованных источников:

1. Ариванюк Т. Про деякі проблемні питання нового сімейного законодавства. Фактичне подружжя // Мала енциклопедія нотаріуса. – 2004. – № 1 (13). – С. 40.
2. Ермаков В.Д. О концептуальных подходах к совершенствованию правового регулирования семейных отношений в РФ // Закон и право. – 2004. – № 4. – С. 37.
3. Злотник І. Юридичні особливості фактичних шлюбних відносин // Юридичний журнал. – 2004. – № 7(25). – С. 33.
4. Короткова Л.П., Вихров А.П. Семья – только в рамках закона // Правоведение. – 1994. – № 5–6. – С. 160.
5. Ромовська З.В. Сімейний кодекс України: погляд у майбутнє // Право України. – 2001. – № 2. – С. 64.

References:

1. Arivanjuk T. Pro dejaki problemni pitannja novogo simejnogo zakonodavstva. Faktichne podruzhzhja // Mala enciklopedija notariusa. – 2004. – № 1 (13). – S. 40.
2. Ermakov V.D. O konceptual'nyh podhodah k sovershenstvovaniju pravovogo regulirovanija semejnyh otnoshenij v RF // Zakon i pravo. – 2004. – № 4. – S. 37.
3. Zlotnik I. Juridichni osoblivosti faktichnih shljubnih vidnosin // Juridichnij zhurnal. – 2004. – № 7(25). – S. 33.
4. Korotkova L.P., Vihrov A.P. Sem'ja – tol'ko v ramkah zakona // Pravovedenie. – 1994. – № 5–6. – S. 160.
5. Romovs'ka Z.V. Simejnij kodeks Ukraïni: pogljad u majbutnє // Pravo Ukraïni. – 2001. – № 2. – S. 64.

Жочкина И.Н.,
Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева

О некоторых проблемах применения норм законодательства об охране окружающей среды по спорам о возмещении экологического вреда

В докладе автором проанализирована судебная практика по спорам о возмещении вреда, причиненного окружающей среде нарушением законодательства и сделан вывод об отсутствии единообразия сложившейся практики.

Ключевые слова: экологический вред, защита прав, охрана окружающей среды, спор, законодательство, возмещение вреда.

Zhochkina I.N.,
Mordovian state university

About some problems of application of standards of the legislation about environmental protection on disputes about compensation of ecological harm

In the present article the author analysed jurisprudence on disputes on compensation of the harm done to environment by violation of the legislation and the conclusion is drawn on lack of uniformity of established practices.

Keywords: ecological harm, protection of the rights, environmental protection, dispute, legislation, compensation of harm.

Конституцией РФ предусматривается система юридических гарантий экологических прав, в частности, судебная защита является одной из юридических процедур, в рамках которой осуществляется охрана таких прав. Тенденция сегодня такова, что лица минуя досудебный порядок, предпочитают защищать свои права в суде (арбитражном суде), в связи с чем, резко возрастает загруженность судов и снижается количество законных и обоснованных решений.

Наличие определенных пробелов и коллизий в природоохранном законодательстве позволило выделить некоторые актуальные проблемы, возникающие по спорам о возмещении экологического вреда.

1. Так, в соответствии со ст. 76 Закона РФ «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 года № 7-ФЗ (далее – Закон) споры в области охраны окружающей среды разрешаются в судебном порядке. Рассмотрение соответствующего спора в суде или арбитражном суде зависит от субъектов спора и предъявляемых требований (статья 77 и 79 Закона). По этому вопросу Пленум Верховного суда РФ вносит некоторые уточнения. В частности определяет категории дел, рассматриваемых только в суде не зависимо от субъектного состава участвующих в деле лиц. Однако данное уточнение относится только к делам о защите нарушенных прав, свобод и законных интересов, вытекающих из экологических правоотношений, гарантированных ст. 42 Конституции РФ, то есть только в случае причинения вреда здоровью и имуществу граждан.

2. Следующей проблемой, возникающей при реализации защиты прав на благоприятную окружающую среду является нарушение принципа полного возмещения юридическими и физическими лицами вреда, причиненного окружающей среде, обозначенного пунктом 1 ст. 77 Закона. Анализ правоприменительной практики позволил выделить ряд оснований, по которым природопользователь – нарушитель избегает наказания, как то, признание доказательств лишенных доказательственной силы, что часто бывает с химическими и лабораторными анализами, отобранными не в соответствии со стандартами и методиками, либо не специализированными лицами; составление процессуальных документов в нарушение законодательства; признание

необоснованными расчетов ущерба; не предоставление доказательств, свидетельствующих о вредном или опасном воздействии на окружающую среду; не предоставление данных мониторинга окружающей среды в районе загрязнения, а также сведений о том, насколько произошло качественное ухудшение состояния окружающей среды в этом районе, что также как и предыдущее является затруднительным на практике. И это – не исчерпывающий перечень.

3. Актуален на наш взгляд вопрос о зачете требований по суммам от выполненных природоохранных мероприятий нарушителем в счет основной суммы возмещения вреда: каким образом просчитать сумму затрат, понесенных организацией на восстановительные работы по возмещению вреда окружающей среде и ее компонентам, будет ли это добровольным возмещением ущерба в натуре если эти работы были проведены до подачи иска в суд. Практика арбитражных судов в этом аспекте противоречива. Только в единичных случаях суды руководствуются нормой п. 2 ст. 78 Закона, которая допускает возмещение вреда окружающей среде посредством восстановления ответчиком нарушенного состояния окружающей среды за счет его средств в соответствии с проектом восстановительных работ. В основном засчитываются суммы в счет возмещения вреда на основании предписания, выданного контрольно-надзорными органами.

4. Практика заключения мировых соглашений по делам о возмещении вреда, причиненного окружающей среде скудна (можно даже отметить – единична). Это позволяет выдвинуть тезис о недостаточной правовой регламентации порядка заключения такого рода соглашений, либо предположить о наличии определенных препятствий к практической реализации права на заключение мирового соглашения по данной категории дел.

Подводя итог некоему анализу правоприменительной деятельности позволим внести ряд предложений о необходимости:

– внесения изменений в Закон, уточняющие порядок рассмотрения той или иной категории дел, вытекающих из экологических правоотношений в суде или арбитражном суде;

– наличия четкой и безусловной доказательственной базы при предъявлении требований о возмещении вреда, чтобы исключить необоснованный отказ в удовлетворении иска о возмещении вреда, причиненного окружающей среде;

– на законодательном уровне устранить имеющийся пробел в части возможности или невозможности зачета выполненных природоохранных мероприятий по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды и ее компонентов, а также регламентировать порядок осуществления такого зачета, предусмотрев либо обязательное выполнение природоохранных мероприятий в досудебном порядке, либо возможность уменьшения размера вреда в судебном порядке;

– закрепить понятие «проект восстановительных работ», регламентировать механизм его представления, либо исключить из норм Закона обязанность его представления в суд, тем самым, устранив возможность расширительного толкования данной нормы;

– совершенствования механизма заключения мирового соглашения, оснований и порядка необходимости согласования его заключения, определения критерий и категорий дел, по которым возможно его заключение. Одной из причин не использования данного института судами является отсутствие прямого указания в Законе на возможность заключения мирового соглашения по делам о возмещении вреда, причиненного окружающей среде.

Заморская Л.И.,
Черновицкий национальный университет имени Ю. Федьковича

Нормативный анализ системы гражданского права Украины

В докладе автором предпринята попытка проанализировать отдельные подходы к системе гражданского права Украины.

Ключевые слова: нормативный, система, гражданское право, Украина.

Zamorskaj L.I.,
Chernivtsi National University

Standard analysis of system of civil law of Ukraine

In article the author made an attempt to analyse separate approaches to system of civil law of Ukraine.

Keywords: standard, system, civil law, Ukraine.

Становление украинского права, в частности гражданского права, происходит в условиях формирования новых концептуальных подходов, обусловленных процессами мировой и европейской глобализации [3].

Именно гражданское право в виде системных гражданских законов заложило основы современного гражданского общества. Если политические принципы нового времени заложены в конституциях, декларациях, то именно Французский Гражданский кодекс 1984 совершил незаменимую работу по формированию и утверждению не только законов гражданского общества, но и закрепил принципы священности и неприкосновенности частной собственности, разнообразие договоров гражданского оборота (всего оборота имущественных благ) [5].

Сегодня гражданское право уже сформировано как сугубо частное право, состоящее из правовых норм, четко разделенных на правовые институты, ко-

торые определяют отношения, основанные на равенстве участников (это требование является бесспорным) и являются самостоятельными волевыми отношениями.

Система гражданского права является основой для его дифференциации, которая позволяет определенным образом выделить и сгруппировать гражданско-правовые институты, которые состоят из правовых норм и выражают содержание гражданского права как нормативного образования. Гражданское право занимает одно из ведущих мест в системе права Украины и относится к отраслям частного права. Особое значение в гражданском праве имеют имущественные и личные неимущественные отношения, составляющие основную сферу его регулирования, которая осуществляется с помощью правовых норм, что объединяются в такие правовые институты как право собственности и обязательственное право, наследственное право, реорганизация и ликвидация юридических лиц и т. п. [7]

Впервые сделал попытку дать определение системы (структуры) гражданского права Ю.Х. Калмыков, который определил ее как совокупность норм, объединенных в правовые институты или существующих самостоятельно и находящихся в определенной иерархической взаимосвязи [2].

В подтверждение этого украинский ученый Я. Шевченко справедливо утверждает, что реалии жизни позволили определить дальнейшее развитие гражданского права именно в его системном выражении.

Системообразующее значение приобрели нормы так называемого корпоративного права регулирует отношения, складывающиеся внутри юридических лиц. Общепринятая система институтов гражданского права содержит: 1) вещное право; 2) обязательственное право; 3) право интеллектуальной собственности; 4) наследственное право; 5) регулирование и защита личных неимущественных благ [7].

Как отмечают А.П. Сергеев и Ю.К. Толстой в цивилистической науке система гражданского права рассматривается не иначе как совокупность правовых норм, регулирующих имущественные и личные неимущественные отношения [1]. Именно нормы права являются типичным выражением нормативности гражданского права, объединяемые в гражданско-правовые институты для регулирования определенной сферы общественных отношений.

Традиционным для гражданского права Европы является наличие двух основных систем его построения (структуры) – институциональной и пандектной. Институциональная система гражданского права включает в себя следующие институты: лица, вещи, способы приобретения вещей. Ее преимуществами являются простота и логичность. Но, с другой стороны, как утверждает Е.О. Харитонов, чрезмерная упрощенность структуры не позволяет установить точно взаимосвязь и взаимодействие норм, в нее не вписываются многие институты современного гражданского права.

Пандектная система состоит из следующих частей: общие положения, вещное право, обязательственное право, семейное право, наследственное право. Ее преимуществами является выделение общей части, что позволяет избегать повторений при характеристике отдельных институтов и т. п.

Вместе с тем, в отличие от институциональной системы гражданско-правовое положение лица здесь отступает на второй план, что не соответствует современным тенденциям развития гражданского права.

Хотя некоторые гражданские кодексы построены по институционной системе (Гражданский кодекс Франции) или пандектной системой (Немецкий гражданский кодекс) [6].

Довольно удачно определяет понятие системы гражданского права Р.А. Майданик, который отмечает, что это структура отрасли как неотъемлемый атрибут всех реально существующих социальных систем. Гражданско-правовая структура является строением и внутренней формой организации системы гражданского права как единство взаимосвязей между ее элементами, которыми выступают юридические нормы и институты, расположенные в определенной последовательности. Она (система) имеет свою цель – познания гражданско-правового материала, т. е. служит потребностям практики, улучшает выяснения соответствия вновь принятых гражданско-правовых норм с нормами права, которые были ранее приняты или существовали в определенный период в другой редакции были отменены [4].

Как утверждает Я. Шевченко, основными и общими для всех институтов положения являются Общей частью гражданского права. Основой его системы является Гражданский кодекс Украины (ГК Украины), в первом разделе, который называется «Основные положения», содержатся нормы об отношениях, регулируемых гражданским правом, о функциях, которые выполняет гражданское законодательство, о принципах гражданского права и основные черты метода гражданско-правового регулирования. Раздел второй книги первой ГК Украины называется «Лица» и содержит нормы, касающиеся субъектов гражданско-правовых отношений. Глава третья «Объекты гражданских прав» отражает нормы, касающиеся объектов гражданских прав, раздел четвертый «Сделки. Представительство» состоит из норм, касающихся сделок, представительства, сроков и сроков исковой давности. Книга вторая посвящена личным неимущественным правам физических лиц, книга третья – праву собственности и иным вещным правам. Книга четвертая содержит нормы права интеллектуальной собственности, книга пятая – касается обязательственного права, а книга шестая – наследственного. Изложенная система гражданского права является его структурой как отрасли, отдельные ее институты согласованы и составляют единую целостность, которая базируется на ГК Украины, и через которую проявляется социальная ценность современного украинского гражданского права [7].

В противоположность этому Е.О. Харитонов утверждает, что разделение гражданского права на общую и особенную часть нецелесообразно, поскольку «общей части» не существует. Вместо этого она («общая часть») состоит как бы из двух уровней: есть положения, общие для всего гражданского права, а есть общая часть обязательственного права. Более того, возможен и третий уровень – общая часть договорного права, общая часть недоговорных обязательств, общие вопросы наследственного права и т. д. Поэтому, отмечает ученый, отделить «общую часть», как таковую, невозможно. В связи с этим оправданным кажется вести речь не о делении на общую и особенную части, а об отдельных разделах гражданского права, при этом первый раздел гражданского права охватывает его общие положения, а последующие – адекватные соответствующим отраслям гражданского права, и к тому же у каждого из них есть своя «общая» и «специальная» части [6].

Таким образом, по нашему мнению, предложенное научное разделение системы современного украинского права представляется более удачным, чем то, что сформировано еще советской доктриной гражданского права, однако, на практике до сих пор применение понятий «общая часть» и «особая часть» гражданского права используются для упрощенности в использовании нормативных предписаний.

Список использованных источников:

1. Гражданское право. – В 3 т. (4-е изд. перераб. и дополн) – Т. 1. / под ред. А.П. Сергеева и Ю.К. Толстого. – М.: «Проспект», 2005. – С. 33–35.
2. Калмыков Ю.Х. Структура советского гражданского права и перспективы её развития. Избраное: Труды. Статьи. Выступления. / Ю.Х. Калмыков. – М.: Статут, 1975. – С. 84–93.
3. Кузнєцова Н. Проблеми гармонізації та уніфікації сучасного правтного права/ Н. Кузнєцова // Право України. – 2012. – № 1–2. – С. 151.
4. Майданик Р.А. Вступ в цивільне право. Цивільне право: загальна частина. – К.: Алерта, 2012. – С. 122.
5. Сергеев А.П. Гражданское право. Т.1./ А.П. Сергеев. – М.: ПРОСПЕКТ, 2010. – С. 145.
6. Харитонов Є.О. Нариси теорії цивілістики (поняття та концепти)/Є.О. Харитонов. – Одеса: Фенікс, 2008. – С. 39.
7. Шевченко Я. Місце цивільного права в системі права України/ Я. Шевченко // Право України. – 2012. – № 1–2. –С. 135.

References:

1. Grazhdanskoe pravo. – V 3 t. (4-e izd. pererab. i dopoln) – T. 1. / pod red. A.P. Sergeeva i Ju.K. Tolstogo. – M.: «Prospekt», 2005. – S. 33–35.
2. Kalmykov Ju.H. Struktura sovetskogo grazhdanskogo prava i perspektivy ejo razvitija. Izbranoe: Trudy. Stat'i. Vystuplenija. / Ju.H. Kalmykov. – M.: Statut, 1975. – S. 84–93.

3. Kuznєcova N. Problemi garmonizacії ta unifikacії suchasnogo pravtnogo prava/ N. Kuznєcova // Pravo Ukraïni. – 2012. – № 1–2. – S. 151.
4. Majdanik R.A. Vstup v civil'ne pravo. Civil'ne pravo: zagal'na chastina. – K.: Alerta, 2012. – S. 122.
5. Sergeev A.P. Grazhdanskoe pravo. T.1./ A.P. Sergeev. – M.: PROSPEKT, 2010. – S. 145.
6. Haritonov Є.O. Narisi teorії civilistiki (ponjattja ta koncepti)/Є.O. Haritonov. – Odesa: Feniks, 2008. – S. 39.
7. Shevchenko Ja. Misce civil'nogo prava v sistemi prava Ukraïni/ Ja. Shevchenko // Pravo Ukraïni. – 2012. – № 1–2. –S. 135.

Зинковский М.А., кандидат юридических наук,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Гражданско-правовые проблемы оборота безналичных денежных средств в условиях национального экономического кризиса

В докладе рассматриваются гражданско-правовые проблемы оборота безналичных денежных средств в условиях национального экономического кризиса.

Ключевые слова: безналичные денежные средства, национальный экономический кризис, непреодолимая сила (форс-мажор), доказательственный, общеизвестный, факты.

Zinkovsky M.A., candidate of jurisprudence,
Belgorod state national research university

Civil problems of a turn of non-cash money in the conditions of a national economic crisis

In the report are considered civil law problems of a turn of non-cash money resources in conditions of a national economic crisis.

Keywords: non-cash money resources, national economic crisis, force majeure, the evidentiary and well-known facts.

В настоящее время в науке гражданского права не решен вопрос о законодательном закреплении категории безналичных денежных средств. Точки зрения ученых-практиков и практикующих юристов подчас не достигают компромисса и какого-либо решения по данному вопросу. Особую актуальность приобретают гражданско-правовые проблемы оборота безналичных денежных средств в условиях национального экономического кризиса последних лет.

В науке гражданского права по названному вопросу проводились следующие исследования: С.С. Алексеев, С.А. Беляцкин, А.Буркова, В.В. Витрянский, Н.Вилкова, С.П. Ворожбит, В.Б. Гольцов, И.А. Дзюба, О.С. Ерахтина, А.С. Кайгородова, А.А. Лукьянцев, А.А. Мохов, К.О. Огнева, Е.А. Павлодский, Е.В. Пассек, Э.Э. Пирвиц, М.Я. Пергамент, В.И. Сергеев, М.С. Строгович, А.А. Собчак, С.В. Тычинин, В.А. Туманов, В.А. Тархов, Д.Г. Фильченко, В.А. Хохлов, Б.Л. Хаскельберг и многие другие.

Понимание связи безналичных денег и национального экономического кризиса лежит в плоскости того, что кризисное экономическое явление, как гражданско-правовая категория на сегодняшний день закреплена законодательно и не урегулирована на практике. В деятельности судов часто могут возникать ситуации, при которых стороны – субъекты предпринимательской деятельности становятся заложниками двух обстоятельств: безналичных денежных средств, по которым они работают ежедневно, и которых современное гражданское законодательство не содержит, а также наличие национального экономического кризиса, последствия которого рассматривает и разрешает суд, но законодательно, он также не существует в гражданском и процессуальном праве (по поводу экономического кризиса смотри, например: лист № 3 Постановления Федерального Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28 апреля 2010 года по делу № А82-5527/2009 (истец: ООО «Интертехсервис», ответчик: ОАО «Автодизель» (Ярославский моторный завод)) и иные судебные постановления по данному делу, – http://www.arbitr.ru/картотека дел; Определение Ленинградского областного суда от 24.11.2010 № 33-5606/2010 и т. д.).

Результатом названной ситуации являются многочисленные процедуры банкротства, реструктуризации бизнеса, рефинансирования кредитных продуктов для бизнеса, спады производства, отсутствие продаж в отдельных сегментах рынка.

Не урегулированные на законодательном уровне безналичные денежные средства, а также категория национального экономического кризиса на практике могут быть доказаны, например, через призму форс-мажорных обстоятельств и непреодолимой силы. Оценочный характер таких понятий делают их в договорной и правоприменительной судебной практике явлениями редкими и малоприменимыми. Латентность экономического кризиса внутри страны с точки зрения гражданского права и его публичность с точки зрения общеизвестности, порождает множество таких явлений как: отмывание денежных средств, создание «фирм на один день», процедуры фиктивного банкротства, невозвраты кредитов, внутренняя инфляция рынков, невозможность идентификации безналичных денежных средств по сделке, аферы с использованием безналичных денежных средств и многое другое.

По своей процессуально-правовой природе факт национального экономического кризиса относится к общеизвестным фактам. В данном случае необходимо, чтобы судья в процессе признал факт наличия кризиса, что на практике

осуществить бывает весьма не просто. Ситуация также осложняется институтом судейского усмотрения. Сложно подобрать нормы материального права, нормы процессуального права, доказательства по делу таким образом, чтобы связать их в итоге с национальным экономическим кризисом и безналичными денежными средствами. Поэтому в суде необходимо обосновать, во – первых, факт наличия в объективной действительности факта национального экономического кризиса, во – вторых, доказать, что кризис находится в причинно-следственной связи с обстоятельствами дела, форс-мажорными обстоятельствами, невозможностью исполнения обязательств и т. п., в – третьих, необходимо просить суд о квалификации кризиса, как общеизвестного или иного процессуального факта.

Подводя итог изложенному, необходимо отметить, что в настоящее время категория безналичных денежных средств и категория национального экономического кризиса – это явления малоисследованные юридической наукой и практикой, явления взаимосвязанные и нуждающиеся в их отдельной научной и законодательной разработке с позиций гражданского права.

Золотова О.А., кандидат юридических наук,
Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ

Проблемы применения законодательства об охранных зонах

В докладе проведено исследование актуальных проблем применения законодательства об охранных зонах.

Ключевые слова: охранные зоны, правовой режим охранных зон, правовой режим земель.

Zolotova O.A., candidate of jurisprudence,
Institute of the legislation and comparative jurisprudence
at the Government of the Russian Federation

Problems of application of the legislation on security zones

In the report research of actual problems of application of the legislation on security zones is conducted.

Keywords: security zones, legal regime of security zones, legal regime of lands of security zones.

Охранные и защитные зоны Градостроительный кодекс РФ от 29.12.2004 № 190-ФЗ (далее – ГрадК РФ) относит к зонам с особыми условиями использования территорий. Статья 1 ГрадК РФ содержит открытый перечень таких зон.

По своей сути охранными зонами являются любые зоны, установленные для охраны объекта, вокруг которого они располагаются, для охраны окружающей среды или защиты жизни и здоровья граждан. Помимо цели установления общим признаком, характеризующим охранные зоны (далее – ОЗ), является их месторасположение и конфигурация: они формируются вокруг объекта и являются полосой вокруг него. Данный признак позволяет обособить ОЗ от зон с особыми условиями использования территорий, устанавливаемых на территории самих объектов. Например, от функциональных зон особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ), охраняемых зон ядерного объекта или запретных и контролируемых зон закрытых административно-территориальных образований. По указанным цели установления, местоположению и конфигурации из зон с особыми условиями использования территорий можно выделить более 30 охранных зон.

Исторически сложилось, что правовой режим каждой ОЗ регулируется отдельным нормативным актом, иногда и не одним. Таким образом, существует порядка 90 действующих правовых актов, касающихся ОЗ. При этом в законодательстве отсутствует классификатор ОЗ, не разработан системный подход к формированию новых видов ОЗ, не сформировался общий порядок их установления. Так, охранные зоны могут утверждаться актом Правительства РФ, актом федерального органа исполнительной власти или актом органа исполнительной власти субъекта РФ, в зависимости от значимости объекта ОЗ соответственно.

В границах охранных зон у землепользователей возникает необходимость воздерживаться от осуществления определенных видов деятельности, а у эксплуатирующих объекты охранной зоны лиц имеется обязанность поддерживать территорию зоны в определенном состоянии, а так же право требовать осуществления соответствующих действий от землепользователей. Как правило, содержание режима ОЗ является универсальным по отношению к зонам одного вида. При установлении правового режима ОЗ отдельных объектов перечень ограничений и запретов может быть расширен в зависимости от степени необходимой защиты объекта ОЗ. В исключительных случаях по согласованию с федеральными органами исполнительной власти может быть уменьшен размер ОЗ. Однако содержание правового режима земель ОЗ не подлежит изменению по инициативе землепользователей и землевладельцев, собственников и арендаторов земельных участков в границах ОЗ. Фактически установление режима ОЗ представляет собой вынужденную меру, ограничивающую и права землепользователей, и права лиц, эксплуатирующих объект ОЗ. При этом права землепользователей ограничиваются в пользу эксплуатирующих лиц, а у последних не возникает никаких прав на землю, попадающую в границы охранных зон. Более того, часто землепользователи обременяются обязанностями по содержанию территории ОЗ в определенном состоянии, пригодном для эксплуатации объекта ОЗ.

Ограничение прав на использование земельных участков ведет к снижению стоимости недвижимости и должно компенсироваться собственникам земли. Согласно статье 57 Земельного кодекса РФ убытки, связанные с ограничением прав собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков подлежат возмещению в полном объеме. Несмотря на то, что порядок возмещения землевладельцам убытков, причиненных ограничением их прав, установлен Постановлением Правительства РФ от 07.05.2003 № 262, процедуры возмещения ущерба, возникающего при установлении ОЗ, практически не разработаны. Главной остается проблема расчета убытков и определения лица, обязанного их возместить: должен ли это быть орган публичной власти, принявший решение об установлении ОЗ, или лицо, эксплуатирующее объект ОЗ. Определенные сложности вызывает отсутствие информации об ОЗ в государственном кадастре недвижимости, что приводит, во-первых, к сложностям при соблюдении режима ОЗ, во-вторых, к росту издержек, связанных с существованием ограничений в хозяйственной деятельности, к неполучению земельных платежей, к невозможности привлечь к ответственности виновных лиц за несоблюдение режима ОЗ и т. д.

Охранные зоны устанавливаются в целях обеспечения права граждан на благоприятную окружающую среду, обеспечения безопасности населения и охраны отдельных объектов. То есть охранные зоны устанавливаются в публичных интересах. Обязанность по соблюдению режима ОЗ не является прихотью лиц, использующих объект, вокруг которого такая зона устанавливается; для них поддержание территории ОЗ в соответствующем состоянии так же является обременением. Приходится констатировать, что в границах ОЗ сталкиваются не только интересы частных лиц, но частных и публичных. Возместить все неудобства, возникающие при существовании ОЗ, за счет публичных образований не представляется возможным. Более того, в условиях современного уровня развития экономики и уровня экологических проблем, установление ОЗ представляется разумным компромиссом между частным вкладом в охрану окружающей среды и участием в природоохранных мероприятиях государственно-публичных образований. Как верно указывает И.А. Крылова, основным средством построения общества, основанного на экологических принципах, должен стать механизм самоограничения [1]. Следует согласиться с тем, что «… необходим переход от потребительской цивилизации к новому типу цивилизации, базирующейся на сознательном самоограничении потребностей в рамках жестких экологических ограничений ради выживания в новом столетии» [1]. Внедрение такого механизма охраны окружающей среды не означает полного устранения государства от решения проблем землепользователей, или отказа от возмещения ущерба, причиненного установлением ОЗ. Возможно применение принципиально иного способа компенсации, например, снижение земельного налога на земельные участки или их части, попадающие в границы ОЗ.

Список использованных источников:

1. Крылова И.А. Природоохранная компонента в системе коллективной безопасности // Пути к миру и безопасности. – 2013. – № 1 (44). – С. 7–22.

References:

1. Krylova I.A. Prirodoohrannaja komponenta v sisteme kollektivnoj bezopasnosti // Puti k miru i bezopasnosti. – 2013. – № 1 (44). – S. 7–22.

Зюбина А.Ф.,
Российская академия правосудия,
Евразийский НИИ проблем права

Проблемы оборота земельных долей и земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения

В докладе рассмотрены проблемы оборота земельных долей и земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения в специальном законодательстве.

Ключевые слов: оборот земельных долей и земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, сельскохозяйственные угодья, земли сельскохозяйственного назначения.

Zyubina A.F.,
Russian academy of justice,
Eurasian scientific research institute of problems of law

Problems of a turn of land shares and land plots from lands of agricultural purpose

In the report problems of a turn of land shares and the land plots from lands of agricultural purpose in the special legislation are considered.

Key words: turn of land shares and the land plots from lands of agricultural purpose, agricultural grounds, the earth of agricultural purpose.

В Российской Федерации земля долгое время была выведена из гражданского оборота и предоставлялась физическим и юридическим лицам исключительно в пользование. Однако в рамках земельной реформы была ликвидирована исключительная государственная собственность на землю, при этом одной из задач государства была быстрая передача земель сельскохозяйственного назначения в частную собственность. В связи с чем, Российская Федера-

ция в отличие от многих западных государств столкнулась с необходимостью создания земельного законодательства, соответствующего современным экономическим и политическим реалиям в кратчайшие сроки [1, 3].

В результате чего в настоящее время правовое регулирование общественных отношений в данной сфере носит достаточно отрывочный характер, а специальное законодательство не содержит упорядоченных норм об обороте таких земель, что приводит к снижению эффективности правового регулирования [5], следствием чего является отсутствие единообразия и в правоприменительной практике по данным вопросам. Следовательно, существует необходимость более детальной регламентации рассматриваемых общественных отношений в Законе об обороте земель.

В частности, положение Закона об обороте земель, устанавливающее ограничение максимального размера общей площади сельскохозяйственных угодий, которые могут находиться в собственности одного лица на территории одного муниципального района равным не менее 10 % общей площади, не ограничено законодателем верхним пределом. Данная норма анализируемого Закона подвергается небезосновательной критике в юридической литературе, потому как может способствовать концентрации сельскохозяйственных угодий в собственности даже одного лица на территории одного субъекта Российской Федерации, в случае установления законом последнего максимального размера общей площади в сто процентов [2]. В связи с чем предлагается внести изменения в указанный Закон, установив верхнюю границу максимального размера общей площади сельскохозяйственных угодий, которые могут находиться в собственности одного лица, устанавливаемых законом субъекта РФ. Данное предложение будет препятствовать концентрации сельскохозяйственных угодий в собственности только крупных агрохолдинговых компаний, защитит от обезземеливания крестьянские фермерские хозяйства, сельскохозяйственные коммерческие организации.

Также, на наш взгляд, упущением законодателя является отсутствие в Законе об обороте земель закрепленного понятийного аппарата, и как следствие, отсутствие четкого разграничения между используемыми им понятиями. Например, такими, как «земли сельскохозяйственного назначения» и «сельскохозяйственные угодья». Так, в ст. 15 Закона об обороте земель указано, что земельная доля, полученная, при приватизации сельскохозяйственных угодий до вступления в силу настоящего Федерального закона, является долей в праве общей собственности на земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения. Как обоснованно утверждают правоведы «в земельном законодательстве (а также в смежных отраслях права) следует добиваться внедрения по возможности одинаковых терминов, относящихся к выделяемым земельным единицам, и одинакового их толкования» [4]. Представляется также существенным пробелом в законодательстве отсутствие закрепленного определения «сельскохозяйственных угодий». Ведь ни в Земельном кодексе,

ни в Законе об обороте земель данный термин не раскрывается. Лишь в ст. 79 Земельный кодекс перечисляет земельные участки, относящиеся к ним. В связи с этим предлагается дополнить Закон об обороте земель статьей, определяющей основные используемые им понятия, в том числе такие как «оборот земельных участков и земельных долей из земель сельскохозяйственного назначения», «общая долевая собственность на земли сельскохозяйственного назначения», «земельный участок сельскохозяйственного назначения», «сельскохозяйственные угодья». Предложенные изменения будут способствовать внедрению в земельное законодательство тождественных терминов с единообразным толкованием.

В случае внесения в действующее законодательство предложенных выше изменений, правовое регулирование оборота земельных долей и земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения будет более детальным, что облегчит его реализацию на практике.

Список использованных источников:

1. Ващенко Ю.С. Дихотомическое соотношение понятий публичного и частного начала в земельных правоотношениях // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 5 (6). – С. 78–86.
2. Комментарий к Федеральному закону «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» / Мазуров А.В., Нахратов В.В., Чуркин В.Э – М, 2012. – С. 73.
3. Костина О.В. Гражданско-правовое регулирование сделок с земельными участками сельскохозяйственного назначения и земельными долями: Автореф. дис. … канд. юрид. наук – М., 2006 – С. 4.
4. Крассов О.И. Юридическое понятие «земельный участок» // Экологическое право. – 2004. – № 2. – С. 58.
5. Шайхуллин М.С. Институт изъятия земель в традиции и правовом регулировании местного самоуправления // Муниципальное право. – 2009. – № 2. (46) – С. 83–87.
6. Шайхуллин М.С. Муниципальные образования как участники земельных правоотношений: проблемы правового и организационного регулирования. – Издательство Башкирского государственного университета, Уфа. – 2007.

References:

1. Vashhenko Ju.S. Dihotomicheskoe sootnoshenie ponjatij publichnogo i chastnogo nachala v zemel'nyh pravootnoshenijah // Evrazijskaja advokatura. – 2013. – № 5 (6). – S. 78–86.
2. Kommentarij k Federal'nomu zakonu «Ob oborote zemel' sel'skohozjajstvennogo naznachenija» / Mazurov A.V., Nahratov V.V., Churkin V.Je – M, 2012. – S. 73.
3. Kostina O.V. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie sdelok s zemel'nymi uchastkami sel'skohozjajstvennogo naznachenija i zemel'nymi doljami: Avtoref. dis. … kand. jurid. nauk – M., 2006 – S. 4.

4. Krassov O.I. Juridicheskoe ponjatie «zemel'nyj uchastok» // Jekologicheskoe pravo. – 2004. – № 2. – S. 58.
5. Shajhullin M.S. Institut iz#jatija zemel' v tradicii i pravovom regulirovanii mestnogo samoupravlenija // Municipal'noe pravo. – 2009. – № 2. (46) – S. 83–87.
6. Shajhullin M.S. Municipal'nye obrazovanija kak uchastniki zemel'nyh pravootnoshenij: problemy pravovogo i organizacionnogo regulirovanija. – Izdatel'stvo Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta, Ufa. – 2007.

Иншакова А.О., доктор юридических наук, профессор,
Волгоградский государственный университет

Скрытые комиссии в перечне нарушений прав граждан-участников кредитно-денежных отношений

Доклад посвящен анализу различного рода злоупотреблений со стороны кредитных организаций при заключении кредитного договора с гражданами. Автором предлагается ряд рекомендаций по устранению таких скрытых угроз и проблемных случаев кредитных правоотношений, применение которых будет способствовать активизации процесса улучшения финансового благополучия населения страны, а также санации внутригосударственной экономической среды.

Ключевые слова: кредитные организации, кредитный договор, скрытые комиссии, комиссия за ведение ссудного счета.

Inshakova A.O., doctor of jurisprudence, professor,
Volgograd state university

The hidden commissions in the list of violations of the rights of participating citizens of the credit and monetary relations

Article is devoted to different analysis of abuses of the credit organizations at the conclusion of the credit agreement with citizens. The author offers a number of recommendations about elimination of such hidden threats and problem cases of the credit legal relationship which application will promote activization of process of improvement of financial wellbeing of the population of the country, and also sanitation of the interstate economic environment.

Keywords: credit organizations, credit agreement, hidden commissions, commission for maintaining the loan account.

Результаты комплексной аналитики финансово-экономической обстановки в стране, как на федеральном, так и на региональном уровнях, несмотря на кризисные явления, характеризующие ее общеотраслевое состояние, тем не

менее позволяют констатировать параллельное повышение благосостояния населения. Действительно, покупательная способность населения, демонстрирующая уровень доходов граждан, возросла, если основу критерия ее оценки будут составлять такие объекты как дома, квартиры, дачи, автомобили. Вместе с тем, согласно официальным статистическим данным 90 % крупных покупок в нашей стране совершается гражданами в кредит. Развитие малого предпринимательства также происходит в большинстве случаев на кредитной основе – с использованием федеральных и региональных кредитных программ, направленных на развитие малого и среднего бизнеса. Таким образом, термин «жизнь в кредит» очень точно отображает реальную социально-бытовую среду российских жителей последнего десятилетия.

Опасность активного использования различных кредитных программ, предлагаемых населению банками, обнаружившая себя в последние годы финансово-кредитными показателями западных стран, заставляет задуматься, так как уровень правовой и финансовой грамотности населения как России в целом, так и жителей Волгограда и Волгоградской области остается крайне низким. Не последняя роль в деле коррекции сложившейся, таящей в себе угрозу ситуации, по мнению автора, отведена помощи компетентного высококвалифицированного экспертного юридического сообщества, способного восполнить правовой вакуум доступными населению юридическими консультациями и, к сожалению, отсутствующими на сегодняшний день, необходимыми информационными материалами, посвященными защите прав потребителей в сфере финансовых услуг. Плохо развитое информатизационное обеспечение последней создает негативное общественное отношение к кредитным организациям, потворствует значительному увеличению числа случаев нарушения гражданских прав потребителей – заемщиков, вкладчиков и других участников кредитно-денежных отношений, легитимной площадкой для которых выступают кредитные организации и некредитные учреждения – банки и различного рода микрофинансовые организации. Перечисленные, неблагоприятные для позитивного социально-экономического развития российского государства, факторы заставляют задумываться ученых – юристов о необходимости публикации различного рода практических пособий и других материалов разъяснительно-информативного характера, способствующих повышению правовой грамотности населения в данной сфере общественных отношений.

Процесс подготовки к получению кредита включает в себя обращение заемщика к данным официального сайта выбранного банка для расчета суммы комиссионных платежей при помощи специального кредитного калькулятора. Зачастую, кредитные калькуляторы делают лишь примерный расчет стоимости по кредиту, не обнаруживая скрытые комиссии. Как показывает практика, при окончательном расчете сотрудником банка итоговая стоимость кредита значительно увеличивается и становится больше на 20–30 %. Такое увеличение происходит в результате добавления различных дополнительных плате-

жей, страховых взносов и скрытых комиссий по кредиту. «Опытные» заемщики, ранее вступавшие в кредитно-денежные отношения с банком, уже знают, что переплата по кредиту формируется не только завышенными процентами, но и упомянутыми скрытыми комиссиями.

Вспомним, что в банках существует два вида комиссионных сборов по кредиту: разовые и ежемесячные.

Разовыми комиссиями считаются комиссии за выдачу кредита и комиссии за открытие кредитного счета, чаще всего они удерживаются банком из суммы выдаваемого кредита, или включаются в первый платеж заемщика по кредиту.

Ежемесячными комиссиями являются комиссии за ведение кредитного счета и комиссии за расчетно-кассовое обслуживание, комиссии за подключение банком к программе коллективного страхования заемщиков.

С целью защиты своих законных прав и минимизации риска взыскания уплаты лишних комиссионных платежей, гражданину, прежде чем оформлять кредит в банке, необходимо узнать о скрытых комиссиях по кредиту. Если такие комиссии имеются, то необходимо выяснить, с какой именно суммы вычисляется их размер, и с какой периодичностью они снимаются (ежемесячно или один раз в год). Также необходимо узнать о размере комиссии, потому что он может быть зафиксированным либо может сниматься с остатка кредитной задолженности. Если размер комиссии по кредиту зафиксирован и будет сниматься от суммы всего кредита, то сумма комиссии будет просто огромной в течение всего срока кредитования. Во втором случае размер комиссионных выплат будет каждый месяц уменьшаться. Гражданину следует помнить, что банки могут брать комиссии за что угодно: за оформление и выдачу кредита, за внесение денег на счет или за их снятие со счета. Также могут начисляться различные штрафы и пени, например, за просрочку ежемесячных платежей или, наоборот, за досрочное погашение.

В договоре могут быть и скрытые комиссии по кредиту, связанные со страховыми взносами. Банки предлагают страхование не только при ипотечных кредитах или автокредитах, а также и при выдаче потребительских кредитов в качестве обеспечения исполнения обязательств заемщиком, при этом навязывая услуги определенной «своей» страховой компании, включая в договор условия об оплате комиссии за включение заемщика в программу коллективного страхования.

Следует помнить, что выдача кредита – это обязанность банка в рамках кредитного договора, согласно которому кредитор предоставляет кредит, а заемщик обязуется его вернуть в указанный срок и оплатить проценты за пользование кредитом. Таким образом, банк не имеет права обусловливать предоставление кредита выплатой комиссии за его выдачу и гражданин имеет законное право настаивать на возврате такой комиссии.

Ссудный счет – это счет, используемый для отражения на балансе банка образования и погашения ссудной задолженности по заключенным банкам

кредитным договорам. Действия эти банк совершает не в интересах заемщика, а для отчетности перед Центробанком РФ. Это означает, что банк не должен брать комиссию за ведение ссудного счета, а должен совершать данные действия за свой счет. Следовательно, гражданин имеет право вернуть комиссию за ведение ссудного счета, также как и комиссию за открытие ссудного счета или его обслуживание. В настоящее время последний тезис подтвержден национальной судебной практикой, установившей, что банковские комиссии за выдачу кредита незаконны и банк не имеет права их брать со своих клиентов. Единству такого рода судебной практики способствует и Определение Верховного Суда РФ от 17 мая 2011 г. которое поставило точку в вопросе законности взимания банковских комиссий по кредитам. Согласно данному определению, Верховный Суд РФ признал незаконным получение Сбербанком России комиссии за выдачу кредита и взыскал со Сбербанка России в пользу гражданина уплаченные в качестве комиссии по кредиту денежные средства.

Кроме того, существуют судебные прецеденты, закрепляющие легитимность возвращения комиссии за выдачу кредита предпринимателям и организациям. В недавнем Обзоре судебной практики Высший Арбитражный Суд РФ разъяснил, что банк имеет право брать комиссию только за оказание дополнительной услуги. Такие действия банка, как выдача кредита или рассмотрение заявки на кредит, не являются самостоятельной услугой, а являются обязанностью банка, вытекающей из существа кредитного договора. Следовательно, предприниматели и организации имеют право вернуть комиссию за выдачу кредита и другие единовременные комиссии, навязанные банком.

В качестве единственного действенного способа восстановления прав граждан – участников кредитно-денежных отношений, в части возвращения комиссии за выдачу кредита и других незаконных комиссий по кредитам, рекомендуется обращение в суд, поскольку банки не спешат демонстрировать лояльность в вопросах восстановления имущественных прав гражданина. Процедура возврата комиссии за выдачу кредита через суд, как правило, занимает от трех до четырех месяцев. Обращаясь в суд с иском о возврате комиссии за выдачу кредита, гражданин освобождается от обязанности по оплате государственной пошлины. Кроме того, с иском о возврате комиссии за выдачу кредита гражданин вправе обратиться в суд по месту своего жительства, а не по месту нахождения банка.

Все понесенные расходы на возврат комиссии за выдачу кредита компенсируются судом с банка согласно ч. 1 ст. 100 Гражданского процессуального кодекса РФ.

Гражданин вправе вернуть комиссию за выдачу кредита и по действующим, и по уже погашенным (исполненным) кредитным договорам. Главным условием возврата комиссии является подача иска в пределах трехлетнего срока исковой давности. Для того чтобы вернуть комиссию, гражданину необходимо иметь на руках оригинал кредитного договора и квитанцию об ее

оплате. Если по каким-то причинам в настоящее время у гражданина отсутствуют данные документы, то последний вправе получить копии этих документов в отделении банка, выдававшего кредит, или истребовать данные доказательства в судебном порядке.

Полагаем, что недостаточный уровень правовой культуры и грамотности населения в сфере кредитных отношений является самым значимым фактором тормозящим желаемое позитивное развитие данного направления модернизации экономической системы страны. Как показывает практика, нередки случаи, когда граждане становятся «финансовыми» заложниками кредитной организации, заемщиками которой стали добровольно.

Таким образом, предложенные рекомендации по устранению описанных скрытых угроз и проблемных случаев кредитных правоотношений между банками и гражданами, призваны способствовать активизации процесса улучшения финансового благополучия населения страны, как и санации внутригосударственной экономической среды в целом. Интенсификация же распространения финансовой культуры и ее правовых основ между гражданами, в прогнозируемом результате, по глубокому убеждению автора, позволит констатировать в ближайшем будущем существенное расширение их материальных возможностей.

Кабанова И.Е., кандидат юридических наук,
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина

Нормы о гражданско-правовой ответственности органов публичной власти и их должностных лиц в системе российского права

Доклад посвящен определению места норм о гражданско-правовой ответственности органов публичной власти и их должностных лиц в системе российского права.

Ключевые слова: органы публичной власти, должностные лица, гражданско-правовая ответственность.

Kabanova I.E., candidate of jurisprudence,
Moscow state legal university

Norms about civil responsibility of bodies of the public power and their officials in system of Russian law

Article is devoted to definition of a place of norms about civil responsibility of bodies of the public power and their officials in system of Russian law.

Keywords: bodies of the public power, officials, citizens-sko-legal responsibility.

Регулирование определенной группы общественных отношений как имеющей самостоятельную отраслевую принадлежность предполагает наличие обособленного предмета и метода регулирования [3]. Выделение межотраслевого правового института возможно при наличии в нем элементов, относящихся к различным предметам регулирования, но тесно связанных между собой, а также такого метода правового регулирования, который сочетает черты нескольких отраслевых методов [2, 6].

Гражданско-правовая ответственность органов публичной власти может быть как следствием гражданских правоотношений, так и возникать в рамках публично-правовых отношений. Отсюда возникает первое возражение, направленное против отнесения норм об ответственности органов публичной власти и их должностных лиц к гражданскому праву. В литературе обосновывается позиция о том, что отношения между органом публичной власти либо должностным лицом, причинившим вред, и потерпевшим по своей природе не являются гражданско-правовыми и, шире, частноправовыми. Это публично-правовые отношения, следовательно, и ответственность за вред, причиненный при реализации властных полномочий, имеет публично-правовой характер [4].

С другой стороны, с возрождением концепции деления системы права на частное и публичное, природа гражданско-правовой ответственности, в том числе, и ответственности специальных субъектов, провозглашается частноправовой [1].

Некоторые ученые отрицают деление юридической ответственности субъектов права на частноправовую и публично-правовую, обосновывая это тем, что правонарушитель несет ответственность перед государством и обществом в целом, а не только перед конкретным кредитором, поскольку привлечение такого лица к ответственности влечет за собой восстановление законности, правопорядка, авторитета государственной власти [7].

При всей справедливости данной позиции исходя из максимально широкой трактовки гражданско-правовой ответственности, следует заметить, что, выделяя определенные виды юридической ответственности, и законодатель, и доктрина руководствуются приоритетной целью установления ответственности и последствиями ее возложения на нарушителя.

Так, гражданско-правовая ответственность направлена прежде всего на восстановление нарушенной имущественной сферы лица, которому был причинен вред, а публично-правовая ответственность – на восстановление общественного порядка и предотвращение его нарушения в дальнейшем, на исполнение карательной, репрессивной функции, не связанной с восстановлением имущественных прав потерпевшего.

В момент причинения вреда публично-правовые субъекты выступают в качестве носителей публичной власти, поскольку вред причиняется при вынесении в отношении физических и юридических лиц обязательных для испол-

нения государственно-властных велений. В то же время публично-правовая природа акта государства никак не влияет на характер ответственности, которая выражается в имущественном возмещении причиненного таким актом вреда [5]. Правоотношение по возмещению вреда, причиненного актом органа публичной власти, строится не на субординационной основе, а на основе координации, государство выступает не как публичный субъект императивных отношений, а как ответчик, должник по деликтному обязательству.

Указанные особенности гражданско-правовой ответственности публично-правовых субъектов могут привести к выводу о межотраслевом или комплексном характере этого правового феномена.

Однако комплексность относится к характеристике законодательного массива. Гражданско-правовой характер ответственности органов публичной власти и их должностных лиц при совершении ими гражданских правонарушений отражается в принципах правового регулирования, в частности, в равенстве субъектов, когда государство выступает как участник гражданского оборота, который не вправе реализовать в отношении индивида какие-либо властные полномочия; в свою очередь, гражданин или юридическое лицо, которым был причинен вред, имеют возможность самостоятельно распорядиться своим правом на возмещение.

Правовая природа ответственности за причинение вреда личности или имуществу незаконными, а в предусмотренных случаях – и законными, действиями (бездействием) органов публичной власти и их должностных лиц может быть определена с учетом отраслевой принадлежности норм, влекущих возникновение правоотношений по возмещению причиненного имущественного и компенсации морального вреда.

Включение таких норм в правовые акты других отраслей не придает им публично-правового характера и не влечет утраты ими частноправовых начал, поскольку отраслевая принадлежность норм не зависит от того, в правовой акт какой отрасли законодательства они включены.

Исходя из того, что первичным элементом отрасли права, так же как и системы в целом, является правовая норма, имеющая принадлежность к одной отрасли права норма не может входить в другую в составе правового института.

Так называемые комплексные образования, включающие в себя нормы различных отраслей права, сгруппированные для регулирования разных, но функционально взаимосвязанных отношений, представляют собой правовые массивы, а их нормы относятся к источникам конкретной отрасли права.

Можно сделать вывод о том, что система правовых предписаний, регламентирующих отношения по возмещению и компенсации вреда, причиненного действиями (бездействием) органов публичной власти, относится к гражданскому праву. Сообразно юридической природе указанных норм формируются гражданско-правовые обязательства по возмещению имущественного и компенсации морального вреда, причиненного действиями (бездействием) орга-

нов публичной власти. При этом тождественные по смыслу нормы ст. 13, 16, 1069 ГК и ст. 1070 ГК, являющейся специальной по отношению к ст. 1069 ГК, закрепляют единую модель возникающих деликтных обязательств: вред, причиненный физическому или юридическому лицу действиями (бездействием) органов государственной власти и местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, возмещается и (или) компенсируется, соответственно, Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями, а реализуемые в них меры воздействия на причинителя вреда являются гражданско-правовыми.

Общие метод и принципы, лежащие в основе института гражданско-правовой ответственности, служат проявлением и доказательством применения гражданско-правового метода к отношениям с разным субъектным составом, свидетельствует о единстве гражданского права как отрасли.

Список использованных источников:

1. Кислухин В.А. Виды юридической ответственности: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2002.
2. Козырь М.И. Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. – 1982. – № 8.
3. Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. – М., 2002.
4. Попов В.В. Ответственность публичных образований за причинение вреда. – Пенза, 2001.
5. Федорова Е.В. Место норм, регулирующих ответственность за вред, причиненный актами судебной власти, вынесенными при осуществлении правосудия, в системе российского права // Российский юридический журнал. – 2013. – № 1.
6. Шевченко Я.Н. Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. – 1982. – № 7.
7. Явич Л.С. Общая теория права. – Л., 1976.

References:

1. Kisluhin V.A. Vidy juridicheskoj otvetstvennosti: Avtoref. dis. … kand. jurid. nauk. – M., 2002.
2. Kozyr’ M.I. Sistema sovetskogo prava i perspektivy ee razvitija // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1982. – № 8.
3. Obshhaja teorija prava i gosudarstva: Uchebnik / Pod red. V.V. Lazareva. – M., 2002.
4. Popov V.V. Otvetstvennost’ publichnyh obrazovanij za prichinenie vreda. – Penza, 2001.
5. Fedorova E.V. Mesto norm, regulirujushhih otvetstvennost’ za vred, prichinennyj aktami sudebnoj vlasti, vynesennymi pri osushhestvlenii pravosudija, v sisteme rossijskogo prava // Rossijskij juridicheskij zhurnal. – 2013. – № 1.
6. Shevchenko Ja.N. Sistema sovetskogo prava i perspektivy ee razvitija // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1982. – № 7.
7. Javich L.S. Obshhaja teorija prava. – L., 1976.

Касымов Р.Ш.,
Юридический факультет РАНХиГС при Президенте РФ

Проблемы современного подхода к правовому регулированию вертикальных соглашений в антимонопольном законодательстве Российской Федерации

В докладе автор рассматривает проблемы современного подхода к правовому регулированию вертикальных соглашений, а также проводит сравнительный анализ законодательства стран ЕС и США в указанной сфере.

Ключевые слова: антиконкурентный, соглашения, вертикальный, правовое регулирование, США, страны ЕС.

Kasymov R.Sh.,
Law department of RANHiGS

Problems of modern approach to legal regulation of vertical agreements in the antitrust law of the Russian Federation

In the work the author considers problems of modern approach to legal regulation of vertical agreements, and also carries out the comparative analysis of the legislation of EU countries and the USA in the specified sphere.

Keywords: anti-competitive, agreements, vertical, legal regulation, USA, EU countries.

В связи с формированием в Российской Федерации экономически активного и эффективного гражданского оборота антимонопольное регулирование претерпевает серьезные изменения, связанные с совершенствованием правового регулирования общественных отношений, складывающихся в сфере защиты конкуренции. Учитывая существование в указанной сфере многочисленных вопросов, требующих научного анализа и осмысления, автор в настоящей работе уделит особое внимание такому виду антиконкурентных соглашений, как «вертикальные», рассмотрит особенности их правового регулирования в Российской Федерации, в странах англо-саксонского права и ЕС, а также осветит основные направления совершенствования их правового регулирования.

Согласно п. 19 ст. 1 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции) «вертикальные» соглашения представляют собой соглашения между хозяйствующими субъектами, один из которых приобретает товар, а другой предоставляет (продает) товар. В прежней редакции Закона о защите конкуренции «вертикальными» признавались соглашения между потенциальными продавцами и покупателями, т. е. реальных договорных отношений могло не быть.

В связи с отсутствием четких критериев определения потенциальных покупателей и продавцов и возникающих по этой причине проблем, «третьим антимонопольным пакетом» определение «вертикальных» соглашений было изменено. Несмотря на редакционные изменения определения «вертикальных» соглашений, сложность оценки «вертикальных» соглашений на соответствие антимонопольному законодательству сохраняется. Проблема заключается в том, что необходимо правильно отделить ограничения, налагаемые соглашением на рыночное поведение его участников, от ограничений конкуренции на товарном рынке, которые могут возникнуть в результате реализации соглашения. Отождествление этих видов ограничений приводит к тому, что все «вертикальные» соглашения признаются незаконными.

В действующем законодательстве о защите конкуренции запрещаются «вертикальные» соглашения между хозяйствующими субъектами, если:

– такие соглашения приводят или могут привести к установлению цены перепродажи товара, за исключением случая, если продавец устанавливает для покупателя максимальную цену перепродажи товара;

– такими соглашениями предусмотрено обязательство покупателя не продавать товар хозяйствующего субъекта, который является конкурентом продавца.

Сложные вопросы правового регулирования «вертикальных» соглашений существуют не только в национальном законодательстве. Если обратиться к зарубежному опыту регулирования антиконкурентных соглашений, в том числе «вертикальных», можно выделить ряд особенностей. Так, например, в США антиконкурентные соглашения запрещены и круг договоров, которые к ним могут быть отнесены, шире. Согласно статье 1 закона Шермана всякий договор, который имеет своей целью ограничение торговли и конкуренции, является незаконным. Судебная практика пошла по тому пути, когда участников такого договора привлекают к ответственности вне зависимости от причиненного ущерба, достаточно доказать сам факт вступления в сговор. Что касается регулирования «вертикальных» соглашений в США, можно отметить следующее: до 1977 г. судами применялась доктрина per se, но после рассмотрения Верховным судом США дела Continental T.V., Inc. v. GTE Sylvania, Inc. в регулировании стало преобладать более мягкое правило разумности. Позднее, вышеизложенная позиция суда была также отражена в 1988 г. в решении по делу Business Electronics v. Sharp Electronics, где суд пришел к выводу, что доктрина per se будет применяться судами только при обнаружении явного сговора о ценах между поставщиками и продавцами. И уже в 1990 году в решении по иску независимого продавца бензина «Ю Эс Эй Питроуляьм» против крупной нефтяной компании «Атлэнтик Ричфилд» произошло кардинальное изменение позиции относительно «вертикальных» соглашений, что привело к их легализации, и как следствие, прекращение преследования фирм специализирован-

ным государственным управлением Минюста США (United States Department of Justice Antitrust Division) за заключение «вертикальных» соглашений.

В целях всестороннего рассмотрения вопроса и сравнения подходов, автор считает уместным обратиться также к европейскому опыту регулирования вертикальных соглашений. На рубеже XX-XXI вв. существенно изменился подход зарубежного законодателя к вертикальным соглашениям предпринимателей: если ранее их признавали незаконными, то теперь заключение указанных соглашений возможно при соблюдении некоторых условий. Основополагающие нормы содержаться в титуле VI Договора о создании ЕС, который посвящен общим правилам конкуренции и налогообложения хозяйственной деятельности на территории ЕС [3]. При этом особое место в системе правовых актов антиконкурентного законодательства ЕС занимает Регламент № 2790/1999 от 22.12.1999, установивший общие исключения из ст. 81 Договора о создании ЕС в отношении «вертикальных» соглашений [5]. Новый Регламент содержит определение «вертикальных» соглашений, которое включало в себя соглашения, направленные на реализацию купли-продажи товаров или услуг, заключаемые между не конкурирующими между собой хозяйствующими субъектами, между определенными конкурентами или ассоциациями розничных торговцев товарами, а также «вертикальные» соглашения, содержащие дополнительные условия о предоставлении или использовании прав интеллектуальной собственности. Кроме того, это понятие охватывает также согласованную деловую практику. Анализ указанного Регламента позволяет сделать вывод о том, что для определения является ли соглашение «вертикальным» и соответствующим антимонопольному законодательству необходимо использовать принцип rule of reason, что, по мнению автора, является правильным.

Подводя итог исследованию вопроса правового регулирования вертикальных соглашений в Российской Федерации, а также в странах ЕС и США, чей опыт был учтен при реформировании российского антимонопольного законодательства, следует отменить тенденцию его либерализации, выработке четких критериев отнесения соглашений в категорию «вертикальных» и ориентированность на потребности торгового оборота, что, безусловно, приведет к положительным результатам.

Список использованных источников:

1. Егорова М.А. Коммерческое право: Учебник для вузов. – М.: Статут, 2013.
2. Коммерческое право: актуальные проблемы и перспективы развития: Сборник статей к юбилею доктор юридических наук профессора Б.И. Пугинского / сост. Е.А. Абросимова, С.Ю. Филиппова. – М.: Статут, 2011.
3. Кратенко М.В Злоупотребление свободой договора: частноправовые и публично-правовые аспекты. Монография. – М.: Волтерс Клувер, 2010.
4. Петров Д.А., Жмулина Д.А. Комментарий к Федеральному закону от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Конкурентное право. – 2013. – № 2.

5. Пестриков В. Развитие судебной практики по антимонопольным делам // Корпоративный юрист. – 2008. – № 11.
6. Пузыревский С.А. Регулирование экономических отношений хозяйствующих субъектов в условиях рыночной экономики // Предпринимательское право. – 2010. – № 3.
7. Пузыревский С.А. Третий антимонопольный пакет: общая характеристика планируемых изменений антимонопольного законодательства. Подготовлен для системы Консультант Плюс, 2011.

References:

1. Egorova M.A. Kommercheskoe pravo: Uchebnik dlja vuzov. – M.: Statut, 2013.
2. Kommercheskoe pravo: aktual'nye problemy i perspektivy razvitija: Sbornik statej k jubileju doktor juridicheskih nauk professora B.I. Puginskogo / sost. E.A. Abrosimova, S.Ju. Filippova. – M.: Statut, 2011.
3. Kratenko M.V Zloupotreblenie svobodoj dogovora: chastnopravovye i publichno-pravovye aspekty. Monografija. – M.: Volters Kluver, 2010.
4. Petrov D.A., Zhmulina D.A. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 26 ijulja 2006 g. № 135-FZ «O zashhite konkurencii» // Konkurentnoe pravo. – 2013. – № 2.
5. Pestrikov V. Razvitie sudebnoj praktiki po antimonopol'nym delam // Korporativnyj jurist. – 2008. – № 11.
6. Puzyrevskij S.A. Regulirovanie jekonomicheskih otnoshenij hozjajstvujushhih sub#ektov v uslovijah rynochnoj jekonomiki // Predprinimatel'skoe pravo. – 2010. – № 3.
7. Puzyrevskij S.A. Tretij antimonopol'nyj paket: obshhaja harakteristika planiruemyh izmenenij antimonopol'nogo zakonodatel'stva. Podgotovlen dlja sistemy Konsul'tant Pljus, 2011.

Кузнецова Ю.А.,
Российская академия правосудия

Соотношение условий о качестве и таре (упаковке) в гражданско-правовом договоре

В докладе анализируется соотношение и взаимосвязь условий о качестве и о таре (упаковке) в гражданско-правовом договоре. Определяются основные функции тары (упаковки).

Ключевые слова: качество товаров (работ, услуг), тара (упаковка), недостатки товаров.

Kuznetsova Yu.A.,
Russian academy of justice

Ratio of conditions about quality and container (packing) in the civil contract

In article the ratio and interrelation of conditions about quality and about container (packing) in the civil contract is analyzed. The main functions of container (packing) are defined.

Keywords: quality of goods (works, services), container (packing), shortcomings of goods (works, services).

Определение места условия о качестве среди иных условий гражданско-правового договора позволяет показать его значимость, а также необходимость учитывать их взаимообусловленность при заключении и исполнении договора. В первую очередь условие о качестве связано с условиями договора, определяющими характеристику объекта будущего обязательства. Остановимся подробнее на соотношении условий о качестве и таре (упаковке), их взаимосвязи в гражданско-правовом договоре.

Большинство выпускаемых товаров транспортируют, хранят и отпускают потребителю в упаковке или таре. Перемещение продукта от производителя к потребителю является неминуемой предпосылкой реализации его потребительной стоимости. При этом важно обеспечить полную сохранность количества, качества и товарного вида продукции на всем пути ее следования. С целью защиты продукции от механических, климатических, биологических и других воздействий и обеспечения ее качественной сохранности при транспортировании и хранении применяют различные виды тары и упаковки.

В соответствии с п. 1 ст. 481 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), если иное не предусмотрено договором купли-продажи и не вытекает из существа обязательства, продавец обязан передать покупателю товар в таре и (или) упаковке, за исключением товара, который по своему характеру не требует затаривания и (или) упаковки. В товароведческой литературе выделяются следующие основные функции упаковки: предохранять товары от порчи и повреждений; обеспечивать создание рациональных единиц груза для транспортировки, погрузки и выгрузки товаров; обеспечивать создание рациональных единиц для их складирования; обеспечивать создание оптимальных (по весу и объему) единиц для продажи товара; быть важным носителем рекламы. Как видим, упаковка представляет собой средство или комплекс средств, обеспечивающих защиту товара и окружающей среды от повреждения и потерь и облегчающих процесс обращения товаров, тара рассматривается как элемент упаковки, как изделие для размещения товара.

Таким образом, цель упаковки – обеспечить сохранность товара от воздействия окружающей среды, и связь с качеством здесь просто очевидна. Упаковка (тара) позволяет сохранять качество. Для некоторых товаров упаковка сама по себе представляет собой часть качества (молоко, парфюмерные изделия).

Правильная упаковка товара находится в сфере интересов обеих сторон договора. Так, покупатель гарантирован от повреждений товара, если не повреждена тара (упаковка), а интерес продавца заключается в сохранении товара до передачи его покупателю. Соответственно, если в договоре по требованию покупателя устанавливаются специальные правила об упаковке, не соответствующие представлениям поставщика о наиболее безопасном спосо-

бе отделения товара от среды, решается вопрос о том, на ком риск повреждения. Н.И. Клейн, комментируя ст. 481 ГК РФ, указывает, что из этой нормы вытекает необходимость принятия закона, определяющего порядок установления обязательных требований к таре и (или) упаковке товаров [1]. В соответствии со ст. 4 Вводного закона к ГК РФ, до принятия такого закона действуют правовые акты, определяющие требования к таре и упаковке. Из комментируемой нормы может быть сделан и второй вывод: продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность, не вправе предусмотреть в договоре требования к таре и упаковке, отступающие от государственных стандартов, устанавливающих требования к таре и упаковке и имеющих обязательный характер.

Таким образом, условия о качестве и таре (упаковке) тесно связаны. Подтверждением тому является норма п. 2 ст. 482 ГК РФ, посвященная ответственности, которая позволяет покупателю предъявить к продавцу требования, вытекающие из передачи товара ненадлежащего качества (ст. 475 ГК РФ). Более того, определяющим является именно условие о качестве. В подтверждение приведем пример из судебной практики, когда суд решал, обязательно ли приносить упаковку для гарантийного обслуживания.

В суде рассматривалось дело о соответствии законодательству о защите прав потребителей условий договора о том, что гарантия распространяется только при предъявлении верно заполненного, заверенного печатью продавца гарантийного талона от компании-производителя, а также при наличии изделия в полной комплектации, включая упаковочные принадлежности (коробка, картонные и пластиковые вставки); при отсутствии на гарантийном талоне подписи продавца или печати магазина в гарантийном обслуживании может быть отказано. Суд признал данное условие ущемляющим права покупателя-потребителя. В частности, было обращено внимание на то, что положения ГК РФ и Закона о защите прав потребителей не связывают наступление гарантийных обязательств с передачей продавцу товара в полной комплектности, включающей упаковку [2].

Безусловно, удовлетворенность кредитора достигается не только тогда, когда передается товар без недостатков, но и при соблюдении всех иных условий договора, относимых как к товару (например, упаковка, комплектность, ассортимент), так и действиям должника (соблюдение срока или места передачи товара). Соответственно, в широком смысле можно говорить, что качество напрямую связано со всеми этими условиями. Однако в смысле, заложенном в законе, такими ими будут лишь условия, так или иначе определяющие объект обязательства, появляющегося в результате заключения соответствующего договора.

Список использованных источников:

1. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / Отв. ред. О.И. Садиков. – М.: Контракт; Инфра-М – Норма, 1997.
2. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 21 июля 2010 г. № Ф03-4623/2010 // Гарант.

References:

1. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii, chasti vtoroj (postatejnyj) / Otv. red. O.I. Sadikov. – M.: Kontrakt; Infra-M – Norma, 1997.
2. Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Dal'nevostochnogo okruga ot 21 ijulja 2010 g. № F03-4623/2010 // Garant.

Латыпова Д.Ф., кандидат юридических наук, адвокат,
Адвокатская палата Республики Башкортостан

Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами: некоторые актуальные аспекты теории и практики

В докладе на основе анализа законодательства РФ и материалов правоприменительной практики рассмотрены проблемные вопросы реализации механизма гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностных лиц.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, возмещение материального ущерба, компенсация морального вреда.

Latypova D.F., candidate of jurisprudence, advocate,
Lawyer chamber of the Republic of Bashkortostan

Civil responsibility for the harm done by government bodies, local governments, and also their officials: some actual aspects of the theory and practice

In article on the basis of the analysis of the legislation of the Russian Federation and materials of law-enforcement practice problem questions of realization of the mechanism of civil responsibility for the harm done by government bodies, local governments, and also their officials are considered.

Keywords: civil responsibility, government bodies, local governments, officials, compensation of material damage, compensation of moral harm.

Статья 45 Конституции РФ закрепляет государственные гарантии защиты прав и свобод (ч. 1) и право каждого защищать свои права не запрещенными законом способами (ч. 2). В соответствии со ст. 53 Конституции РФ каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностными лицами. Данная конституционная норма в сфере властно-административных правоотношений реализуется путем закрепления в Гражданском кодексе Российской Федерации обязанности возместить ущерб, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами. В ст. 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации закреплено, что вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, или должностными лицами этих органов, в том числе в результате издания акта не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. Вред возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования.

Под незаконными действиями следует понимать деяния, противоречащие закону и другим правовым актам. Незаконные действия имеют различные формы и заключаются не только в издании должностными лицами государственных или муниципальных органов акта не соответствующего закону или иному правовому акту, но и в бездействии (не совершении тех обязательных действий, которые должностное лицо должно и могло совершить при надлежащем исполнении своих профессиональных полномочий). Вред, причиненный в результате таких действий, подлежит возмещению по правилам ст. 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Однако в правоприменительной деятельности возникает много вопросов, связанных с реализацией ст. 1069 Гражданского кодекса РФ. По данной категории дел острой проблемой является определение надлежащего ответчика по делам о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, их должностными лицами. Граждане-потерпевшие или юридические лица-потерпевшие нередко неверно определяют ответчика по своему иску в силу правовой неграмотности. Возмещение вреда производится не государственными и муниципальными органами или их должностными лицами, а за счет казны, от имени которой в силу ст. 16, ст. 1071 Гражданского кодекса Российской Федерации, п. 3 ст. 158 Бюджетного кодекса Российской Федерации выступают соответствующие финансовые органы.

Указанное положение закрепляется и в правоприменительной деятельности. Так, согласно п. 12 совместного Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 6 и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 01.07.1996 № 8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», «в случае предъявления гражданином или юридическим лицом требований о возмещении убытков, причиненных в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц этих органов, необходимо иметь в виду, что ответчиком по такому делу должны признаваться Российская Федерация, субъект Российской Федерации, муниципальное образование (ст. 16 Гражданского кодекса Российской Федерации) в лице соответствующего финансового органа)».

Также, в соответствии с п. 3 ст. 158 Бюджетного кодекса Российской Федерации, по искам о возмещении вреда, причиненного гражданину или организации в результате незаконных действий (бездействия) государственных, муниципальных органов или их должностных лиц, в качестве представителя ответчика выступает соответствующий главный распорядитель средств, бюджет – федерального, субъекта РФ или муниципального образования.

Наряду с указанным, согласно п. 1 «Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами» от 31.05.2011 № 145, «по иску о возмещении вреда, причиненного государственными или муниципальными органами, ответчиком всегда выступает только соответствующее финансовое публично-правовое образование».

Например, по иску о возмещении вреда, причиненного незаконными действиями или актом судебного пристава-исполнителя, представителем ответчика – Российской Федерации – в суде будет Федеральная служба судебных приставов; по иску о возмещении вреда, причиненного бездействием Администрации города, представителем ответчика – в суде будет Администрация города.

Неверное указание ответчика (потерпевшего) не приведет к оставлению иска без движения. Мы исходим из того, что суд, независимо от позиции гражданина, обязан правильно установить надлежащий орган – представителя ответчика по указанной категории дел. Такая наша точка зрения основывается на ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации «Задачи гражданского судопроизводства» и п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Мы исходим из целесообразности принятия специального закона, регламентирующего механизм привлечения к ответственности государственных, муниципальных органов, их должностных лиц за вред, причиненный гражданину/юридическому лицу незаконными действиями (бездействием), в котором бы обязанность определения ответчика по такой категории дел была бы закреплена за судами.

Еще одна актуальная проблема, возникающая на практике по указанной категории дел, – реализация механизма привлечения ответчика к ответственности. Особенно эта проблема актуальна в отношении дел, по причинению вреда жизни и здоровью граждан, в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, их должностных лиц. Механизм привлечения государственных, муниципальных органов, их должностных лиц к ответственности за вред, причиненный жизни или здоровью гражданина, в результате незаконных действий (бездействия), предусматривает действие презумпции вины ответчика т. е. ответчик должен доказать отсутствие его вины в причинении вреда жизни и здоровью гражданина. Потерпевший (гражданин) представляет только доказательства вреда/увечья, а также то, что причинителем вреда является ответчик (п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регламентирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни и здоровью граждан»; Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 145 от 31.05.2011 п. 5).

Однако надлежащим образом в правоприменительной деятельности презумпция вины не реализуется. Гражданин «доказывает», что его жизни или здоровью причинен вред незаконными действиями (бездействием) государственных, муниципальных органов, должностных лиц. В итоге – налицо судебная волокита, и вынесение незаконных, несправедливых решений судом.

Гражданский закон предусматривает по такой категории гражданских дел возможность компенсации морального вреда (п. 3 ст. 1099 ГК РФ).

Основанием для взыскания морального вреда является ущерб, причиненный органами государственной власти, органами местного самоуправления, их должностными лицами.

Определяя размер компенсации морального вреда в соответствии со ст. ст. 151, 1100, 1101 ГК РФ, суды должны учитывать юридически значимые обстоятельства, а именно:

1) характер и объем причиненных истцу нравственных и физических страданий;

2) степень вины ответчика;

3) иные заслуживающие внимания обстоятельства.

Степень нравственных или физических страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств причинения морального вреда, индивидуальных особенностей потерпевшего и других конкретных обстоятельств, свидетельствующих о тяжести перенесенных им страданий.

Определение размера морального вреда в судебном заседании должно происходить с учетом конституционного принципа состязательности сторон (123 Конституции РФ). То есть истец должен обосновать и доказать размер морального вреда, определив его в конкретной денежной сумме, а ответчик

должен выразить свое отношение к этому, выдвинуть и обосновать свои возражения или сделать свое предложение о размере суммы.

Очень важно, чтобы суды, вынося решения по такой категории дел, юридически грамотно обосновывали размер взыскиваемого с ответчика компенсации морального вреда.

В целях совершенствования законодательства и правоприменительной практики в области реализации механизма гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, их должностными лицами, мы считаем необходимым принятие специального закона, который бы четко регламентировал механизм привлечения государственных, муниципальных органов, их должностных лиц к ответственности за вред, причиненный жизни и здоровью, гражданина. В таком специальном законе следует прописать не только положения о порядке возмещения ущерба, но и порядок компенсации морального вреда вследствие причинения вреда жизни и здоровью гражданина незаконными действиями государственных, муниципальных органов.

Таким образом, проблем в области механизма привлечения к ответственности государственных, муниципальных органов, их должностных лиц за вред, причиненный гражданину/юридическому лицу, остается много. Совершенствование российского законодательства и правоприменительной практики в аспекте данной статьи видится в совершенствовании механизма по привлечению к ответственности государственных, муниципальных органов, их должностных лиц за вред, причиненный гражданину/юридическому лицу.

Список использованных источников:

1. Невзгодина Е.Л. Внедоговорные охранительные обязательства / Под ред. проф. М.Ю. Федоровой. – Омск.: Изд-во ОмГУ, 2008.

References:

1. Nevzgodina E.L. Vnedogovornye ohranitel'nye objazatel'stva / Pod red. prof. M.Ju. Fedorovoj. – Omsk.: Izd-vo OmGU, 2008.

Лескова Ю.Г., доктор юридических наук, доцент,
Самарский государственный университет

Саморегулирование в сфере предпринимательства: некоторые проблемные вопросы в свете положительной динамики развития

Автором освещается вопрос соотношения государственного регулирования и саморегулирования, приводятся отличительные признаки саморегули-

рования как правового регулирования, выделяются регулятивные и институционные средства саморегулирования.

Ключевые слова: саморегулирование, государственное регулирование, предпринимательство, правовой способ.

Leskova Yu.G., doctor of jurisprudence, associate professor,
Samara state university

Self-regulation in the business sphere: some problem questions in the light of positive dynamics of development

The author takes up a question of a ratio of the state regulation and self-regulation, distinctive signs of self-regulation as legal regulation are given, funds of self-regulation are allocated regulatory and institutional.

Keywords: self-regulation, state regulation, business, legal way.

В условиях развития рыночных отношений в России особо актуальным является вопрос о применении иных, отличных от государственных, видов и форм регулирования предпринимательских отношений. Сильное государство то, которое способно поддержать соблюдение единых правил игры на рынке, и одновременно позволяет профессионалам рынка, индивидам обеспечивать свои интересы путем саморегулирования и самоорганизации. Складывающиеся отношения в результате осуществления предпринимательской деятельности не могут не основываться на саморегулировании, на инициативе и свободе предпринимателей. Поиск четкого баланса между интересами государственных структур и предпринимателем может быть найден путем введения государством различных видов саморегулирования, что и происходит в настоящее время.

Саморегулирование, как одна из форм существования хозяйствующих субъектов, может выполнять функции организации и регулирования предпринимательских отношений, в котором наряду с государственным регулированием нуждается современное предпринимательское сообщество. Поэтому на современном этапе развития предпринимательских отношений необходимо четко выстроить модель реализации государственного регулирования в его взаимодействии с системой саморегулирования. В этой связи возникает вопрос о соотношении государственного регулирования и саморегулирования, который в юридической литературе решается с учетом легального определения саморегулирования и такого его институционного средства как саморегулируемые организации (далее – СРО). Сегодня можно встретить два концептуальных подхода научного сообщества к вопросу о соотношении государственного регулирования и саморегулирования: 1) саморегулирование понимается как продолжение государственного регулирования; 2) саморегулиро-

вание противопоставляется государственному регулированию. На наш взгляд, саморегулирование следует рассматривать как организацию взаимодействия государства и предпринимательских сообществ, поскольку СРО выполняют общественно полезные задачи не только с точки зрения самих участников таких организаций, которые тем самым ослабляют прямое воздействие государства на рыночные процессы, но и с точки зрения государства, снижая саму «стоимость» государственного регулирования. В этой связи следует согласиться с точкой зрения, согласно которой «саморегулирование – это не подчиненная государственному органу составляющая регулирования, а самостоятельный его уровень, примерно в том же устоявшемся понимании, в котором местное самоуправление не является составной частью государственной власти» [1]. В вопросе о соотношении государственного регулирования и саморегулирования речь должна идти не о формальном и реальном противопоставлении этих форм или поглощении одной социальной управленческой системы другой, а о выявлении и упорядочивании их взаимосвязи, нахождении общего и выделении особенного для наиболее эффективного достижения поставленных целей.

Механизмы саморегулирования и государственного регулирования должны работать во взаимодействии, и принципиально важным является то, что саморегулирование дополняет государственное регулирование и существует наряду с ним. Ни государственное регулирование, ни саморегулирование в отдельности не могут обеспечить гармоничного регулирования предпринимательских отношений: первое – вследствие отсутствия учета конкретных особенностей динамики во времени и пространстве; второе – ввиду привязанности к условиям существования определенных предпринимательских отношений. Становление саморегулирования в нашей стране должно происходить не в противовес государственному регулированию, а под его «началом» как дополнение государственного регулирования на микроуровне. Таким образом, посредством государственного регулирования законодатель закрепляет исходные условия, пределы и юридические гарантии правового саморегулирования, дозволяя самим субъектам регулировать свое поведение, не выходя за рамки установленных запретов и императивных требований закона. Таким образом, существуют некие уровни упорядочивания общественных отношений, на которых может происходить переход (рокировка) от одного социального регулятора к другому и наоборот.

Саморегулирование следует рассматривать как вид правового регулирования. Однако не все ученые единодушны в том, что «правовое регулирование включает в себя государственно-правовое регулирование, но не исчерпывается им» [2]. На наш взгляд, праворегулирующая деятельность не должна пониматься только как властная деятельность государства в лице его органов и должностных лиц, по навязыванию правовых правил нормативного и индивидуального характера обществу и отдельным его членам. Саморегулирование как вид правового регулирования подразумевает самостоятельную и

инициативную деятельность субъектов для достижения своих целей в рамках действующего законодательства, направленную на упорядочение конкретных общественных отношений посредством создания правил и предписаний. В отличие от иных видов правового регулирования:

– саморегулирование осуществляется на основе государственного регулирования, которым задаются общие параметры взаимоотношений, но не сводится к ним (происходит упорядочение общественных отношений, неурегулированных либо недостаточно урегулированных нормами действующего законодательства). В этом смысле саморегулирование дополняет государственное регулирование, осуществляется на его основе и в его развитии;

– саморегулирование имеет «собственное» волевое содержание (отражает волю самих участников) и самостоятельную регулирующую функцию, что подчеркивает автономный характер по отношению к государству;

– саморегулирование сопряжено с взаимным согласованием тех или иных моментов упорядочиваемого общественного отношения непосредственно участниками; при саморегулировании лица, чье поведение регулируется, сами легально и оперативно управляют своим поведением (акты саморегулирования принимаются теми субъектами, в отношении которых они действуют, т. е. в одном лице соединяется субъект правотворчества и реализации);

– саморегулирование, рассчитанное, прежде всего, на поведение лиц, создающих для себя определенные правила поведения (в том числе опосредованно через функционирование корпораций), тем не менее, может в случаях, установленных законом, «связывать» третьих лиц, не участвующих в процессе саморегулирования;

– субъекты саморегулирования обладают правотворческими полномочиями в пределах нормативного регулирования;

– саморегулирование вне зависимости от его формы и вида рассматривается не только как деятельность по правовому регулированию предпринимательских отношений, но и как правореализующая деятельность, что подтверждает существование саморегулирования в рамках очерченных государством правил поведения.

Как правовое регулирование, саморегулирование, в процессе своего осуществления, складывается из определенных этапов и соответствующих элементов, обеспечивающих движение интересов субъектов к ценностям. И с этих позиций саморегулирование в механизме правового регулирования может быть осознано через определенные регулятивные средства (корпоративные акты, договоры, односторонние сделки). При этом, на наш взгляд, представляется необходимым для выяснения роли саморегулирования в механизме правового регулирования обозначать не только самих регуляторов, но и источники их порождения, устанавливать линии и точки их взаимодействия. Институционный аспект собственно с регулятивным отражает влияние правосубъектной характеристики на содержание этих регуляторов. СРО как институционное сред-

ство позволяет наиболее точно выяснить особенности саморегулирования в предпринимательском праве. С принятием ФЗ от 01.12.2007 № 315-ФЗ (ред. от 07.06.2013) «О СРО» в РФ создана правовая и экономическая основа деятельности СРО, определены порядок создания и осуществления деятельности СРО в различных сферах предпринимательской и профессиональной деятельности. СРО следует рассматривать как особый правовой статус некоммерческой корпоративной организации, основное предназначение которой в установлении правил и стандартов предпринимательской деятельности для своих членов и осуществления контроля за их соблюдением.

В завершение хотелось бы, при обозначении роли саморегулирования в предпринимательской сфере, подчеркнуть, что оно (в том числе его институционное средство – СРО) может рассматриваться в целом как правовой способ организации предпринимательских отношений. В настоящее время эффективное развитие предпринимательского сектора не возможно без создания новой модели реализации государственного регулирования в его взаимодействии с механизмом саморегулирования.

Список использованных источников:

1. Ланских П.М. Механизм регулирования финансового рынка и его инфраструктуры. – М., 2005.
2. Шарифуллин В.Р. Частноправовое регулирование: Дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2006.

References:

1. Lanskov P.M. Mehanizm regulirovanija finansovogo rynka i ego infrastruktury. – M., 2005.
2. Sharifullin V.R. Chastnopravovoe regulirovanie: Dis. ... kand. jurid. nauk. – Kazan', 2006.

Маковкин Р.Л.,
Валуйсков Н.В., кандидат юридических наук, доцент,
Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ДГТУ

Сделка и ее соответствие требованиям закона

Доклад посвящен одному из наиболее острых и дискуссионных вопросов в гражданском праве – соответствие сделки требованиям закона. Под сделкой понимается изъявление воли на возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений.

Ключевые слова: сделка, обход закона, требования закона, мотив, цель, правовой результат.

Makovkin R.L.,
Valuyskov N.V., candidate of jurisprudence, associate professor,
Services industry and business institute DGTU branch

Transaction and its compliance to law requirements

Article is devoted to one of the most pressing and debatable questions in civil law – compliance of the transaction to law requirements. The transaction is understood as will expression on emergence, change or the termination of civil legal relationship.

Keywords: transaction, circumvention of the law, law requirements, motive, purpose, legal result.

Одним из средств сдерживания недопустимых форм удовлетворения собственных интересов за счет интересов других, является закон. По общему правилу, нарушая интерес, обеспечиваемый законом, нарушается и закон, который в таком случае приводится в действие и восстанавливает нарушенный интерес. Но обязанные лица, мотивированные удовлетворением собственных потребностей, находят пути, при которых закон не помешает нарушению обеспечиваемого им интереса. В таких случаях закон не достигает своей цели.

Под сделкой понимается изъявление воли на возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений. Из этого определения видно, что сделка представляет собой действие, как правило, любое действие не совершается бесцельно. Самый главный вопрос в данном случае – что понимается под целью сделки. Так, необходимо провести разграничение между двумя видами целей сделок. Каждый человек, в той или иной ситуации действует под влиянием определенного мотива [1]. При осознании потребности таким человеком выбирается цель, которая могла бы удовлетворить данную потребность. После выбора цели выбирается средство ее достижения. Следовательно, сделка всегда есть средство на пути достижения определенной цели. Но цель, достигаемая сделкой, никогда не является той единственной целью, ради которой эту сделку совершают. Целью сделки является обеспечение общественных отношений до момента образования результата. Сделка в этом плане следует только до момента получения непосредственного результата обеспеченного ею общественного отношения. Сделка имеет своей целью только тот непосредственный правовой результат, который ею обеспечивается. Сам этот результат также является средством для достижения определенной цели. В этом круговороте средств и целей, возникает вопрос отграничения цели сделки от иных целей, ради которых такая сделка совершается.

Если о цели сделки, достигаемой при обходе закона, имеют в виду не ту непосредственную правовую цель сделки, как средства обеспечения общественных отношений, а цель, как точно выразился В.А. Рясенцев, лежащую за преде-

лами этой сделки. Можно сказать, что цель, достигаемая при обходе закона, является целью для правовой цели сделки. Правовая цель сделки, ее результат являются лишь средствами для цели, составляющей цель обхода закона. Сообразно с этим, под целью сделки при описании теории обхода закона понимается не тот непосредственный правовой результат, достигаемый посредством этой сделки, а то, что составляет причину и цель достижения такого правового результата, и поэтому лежит за пределами самой сделки. Предусматриваемые сделкой отношения не должны быть запрещены законом, в противном случае сделка противоречит закону. Соответственно, сделка противоречащая закону, есть сделка, обеспечивающая запрещенные законом отношения [3].

Учитывая, что сделка представляет собой изъявление воли на возникновение, изменение или прекращение правоотношения, а закон имеет в качестве своего объекта поведение подчиненных ему лиц, то следует признать, что противоречие сделки закону означает несоответствие поведения, которое подлежит осуществлению во исполнение обязательств, возникших из сделки, требованиям закона к такому поведению. Предусматриваемые сделкой отношения не должны быть запрещены законом, в противном случае сделка противоречит закону. Таким образом, сделка противоречащая закону, – это сделка, обеспечивающая запрещенные законом отношения.

Сделку, оформляющую обход закона, нередко предлагают автоматически квалифицировать в качестве сделки, не соответствующей требованиям закона, имея в виду, соответствие закону ее содержания. Представляется, что это не точно. Во-первых, такая квалификация может применяться не ко всем сделкам, оформляющим обход закона [4]. Так, сделка, оформляющая поведение, необходимое для обхода обязывающего закона, не может быть квалифицирована как сделка, не соответствующая требованиям закона. Ее содержание составляет поведение, необходимое для создания обстановки, при которой бездействие не будет вызывать действие закона. Во-вторых, к сделкам, к которым такая квалификация может применяться, она должна применяться не автоматически, а через отказ в признании обхода закона состоявшимся по причине злоупотребления договорной свободой. Например, сделка, оформляющая поведение в обход законодательства о приватизации: в первую очередь должен последовать отказ в признании обхода состоявшимся, после чего, так как обход не состоялся и сделка оказывается оформляющей обычное правонарушение, следует признать, что ее содержание не соответствует закону. Как отмечалось ранее, сама сделка лишь оформляет поведение, необходимое для обхода закона, поведение, составляющее обход закона, не противоречит закону, именно на этом и строится обход закона. Иными словами, сделка, содержанием своим имеющая поведение в обход закона, не противоречит закону и соответствует ему. Нередко сделки, оформляющие поведение в обход закона, смешиваются с притворными сделками. Это не верно. Притворная сделка – совершаемая заведомо без намерения вызвать соответствующие ей

юридические последствия, цель такой сделки только одна – прикрыть другую реальную сделку, которой обеспечиваются желаемые в действительности отношения. При использовании притворства есть две сделки: одна прикрываемая, другая – прикрывающая. В притворстве всегда можно отделить прикрытие от прикрываемого. В этом смысле притворной сделке отказывают в последствиях именно потому, что совершающие такую сделку вовсе не желают таких последствий, в то время как желание юридических последствий, хотя бы в общем виде, составляет непременный атрибут такого специфического юридического факта, как сделка [2].

Обойти закон без мотива нельзя, в противном случае это будет не обход закона, а случай. Обход, это целенаправленное действие, лицо обходящее закон, должно иметь желание его обойти, т. е. мотив. Указанный мотив заставляет выбирать такие действия, как средства достижения цели, которые не вызывали бы действия закона по охране обеспечиваемого им интереса. Но обхода закона не могут желать самого по себе, обход закона не есть самоцель. Обход закона всегда есть достижение определенной цели, желание которой вызвано независимо от желания обойти закон. Именно желание обойти закон возникает уже после того, как поставлена цель и выбираются способы ее достижения. В момент постановки цели, лицо, обходящее закон, осознает, что достижение поставленной цели связано с нарушением обеспечиваемого определенным законом интереса. В этом смысле желание обхода закона мотивирует выбор средств достижения цели, выбор «кривых» средств, при которых закон не осуществит свое действие по охране нарушаемого интереса.

Список использованных источников:

1. Актуальные проблемы гражданского права. / Под ред. Н.Д. Эриашвили. – М.: Юнити. – 2010.
2. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики. / Под ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт. 2011.
3. Гражданское процессуальное право. / Под ред. М.С. Шакарян. – М.: «Проспект». 2011.
4. Суворов Е.Д. Обход закона. Сделка, оформляющая обход закона. – М.: В.Ема. 2010.

References:

1. Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava. / Pod red. N.D. Jeriashvili. – M.: Juniti. – 2010.
2. Grazhdanskoe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki. / Pod red. V.A. Belova. – M.: Jurajt. 2011.
3. Grazhdanskoe processual'noe pravo. / Pod red. M.S. Shakarjan. – M.: «Prospekt». 2011.
4. Suvorov E.D. Obhod zakona. Sdelka, oformljajushhaja obhod zakona. – M.: V.Ema. 2010.

Мамедов З.А., кандидат юридических наук, доцент,
Институт Философии, социологии и права
Национальной Академии Наук Азербайджана

Некоторые вопросы удостоверения завещаний в нотариальном порядке: (на основе законодательства Азербайджанской Республики)

В докладе исследуются некоторые проблемы удостоверения завещаний в нотариальном порядке.

Ключевые слова: завещание, физическое лицо, имущество, нотариат, постановление.

Mamedov Z.A., candidate of jurisprudence, associate professor,
Institute of Philosophy, sociology and right
National Academy of Sciences of Azerbaijan

Some questions of the certificate of wills in a notarial order: (on the basis of the legislation of the Azerbaijan Republic)

In article some problems of the certificate of wills in a notarial order are investigated.

Keywords: will, natural person, property, notariate, resolution.

Завещание, входящее в сложный юридический состав, является первым фактом обусловливающим возникновение наследства по завещанию [4]. На основании статьи 1166 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики, которая называется «Понятие завещания» физическое лицо может завещать свое имущество или его часть, на случай своей смерти одному или нескольким лицам из числа как наследников, так и посторонних лиц.

Согласно статьи 1181 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики при удостоверении завещания к нотариусу приравниваются:

– Главный врач, начальник, их заместители по медицинской части и дежурный врач больницы, госпиталя, иного лечебного учреждения, санатория либо главный врач дома для инвалидов, детей с ограниченными возможностями здоровья, престарелых, руководитель специального образовательного учреждения – если завещатель находится на излечении или проживает в этом учреждении (ст. 1181.1 ГК АР);

– начальник поисковой, географической и иной подобной экспедиции – если завещатель находится в такой экспедиции (ст. 1181.2 ГК АР);

– капитан морского или воздушного судна – если завещатель находится на морском или воздушном судне (ст. 1181.3 ГК АР);

– командир (начальник) воинской части, соединения, учреждения и школы – если в месте дислокации воинской части нет нотариуса и если завещателем является военнослужащий воинской части либо гражданское лицо, которое служит в этой части, или член его семьи (ст. 1181.4 ГК АР);

– начальник места лишения свободы – если завещатель находится в месте лишения свободы (ст. 1181.5 ГК АР).

Как справедливо отмечает, А.Б. Гаджибейли «если завещатель находится в местах лишения свободы» подлежит расширительному толкованию, так как оно охватывает как лиц пришедших на свидание с лицами находящимися в местах лишения свободы, так и сотрудников в местах лишения свободы [2].

На наш взгляд целесообразно было бы ликвидировать статьи 1181.1 и 1181.5 Гражданского кодекса, а статьи 1181.2, 1181.3 и 1181.4 соответственно считать статьями 1181.1, 1181.2 и 1181.3. Потому, что лица которые находятся на излечении или проживают в учреждениях указанных в статьях 1181.1 и 1181.5 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики, а также лица которые отбывают наказания в местах лишения свободы, если захотят оставить завещание, то нотариус может приходить в эти учреждения и вне конторы совершать нотариальные действия.

Завещатель вправе отменить или изменить составленное им завещание в любое время после его совершения, не указывая при этом причины его отмены или изменения. Для отмены или изменения завещания не требуется чье-либо согласие. Например, Н. Гасымова 7 декабря 1992 года все свое имущество завещала М. Рзаевой. Завещание было оформлено в 19-ой Бакинской государственной нотариальной конторе. 6 мая 1995 года Н. Гасымова написала заявление в 19-ую Бакинскую государственную нотариальную контору и отменила завещание.

Другой пример: 12 мая 1995 г. Н. Гасымова в 19-ой Бакинской государственной нотариальной конторе все свое имущество, в том числе квартиру за номером 21 находящуюся в доме 108 по улице Шарифзаде в городе Баку завещала С. Гашимовой. Однако, через некоторое время это завещание тоже было аннулировано Н. Гасымовой в одностороннем порядке.

При обращении к нотариальной практике мы видим, что в нотариально удостоверенных завещаниях не указывается право завещателя в одностороннем порядке отменять или изменять завещание (статья 1220 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики), а также то, что дети, родители и супруг завещателя независимо от содержания завещания имеют обязательную долю в наследстве (статья 1193 ГК АР), а также права нетрудоспособных лиц, которые состояли на иждивении наследодателя и не могут самостоятельно содержать себя, требовать из наследства содержание (алименты) (статья 1161 ГК АР). Например, А.А.Д. завещал сыну приватизированную квартиру общей площадью 31,37 кв.м. (в том числе 15.81 кв.м. жилой площади и 15,56 кв.м. вспомогательной площади), которая находится в городе Али-Байрамлы [1].

На наш взгляд целесообразно было бы указать содержание статей 1161, 1193 и 1220 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики в нотариально удостоверенных завещаниях. Предлагаем в статью 47 Закона Азербайджанской Республики «О нотариате» добавить 4-ю часть нижеследующего содержания: «Право завещателя в любое время изменить или отменить завещание, право детей, родителей и супругов завещателя независимо от содержания завещания получить обязательную долю в наследстве, а также право нетрудоспособных лиц, которые состояли на иждивении наследодателя и не могут самостоятельно содержать себя, требовать из наследства содержание (алименты) указывается в завещании».

Чтобы упростить обнаружение завещания после смерти завещателя, в том числе обнаружение завещания, которое было удостоверено заграницей, Государства – члены Совета Европы 16 мая 1972 года подписали Базельскую конвенцию. В этом документе указывается: «Учитывая, что целью Совета Европы является реализация более тесного союза между его членами; желая установить систему, позволяющую завещателю зарегистрировать свое завещание, с тем, чтобы с одной стороны, уменьшить риски, что о нем не станет известно или станет известно слишком поздно и, с другой стороны, упростить открытие данного завещания после смерти завещателя; убежденные что, подобная система упростила бы, в частности, открытие завещаний, совершенных за рубежом, – заключили настоящую Конвенцию».

На основании Конвенции договаривающиеся государства обязуются создать систему регистрации завещаний в целях упрощения открытия завещания после смерти завещателя. С этой целью, каждое договаривающееся государство создает или назначает единый орган или несколько органов, которые будут компетентны осуществлять регистрацию, предусмотренную Конвенцией, и отвечать на запросы, направляемые в связи со смертью завещателя.

После смерти завещателя, любое лицо, представившее выдержку из свидетельства о смерти или любого иного документа, подтверждающего смерть, может получить сведения о смерти [3].

Из стран Содружества Независимых Государств, только Украина 10 июля 2010 года ратифицировала Базельскую Конвенцию от 16 мая 1972 года, Российская Федерация готовится подписать эту Конвенцию.

После подписания Конвенции 11 мая 2011 года Кабинет Министров Украины принял постановление «Об утверждении Порядка государственной регистрации завещаний /завета/ и наследственных договоров в Наследственном реестре». В постановлении указывается, что держателем Наследственного реестра является Министерство Юстиции Украины, которое обеспечивает его функционирование и выполняет функции национального органа. Государственной регистрации в Наследственном реестре подлежат: завещания и наследственные договоры, удостоверенные нотариусами, консульскими учреждениями Украины, должностными и служебными лицами, указанными в

Гражданском кодексе Украины, в Законе Украины «О нотариате», а также изменения в них, отмена завещаний и расторжение наследственных договоров; завещания, удостоверенные (составленные и/или принятые на хранение) и зарегистрированные в иностранных государствах, которые являются участниками Конвенции, а также изменения в них и отмена завещаний в случае представления в установленном порядке Минюста соответствующих запросов.

На наш взгляд, чтобы упростить обнаружение завещания после смерти завещателя целесообразно было бы присоединение Азербайджанской Республики к Базельской Конвенции от 16 мая 1972 года и после ратификации, держателем Наследственного реестра назначить Министерство Юстиции. В таком случае, завещание после удостоверения нотариусом или другими лицами которое уполномочены на совершение нотариальных действий, будут регистрироваться в нотариальном реестре.

Список использованных источников:

1. Архив первой городской нотариальной конторы города Ширван. – Реестр 2-V-01, 2004 г.
2. Гаджибейли Ф.Б. Гражданский кодекс: обсуждения, размышления. – Баку: Издательский дом Голиаф, 2009 – 304 с. (на азербайджанском языке).
3. Латыпова Д.Ф. Недостойные наследники: некоторые актуальные проблемы судебной практики // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 4 (5). – С. 55–57.
4. Медведев И.Г. Комментарий к конвенциям Имущественные отношения супругов и наследование. – М.: Волтерс Клувер, 2007.
5. Черепахин Б.Б. Труды по гражданскому праву / Научный редактор Алексеев С.С. – М.: Статут, 2001.

References:

1. Arhiv pervoj gorodskoj notarial'noj kontory goroda Shirvan. – Reestr 2-V-01, 2004 g.
2. Gadzhibejli F.B. Grazhdanskij kodeks: obsuzhdenija, razmyshlenija. – Baku: Izdatel'skij dom Goliaf, 2009 – 304 s. (na azerbajdzhanskom jazyke).
3. Latypova D.F. Nedostojnye nasledniki: nekotorye aktual'nye problemy sudebnoj praktiki // Evrazijskaja advokatura. – 2013. – № 4 (5). – S. 55–57.
4. Medvedev I.G. Kommentarij k konvencijam Imushhestvennye otnoshenija suprugov i nasledovanie. – M.: Volters Kluver, 2007.
5. Cherepahin B.B. Trudy po grazhdanskomu pravu / Nauchnyj redaktor Alekseev S.S. – M.: Statut, 2001.

Мамасиддиков М.М., доктор юридических наук, профессор,
Марипова С.А., кандидат юридических наук, доцент,
Центр повышения квалификации юристов
при Министерстве юстиции Республики Узбекистан

Гражданский процессуальный кодекс Республики Узбекистан: некоторые аспекты развития и совершенствования

В докладе дается краткий анализ изменений в ГПК Республики Узбекистан, включая предшествующую практику. Проанализированы результаты изменений и даны предложения по дальнейшему совершенствованию ГПК.

Ключевые слова: гражданское процессуальное законодательство, оперативность правосудия, эффективность судебной защиты, апелляционный пересмотр, кассационное производство, упрощенный вид судопроизводства.

Mamasiddikov M.M., doctor of jurisprudence, professor,
Maripova S.A., candidate of jurisprudence, associate professor,
Training center of lawyers at the Ministry of Justice of the Republic of Uzbekistan

Code of civil procedure of the Republic of Uzbekistan: some aspects of development and improvement

In given the report the short analysis of changes in GPK of the Republic of Uzbekistan, including previous practice is given. Results of changes are analysed and offers on further improvement of GPK are given.

Keywords: the civil procedural legislation, efficiency of justice, efficiency of judicial protection, appeal revision, the cassation production, the simplified type of legal proceedings.

После обретения независимости в Узбекистане осуществляются последовательные судебно-правовые реформы, совершенствуются законодательные основы, упорядочивающие делопроизводство судов по гражданским делам, на которых возложены задачи правильного, своевременного рассмотрения дел и вынесения решений в целях защиты личных, политических, экономических и социальных прав, свобод и интересов граждан, а также прав и законных интересов предприятий, учреждений, общественных организаций и органов самоуправления граждан.

Изменения, произошедшие во всех сферах жизни общества, повлекли необходимость существенного обновления законодательного регулирования общественных отношений. Были приняты Конституция Республики Узбекистан, Законы «О судах», «О прокуратуре», Гражданский кодекс Республики Узбекистан, а вслед за ними и новые процессуальные кодексы – Гражданский

процессуальный кодекс (далее ГПК) и Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Узбекистан (далее ХПК) [1].

В ходе реализации судебно-правовой реформы и целевой программы удалось достичь существенных результатов. В настоящее время в Узбекистане последовательно реализуется комплекс мер, направленных на повышение качества и оперативности осуществления правосудия [2]. Вместе с полной защитой прав и интересов человека актуальное значение имеет эффективное и оперативное ведение судопроизводства. В связи с этим, в настоящее время одной из актуальных проблем гражданского процессуального права считается доступность и эффективность правосудия. Анализ судебной статистики свидетельствует о том, что количество рассматриваемых судами гражданских дел неуклонно растет. В настоящее время судами общей юрисдикции первой инстанции ежегодно рассматривается свыше 140 тысяч дел по спорам, вытекающим из гражданских, семейных, трудовых, жилищных и других правоотношений. Без преувеличения можно утверждать, что судебная защита стала основной формой защиты прав личности.

Гражданский процессуальный кодекс, как и другие законы, подвергается изменениям в силу развития общественных отношений, необходимости совершенствования норм, в ходе его применения. За период с начала 2000 года по настоящее время в указанный кодифицированный акт вносились различного рода поправки двенадцатью законами, что говорит о четкой проработанности и регламентированности норм принятого ГПК. С момента его принятия существенно модернизировалась система судов общей юрисдикции и процедура обжалования судебных актов. Введен апелляционный порядок пересмотра дел осуществляющих проверку не вступивших в законную силу судебных постановлений, принятых по первой инстанции. Апелляционная инстанция создана как дополнительная гарантия гражданам права на защиту нарушенных прав, законных интересов и доступ к обжалованию судебных постановлений. Глава 37 ГПК была переименована и названа «Апелляционное обжалование (опротестование) решений и определений суда первой инстанции», коренным образом изменилось содержание института кассации. Расширился круг лиц, имеющих право на обращение о проверке законности, обоснованности и справедливости судебного постановления.

Вышеуказанные функциональные изменения ГПК, во-первых, направлены на распространение апелляционного способа проверки судебных актов судов общей юрисдикции, вынесенных по первой инстанции и не вступивших в законную силу (гл. 37 ГПК). При этом гл. 37 стала более детализированной, а апелляционное производство осуществляется по типу полной апелляции, т. е. суд апелляционной инстанции должен рассмотреть решение суда или определение в полном объеме, а также вправе вынести окончательное решение, не передавая дело на новое рассмотрение. Во-вторых, изменилась сущность и подход к кассационному производству как способу проверки вступивших в

законную силу судебных актов (гл. 38 ГПК). В-третьих, надзорному производству придается свойство исключительности путем конкретизации оснований отмены судебных актов с возложением данных функций на единственный орган – Президиум вышестоящей судебной инстанции (гл. 39 ГПК). В случае, если апелляционный способ становится универсальным, заменяя собой кассационный, то отсутствуют аргументы для сохранения ряда различий. В частности, это касается состава и полномочий суда, когда все дела в суде апелляционной инстанции рассматриваются коллегиально, тогда как в кассации пределы рассмотрения дела доводятся до пределов кассационной жалобы или протеста.

Реформирование кассационной инстанции и введение апелляционного порядка пересмотра дел позволили суду второй инстанции рассматривать дело без направления его на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Граждане получили возможность при несогласии со вступившим в законную силу судебным решением суда первой инстанции непосредственно защищать свои права и законные интересы, представлять суду новые доказательства по делу. Таким образом, практика келейного, закрытого рассмотрения жалоб граждан на решения судов первой инстанции была полностью упразднена. Как показывает анализ практики, эти изменения явились важной гарантией своевременного исправления ошибок, допущенных судами первой инстанции, недопущения волокиты в судопроизводстве.

В соответствии со ст. 343 ГПК Республики Узбекистан суд апелляционной инстанции обязан отменить решение суда и направить дело на новое рассмотрение только при допущении нижестоящим судом нарушений процессуального характера, предусмотренных частью второй статьи 314 ГПК: рассмотрение дела в незаконном составе; в отсутствии кого-либо из лиц, имеющих право участвовать в судебном разбирательстве; в случае не извещения о времени и месте судебного заседания; разрешение вопроса о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле; нарушение правил о языке и тайне совещания суда; неподписание судебного акта и протокола судебного заседания.

Как показывает правоприменительная практика, суды не достаточно активно пользуются своими правами по принятию на своем уровне нового решения по существу и ограничиваются направлением дел на новое рассмотрение. В результате чего дела рассматриваются по первой инстанции неограниченное количество раз, что влечет за собой затягивание судебного процесса, продолжение состояния правовой неопределенности для заинтересованных лиц, утрату актуальности предмета спора, а также, в целом, необеспечение на должном уровне эффективности и своевременности гражданского судопроизводства. В этой связи, предлагается исключить полномочия суда в апелляционной инстанции возвращать дело на новое (повторное) рассмотрение в нижестоящий суд. В случаях выявления обстоятельств, указанных в части второй статьи 314 ГПК, данные суды могут рассматривать дела как в первой инстан-

ции с вынесением решения. Это мера будет являться действенным механизмом разгрузки судов первой инстанции.

Своевременная защита нарушенных прав и законных интересов, непосредственно связана с упрощением судебного производства. Поэтому введение в законодательство института приказного производства создало и расширило возможность для появления оперативного и упрощенного порядка рассмотрения дела, без возбуждения гражданского дела. Судебный приказ способствует обеспечению более быстрого и эффективного осуществления правосудия, особенно, по таким делам, как взыскание алиментов, заработной платы, где затягивание процесса ведет к негативным последствиям. Внедрение в гражданское судопроизводство упрощенных процедур, в частности, приказного производства, способного ускорить разрешение дела, существенно повышает эффективность и действенность судебной защиты [3].

С введением института приказного производства стало наблюдаться сокращение числа дел, рассматриваемых и разрешаемых судами по существу. Например, если в 2011 году судами было разрешено 304294 гражданских дел, то к 2013 г. данный показатель составил 146044 гражданских дел, что в свою очередь привело к ощутимому снижению нагрузки на судей. Введение в процессуальное законодательство института приказного производства является результатом судебно-правовых реформ, направленных на своевременное решение бесспорных правовых отношений между гражданами без излишней волокиты. С учетом значения института приказного производства в оперативной и эффективной защите прав и законных интересов лиц, целесообразно на последующих этапах реформ расширять перечень оснований, по которым выносится судебный приказ.

Высказанные предложения необходимо рассматривать как часть мер по совершенствованию гражданского судопроизводства, подлинной реализации всех его демократических принципов, усилению в конечном счете политической и социальной значимости судебной деятельности во всех сферах жизни общества.

Список использованных источников:

1. Конституция Республики Узбекистан. – Т.: ИПТД «Узбекистан», 2012. – С. 39.
2. Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по коренному улучшению социальной защиты работников судебной системы» от 2 августа 2012 года № УП-4459 // «Собрание законодательства Республики Узбекистан», 2012. – № 31. – ст. 355.
3. Мамасиддиков М.М., И.Я.Ходжаев. Некоторые вопросы совершенствования приказного производства в гражданском процессе // Ж. O'zbekiston Respublikasi Oliy sudi Axborotnomasi. – 2013. – № 5. – С. 51–53.

References:

1. Konstitucija Respubliki Uzbekistan. – T.: IPTD «Uzbekistan», 2012. – S. 39.

2. Ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan «O merah po korennomu uluchsheniju social'noj zashhity rabotnikov sudebnoj sistemy» ot 2 avgusta 2012 goda № UP-4459 // «Sobranie zakonodatel'stva Respubliki Uzbekistan», 2012. – № 31. – st. 355.
3. Mamasiddikov M.M., I.Ja.Hodzhaev. Nekotorye voprosy sovershenstvovanija prikaznogo proizvodstva v grazhdanskom processe // Zh. O'zbekiston Respublikasi Oliy sudi Axborotnomasi. – 2013. – № 5. – S. 51–53.

Месропян Т.В.,
Валуйсков Н.В., кандидат юридических наук, доцент,
Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ДГТУ

Оговорки об удержания титула

Доклад посвящен одному из наиболее дискуссионных вопросов в гражданском праве – оговоркам об удержании титула. Единственная дихотомия, нормативно закрепленная в законе, может быть обнаружена в разграничении оговорки о сохранении права собственности на товар с правом его дальнейшей реализации или без таковой.

Ключевые слова: право собственности, передача, оговорки, удержание.

Mesropyan T.V.,
Valuyskov N.V., candidate of jurisprudence, associate professor,
Services industry and business institute DGTU branch

Reservations about title deduction

Article is devoted to one of the most debatable questions in civil law – to reservations on title deduction. The only dichotomy, standardly zakrepklenny in the law, can be found in differentiation of the reservation on preservation of the property right to goods with the right of its further realization or without that.

Keywords: property right, transfer, reservations, deduction.

В российской доктрине, деловой и судебной практике в силу неразвитости оборота в отличие от иностранных правопорядков отсутствует значительное видовое разнообразие оговорок о сохранении права собственности. Единственная дихотомия, нормативно закрепленная в законе, может быть обнаружена в разграничении оговорки о сохранении права собственности на товар с правом его дальнейшей реализации или без таковой.

Наиболее богатое видовое разнообразие оговорок о сохранении права собственности представлено в немецком праве. Германские юристы отмечают, что основания такой оговорки составляют вещно – правовая и обязательственно– правовая презумпции, т. е. право собственности передается только под отлагательным условием полной уплаты покупной цены. Широкое рас-

пространение данного обеспечительного механизма объясняется положениями Германского гражданского уложения (далее – ГГУ) в отношении залога движимости, который невозможен без передачи предмета залога во владение залогодержателя. Данный вид обеспечения для коммерческой практики не достаточно пригоден, что и послужило одной из важных причин развития конструкции удержания правового титула [3].

Простая оговорка, установленная § 449 ГГУ, исходит из того, что в этом случае покупатель является типичным конечным потребителем, т. е. предполагается, что он не будет перепродавать купленную вещь. Простая оговорка о сохранении права собственности за продавцом применима и по российскому праву. Простая оговорка о сохранении права собственности представлена в подавляющем большинстве правовых систем мира.

Расширенная оговорка обеспечивает не только конкретное требование об уплате покупной цены вещи, но и любые требования первоначального продавца, вытекающие из его договора с покупателем. Однако, как указывается в литературе, как только покупная цена за товар уплачена, удержание титула приобретает более низкий статус обеспечительной передачи собственности, так как обеспечивает уплату иной, суммы. Собственник рассматривается, как залогодержатель и не может более требовать возврата товара при банкротстве, но управомочен на удовлетворение требований. При этом, если сумма долга, необходимость уплаты которого препятствует переходу титула, превышает 120% стоимости проданного товара, оговорка об удержании титула считается не подлежащей принудительному исполнению как сделка, противоречащая добрым нравам (§ 138 ГГУ).

В английском праве принято разграничивать оговорки об удержании права собственности посредством образования трех категорий: 1. Оговорка, просто устанавливающая, что переход собственности на товар к покупателю находится под условием полной уплаты цены продавцу. 2. Оговорка, устанавливающая, что собственность на товар не перейдет к покупателю, пока все причитающиеся от покупателя продавцу платежи не будут произведены. 3. Оговорка, распространяющая право продавца на вырученные от продажи товара суммы, причем даже в случае смешения этих товаров с другими.

Возможность адаптации в российском правопорядке аналога расширенной оговорки об удержании титула, применяющейся по немецкому и английскому праву, требует особого и более подробного рассмотрения.

Из текста ст. 491 ГК РФ следует, что стороны могут связать переход права собственности либо с оплатой товара, либо с наступлением иных, не названных здесь обстоятельств. Таким образом, создается впечатление об установлении так называемой правовой альтернативы.

По нашему мнению, в законе не имеется запрета на этот счет. Статья 491 ГК РФ никак не ограничивает те обстоятельства, ненаступление которых в соответствии с ее положениями препятствует переходу права собственности к по-

купателю. Следовательно, данные обстоятельства могут лежать и за пределами гражданско-правового отношения по договору купли-продажи и не иметь с ним никакой связи. Здесь можно отметить, что близкая по смыслу правовая идея заложена в таком способе обеспечения, как удержание. Из ст. 359 ГК РФ следует, что удержание может быть двух видов: общегражданское и коммерческое (предпринимательское). Для последнего характерно, что ретентор (лицо, удерживающее вещь) вправе осуществлять удержание в обеспечение исполнения обязательства должника, не связанного с оплатой вещи, возмещением связанных с ней издержек и других убытков. Ограничение расширенного применения удержания для общегражданских отношений, т. е. таких, которые не связаны с предпринимательской деятельностью сторон, базируется не только и не столько на том, что стороны не являются профессионалами в обороте, сколько на том, что удержание реализуется в одностороннем порядке кредитором и тем самым может существенно затронуть права и интересы должника. Кроме того, необходимо отметить, что в силу п. 3 ст. 359 ГК РФ правила об удержании имеют диспозитивный характер и могут быть изменены договором сторон. Следовательно, стороны договора могут предусмотреть, что удержанием обеспечиваются притязания кредитора, не связанные с оплатой вещи, возмещением связанных с ней издержек и других убытков.

С учетом изложенного представляется необоснованным ограничивать возможности по установлению оговорки о сохранении права собственности в обеспечение любых обозначенных в договоре притязаний кредитора (продавца) к должнику (покупателю).

Отмеченное выше разграничение оговорок об удержании титула позволяет вывести два вида расширенной оговорки: расширенная внутренняя оговорка и расширенная внешняя оговорка.

Расширенная внутренняя оговорка в отличие от простой оговорки предусматривает, что кредитор удерживает правовой титул до исполнения должником обязательства по уплате покупной цены, а также до исполнения им иных возникших из договора купли-продажи или в связи с ним обязательств покупателя (должника).

Расширенная внешняя оговорка предусматривает, что кредитор удерживает правовой титул до исполнения должником обязательств по уплате покупной цены, возникших из договора купли-продажи или связанных с ним иных обязательств покупателя (должника), а также всех иных (или не всех, но поименованных), не связанных с договором купли-продажи обязательств того же должника, обозначенных в договоре.

Комбинированная оговорка может возникать в тех случаях, когда соглашением сторон предусматривается соединение различных описанных выше вариантов оговорки о сохранении права собственности. В немецком праве также допускается комбинирование пролонгированной и расширенной оговорки. В иностранной литературе рассматривается вопрос о возможности та-

кой комбинированной оговорки, которая предусматривает сохранение права собственности продавца, как на переработанный товар (материал), так и на доход, подлежащий получению от реализации переработанного товара материала.

Список использованных источников:

1. Гражданское право. – Т. 1. / Отв. Ред. Е.А. Суханов. – М.: «Волтерс Клувер». – 2011. – С. 456.
2. Гражданское право. – Ч. 1. / Отв. Ред. В.П. Мозолин. – М.: «Юристъ». – 2011. – С. 454.
3. Зенин И.А. Гражданское право. – М.: «Высшее образование», 2012.

References:

1. Grazhdanskoe pravo. – T. 1. / Otv. Red. E.A. Suhanov. – M.: «Volters Kluver». – 2011. – S. 456.
2. Grazhdanskoe pravo. – Ch. 1. / Otv. Red. V.P. Mozolin. – M.: «Jurist#». – 2011. – S. 454.
3. Zenin I.A. Grazhdanskoe pravo. – M.: «Vysshee obrazovanie», 2012.

Минкина Н.И., кандидат юридических наук, доцент,
Алтайская академия экономики и права

Правовые аспекты медиации

В докладе кратко представлена основная юридическая характеристика медиации и раскрывается правовая основа деятельности медиатора, тем самым отрицается тезис об отсутствии права в исследуемом институте медиации. Одновременно автором предлагается некоторое уточнение терминологии и введение нового термина «медиабельность» споров.

Ключевые слова: медиация, правовая основа, деятельность медиатора, регулирование конфликтов, медиабельность.

Minkina N.I., candidate of jurisprudence, associate professor,
Altai academy of economy and law

Legal aspects of mediation

In the real work the main legal characteristic of mediation is briefly submitted and the legal basis of activity of a mediator reveals, the thesis about absence of the right at studied institute of mediation thereby is denied. At the same time the author offers some specification of terminology and introduction of the new term «mediabelnost» of disputes.

Keywords: mediation, legal basis, mediator activity, regulation of the conflicts, mediabelnost.

В России уже четвертый год в соответствии с Федеральным законом № 193-ФЗ от 27 июля 2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о процедуре медиации) в качестве альтернативного способа урегулирования споров применяется процедура медиации. Еще до принятия данного акта как ученые, так и практики к данному институту проявляли особый интерес. Однако нужно признать, что до сих пор многие дискуссионные вопросы не сняты, в законодательство не внесены изменения и дополнения, которые требует жизнь, а понятийно-категориальный аппарат не совершенствуется.

Одним из таких важных вопросов является объем и пределы правовой составляющей в процедуре медиации. Анализируя Закон о процедуре медиации, можно выделить его основные положения (идеи).

Во-первых, с помощью медиации спор не разрешается по существу, как это делает, к примеру, судья. Свое решение суд выносит в соответствии с нормами действующего законодательства. В то время как задача медиатора заключается лишь в содействии сторонам в выработке ими взаимоприемлемого решения (ст. 2). Именно поэтому медиатор уполномочен не разрешать спор с точки зрения буквы закона, а урегулировать его в том варианте, как того пожелают стороны.

Во-вторых, содержание медиативного соглашения, в конечном итоге, может существенно отличаться от решения суда, если бы он разрешал спор по существу.

В-третьих, ч. 6 ст. 15 указанного закона запрещает медиатору оказывать какой-либо стороне юридическую помощь. Кроме того, допускается непрофессиональная медиация (ст. 15). Для приобретения же статуса профессионального медиатора требуется специальное обучение. Содержание Программы подготовки медиаторов, утвержденной Приказом Минобрнауки России от 14.02.2011г., позволяет заключить, что акцент при их подготовке делается на психологической и юридической областях знаний (на базе общих социально-философских представлений) [3]. При этом психология явно преобладает над юриспруденцией [4].

Перечисленные постулаты нередко приводят к суждению о том, что медиатору в отличие от юрисконсульта, адвоката или судьи не нужны специальные познания [2]. Вместе с тем напрашивается ошибочный вывод об отсутствии правовой составляющей в медиации.

На самом деле, как представляется, институт медиации появился как процессуальный институт, решающим является тот факт, что это процедура, в тоже время, которая сопровождается оформлениям ряда соглашений (ст. ст. 2, 8, 11,

12 и др.), природа которых преимущественно носит материально-правовой характер, но при этом может иметь процессуальное значение.

Таким образом, институт медиации имеет смешанную правовую природу. Хотя его правовое регулирование осуществляется отдельным федеральным законом, на практике его приходится толковать и применять в совокупности с иными нормативными правовыми актами.

Отмеченное позволяет заключить, что медиация имеет свою законодательную базу и основывается на праве. Возможно, по этой причине, как демонстрирует региональная практика в нашей стране, осваивать профессию медиатора, прежде всего, стали юристы. Медиатор (независимо от его вида) обязан выстраивать свою работу в соответствии с нормами Закона о процедуре медиации и иными нормативными правовыми актами.

Обобщенно можно выделить две сферы (направления) в медиации, которые имеют законодательное регулирование.

1) На первоначальном этапе, когда обращаются к медиатору, последний должен выяснить, медиабельна ли ситуация, руководствуясь ст. 1 анализируемого закона. Речь идет о тех спорах (а точнее конфликтах [5]), к которым применима медиации. Продолжая, сегодня, по сути, можно говорить о появлении наряду с подведомственностью и подсудностью нового термина – медиабельности споров. Последнее означает определение характера, признаков и вида спора (конфликта), что позволяет решить вопрос о возможности его урегулирования медиатором.

Одновременно нельзя не отметить, что регламентация данного вопроса в ст. 1 закона не выдерживает критики, например, о том, что к коллективным трудовым спорам медиация не применима. Что касается служебных споров, законодатель и вовсе не дал четкого и однозначного ответа.

2) Процедура медиации применяется на основе предусмотренных Законом о процедуре медиации принципов и в соответствии с определенными в нем правилами. Так, законодатель регламентирует условия, при которых может применяться медиация (ст. 7), порядок проведения процедуры медиации (ст. 11), сроки ее проведения (ст. 13) и мн. др. На этом основании можно сделать вывод, что медиатор не просто осуществляет общее процедурное руководство медиацией, но и обеспечивает законность ее проведения в соответствии со всеми законодательными требованиями.

Итак, медиация может оказать серьезное влияние на все социальное и правовое пространство нашей страны. Она потенциально способна не только регулировать конфликты, тем самым стабилизируя общественные отношения, но и вывести их на новый гармоничный уровень ведения цивилизованного диалога с помощью медиатора как независимого посредника. В этой связи законодатель, регламентируя процедуру медиации, широко использует диспозитивные подходы, жестко и детально не определяя данный процесс. Между тем процедура медиации базируется на праве, а деятельность медиатора

ограничена выше отмеченными пределами, установленными, прежде всего Законом о процедуре медиации.

Список использованных источников:

1. Аболонин В.О. «Профессиональная медиация»: о тенденциях развития и критериях определения медиации как профессии // Третейский суд. – 2011. – № 3. – С. 129–136.
2. Долинская Л.М. О понятии и применимости медиации к трудовым отношениям // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. – № 8.
3. Игбаева Г.Р., Игбаева З.Р., Вишневская П.В. Перспективы развития медиации в Республике Башкортостан: обзор круглого стола // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 2 (3). – С. 9–11.
4. Минкина Н.И. Медиатор: рассуждения на тему // Российская правовая газета эж-ЮРИСТ – 2012. – № 25. – С. 11.
5. Минкина Н.И., Рог Д.С. Медиация в урегулировании трудовых споров: проблемы развития // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2013. – № 4. – С. 94–96.
6. Минкина Н.И. Медиация в России: правовые основы становления и развития // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2013. – Т. 1 (№ 32). – С. 62–64.
7. Минкина Н.И. Проблемы правового регулирования процедуры медиации и ее применение // Пролог. – 2013. – № 123 (4). – С. 67–69.
8. Поротикова О.А. Правовая природа соглашений при процедуре медиации / Современные проблемы юридической науки и правового образования: материалы междунар. науч. – практ. конф. Иркутск, 7–8 окт. 2010 г. / под ред. И.А. Минникеса, Ю.В. Винниченко. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010. – С. 204–207.
9. Приглашение к медиации: практ. рук. о том, как эффективно предложить разрешение конфликта посредством медиации / Махтельд Пель. – М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2009.

References:

1. Abolonin V.O. «Professional'naja mediacija»: o tendencijah razvitija i kriterijah opredelenija mediacii kak professii // Tretejskij sud. – 2011. – № 3. – S. 129–136.
2. Dolinskaja L.M. O ponjatii i primenimosti mediacii k trudovym otnoshenijam // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2011. – № 8.
3. Igbaeva G.R., Igbaeva Z.R., Vishnevskaja P.V. Perspektivy razvitija mediacii v Respublike Bashkortostan: obzor kruglogo stola // Evrazijskaja advokatura. – 2013. – № 2 (3). – S. 9–11.
4. Minkina N.I. Mediator: rassuzhdenija na temu // Rossijskaja pravovaja gazeta jezh-JuRIST – 2012. – № 25. – S. 11.
5. Minkina N.I., Rog D.S. Mediacija v uregulirovanii trudovyh sporov: problemy razvitija // Vestnik Altajskoj akademii jekonomiki i prava. – 2013. – № 4. – S. 94–96.
6. Minkina N.I. Mediacija v Rossii: pravovye osnovy stanovlenija i razvitija // Vestnik Altajskoj akademii jekonomiki i prava. – 2013. – T. 1 (№ 32). – S. 62–64.
7. Minkina N.I. Problemy pravovogo regulirovanija procedury mediacii i ee primenenie // Prolog. – 2013. – № 123 (4). – S. 67–69.

8. Porotikova O.A. Pravovaja priroda soglashenij pri procedure mediacii / Sovremennye problemy juridicheskoj nauki i pravovogo obrazovanija: materialy mezhdunar. nauch. – prakt. konf. Irkutsk, 7–8 okt. 2010 g. / pod red. I.A. Minnikesa, Ju.V. Vinnichenko. – Irkutsk: Izd-vo BGUJeP, 2010. – S. 204–207.
9. Priglashenie k mediacii: prakt. ruk. o tom, kak jeffektivno predlozhit' razreshenie konflikta posredstvom mediacii / Mahtel'd Pel'. – M.: Mezhregional'nyj centr upravlencheskogo i politicheskogo konsul'tirovanija, 2009.

Митяшина М.П.,
ОАО «Региональные электрические сети»

Односторонний отказ от исполнения договора об осуществлении технологического присоединения к электрическим сетям: особенности правового регулирования и правоприменения

В докладе рассмотрены особенности одностороннего отказа от исполнения договора об осуществлении технологического присоединения к электрическим сетям.

Ключевые слова: договор, технологическое присоединение, электрические сети, отказ.

Mityashina M.P.,
JSC «Regionalnye elektricheskiye seti»

Unilateral refusal of performance of the contract on implementation of technological accession to electric networks: features of legal regulation and right application

In article features of unilateral refusal of performance of the contract on implementation of technological accession to electric networks are considered.

Keywords: contract, technological accession, electric networks, refusal.

Сложность правовых связей, возникающих между сторонами при заключении договора об осуществлении технологического присоединения к электрическим сетям (далее по тексту – договор ТП), обусловливает необходимость совершенствования правового регулирования и формирования единого подхода к применению юридической конструкции одностороннего отказа от исполнения договора ТП, что позволит защитить экономические интересы сторон договора и будет способствовать стабильности гражданского оборота.

Односторонний отказ от исполнения обязательства допускается в случаях, предусмотренных законом, а для обязательств, связанных с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности – также в случаях, предус-

мотренных договором (ст. 310 Гражданского кодекса Российской Федерации – далее по тексту – ГК РФ).

Нормы, регулирующие договор ТП, содержатся в специальных нормативных правовых актах, а именно – гл. 26 Федерального закона от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», Правилах технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям (утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 27.12.2004 № 861 – далее по тексту – Правила).

При этом Правилами предусмотрено единственное основание для расторжения заявителем договора ТП в одностороннем порядке – нарушение сетевой организацией сроков технологического присоединения, предусмотренных договором (п. 16 Правил).

Однако, в правоприменительной практике до последнего времени признавалась возможность одностороннего отказа заявителя от исполнения договора ТП при отсутствии оснований, предусмотренных в п. 16 Правил.

Зачастую суды, квалифицируя договор ТП как договор возмездного оказания услуг, применяли п. 1 ст. 782 ГК РФ, допускающий возможность одностороннего отказа заказчика от исполнения договора при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов (Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 24.11.2009 № А33-1122/2009).

При этом основным квалифицирующим признаком договора возмездного оказания услуг является отсутствие овеществленного результата – суть услуги состоит в совершении исполнителем определенных действий или определенной деятельности по заданию заказчика (п. 1 ст. 779 ГК РФ).

Договор ТП не исчерпывается совершением определенных действий или определенной деятельности со стороны сетевой организации, что исключает возможность применения судами п. 1 ст. 782 ГК РФ к договору ТП.

Недопустимым является применение ст. 717 ГК РФ о возможности отказа заказчика в любое время от исполнения договора подряда (Постановление ФАС Московского округа от 15.03.2012 № А41-15674/11).

Квалифицирующими признаками договора подряда являются создание предусмотренного договором овеществленного результата и передача его заказчику, что и отражено в предмете договора (п. 1 ст. 702 ГК РФ).

Договор ТП не предполагает передачу созданных в ходе осуществления мероприятий по технологическому присоединению объектов электросетевого хозяйства другой стороне.

Поскольку в договоре ТП отсутствуют квалифицирующие признаки договора подряда и возмездного оказания услуг, необоснованной представляется квалификация судами договора ТП в качестве смешанного договора (п. 3 ст. 421 ГК РФ), содержащего элементы договора подряда и договора возмезд-

ного оказания услуг, как следствие, неправильным является применение к отношениям сторон, возникающим из договора ТП, норм ст. 717 ГК РФ и п. 1 ст. 782 ГК РФ (Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 01.03.2011 № А33-7941/2010).

На основании изложенного, обоснованной представляется позиция Президиума ВАС России, изложенная в Постановлении от 10.07.2012 № 2551/12, который указал на необходимость квалификации договора технологического присоединения в качестве договора непоименованного в ГК РФ, правовое регулирование которого осуществляется в соответствии со специальными нормативными правовыми актами, закрепляющими единственное основания для расторжения заявителем договора ТП в одностороннем порядке (п. 16 Правил).

В остальных случаях, как справедливо указано в Постановлении № 2551/12, подлежит применению норма ст. 310 ГК РФ, что ставит точку в вопросе определения судами правовых норм, подлежащих применению при одностороннем отказе заявителя от договора ТП.

Наряду с этим, необходимо внесение изменений в Правила в части установления права одностороннего отказа от договора ТП сетевой организацией, в частности, при утрате заявителем прав на объект, в котором расположены присоединяемые энергопринимающие устройства; нарушении заявителем сроков осуществления мероприятий по технологическому присоединению, предусмотренных договором, а также при нарушении заявителем сроков внесения платы за технологическое присоединение.

При внесении указанных изменений в Правила необходима детальная регламентации порядка одностороннего отказа, а также детализация оснований отказа (установление минимального периода нарушения срока, по истечении которого возможен отказ; предела суммы задолженности; необходимых правообразующих фактов).

Полагаем, в действующую редакцию в п. 16 Правил также необходимо внести изменения в части фиксации порядка реализации права на односторонний отказ заявителем и детализации основания отказа (в частности, установление минимального периода нарушения срока, по истечении которого возможен отказ).

Представляется, внесение соответствующих изменений в действующее законодательство позволит в значительной степени упростить процедуру технологического присоединения к электрическим сетям и сократить связанные с ней экономические издержки, а также уменьшить предпосылки для злоупотребления правом в данной сфере.

Список использованных источников:

1. Андреева Л.В. Защита прав сторон непоименованных договоров // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 11.

2. Брагинский М.И. Договорное право. В 5 кн. Кн.1 Общие положения. – М.: Статут, 2001.
3. Брагинский М.И. Договорное право. В 5 кн. Кн.3. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. – М.: Статут, 2002.
4. Деханов С.А. Иск как универсальное средство защиты гражданских прав // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 6 (7). – С. 73–77.
5. Егорова М.А. Односторонний отказ от исполнения гражданско-правового договора. – М.: Статут, 2010.
6. Кораев К.Б. Односторонний отказ от обязательства и договора: проблемы теории и практики // Юрист. – 2012. – № 20.
7. Хайруллин Ф.Р. Правовое регулирование правоотношений, возникающих по поводу сложного объекта // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 1 (2). – С. 130–131.

References:

1. Andreeva L.V. Zashhita prav storon nepoimenovannyh dogovorov // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2012. – № 11.
2. Braginskij M.I. Dogovornoe pravo. V 5 kn. Kn.1 Obshhie polozhenija. – M.: Statut, 2001.
3. Braginskij M.I. Dogovornoe pravo. V 5 kn. Kn.3. Dogovory o vypolnenii rabot i okazanii uslug. – M.: Statut, 2002.
4. Dehanov S.A. Isk kak universal'noe sredstvo zashhity grazhdanskih prav // Evrazijskaja advokatura. – 2013. – № 6 (7). – S. 73–77.
5. Egorova M.A. Odnostoronnij otkaz ot ispolnenija grazhdansko-pravovogo dogovora. – M.: Statut, 2010.
6. Koraev K.B. Odnostoronnij otkaz ot objazatel'stva i dogovora: problemy teorii i praktiki // Jurist. – 2012. – № 20.
7. Hajrullin F.R. Pravovoe regulirovanie pravootnoshenij, voznikajushhih po povodu slozhnogo ob#ekta // Evrazijskaja advokatura. – 2013. – № 1 (2). – S. 130–131.

Мичурина Е.А.,
Саратовская государственная юридическая академия

К вопросу о некоторых особенностях неустойки как способа обеспечения исполнения кредитных обязательств

В докладе анализируется неустойка как способ обеспечения исполнения кредитных обязательств. Автор приводит ряд особенностей, присущих неустойке в связи со специфическим предметом обеспечения.

Ключевые слова: кредит, кредитные обязательства, неустойка, ответственность должника.

Michurina E.A.,
Saratov state legal academy

To a question of some features of a penalty as way of ensuring execution of credit obligations

In article the penalty as a way of ensuring execution of credit obligations is analyzed. The author gives a number of the features inherent in a penalty in connection with a specific subject of providing.

Keywords: credit, credit obligations, penalty, responsibility of the debtor.

В условиях современного российского общества кредитные отношения представляют собой сложную систему, отличающуюся определенным своеобразием, и зависящую от множества факторов. Обязательства, возникающие из кредитного договора, в настоящее время не урегулированы правом в достаточном объеме, что порождает их нарушение и смещение баланса интересов сторон. На сегодняшний день одной из актуальных проблем в области кредитования является возврат кредита. Для разрешения проблем возврата кредитов применяется система обеспечения исполнения обязательств, представляющая собой сложную целенаправленную деятельность банка, которая включает меры экономического и правового характера. Статья 329 ГК РФ, исходя из общего принципа свободы договора, закрепляет открытый перечень способов обеспечения исполнения обязательств. Все способы обеспечения обязательств различны по степени воздействия на должника и методам достижения цели, выбор конкретного способа обеспечения обязательства зависит существа самого обязательства. Однако, наряду с традиционными способами обеспечения исполнения кредитных обязательств, известными современной банковской практике, существуют механизмы, хотя и в силу правовой природы и способные стимулировать должника к возврату заемных средств, но менее востребованные правоприменителями. К таким способам относится и неустойка, обладающая определенными особенностями в связи с предметом основного обязательства.

Несмотря на то, что ряд авторов отводит неустойке центральное место в системе способов обеспечения, [2] в настоящее время её нельзя отнести к эффективным способам обеспечения исполнения именно обязательств по кредиту. Невозврат кредита заемщиком, как правило, связан с отсутствием денежных средств у последнего, что не позволяет взыскать с него в том числе и неустойку. Этот способ, так же обозначаемый как штраф или пеня, присутствует, как правило, во всех кредитных договорах, но является в большей степени определенной мерой ответственности должника за неисполнение обязательств перед кредитором, чем способом, гарантирующим возврат кредита. Закрепление неустойки непосредственно в тексте кредитного договора

изначально означает, что при его подписании известна сумма, которая становится и обеспечительной мерой и мерой ответственности заемщика в случае ненадлежащего исполнения обязательства. При этом для кредитора не существует необходимости доказывать, что он понес убытки, при решении вопроса о взыскании неустойки достаточно самого факта нарушения обязательств. В современном российском гражданском праве отсутствуют какие-либо законодательные ограничения размера договорной неустойки. Этим объясняется достаточно широкое применение в судебной практике положений ст. 333 ГК, согласно которых суд наделен правом уменьшить размер взыскиваемой неустойки, учитывая ее соразмерность с последствиями допущенного нарушения обязательства [4]. Представляется, что более соответствующим законодательству было бы оценивать требования кредитора о взыскании неустойки в части, превышающей возможные убытки в связи с допущенным должником нарушением договорного обязательства, как злоупотребление правом. Такой аспект исчисления размера неустойки и ее взыскания связывается со сложившейся банковской практикой относительно одностороннего изменения условий договора. Ранее подобные действия кредитных организаций считались обычной нормой, вследствие чего повышалась не только процентная ставка по основному обязательству, но и процентная ставка за ненадлежащее исполнение обязательства, являющаяся неустойкой по своей правовой природе [6]. Учитывая действия законодателя по стабилизации ситуации в банковском секторе, кредитные организации сократили применение одностороннего изменения условий договора, но при этом довольно распространено включение описания механизма повышения ставки штрафного процента в договор.

Однако особенность неустойки по кредиту состоит не только в самом факте ее взимания банком. Определенную проблему представляет то, что кредитные организации списывают ее в первоочередном порядке при поступлении от заемщика очередного платежа, внесенного с нарушением графика и недостаточного для исполнения денежного обязательства полностью, а затем – проценты и основную сумму долга. Такие действия вызывают сомнения в правомерности. Определение момента исполнения требования кредитора об уплате неустойки, равно как и иных денежных требований, связанных с применением мер гражданско-правовой ответственности, например, Президиум ВАС относит на усмотрение должника. Последний вправе самостоятельно принимать решение, когда уплатить неустойку – до или после удовлетворения требований кредитора, указанных в ст. 319 ГК РФ. При этом у кредитора сохраняется право до погашения основной суммы долга обратиться с иском в суд о взыскании с должника неустойки или процентов за пользование чужими денежными средствами [3]. В науке существуют различные подходы к сущности неустойки, [1, 7, 5] что объясняются тем, что по своей природе неустойка ближе к формам ответственности, но законодательно закреплена в главе, посвященной обеспечению исполнения обязательств. Следуя позиции законода-

теля, и исходя из смысла правовой нормы ГК РФ, неустойка – единственный способ обеспечения обязательств, представляющий собой одновременно и форму имущественной ответственности.

Представляется, что все правовые коллизии относительно неустойки как способа обеспечения исполнения кредитных обязательств возможно разрешить только с закреплением однозначного понимания природы неустойки и механизма ее применения. Поскольку применение ее в сфере кредитования имеет определенные особенности, то следует уделить внимание неустойке именно в законодательстве, посвященном кредитованию, поскольку ГК РФ содержит лишь общие положения, которые не отражают своеобразие этого способа применительно к отдельным обязательствам. На наш взгляд, четкое правовое регулирование неустойки повысит ее эффективность и востребованность при обеспечении исполнения кредитных обязательств.

Список использованных источников:

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: общие положения. – М.: Статут, 1997.
2. Вятчин В.А. Роль неустойки в условиях свободы договора: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 1999.
3. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 20.10.2010 № 141 «О некоторых вопросах применения положений статьи 319 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС. – 2010. – № 3.
4. Кузнецов В.Н. О толковании высшими судебными инстанциями статьи 333 гражданского кодекса Российской Федерации и противоречивой судебной практике арбитражных судов и судов общей юрисдикции по ее применению // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 1 (2). – С. 104–107.
5. Мейер Д.И. Русское гражданское право: – 8-е изд., испр. и доп. – М.: Статут. – 1997.
6. Семьянов Е.В. Повышение общей процентной ставки по договору кредита: неустойка или злоупотребление правом // Арбитражное правосудие в России. – 2009. – № 5.
7. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. – Тула.: Автограф, 2001.

References:

1. Braginskij M.I., Vitrjanskij V.V. Dogovornoe pravo: obshhie polozhenija. – M.: Statut, 1997.
2. Vjatchin V.A. Rol’ neustojki v uslovijah svobody dogovora: Avtoref. dis. … kand. jurid. nauk. – Saratov, 1999.
3. Informacionnoe pis’mo Prezidiuma VAS RF ot 20.10.2010 № 141 «O nekotoryh voprosah primenenija polozhenij stat’i 319 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Vestnik VAS. – 2010. – № 3.
4. Kuznecov V.N. O tolkovanii vysshimi sudebnymi instancijami stat’i 333 grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii i protivorechivoj sudebnoj praktike arbitrazhnyh sudov i sudov obshhej jurisdikcii po ee primeneniju // Evrazijskaja advokatura. – 2013. – № 1 (2). – S. 104–107.

5. Mejer D.I. Russkoe grazhdanskoe pravo: – 8-e izd., ispr. i dop. – M.: Statut. – 1997.
6. Sem'janov E.V. Povyshenie obshhej procentnoj stavki po dogovoru kredita: neustojka ili zloupotreblenie pravom // Arbitrazhnoe pravosudie v Rossii. – 2009. – № 5.
7. Shershenevich G.F. Kurs grazhdanskogo prava. – Tula.: Avtograf, 2001.

Моисеева О.В.,
РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

Повышение исполнительной силы нотариального акта в условиях формирования нового законодательства о нотариате

Исполнительная надпись нотариуса является важной составляющей арсенала средств обеспечения безопасности и законности гражданского оборота. Значительное повышение исполнительной силы нотариального акта в условиях реформирования нотариата положительным образом отразится на экономическом, правовом и политическом развитии государства.

Ключевые слова: нотариальный акт, исполнительная надпись, взыскание долговых обязательств.

Moiseyeva O.V.,
Law department of RANHiGS

Increase of executive force of the notarial act in the conditions of formation of the new legislation on a notariate

The executive inscription of the notary is an important component of an arsenal of means of ensuring of safety and legality of a civil turn. Substantial increase of executive force of the notarial act in the conditions of reforming of a notariate will positively be reflected in economic, legal and political development of the state.

Keywords: notarial act, executive inscription, collecting debts.

Довольно много в последние годы говорится о назревшей необходимости реформировать нотариат, поскольку стремление к устроению нотариата по латинскому типу требует кардинальных изменений в сфере организации и осуществления нотариальной деятельности. Новая концепция переустройства, призванная учесть современное состояние экономического, политического, общественного развития, нашла свое отражение в проекте Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в РФ» (далее – Проект закона о нотариате), предусматривающего массу нововведений в сфере нотариальной деятельности. Среди прочих изменений следует особым образом отметить признание исполнительной силы нотариального акта.

Глава XVI и XVI.1 действующих Основ законодательства РФ о нотариате (далее – Основ) закрепляют за нотариусом возможность при соблюдении за-

конных условий и предписанной процедурой совершать исполнительные надписи. Правовая сущность исполнительной надписи сводится к тому, что кредитор может взыскать с должника денежные суммы или имущество по долговым обязательствам, не исполненным надлежащим образом, в упрощенном порядке, совершая исполнительную надпись на документах, подтверждающих задолженность. Однако есть одно существенное условие: факт наличия долга должен быть бесспорным как в отношении оснований возникновения долговых обязательств, так и касательно размера долга и сроков его погашения.

При этом масштаб применения исполнительной надписи нотариуса в современной правоприменительной практике весьма ограничен. Многие исследователи связывают данный факт с конфликтом законодательства, регулирующего эту область общественных отношений. Так, ч. 3 ст. 35 Конституции РФ устанавливает, что никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Однако большая часть исследователей говорит о несостоятельности данного подхода. Так, В.В. Ралько считает, что «при взыскании по исполнительной надписи должник не лишается права на защиту своих прав, поскольку взыскание производится в рамках исполнительного производства, которое позволяет должнику воспользоваться правом защиты, в том числе судебной, т. е. он вправе оспорить совершенную исполнительную надпись» [1]. Более того, даже после передачи юридически значимого документа с исполнительной надписью нотариуса для исполнения никто не отменяет право субъектов обратиться в суд для разрешения спорных отношений.

Таким образом, следует согласиться с тем кругом ученых-исследователей, которые положительно рассматривают возможность активного применения в нотариальной правореализационной практике исполнительной надписи в качестве эффективного средства защиты интересов кредиторов, что совершенно не противоречит конституционным принципам охраны права собственности.

Кроме прочего следует отметить, что исполнительная надпись нотариуса более эффективный способ защиты прав кредиторов в соотношении с судебным порядком взыскания долговых обязательств. Во-первых, налицо существенная экономия времени и, как следствие, препятствие должнику в совершении неправомерных действий, дающих возможность уйти от ответственности. Во-вторых, уменьшение финансовых затрат на оплату процесса взыскания долга. В-третьих, увеличение перечня объектов, которые можно взыскать по исполнительной надписи (не только денежные средства, но и имущество).

Положения раздела VII Проекта закона о нотариате существенно расширяют границы использования исполнительной надписи нотариуса. Так, согласно ст. 171 исполнительная надпись используется при взыскании долга основанного на нотариально удостоверенной сделке или иных законодательно предусмотренных случаях и подлежит принудительному исполнению в соответствии с нормами законодательства об исполнительном производстве. При этом законодатель предусмотрел большое видовое разнообразие исполнительных

надписей, что расширяет сферу их применения. Эти новеллы позволят повысить исполнительную силу нотариального акта и упростить процедуру взыскания задолженности, что отразится несомненным плюсом на развитии гражданского оборота в частности и государства в целом.

Таким образом, повышение исполнительной силы нотариального акта в условиях формирования нового законодательства о нотариате станет большим рывком на пути совершенствования деятельности нотариата и приближения ее к европейским стандартам. Особенно положительным образом прогнозируемые изменения отразятся на экономическом развитии государства, поскольку указанные изменения позволят повысить инвестиционную привлекательность российской экономики для зарубежных инвесторов. К таким выводам пришли участники XXVI Международного конгресса нотариата: «исполнительная сила нотариального акта, с одной стороны, упрощает получение кредита, позволяет сэкономить время, ресурсы и энергию, уменьшить потери или задержки в обороте финансовых потоков; с другой стороны, она способствует обращению к банковскому кредиту, уменьшая возможности для должника избежать исполнения своих обязательств. Все это становится возможным за минимальную цену для кредитора (инвестора), не считая позитивных последствий для общества в целом за счет уменьшения количества судебных споров, которое, в свою очередь, устраняет «пробки» в судах и снижает расходы государства на отправление правосудия; как следствие, она защищает кредит и, значит, экономический оборот» [2]. Помимо всего прочего исполнительная надпись является оптимальным международным способом защиты права собственности и является эффективным средством разгрузки судов от дел, носящих бесспорный характер.

Список использованных источников:

1. Ралько В. В. Исполнительная надпись нотариуса – действенный механизм правовой защиты прав участников гражданского оборота // В мире права. – 2005. – № 3–4.

2. Резолюция по теме II «Нотариальный акт на службе безопасности инвестиций, его эффективность при осуществлении государственной регистрации и его исполнительная сила» в рамках XXVI Международного конгресса нотариата Марракеш, октябрь 2010 / пер. с франц. И.Г. Медведева. URL: http://old.notariat.ru (дата обращения: 04.02.2014).

References:

1. Ral'ko V. V. Ispolnitel'naja nadpis' notariusa – dejstvennyj mehanizm pravovoj zashhity prav uchastnikov grazhdanskogo oborota // V mire prava. – 2005. – № 3–4.

2. Rezoljucija po teme II «Notarial'nyj akt na sluzhbe bezopasnosti investicij, ego jeffektivnost' pri osushhestvlenii gosudarstvennoj registracii i ego ispolnitel'naja sila» v ramkah XXVI Mezhdunarodnogo kongressa notariata Marrakesh, oktjabr' 2010 / per. s franc. I.G. Medvedeva. URL: http://old.notariat.ru (data obrashhenija: 04.02.2014).

Муталиева А.А., кандидат юридических наук, доцент,
Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова

Актуальные проблемы совершенствования туристского законодательства

Туристская деятельность в России на современном этапе получает все большее распространение. Однако процесс законодательного регулирования туристской деятельности осуществляется в условиях отсутствия целостного подхода к туристской деятельности как виду предпринимательства.

Ключевые слова: предпринимательство, туризм, туристский продукт, туроператор, турагент, банковская гарантия.

Mutaliyeva A.A., candidate of jurisprudence, associate professor,
Northeast federal university

Actual problems of improvement of the tourist legislation

Tourist activity in Russia at the present stage gains ground. However process of legislative regulation of tourist activity is carried out in the conditions of lack of complete approach to tourist activity as to a type of business.

Keywords: business, tourism, tourist product, tour operator, travel agent, bank guarantee.

На современном этапе туристская деятельность, являясь одним из видов осуществления предпринимательства, получает все большее распространение. Туризм воспринимается гражданами России уже не как нечто недосягаемое, а как вполне реальное, доступное широким слоям населения. Как отмечается в международном Документе Акапулько, «…если явно желательно, чтобы каждое государство признавало не как роскошь, а как настоятельную потребность право всех своих граждан на проведение отпуска, то очевидно, что ответственность государств не может ограничиваться простым признанием этого права, а должна вести к созданию соответствующих практических условий для эффективного доступа к проведению отпусков всеми, имеющими право» [1].

В соответствии со ст. 3 Закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» эта деятельность провозглашена как одна из приоритетных отраслей экономики, что объясняется важной ролью туризма в системе экономических отношений России. Большое значение в свете сказанного приобретает совершенствование механизма правового обеспечения туристской деятельности. В современном российском законодательстве наблюдается поспешность в решении насущных проблем становления и развития туристского сегмента российского рынка. В их числе преждевременный отказ от та-

ких способов государственного регулирования туристской деятельности, как лицензирование, стандартизация, сертификация, с введением только гражданско-правовых институтов обеспечения исполнения обязательств туроператорами – банковской гарантии, страхования риска ответственности туроператора. Процесс законодательного регулирования туристской деятельности осуществляется в условиях отсутствия целостного подхода к туристской деятельности как виду предпринимательства.

Исследование теоретических и прикладных проблем в законотворческой и правоприменительной деятельности, на наш взгляд, позволит решить одно из главных противоречий современной хозяйственной практики – подмену концептуального подхода экспериментированием и эмпиризмом.

Отношения в сфере оказания туристических услуг впервые на законодательном уровне были урегулированы главой 39 «Возмездное оказание услуг» части второй ГК РФ, где в п. 2 ст. 779 ГК РФ, наряду с медицинскими, аудиторскими и т. д., прямо указаны и услуги по туристическому обслуживанию. ГК РФ является основополагающим нормативным актом в сфере туристской деятельности.

Специальный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», регламентирующий отношения в сфере осуществления туристской деятельности, был принят 24 ноября 1996 года. Данный закон сформулировал принципы и способы государственного регулирования туристской деятельности, правила поведения субъектов туристского рынка, закрепил структуру договорных связей в сфере туризма. Исходя из того, что частное право – это совокупность норм, регулирующих общественные отношения (деятельность), в которых реализуется частный интерес либо возникает необходимость его охраны, а публичное право – это совокупность норм, регулирующих общественные отношения, в которых реализуется публичный интерес либо возникает необходимость его охраны [3], данный нормативный акт можно отнести к межотраслевым, поскольку в нем содержатся элементы как частноправового, так и публично-правового регулирования.

Использованный в Законе «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» вид объекта гражданско-правового регулирования «туристский продукт» отсутствует в закрытом перечне объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ). Учитывая императивное правило, установленное абз. 2 п. 2 ст. 3 ГК РФ, что нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать ГК РФ, предлагается привести нормы специального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» в соответствие с общими нормами ГК РФ путем изменения объекта «туристский продукт» на «туристские услуги».

В связи с изменениями Закона о туристской деятельности, устанавливающими обязательное предоставление туроператором финансовых гарантий в виде договора страхования риска ответственности или банковской гарантии,

выявлено нарушение основного принципа использования банковской гарантии в туристской деятельности – независимость гарантийного обязательства. Исходя из принципа независимости банковской гарантии при неисполнении или ненадлежащем исполнении туроператором обязательств по договору, обеспеченного банковской гарантией, туристу (бенефициару) достаточно было бы предъявить гаранту письменное требование об уплате соответствующей суммы, вне зависимости от воли принципала (туроператора). В то же время в силу Закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» право туриста предъявлять требование гаранту и обязанность гаранта платить по банковской гарантии связаны с волей принципала и возникают только в том случае, если туроператор откажется добровольно возместить реальный ущерб, причиненный неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств по договору об оказании туристских услуг.

Учитывая рекомендации, закрепленные в Концепции развития гражданского законодательства, о более последовательном закреплении в законодательстве принципа независимости гарантийного обязательства, целесообразно привести нормы специального закона в соответствие с общими нормами ГК и данным принципом, изложив положения части второй ст. 17.4 Закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» в следующей редакции: «Гарант обязан уплатить денежную сумму по банковской гарантии по письменному требованию туриста и (или) иного заказчика».

Участие государства в регулировании экономики должно быть ориентировано на оптимальное соотношение интересов государства и общества с сохранением свободы предпринимательства, с социально ориентированной рыночной экономикой для дальнейшего экономического и общественного развития [4]. Роль государства не может быть сведена к созерцанию хозяйственной деятельности, нужна активная защита прав и интересов гражданина, но эта деятельность должна быть закреплена законом [2].

Список использованных источников:

1. Документы Акапулько. (Приняты Всемирным совещанием по туризму при ВТО (Мексика) 21–27 августа 1982 г., // Международный туризм: правовые акты / Сост. Н.И. Волошин. – М.: Финансы и статистика, 2002. – С. 207.

2. Дойников И.В. Предпринимательское право. – М., 1998. – С. 12.

3. Курбатов А.Я. Сочетание частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности. – М., 2001. – С. 92.

4. Кажлаев С. Об оптимальном соотношении частного и публичного права в развитии рыночной экономики России // Право и экономика. – 2010. – № 7. – С 7.

References:

1. Dokumenty Akapul'ko. (Prinjaty Vsemirnym soveshhaniem po turizmu pri VTO (Meksika) 21–27 avgusta 1982 g., // Mezhdunarodnyj turizm: pravovye akty / Sost. N.I. Voloshin. – M.: Finansy i statistika, 2002. – S. 207.
2. Dojnikov I.V. Predprinimatel'skoe pravo. – M., 1998. – S. 12.
3. Kurbatov A.Ja. Sochetanie chastnyh i publichnyh interesov pri pravovom regulirovanii predprinimatel'skoj dejatel'nosti. – M., 2001. – S. 92.
4. Kazhlaev S. Ob optimal'nom sootnoshenii chastnogo i publichnogo prava v razvitii rynochnoj jekonomiki Rossii // Pravo i jekonomika. – 2010. – № 7. – S 7.

Ножкина А.А.,
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Особенности страхования ответственности нотариуса

Доклад посвящен особенностям страхования ответственности нотариуса. Рассматриваются действия нотариуса, ответственность за нарушение которых должна быть застрахована. Анализируется возможность страхования ответственности нотариуса за вред, причиненный при оказании услуг правового и технического характера.

Ключевые слова: страхование ответственности нотариуса, услуги правового и технического характера.

Nozhkina A.A.,
Moscow state legal university

Features of insurance of responsibility of the notary

Article is devoted to features of insurance of responsibility of the notary. Actions of the notary which responsibility for violation has to be insured are considered. Possibility of insurance of responsibility of the notary for the harm done at rendering services of legal and technical character is analyzed.

Keywords: insurance of responsibility of the notary, service of legal and technical character.

В соответствии со ст. 18 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1, далее – Основы законодательства о нотариате) нотариус, занимающийся частной практикой, обязан заключить договор страхования ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения имущественного вреда гражданину или юридическому лицу, обратившимся за совершением нотариального действия, и (или) третьим лицам при осуществлении нотариальной деятельности.

Статья 17 Основ конкретизирует действия, ответственность за совершение которых должна быть застрахована:

1) совершение нотариального действия, противоречащего законодательству Российской Федерации,

2) неправомерный отказ в совершении нотариального действия,

3) разглашение сведений о совершенных нотариальных действиях.

Следует отметить, что деятельность нотариуса многоаспектна и не ограничивается только совершением нотариальных действий. Речь идет о таких полномочиях нотариуса, которые связаны с исполнением нотариальных функций, но нотариальными не являются (вспомогательные, сервисные услуги). В частности, к ним относятся оказание услуг правового и технического характера (составление проектов сделок, заявлений и других документов, изготовление копий документов и выписок из них и т. д.).

Конституционный суд РФ в Определении от 01.03.2011 № 272-О-О указал, что услуги правового и технического характера являются дополнительными и предоставляются нотариусами гражданам и юридическим лицам исключительно при наличии их согласия и вне рамок нотариальных действий.

Министерство финансов РФ в письме от 19 января 2012 г. № 03-05-06-03/01 указало, что за составление проектов сделок, доверенностей, заявлений, завещаний и других документов, за выполнение технической работы по изготовлению нотариальных документов НК РФ не предусмотрено уплаты государственной пошлины. За выполнение вышеперечисленных действий, определенных ст. 15 Основ о нотариате, как за оказание услуг правового и технического характера, взимается плата с учетом себестоимости затрат на составление данных документов.

При рассмотрении данного вопроса интересным представляется дело № А40-49279/13, рассмотренное Арбитражным судом города Москвы.

Федеральной антимонопольной службой РФ (далее – ФАС России) приказом от 16 апреля 2013 г. была инициирована проверка соблюдения НО «Московская городская нотариальная палата» (далее – Нотариальная палата) требований антимонопольного законодательства при оказании услуг правового и технического характера, а именно, при установлении тарифов на работы правового и технического характера.

По мнению ФАС России, данные услуги не являются публичными функциями и не осуществляются от имени Российской Федерации, в связи с чем, являются предпринимательской деятельностью.

По мнению Нотариальной палаты, услуги правового и технического характера не носят гражданско-правового характера и деятельность по их оказанию не является предпринимательской, так как эти услуги оказываются в связи с нотариальным действием и не могут быть оказаны отдельно. Закон исключает возможность осуществления нотариальной деятельности на основе принципов свободы конкуренции, свободы предпринимательства.

Полагая приказ о проведении внеплановой выездной проверки незаконным, Нотариальная палата обратилась с иском в суд о признании приказа недействительным.

Арбитражный суд города Москвы в решении от 22 июля 2013 г. указал, что нотариусы не вступают в договорные, гражданско-правовые отношения и обязательства с лицами, в отношении которых совершают нотариальные действия и которые оплачивают тариф и правовую и техническую работу, а к деятельности нотариусов не применяются положения ст. 779 ГК РФ (о договорах возмездного оказания услуг), поскольку взимаемые нотариусами платежи по своей природе не являются стоимостью гражданско-правовой услуги (ценой договора). Результаты совершения нотариального действия не могут потребляться в процессе его совершения, поскольку правовые последствия, связанные с нотариальной деятельностью, наступают после его совершения. Результатом нотариальных действий являются юридические последствия, возникающие в силу оформленного нотариального акта после совершения нотариального действия.

Таким образом, суд пришел к выводу о том, что Нотариальная палата создана и функционирует не для осуществления деятельности, приносящей доход, выполняет специфические публично значимые задачи. Нотариусы не являются хозяйствующими субъектами, палата не координирует экономическую деятельность хозяйствующих субъектов.

Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда решение суда первой инстанции было оставлено в силе.

Федеральным арбитражным судом Московского округа Постановлением от 6 февраля 2014 года судебные акты по делу отменены, производство по делу прекращено. По мнению суда кассационной инстанции, оспариваемый приказ не может быть предметом судебного обжалования, поскольку не влечет негативных последствий для Нотариальной палаты.

Нельзя не сказать, что финальную точку в данном споре поставил законодатель: 21 декабря 2013 г. Президентом РФ был подписан Федеральный закон № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который вносит изменения, в том числе, и в Основы законодательства о нотариате. Данный закон прямо предусматривает, что вопросы оплаты за совершение нотариальных действий и других услуг (выделено мной – А.Н.), оказываемых нотариусом, не являются предметом регулирования антимонопольного законодательства.

Кроме того, 2 декабря 2013 г. в Государственную Думу РФ был внесен проект Федерального закона № 398234-6 «О нотариате и нотариальной деятельности» (далее – Проект закона о нотариате), кардинально меняющий систему страхования ответственности нотариуса. В частности, новая редакция статьи 16 Проекта о нотариате не содержит более ограничений ответственности нотариуса. Предусмотрено, что причиненный при осуществлении нотариальной

деятельности вред личности гражданина, а также имуществу гражданина или юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме нотариусом, чьими действиями или бездействием такой вред причинен.

В этой связи пунктом 6 статьи 44 Проекта прямо установлено, что в договоре страхования риска профессиональной ответственности нотариуса не могут устанавливаться ограничения по количеству страховых случаев.

Кроме того, Проектом прямо предусмотрено, что возмещению также подлежит и моральный вред, причиненный гражданину при осуществлении нотариальной деятельности.

По нашему мнению, ответственность за вред, причиненный нотариусом при оказании услуг правового и технического характера, может быть застрахована и в рамках действующего законодательства. Такое страхование по своей природе также не относится ни к страхованию ответственности за нарушение договора, ни к страхованию деликтной ответственности. С принятием Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности» такое страхование станет обязательным.

Очхаев Т.Г.,
Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

Правовые последствия изменения и расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств

Доклад посвящен проблемам изменения и расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств. Предлагаются поправки в положения ст. 451 ГК РФ, уточняющие возможности судебной интервенции.

Ключевые слова: существенное изменение обстоятельств, изменение и расторжение договора.

Ochkhayev T.G.,
Law department of Moscow State University

Legal consequences of change and contract cancellation in connection with essential change of circumstances

The report is devoted to problems of change and contract cancellation in connection with essential change of circumstances. Amendments to provisions of Art. 451 of the Civil Code of the Russian Federation, specifying possibilities of judicial intervention are offered.

Keywords: essential change of circumstances, change and contract cancellation.

В случае существенного изменения обстоятельств (ст. 451 ГК РФ) ничего не мешает сторонам договора выбрать взаимоприемлемую модель адаптации или прекращения договора. При чем, такая адаптация может носить как ретроспективный, так и перспективный или даже смешанный характер. Указанный вывод прямо следует из толкования положений пункта 3 статьи 453 Гражданского кодекса Российской Федерации. Тем не менее, ряд существенных затруднений возникает в случае адаптации или прекращения договора судом. В указанном случае полномочия суда явно ограничены императивным указанием на то, что при изменении или расторжении договора в судебном порядке, обязательства считаются измененными или расторгнутыми с момента вступления в законную силу соответствующего решения суда (пункт 3 статьи 453 ГК РФ).

В случае существенного изменения обстоятельств заинтересованное лицо вынуждено в течение длительного времени претерпевать негативные последствия, связанные с существенным изменением обстоятельств, до завершения судебного производства и вступления в законную силу решения суда (то есть до момента изменения или расторжения договора). Очевидно, что подобная задержка во времени может крайне отрицательно сказаться на деятельности заинтересованных лиц. Смысл существования института существенного изменения обстоятельств заключается в обеспечении баланса интересов сторон, поддержания выгодности сделки для всех сторон обязательства.

Посредством внесения соответствующих поправок в положения ст. 451 ГК РФ суду должно быть предоставлено право изменять или прекращать обязательство по договору, как ретроспективно, так и перспективно [2]. Указанный подход вполне соответствует подходам, закрепленным в статье 6.2.3 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 г. [3] и в статье 6:111 Принципов европейского договорного права [4].

В изучении проблем судебного изменения и расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств еще одной ключевой проблемой является характер мер, предпринимаемых судом для восстановления нарушенного баланса интересов сторон договор. Надо полагать, что по общему правилу суду предоставлена широкая дискреция в мерах, которые могут быть направлены на восстановление баланса интересов сторон договора (с учетом ограничений, предусмотренных положениями статьи 453 ГК РФ).

В любом случае решение суда должно быть предопределено тем, «что именно будет признано судом в конкретном случае справедливым, он может распределить совокупные расходы поровну, признать, что каждая из сторон должна нести свои расходы самостоятельно и т. п. [1]

Список использованных источников:

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. – Кн. 1. – 3-е изд., стереотипное. – М.: Статут, 2001.

2. Карапетов А.Г. Анализ некоторых вопросов заключения, исполнения и расторжения договоров в контексте реформы обязательственного права России // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 12.
3. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010. Пер. с англ. А.С. Комарова. – М.: Статут, 2013.
4. Hesselink M.W., Vries G.J.P. de. Principles of European Contract Law. Kluwer, 2001.

References:

1. Braginskij M.I., Vitrjanskij V.V. Dogovornoe pravo. Obshhie polozhenija. – Kn. 1. – 3-e izd., stereotipnoe. – M.: Statut, 2001.
2. Karapetov A.G. Analiz nekotoryh voprosov zakljuchenija, ispolnenija i rastorzhenija dogovorov v kontekste reformy objazatel'stvennogo prava Rossii // Vestnik VAS RF. – 2009. – № 12.
3. Principy mezhdunarodnyh kommercheskih dogovorov UNIDRUA 2010. Per. s angl. A.S. Komarova. – M.: Statut, 2013.
4. Hesselink M.W., Vries G.J.P. de. Principles of European Contract Law. Kluwer, 2001.

Переверзев А.С., кандидат юридических наук,
Ессентукский Институт управления, бизнеса и права

Определение размера компенсации морального вреда как основная проблема гражданско-правового института морального вреда

Рассмотрение вопросов определение размера компенсации морального вреда в настоящем докладе связано с тем, что в российском законодательстве нет четко сформулированных критериев и методов оценки размера компенсации морального вреда.

Ключевые слова: моральный вред, методика определения размера компенсации морального вреда, понятие разумности и справедливости нравственные и физические страдания.

Pereverzev A.S., candidate of jurisprudence,
Yessentuki Institute of management, business and iaw

Determination of the amount of compensation of moral harm as the main problem of civil institute of moral harm

Consideration of questions determination of the amount of compensation of moral harm in the present article is connected with that in the Russian legislation there are no accurately formulated criteria and methods of an assessment of the amount of compensation of moral harm.

Keywords: moral harm, technique of determination of the amount of compensation of moral harm, concept of a rationality and justice moral and physical sufferings.

Законодатель, закрепляя право на компенсацию морального вреда, не определяет ни минимального, ни максимального его размера, предоставляет определение размера компенсации суду. Однако отсутствие точно сформулированных критериев и общего метода оценки размера компенсации морального вреда ставит судебные органы в сложное положение.

Исходя из положений Гражданского кодекса РФ (ст. 151 и 1101) и постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 можно выделить следующие условия, в соответствии с которыми суд определяет размер компенсации морального вреда, а именно:

– степень вины нарушителя (хотя ст. 1100 ГК РФ предусматривает основания компенсации морального вреда и независимо от вины);

– степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред;

– характер физических и нравственных страданий, оцениваемый судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего;

– требования разумности и справедливости;

– иные заслуживающие внимания обстоятельства.

Таким образом, закон подробно определил критерии, которыми следует руководствоваться при рассмотрении дел о компенсации морального вреда. Однако в законе не содержится указаний каким образом следует исчислять размер подлежащего возмещению морального вреда и как измерить степень и глубину страданий.

Разработкой методики определения размера морального вреда в России занимается ряд правоведов, чьи мнения представляются достаточно интересными и обоснованными. Интересной видится методика определения размера компенсации морального вреда, предложенная А.М. Эрделевским. В основу методики определения размера морального вреда он поставил зависимость размера денежной компенсации морального вреда от степени опасности правонарушения, а именно от размеров санкций за то или иное преступление, предусмотренных Уголовным кодексом. Для расчетов размера причиненного вреда он ввел новую категорию «базисный уровень». Она представляет собой единицу вычисления, определенную исходя из уровня страданий, испытываемых потерпевшим при причинении ему тяжкого вреда [5].

Методика А.М. Эрделевского некоторым ученым представляется достаточно обоснованной и отражающей основные критерии, основываясь на которых, можно с достаточной точностью определить размер компенсации морального вреда. Так, например, З.Б. Хавжокова считает, что для определения размера

компенсации морального вреда следует воспринять концепцию презюмируемого морального вреда <…> Одновременно она предлагает, во-первых, установление как минимальных, так и максимальных пределов компенсации морального вреда по каждому конкретному правонарушению, в зависимости от его общественной опасности и ценности нарушенного нематериального блага. Во-вторых, считает необходимым предоставить суду возможность в указанных рамках варьировать размер компенсации морального вреда, учитывая обстоятельства рассматриваемого дела, которыми могут быть: характер распространенных сведений, сфера, объем и неоднократность их распространения, публичность распространения, последствия, наступившие для потерпевшего в связи с распространением сведений [4].

Однако в этом подходе существуют и недостатки. По мнению А.И. Карномазова, данный подход вообще не соответствует юридической природе рассматриваемого института, прежде всего, как института частного права. Кроме этого, такие предложения в любом случае не соответствуют историческим тенденциям развития института компенсации морального вреда, а также современной легальной позиции законодателя, который отказался от модели штрафной компенсации и в основу определения ее размера положил судейское усмотрение [1].

В доктрине отечественного гражданского права предлагаются и иные концепции методики определения размера причиненного вреда. Так, В.Я. Понаринов, предложил внедрить два самостоятельных метода оценки морального вреда: «поденный» и «посанкционный» [2]. Посанкционный метод основывается на соотношении размера компенсации морального вреда со степенью меры наказания преступника, что соответствует методу А.М. Эрделевского. Суть же поденного метода сводится к принятию судом во внимание количества дней в году и учету доли ежемесячного заработка (дохода) виновного, приходящегося на один день. Если суд придет к выводу о необходимости взыскания с ответчика суммы денег в размере семнадцатидневного дохода, то, зная его доход, приходящийся на один день, легко определить и общую сумму, подлежащую взысканию с виновного в качестве компенсации морального вреда.

Данный подход, по сути, реализован в действующем законодательстве и решение вопроса об определении размера компенсации морального вреда законодатель относит к компетенции суда, определяя лишь общие принципы, которыми он должен руководствоваться. Фактически такой подход означает свободное судейское усмотрение при решении данного вопроса.

По мнению Е.П. Редько, законодатель, закрепляя право на компенсацию морального вреда, неслучайно не устанавливает единого метода оценки физических и нравственных страданий, не определяет ни минимальный, ни максимальный размер компенсации. С учетом перечисленных критериев, суд в каждом конкретном случае должен определить размер компенсации, эквивалентный причиненному моральному вреду, то есть способный уравновесить

имущественную либо неимущественную потерю посредством уплаты потерпевшему денег в такой сумме, которая позволит последнему пренебречь понесенной потерей [3].

С учетом требований ст. 151, 1101 ГК РФ, можно предположить, что законодатель устранил некоторую неясность, связанную с критериями определения размера компенсации морального вреда, установив в ст. 1101 ГК РФ, что размер компенсации зависит от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий. Кроме того, принципы разумности и справедливости (ст. 1101 ГК РФ), нашедшие свое отражение в ст. 6 гл. 1 ГК РФ, являются основополагающими, поскольку принцип справедливости это одно из общих начал гражданского права, кроме того, универсальный принцип между людьми, народами и государствами. Понятие разумности неразрывно связанно с понятием «разум», которое является способностью человека к осмыслению и пониманию, что свидетельствует о необходимости адекватного восприятия судьей всех составляющих поведения субъектов правоотношения, связанного с требованием о компенсации морального вреда.

Полагаем, можно предложить следующее решение рассматриваемой проблемы. Поскольку законодатель отказался от нормативного установления базисного уровня и методики определения размера компенсации, и таким образом предоставил этот вопрос на усмотрение суда, то Верховный Суд РФ должен, в порядке обеспечения единообразного применения закона при осуществлении правосудия, предложить судам общий базис и подход к определению размера компенсации морального вреда, оставляя при этом достаточный простор усмотрению суда при решении конкретных дел. Очевидно, что выплата имущественной компенсации за моральный вред всегда будет нести в себе элемент условности ввиду отсутствия единиц измерения данной нематериальной субстанции, однако необходимо стремиться к ее (условности) снижению.

Список использованных источников:

1. Карномазов А.И. Гражданско-правовое регулирование определения размера компенсации морального вреда: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2010. – С. 14.

2. Понаринов В.Я. Защита имущественных прав личности в уголовном процессе России: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Воронеж, 1994. – С. 36.

3. Редько Е.П. Компенсация морального вреда как способ защиты гражданских прав: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2009. – С. 15.

4. Хавжокова З.Б. Защита чести, достоинства и деловой репутации: теория и практика гражданско-правового регулирования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – С. 12.

5. Эрделевский А.М. Концепция морального вреда в России и за рубежом. – М., 1999. – С. 87.

References:

1. Karnomazov A.I. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie opredelenija razmera kompensacii moral'nogo vreda: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – Samara, 2010. – S. 14.
2. Ponarinov V.Ja. Zashhita imushhestvennyh prav lichnosti v ugolovnom processe Rossii: Avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk. – Voronezh, 1994. – S. 36.
3. Red'ko E.P. Kompensacija moral'nogo vreda kak sposob zashhity grazhdanskih prav: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – Irkutsk, 2009. – S. 15.
4. Havzhokova Z.B. Zashhita chesti, dostoinstva i delovoj reputacii: teorija i praktika grazhdansko-pravovogo regulirovanija: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – M., 2009. – S. 12.
5. Jerdelevskij A.M. Koncepcija moral'nogo vreda v Rossii i za rubezhom. – M., 1999. – S. 87.

Петров Д.А., кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет

Договорное саморегулирование: понятие и пределы

Договорное саморегулирование рассматривается как способ социального регулирования общественных отношений, правовыми средствами которого, помимо договора, выступают иные явления частноправового характера.

Ключевые слова: саморегулирование, договор, договорное саморегулирование.

Petrov D.A., candidate of jurisprudence, associate professor,
St. Petersburg state university

Contractual self-regulation: concept and limits

Contractual self-regulation is considered as a way of social regulation of the public relations which legal means, besides the contract, the phenomena others of private-law character act.

Keywords: self-regulation, contract, contractual self-regulation.

В цивилистике термин «любой субъект гражданского права… имеет возможность применить прием саморегулирования, что образует его самостоятельное субъективное гражданское право, реализуемое непосредственно или опосредованно» [3]. Е.А Суханов отмечает, регулятивная функция гражданского права заключается в предоставлении участникам регламентируемых отношений возможностей их самоорганизации, саморегулирования, что отличает ее от регулятивных задач, стоящих перед публичным правом, где почти нет места свободному усмотрению участников [1].

Однако взгляд на саморегулирование как субъективное право и предоставляемую гражданским правом возможность сужает его возможности. Саморегулирование как способ социального регулирования общественных отношений проявляет себя во многих гражданско-правовых конструкциях, в т.ч. в договоре как индивидуальном правовом средстве. Поэтому для обозначения методологической возможности воздействия на отношения в рамках частноправового регулирования посредством договора следует использовать термин «договорное саморегулирование».

Придание договорному саморегулированию вторичного характера, характера «теневого» права недопустимо и заслуженно критикуется в литературе [4], ибо именно синергетические закономерности как новый взгляд на природу функционирования правовых механизмов вынуждают позитивное право и саморегулирование существовать вместе как единое целое, образуя дуалистическую пару и в сумме составляя правовое воздействие, равное «единице».

В таком контексте договорное саморегулирование приобретает совершенно иное значение и выступает полноценным регулятором частноправовых отношений, опирающимся не столько на позитивное право и его императивные и диспозитивные нормы, сколько на субъективно существующие потребности участников гражданского оборота самостоятельно и своих интересах опосредовать договором свои права и обязанности. И в этом смысле договорное саморегулирование как проявление принципа свободы договора и более общего принципа свободы экономической деятельности предоставляет широчайшие возможности для нормирования субъектами своего поведения в рамках объективно и позитивно установленных ограничителей.

По нашему мнению договор является одним из частноправовых средств, и не способен охватить иные частноправовые явления, имеющие в своей основе направленное на достижение определенной правовой цели волеизъявление участников, определяющее поведение последних. Поэтому «договорное саморегулирование» включает в себя в качестве вида правового средства помимо гражданско-правового договора иные правовые явления частноправового характера, основанные на согласовании поведения участников и способные образовывать относительно самостоятельные и устойчивые формы взаимодействия сторон в разной степени их детализации, существенно не зависимые от случайных изменений внешней среды (соглашения о намерениях, действия хозяйствующих субъектов, коллективно доминирующих на товарном рынке или в составе группы лиц с использованием доминирующего положения; соглашения и хозяйствующих субъектов; соглашения и согласованные действия с участием органов власти или между органами власти; координация деятельности субъектов; локальное регулирование посредством принятия внутренних документов органами управления юридических лиц и др.).

Договорное саморегулирование выражается в разработке и применении правил поведения в частноправовой сфере регулирования, устанавливаемых равноправными участниками в рамках дозволенного законом посредством свободного волеизъявления и адресованных им же самим или их контрагентам (участникам частноправовых отношений, сторонам сделок, договоров, различного рода соглашений). Эффективность такого регулирования (в сравнении с публично-правовым регулированием) обуславливается установлением правил поведения наиболее осведомленными и заинтересованными в их эффективном применении лицами.

Частноправовое саморегулирование выражается в возможности самостоятельного определения правил поведения в рамках допустимого императивными нормами и устанавливаемых федеральными законами прямых ограничений. Но добровольное ограничение своих прав и обязанностей не есть ограничение свободы договора, это скорее ее проявление. Поэтому пределы договорного саморегулирования всегда будут иметь объективные устанавливаемые границы. Как отмечал В.П. Грибанов, «Всякое субъективное право, будучи мерой возможного поведения управомоченного лица, имеет определенные границы как по своему содержанию, так и по характеру его осуществления... Границы есть неотъемлемое свойство всякого субъективного права, ибо при отсутствии таких границ право превращается в свою противоположность – в произвол и тем самым вообще перестает быть правом» [2].

Пределы применения договорного саморегулирования устанавливаются не только императивными нормами, но и прямо не выраженными, но вполне определяемыми в рамках доктринального толкования и правоприменительной практики критериями возможного поведения, которые по своей сути имеют характер общих начал, принципов правового регулирования (цели законодательного регулирования; требования добросовестности, разумности и справедливости; баланс интересов сторон, защита «слабой» стороны правоотношения и понуждение к равноправию «сильной» стороны; запрет на злоупотреблением правом и его разновидность – совершение действий в обход закона с противоправной целью и др.).

Договорное саморегулирование как вид децентрализованного правового регулирования представляет собой реализацию принципа свободы экономической деятельности и принципа свободы договора. Этот тип саморегулирования выражается в возможности самостоятельного определения правил поведения в рамках допустимого, границы которого устанавливаются не только императивными нормами, но и ситуационно определяемыми критериями, закрепляемыми законодательно и уточняемыми в ходе правоприменения либо вырабатываемыми в ходе правоприменения.

Список использованных источников:

1. Гражданское право Общая часть: Учебник: в 4 т. / В.С. Ем, Н.В. Козлова, С.М. Корнеев и др.; под ред. Е.А. Суханова. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – Т. 1.
2. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Статут, 2000.
3. Максимович О.Н. Саморегулирование в сфере предпринимательской деятельности как проявление гражданско-правового метода регулирования общественных отношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2007.
4. Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права. – М.: Статут, 2013.

References:

1. Grazhdanskoe pravo Obshhaja chast': Uchebnik: v 4 t. / V.S. Em, N.V. Kozlova, S.M. Korneev i dr.; pod red. E.A. Suhanova. 3-e izd., pererab. i dop. – M.: Volters Kluver, 2008. – T. 1.
2. Gribanov V.P. Osushhestvlenie i zashhita grazhdanskih prav. – M.: Statut, 2000.
3. Maksimovich O.N. Samoregulirovanie v sfere predprinimatel'skoj dejatel'nosti kak projavlenie grazhdansko-pravovogo metoda regulirovanija obshhestvennyh otnoshenij: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – Kazan', 2007.
4. Filippova S.Ju. Instrumental'nyj podhod v nauke chastnogo prava. – M.: Statut, 2013.

Полежаева Н.А.,
Юридический факультет РАНХиГС при Президенте РФ

Регулирование деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг

В докладе рассматриваются отличительные черты двух моделей регулирования деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг России, сложившихся до и после 1 сентября 2013 года, делаются выводы о возможных перспективах саморегулирования на рынке ценных бумаг.

Ключевые слова: рынок ценных бумаг, профессиональный участник, ФСФР России, Банк России, саморегулируемая организация.

Polezhayeva N.A.,
Law department of RANHiGS

Regulation of activity of professional participants of securities market

In the report distinctive features of two models of regulation of activity of professional participants of securities market of Russia, developed till September 1,

2013 are considered, conclusions about possible prospects of self-regulation on securities market are drawn.

Keywords: securities market, professional participant, FFMS of Russia, Bank of Russia, self-regulating organization.

До 1 сентября 2013 года модель регулирования деятельности профессиональных участников российского рынка ценных бумаг представляла собой сочетание государственного регулирования и саморегулирования.

В качестве государственного регулятора (лицензирующего органа) выступала Федеральная служба по финансовым рынкам (ФСФР России) – федеральный орган исполнительной власти.

В отношении профессиональных участников – членов саморегулируемых организаций, ФСФР России, как правило, осуществляла контрольно-надзорные функции, но не регулировала их деятельность напрямую.

Профессиональные участники самостоятельно разрабатывают и устанавливают стандарты и правила профессиональной деятельности и контролируют соблюдение требований указанных стандартов и правил через саморегулируемые организации – добровольные объединения профессиональных участников рынка ценных бумаг, действующие в соответствии с Федеральным законом «О рынке ценных бумаг» 1996 года и функционирующие на принципах некоммерческой организации.

В настоящее время разрешения на приобретение статуса саморегулируемой организации профессиональных участников рынка ценных бумаг выданы пяти организациям: Национальной ассоциации участников фондового рынка (НАУФОР); Некоммерческому партнерству «Национальная лига управляющих» (НЛУ); Национальной фондовой ассоциации (саморегулируемой некоммерческой организации) (НФА); Профессиональной Ассоциации Регистраторов, Трансфер-Агентов и Депозитариев (ПАРТАД); Некоммерческому партнерству профессиональных участников фондового рынка Уральского региона (ПУФРУР).

С 1 сентября 2013 года все полномочия ФСФР России по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков были переданы Банку России, а сама ФСФР России была интегрирована в структуру Банка России, в связи с чем было создано специальное подразделение – Служба Банка России по финансовым рынкам.

Банк России обладает особым конституционно-правовым статусом, ключевым элементом которого является принцип независимости от органов государственной власти.

Сам Банк России официально не является органом государственной власти, что могло бы охарактеризовать новую модель регулирования как отличную от прежней модели с государственным воздействием. Вместе с тем полномочия Банка России по своей правовой природе относятся к функциям

государственной власти, поскольку их реализация предполагает применение мер государственного принуждения.

Из вышесказанного следует, что Банк России, не смотря на его особый статус, является государственным регулятором, и сегодня замена одного государственного регулятора другим не отразилась на профессиональных участниках рынка ценных бумаг.

Вместе с тем Банк России уже проявил себя как более активный регулятор по сравнению в ФСФР России. В последнее время доказательством тому служат многочисленные отзывы лицензий на осуществление банковских операций у банков.

Для небанковских финансовых организаций и профессиональных участников рынка ценных бумаг в частности наступательный характер политики нового регулятора выражается в положениях проекта федерального закона «О саморегулируемых организациях в сфере финансовых рынков».

Сейчас Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» 1996 года является основным актом, регламентирующим деятельность профессиональных участников рынка ценных бумаг и их саморегулируемых организаций, поскольку на них не распространяется действие общего закона о саморегулируемых организациях 2007 года. Количество норм, посвященных саморегулируемым организациям на рынке ценных бумаг, невелико.

Проект Банка России в нынешнем его виде предоставляет государственному регулятору преимущества по сравнению с саморегулируемыми организациями в вопросах, касающихся регулирования профессиональной деятельности участников рынка ценных бумаг. При этом, согласно проекту, степень своего воздействия на процесс регулирования определяет сам Банк России.

Так, саморегулируемым организациям на рынке ценных бумаг придется разработать и утвердить обязательные внутренние стандарты саморегулируемых организаций, а также разработать, утвердить и согласовать с Банком России обязательные базовые стандарты, единые для саморегулируемых организаций одного вида (объединяющих участников, осуществляющих определенный вид профессиональной деятельности). Вновь созданные саморегулируемые организации будут обязаны присоединиться к базовым стандартам, ранее согласованным Банком России.

Банк России планирует устанавливать перечни обязательных для разработки и утверждения саморегулируемой организацией внутренних и базовых стандартов; объем, содержание и форму общественных отношений, требующих регулирования.

Указанные стандарты должны соответствовать как российскому законодательству, так и нормативным актам Банка России, уровень требований которых пока неизвестен.

Среди положений проекта, ставящих под вопрос существование действующей модели регулирования деятельности профессиональных участников рын-

ка ценных бумаг, в большей степени основанной на саморегулировании, также можно назвать: установление обязательного характера членства в саморегулируемых организациях; сокращение количества саморегулируемых организаций одного вида до трех; сохранение лицензирования профессиональной деятельности; принятие Банком России решения о согласии или несогласии с назначением предполагаемого руководителя саморегулируемой организации; и пр.

Таким образом, «саморегулируемые» организации, как они представлены в рамках проекта Банка России, больше не являются преимуществом для профессиональных участников, а представляют собой дополнительное препятствие для субъектов, желающих осуществлять профессиональную деятельность на рынке ценных бумаг. И далеко не факт, что еще один барьер поможет обеспечить эффективную деятельность на рынке и защитить интересы владельцев ценных бумаг.

Родригес Х.Н., доктор права,
Азорский университет,
Кулагин А.В.,
Евразийский НИИ проблем права

Международный научно-практический журнал «Евразийская адвокатура» как средство консолидации адвокатского сообщества

В докладе рассматриваются вопросы функционирования и развития международного научно-практического юридического журнала «Евразийская адвокатура» как важного средства консолидации адвокатского сообщества на евразийском правовом пространстве.

Ключевые слова: адвокатура, научный журнал, евразийская интеграция, «Евразийская адвокатура».

Rodriguez H.N., doctor of law,
Azores university,
Kulagin A.V.,
Eurasian scientific research institute of problems of law

International scientific and practical journal «Eurasian advocacy» as mean of consolidation of advocates community

In article questions of functioning and development of the international scientific and practical legal journal «Eurasian advocacy» as important mean of consolidation of advocates community on the Eurasian legal space are considered.

Keywords: advocacy profession, scientific journal, Eurasian integration, «Eurasian advocacy».

В связи с начавшимся активным развитием интеграционных процессов на евразийском правовом пространстве, адвокатам и иным представителям юридического сообщества нужна единая площадка для научно-практического обсуждения и осмысления этих процессов. Журнал «Евразийская адвокатура» следует рассматривать как определенный информационный прорыв в этом направлении [2, с. 6–7]. Кроме того, анализ содержания и практика применения современного законодательства России и стран бывшего СССР показывает, что его реформирование нередко осуществляется на недостаточно продуманной научной основе и без учета положений иного, вновь принимаемого, законодательства [3, с. 46–49].

В связи с этим необходимо выдвинуть тезис о том, что реформирование законодательства и совершенствование практики его применения невозможно без надлежащего научного обеспечения этих процессов [4, с. 128–140].

Результаты научной деятельности ученых-юристов, традиционно публикуются в виде статей на страницах научной периодики, главенствующая роль среди которой принадлежит научным журналам [1, с. 135–140.]

Научные журналы, в свою очередь, являются основным звеном научного обеспечения реформирования законодательства, поскольку именно со страниц журналов представители органов законодательной власти получают оперативную и подробную информацию об оценке предлагаемых к принятию законопроектов и действующих нормативных актов со стороны ученых-юристов и правоприменителей. Во многом благодаря идеям, сформулированным в научных статьях, появляются новые законопроекты и принимаются новые законы.

Исследования показывают, что юридическая периодика пользуется традиционно высоким спросом не только среди парламентариев и сотрудников аппарата органов законодательной власти, но и среди правоприменителей, от которых в той или иной степени зависит принятие организационно-управленческих и иных значимых решений. Это обусловлено тем, что материалы научных статей содержат информацию, помогающую практикующим юристам системно понимать положения законодательных актов и правильно применять правовые нормы.

В то же время, анализ научной деятельности исследователей показывает, что результаты их научных разработок нередко остаются неизвестными широкой научной общественности по причине затрудненности их опубликования в специализированных научных изданиях.

В свою очередь, редакции большинства научных журналов, по различным причинам, не имеют возможности на безвозмездной основе осуществлять опубликование перспективных научных работ и широкое распространение журналов, где они опубликованы, среди лиц, потенциально заинтересованных в получении научной информации. Эти лица, в свою очередь, существенно ограничены в возможности ознакомления с результатами научных иссле-

дований, как по причине их длительного опубликования, так и в силу того, что периодические издания, как правило, целенаправленно, массово и безвозмездно не рассылаются в образовательные и научные организации, органы государственной власти и управления.

В связи с этим сотрудниками Евразийского научно-исследовательского института проблем права при содействии Российской академии адвокатуры и нотариата и Гильдии российских адвокатов начата реализация беспрецедентного по своей масштабности проекта, который позволил бы авторам научных исследований по проблемам совершенствования законодательства довести до сведения заинтересованных лиц их результаты, а заинтересованным лицам – ознакомиться с ними и использовать их в законотворческой и практической деятельности. Название этого проекта – международный научно-практический юридический журнал «Евразийская адвокатура».

На базе журнала сформирована независимая информационно-аналитическая площадка для обмена мнениями по проблемам совершенствования законодательства и практики его применения в странах бывшего СССР и иных государствах евразийского правового пространства.

Целями проекта являются:

– формирование совокупности научно-обоснованных предложений направленных на совершенствование законодательства и практики его применения в государствах бывшего СССР и доведение их до сведения максимально широкого круга заинтересованных лиц.

– создание эффективного механизма публичной дипломатии, позволяющего оказывать влияние на процессы реформирования законодательства и практики его применения на территории Российской Федерации и стран бывшего СССР.

Отличие проекта от иных Средств массовой информации:

– независимость;

– привлечение широкого круга экспертов и авторов из государств бывшего СССР и стран дальнего зарубежья;

– отсутствие цели извлечения прибыли;

– нацеленность на массовое бесплатное распространение научной информации среди заинтересованных лиц;

– конкретно-определенная общественно-полезная миссия.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, ему присвоен ISSN, подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России». Номера журнала на настоящий момент выпускаются шесть раз в год (один раз в два месяца). Объем журнала 110–160 полос.

В состав Редакционного совета журнала входят ведущие российские ученые-правоведы, специалисты в области исследования адвокатской деятельности и адвокатуры, правозащитной и правоохранительной деятельности.

Печатный вариант журнала распространяется следующими способами:

– по платной подписке (редакционная подписка, подписка через Объединенный каталог «Пресса России» и через альтернативные подписные агентства);

– по бесплатной рассылке (авторам публикуемых в журнале материалов, членам редакционного совета, ведущим ученым по проблемам адвокатуры и адвокатской деятельности, в органы законодательной власти России и государств бывшего СССР, в органы исполнительной власти России и государств бывшего СССР, взаимодействующие с адвокатурой (министерство юстиции, министерство внутренних дел, министерство образования и науки, следственные органы, прокуратура, их подразделения), в органы судебной власти России и государств бывшего СССР (Конституционный суд, Верховный суд, Арбитражные суды), в ведущие учебные заведения России, стран бывшего СССР и зарубежных государств, в органы адвокатского самоуправления России, стран бывшего СССР и зарубежных государств, в общественные объединения адвокатов России, стран бывшего СССР и зарубежных государств, в ведущие адвокатские образования России, стран бывшего СССР и зарубежных государств;

Электронный вариант журнала распространяется бесплатно:

– по e-mail рассылке (более 25 000 адвокатов, сотрудников государственных органов, частнопрактикующих юристов, ученых и научных работников, студентов);

– на платформе научных электронных библиотек elibrary (http://www.elibrary.ru) и «Киберленинка» (http://cyberleninka.ru) в свободном доступе.

– на сайте журнала eurasian-advocacy.ru (в свободном доступе для неограниченного круга лиц). Средняя посещаемость веб-сайта в настоящий момент составляет 100–150 уникальных посетителей в сутки.

Материалы, представленные для опубликования, размещаются в рамках тематических рубрик журнала.

В рубрике «Персона» публикуются интервью с видными учеными-юристами и специалистами-практиками.

Новостной блок журнала представлен тремя рубриками. В рубрике «События» публикуются новости, связанные с организацией и деятельностью адвокатуры в государствах евразийского пространства. Рубрика «Актуальная информация» предназначена для размещения информационных сообщений, представляющих интерес для читателей. В рамках рубрики «Специальный репортаж» публикуются подготовленные силами редакции репортажи с важнейших российских и зарубежных мероприятий, посвященных вопросам организации и деятельности адвокатуры.

Научные статьи размещаются в тематических рубриках: «Исторический опыт», «Проблемы организации и функционирования адвокатуры» «Актуальные вопросы адвокатской практики», «Профессиональная этика и дисциплинарная ответственность адвоката», «Защита профессиональных прав адвоката», «Правосудие и правоохранительная деятельность в Евразийском

пространстве», «Права человека в Евразийском пространстве», «Актуальные проблемы юридической науки и практики», «Политика и экономика Евразии», «Юридическая наука и образование», «Обмен опытом», «Обзоры», «Рецензии». Научные статьи проходят процедуру двойного рецензирования, имеют развернутую аннотацию на русском и английском языке, ключевые слова и пристатейные библиографические списки.

Все публикуемые в журнале «Евразийская адвокатура» материалы являются актуальными, новыми, имеют научную и практическую значимость.

За прошедший год авторами журнала стали видные ученые и практические работники, представители Российской Федерации, стран бывшего СССР и дальнего зарубежья. Тем самым редакция обеспечивает широкое представительство авторов (по географическому признаку) на страницах издания.

За 2012–2013 гг. журнал принял активное участие в качестве информационного партнера и соучредителя научных мероприятий и юридических фо-румов:

– «Адвокатура. Государство. Общество», ежегодная научно-практическая конференция;

– «Кутафинские чтения», международная научно-практическая конференция;

– Олимпиада школьников по праву Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина;

– «Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения», международная научно- практическая конференция;

– «Профессиональная деятельность адвоката в уголовном судопроизводстве», международный открытый конкурс научных работ им. Е.Г. Мартынчика.

Кроме того, журнал активно освещает мероприятия, проводимые Гильдией российских адвокатов и Евразийским научно-исследовательским институтом проблем права.

В ближайших планах редакции журнала:

– дальнейшее привлечение международных экспертов и зарубежных авторов;

– увеличение распространяемости журнала;

– расширение круга организуемых и поддерживаемых мероприятий.

Международный научно-практический юридический журнал «Евразийская адвокатура» со временем станет важным и эффективным средством содействия научному обеспечению процесса законотворческой и правоприменительной деятельности на евразийском пространстве, что позитивно отражается на обеспечении безопасности личности, общества и государства.

Список использованных источников:

1. Воронов А.А. Системный подход к исследованию адвокатуры и науки об адвокатуре // Евразийская адвокатура. – № 1 (2) 2013.

2. Евразийская адвокатура-путь к консолидации. Интервью с доктором юридических наук, профессором, Президентом Гильдии российских адвокатов, ректором Российской Академии адвокатуры и нотариата Гасаном Борисовичем Мирзоевым // Евразийская адвокатура. – № 1 (1) 2012.

3. Заборовский В.В. Правовой анализ некоторых аспектов Закона Украины «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» // Евразийская адвокатура. – № 1 (1) 2012.

4. Рагулин А.В. Формирование науки об адвокатуре в России // Евразийская адвокатура. – № 2 (3) 2013.

References:

1. Voronov A.A. Sistemnyj podhod k issledovaniju advokatury i nauki ob advokature // Evrazijskaja advokatura. – № 1 (2) 2013.

2. Evrazijskaja advokatura-put' k konsolidacii. Interv'ju s doktorom juridicheskih nauk, professorom, Prezidentom Gil'dii rossijskih advokatov, rektorom Rossijskoj Akademii advokatury i notariata Gasanom Borisovichem Mirzoevym // Evrazijskaja advokatura. – № 1 (1) 2012.

3. Zaborovskij V.V. Pravovoj analiz nekotoryh aspektov Zakona Ukrainy «Ob advokature i advokatskoj dejatel'nosti» // Evrazijskaja advokatura. – № 1 (1) 2012.

4. Ragulin A.V. Formirovanie nauki ob advokature v Rossii // Evrazijskaja advokatura. – № 2 (3) 2013.

Тлебаева Г.М., кандидат юридических наук, доцент,
Калмашева Н.Б.,
Таразский государственный университет имени М.Х. Дулати

Реализация общегражданских принципов страхового права в обязательном страховании

В докладе рассмотрены общегражданские принципы страхового права на основе анализа законодательства о страховании Республики Казахстан.

Ключевые слова: принцип, страхование, закон, Республика Казахстан.

Tlebayeva G.M., candidate of jurisprudence, associate professor,
Kalmasheva N.B.,
Taraz state university

Realization of the all-civil principles of the insurance right in obligatory insurance

In article the all-civil principles of the insurance right on the basis of the analysis of the legislation on insurance of the Republic of Kazakhstan are considered.

Keywords: principle, insurance, law, Republic of Kazakhstan.

Для достижения наиболее значимых целей правового регулирования при создании и применении норм права эти цели отражаются в общих правилах, которые принято называть принципами правового регулирования [2]. Для того чтобы, рассмотреть какое-либо явление в праве, необходимо изучить его первоосновы, которые формируют и в дальнейшем развивают правовые нормы в данной области.

Затрагиваемая нами проблема принципов гражданского права постоянно находится в центре внимания ученых правоведов.

Существующие противоречия между декларируемыми принципами и практикой применения норм, призванных обеспечить достижение этих принципов, а также для приведения указанных норм в соответствие с целями правового регулирования необходимо совершенствовать основы законодательства.

Указом Президента Республики Казахстан от 9 августа 2013 года № 610 «Об утверждении Концептуального плана законотворческой работы на 2013–2016 годы» утвержден концептуальный план законотворческой работы, где определены блоки законодательства, в рамках которых осуществляется его совершенствование, в том числе гражданское законодательство по вопросам защиты права собственности, гарантирования защиты договорных обязательств и ужесточения ответственности за их нарушение. Нормы страхового права, как и все другие нормы отраслей права, также содержат в себе основные идеологические начала, которые соответствуют целям и задачам страхования, правового регулирования страховой деятельности.

В теории права выделяют общие и специальные принципы. Роль общих принципов заключается в определении основных идеологических начал правового регулирования организации и осуществления страховой деятельности. К общим принципам можно отнести принцип законности, гласности и организационного единства. Специальные принципы обосновывают необходимость применения в страховании соотвествующих идеологических начал, индивидуализирующих специфику правового регулирования страховой деятельности. К специальным принципам относятся: принцип страхового обеспечения; принцип эквивалентности; принцип добросовестности; принцип выплаты страхового возмещения в размере действительного убытка; принцип свободы договора; принцип наличия причинно-следственной связи убытка и страхового случая.

Не углубляясь в вопросы классификации принципов страхового права, рассмотрим наиболее важные из них. К числу таковых можно отнести принципы выплаты страхового возмещения в размере действительного убытка, эквивалентности, добросовестности и свободы договора.

Функция защиты интересов в гражданском обороте, которую выполняет страхование, обуславливает необходимость обеспечения принципа компенсации, выплаты страхового возмещения в размере действительного убытка [2].

Данный принцип проявляется в необходимости возмещения причиненного вреда (как в имущественном, так и в личном страховании). При этом само возмещение не должно превышать размера причиненного вреда (отсюда и название принципа). В этом проявляется существенное отличие страхования от игр, пари или лотереи: у страхователя, заключающего договор страхования, нет намерения обогатиться, а лишь возместить убытки, возникшие в результате причинения вреда его имуществу или здоровью. Этим обусловлен и запрет законодателя заключать договоры страхования на сумму, превышающую размер причинения вреда (ст. 819, 820 ГК РК).

При этом содержание данного принципа предполагает, что компенсация будет осуществлена именно страхователю, т. е. лицу, уплатившему денежную сумму для защиты своего интереса как лица, которому в будущем может быть причинен вред (за исключением страхования жизни, при котором выплата осуществляется выгодоприобретателю).

Принцип эквивалентности означает, что по результатам определенных отрезков времени либо выделенных тарифных периодов (периодов страхования), которые в идеале необходимо соотносить с периодичностью проявления мелких, средних, крупных ущербов, должен достигаться принцип экономического равенства между общей суммой страховой нетто-премии, уплаченной конкретным страхователем за тарифный период, и совокупной суммой возмещений, выплаченных страховщиком в связи с наступившими страховыми случаями за указанный период [2].

Экономическая (финансовая) характеристика данного принципа хорошо прослеживается в законодательных актах о страховании в социальной сфере. Например, в соответствии со ст. 5 Закона РК от 25 апреля 2003 года № 405-II «Об обязательном социальном страховании», одним из основных принципов осуществления обязательного социального страхования является «обязательность участия в системе обязательного социального страхования».

Соблюдение другого принципа – принципа свободы договора – является необходимым условием действительности любого гражданско– правового договорного обязательства. Применительно к страховому правоотношению данный принцип нашел воплощение в нормах общих положений ГК РК (ст. 380), а также в специальных законодательных актах.

Принцип добросовестности, является в большей степени декларативным принципом. Данный принцип стал применяться в судебной практике Великобритании в XIX в., но окончательно был сформулирован в Законе о морском страховании Великобритании от 1906 г. (ст. 18): «Страхователь обязан раскрыть страховщику перед заключением договора любые существенные обстоятельства, известные страхователю, и страхователь обязан знать любое обстоятельство, которое в процессе дела должно быть известным ему» [1].

Данный принцип сформулирован в ст. 832 ГК РК: «При заключении договора страхователь обязан сообщить страховщику известные страхователю об-

стоятельства, имеющие существенное значение для определения вероятности наступления страхового случая и размера возможных убытков от его наступления (страхового риска), если эти обстоятельства не известны и не должны быть известны страховщику».

Отдельные авторы отмечают проблему применения данного принципа в случаях, например, исполнения обязанности страхователя по уведомлению страховщика об увеличении страхового риска в период действия страхового договора, на что нередко указывали суды, отказывая в удовлетворении исков о взыскании со страховщиков страхового возмещения.

Указанные обстоятельства позволяют сделать вывод о хоть и не полном и безоговорочном, но все же систематическом применении судами при разрешении страховых споров описанных гражданско-правовых принципов.

Как отмечалось выше, в отношениях по обязательному страхованию преследуется особая дополнительная цель правового регулирования – гарантированность возмещения вреда, которая в ряде случаев имеет приоритетное значение по отношению к иным общегражданским принципам. Однако это не означает, что действие общегражданских принципов правового регулирования отношений по обязательному страхованию должно быть максимально ограничено. Ведь в конечном итоге договор обязательного страхования отличается от договоров иных видов страхования только условием об обязательности. Это, безусловно, влечет значительные последствия, связанные в том числе с процедурой законодательного регулирования.

Например, в соответствии с ст. 6 Закона РК «О страховой деятельности» каждый вид обязательного страхования, содержание и условия которого определяются законодательными актами Республики Казахстан, регулирующими обязательный вид страхования. Иначе говоря, при введении какого-либо вида обязательного страхования должен быть в соответствии с приведенным положением принят специальный законодательный акт о конкретном виде обязательного страхования.

Еще одно серьезное последствие также было уже частично рассмотрено: это введение и преследование законодателем специальной дополнительной цели правового регулирования – гарантированности возмещения вреда. Наиболее точно это можно сделать на примере существующих законоположений о различных видах обязательного страхования.

Законодательный акт, четко обозначивший гарантированность возмещения вреда в качестве основной цели правового регулирования: Закон Республики Казахстан от 1 июля 2003 года № 446-II «Об обязательном страховании гражданско-правовой ответственности владельцев транспортных средств».

Для данного вида обязательного страхования характерно максимально императивное закрепление в законодательном акте условий договора, которые стороны уже не вправе изменить. Положениями вышеуказанного закона типизировано практически все: страховая сумма, размер страховой премии,

которая рассчитывается в соответствии с утвержденными страховыми тарифами, срок действия, порядок заключения, изменения и продления договора, действия лиц при наступлении страхового случая, фиксированные сроки (например, в соответствии с ст. 16 рассматриваемого закона страхователь незамедлительно, но не позднее трех рабочих дней, как ему стало известно о наступлении транспортного происшествия и страхового случая, уведомить об этом страховщика, с которым заключен договор обязательного страхования ответственности владельцев транспортных средств, доступным способом (устно, письменно).

Итак, основные условия договора обязательного страхования были по воле законодателя максимально типизированы. Несмотря на то, что данные условия закреплены не в самом законе, а в правилах, утвержденных постановлением Правительства РК, участникам страховых отношений (в том числе страховщикам, которые полностью зависят от воли законодателя в политике ценообразования) не предоставляется никакой возможности вносить какие-либо корректировки в условия страхования, разрабатывать дополнительные тарифы или программы, подходящие для нужд конкретного страхователя.

Указанная типизация условий страхования свидетельствует о проявлении принципа гарантированности возмещения вреда, выражающемся в установлении для участников гражданско-правовых отношений императивных правил, изменение которых может повлиять на соотношение общегражданских принципов страхового права и принципа гарантированности возмещения вреда. Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод о том, что в настоящий момент в обязательном страховании отсутствует какая-либо система ограничения действия общегражданских принципов правового регулирования действием иных принципов, в том числе принципа гарантированности возмещения вреда.

Список использованных источников:

1. Абрамов В.Ю. Проблемы правового регулирования страховой деятельности в Российской Федерации: Дис. … докт. юрид. наук. – М., 2011. – С. 100–108.
2. Рассохин В.В. Проблемы правового регулирования обязательного страхования гражданской ответственности: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 39–53.

References:

1. Abramov V.Ju. Problemy pravovogo regulirovanija strahovoj dejatel’nosti v Rossijskoj Federacii: Dis. … dokt. jurid. nauk. – M., 2011. – S. 100–108.
2. Rassohin V.V. Problemy pravovogo regulirovanija objazatel’nogo strahovanija grazhdanskoj otvetstvennosti: Dis. … kand. jurid. nauk. – M., 2011. – S. 39–53.

Федорова Л.Ф.,
Светлоградский филиал Института Дружбы народов Кавказа

Право ребенка выражать свое мнение

В докладе рассматривается право ребенка на выражение своего мнения в современном российском праве, раскрываются проблемы, возникающие в правоприменительной практике при реализации этого права.

Ключевые слова: ребенок, возраст, право на выражение мнения, согласие.

Fedorova L.F.,
Svetlograd branch of the Institute of Friendship of peoples of the Caucasus

The right of the child to express the opinion

In article the right of the child for expression of the opinion in modern Russian law is considered, the problems arising in law-enforcement practice at realization of this right reveal.

Keywords: child, age, right for opinion expression, consent.

Предметом дискуссии среди юристов является вопрос содержания права ребенка на выражение своего мнения, предусмотренного статьей 57 Семейного кодекса РФ.

В связи с этим, применение данной нормы вызывает множество вопросов: с какого возраста ребенок вправе выражать свое мнение, каковы границы выражения ребенком своего мнения, обязательно ли учитывать это мнение или достаточно просто выслушать ребенка?

В определенной степени на эти вопросы позволяет ответить Конвенция о правах детей 1989 г., которая предусматривает обязанность каждого из государств – участников обеспечить ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка, причем взглядам ребенка должно уделяться должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка. Ст. 13 Конвенции предусматривает, что ограничено это право может только, если это необходимо: а) для уважения прав и репутации других лиц; б) для охраны государственной безопасности или общественного порядка (ordre public), или здоровья или нравственности населения.

Таким образом, чтобы ребенок получил право на выражение своего мнения, он должен быть способен сформулировать свои собственные взгляды, при этом взрослые должны уделять взглядам ребенка внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка. Однако, здесь возникают другие вопросы: являются ли синонимами понятия «мнение» (в СК РФ) и «взгляды» (в Конвенции), кто и по каким критериям должен определять способность ребен-

ка к формулировке своих взглядов, зрелость ребенка? В российском обществе традиционно [4] считалось, что мнение ребенка выслушивать не обязательно. В своде нравственных правил «Домострое» так говорится о воспитании детей: «Воспитай дитя в запретах – и найдешь в нем покой и благословение; не улыбайся ему, играя: в малом послабишь – в большом пострадаешь скорбя и в будущем словно занозы вгонишь в душу свою». Данное правило на практике действовало до 1995 года, когда Семейный кодекс РФ предоставил ребенку право выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства.

Однако, учитывая, что правосознание большинства российских правоприменителей формировалось как позитивистское, направленное на признание свойств права только за писаными, то есть установленными властью, правовыми предписаниями [3], отсутствие конкретного нормативного закрепления содержания и механизма реализации права ребенка на выражение своего мнения приводит к серьезным нарушениям прав детей.

Исследования современных психологов позволяют сделать вывод, что «в эпоху глобальных перемен временная продолжительность детства значимо сокращается» [1]. При этом уже в возрасте от 1 до 3 лет ребенок обретает самостоятельность, уверенность в себе, смотрит на себя как на самостоятельного, отдельного, но еще зависимого от родителей человека [2]. Большинство психологов связывает «первое рождение личности» именно с трёхлетним возрастом. В этом возрасте дети уже рассуждают об окружающем мире, могут принимать участие в решении повседневных задач.

Таким образом, с 3-летнего возраста ребенок может выразить свое мнение по всем вопросам, затрагивающим его интересы. Следующим этапом личностного развития ребенка является возраст 7 лет. Именно с этого возраста ребенок уже должен быть допущен в судебное заседание или мнение ребенка должно быть выяснено в процессе подготовки к судебному заседанию судьей совместно с психологом.

В связи с изложенным, целесообразно снизить возраст, с которого обязателен учет мнения ребенка до 7 лет и существенно расширить перечень вопросов, по которым должно быть в обязательном порядке получено согласие ребенка. В этот перечень необходимо включить:

1) решение вопроса с кем из родителей будут проживать несовершеннолетние дети в случае развода (п. 1 ст. 24 СК РФ);

2) рассмотрение судом иска об установлении отцовства в отношении данного ребенка (п. 4 ст. 48 СК РФ);

3) при установлении судом факта признания отцовства (ст. 50 СК РФ);

4) при определении порядка общения ребенка с родителем, проживающим отдельно от ребенка, дедушкой, бабушкой, братьями, сестрами и другими родственниками (ст. 66 СК РФ);

Кроме того, с учетом возможности применения гражданского законодательства к семейным отношениям по аналогии, представляется целесообразным получение согласия ребенка, достигшего возраста 14 лет на взыскание алиментов в судебном порядке или заключение соглашения об уплате алиментов (ст. 80 СК РФ), поскольку в данном случае ребенок может принципиально не желать получать содержание именно от этого родителя (или иного лица).

При выяснении мнения ребенка важно участие именно психолога, а не просто педагога или представителя органа опеки и попечительства, которые, как правило, не обладают специальными знаниями в области детской психологии.

В затруднительных случаях суд вправе назначать судебно-психиатрическую или судебно-психологическую экспертизу для выяснения вопроса о способности ребенка самостоятельно сформулировать свое мнение.

Список использованных источников:

1. Болотова А.В., Молчанова О.П. Психология развития и возрастная психология. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012.
2. Маклаков А. Общая психология: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2003.
3. Нештаева Т.Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник ВАС РФ. – 2004. – № 3.
4. Шайхуллин М.С. О традициях местного самоуправления в России // Государственная власть и местное самоуправление. – 2008. – № 12. – С. 39–42.

References:

1. Bolotova A.V., Molchanova O.P. Psihologija razvitija i vozrastnaja psihologija. – M.: Izd. Dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2012.
2. Maklakov A. Obshhaja psihologija: Uchebnik dlja vuzov. – SPb.: Piter, 2003.
3. Neshtaeva T.N. Sud i obshhepriznannye principy i normy mezhdunarodnogo prava // Vestnik VAS RF. – 2004. – № 3.
4. Shajhullin M.S. O tradicijah mestnogo samoupravlenija v Rossii // Gosudarst-vennaja vlast' i mestnoe samoupravlenie. – 2008. – № 12. – S. 39–42.

Федулова С.Н., кандидат юридических наук, доцент,
Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова

Некоторые вопросы регулирования охраны и защиты прав членов семьи

В докладе рассматриваются некоторые аспекты ответственности в сфере защиты и охраны прав детей. Обращается внимание на существование в российском законодательстве ответственности граждан и организаций в указанной сфере.

Ключевые слова: ответственность родителей, семейное законодательство, обязанность воспитания детей.

Fedulova S.N., candidate of jurisprudence, associate professor,
Northeast federal university

Some questions of regulation of protection and protection of the rights of family members

In article some aspects of responsibility in the sphere of protection and protection of the rights of children are considered. The attention to existence in the Russian legislation of responsibility of citizens and the organizations in the specified sphere is paid.

Keywords: responsibility of parents, family legislation, duty of education of children.

В семейном и ином законодательстве Российской Федерации отсутствует легальное определение понятия семьи. При обсуждении проекта Семейного кодекса РФ неоднократно высказывались предложения о закреплении законодательной формулировки понятия семьи. Однако законодатель предпочел не устанавливать жестких рамок для понимания семьи.

Существующие определения этого понятия различаются в зависимости от сферы научных исследований, но имеют и некоторые одинаковые признаки. Вторжение законодателя в сферу семьи и регулирование посредством права отношений, связанных с интересами членов семьи, объясняется важной ролью семьи для общества и государства, и влечет для участников этих отношений возникновение юридических прав и обязанностей. Наличие субъективных прав и юридических обязанностей у членов семьи является одним из признаков семьи с точки зрения права. Семья – это группа лиц, объединенных на основе брака, родства и свойства, имеющих по отношению друг к другу субъективные права и юридические обязанности.

Российское законодательство, регламентирующее отношения, связанные с участием членов семьи, можно классифицировать по нескольким критериям. В зависимости от сферы правового регулирования к наиболее значительным правовым актам о защите семьи относятся акты в следующих отраслях законодательства: семейное, гражданское, жилищное, о социальном обеспечении, трудовое, об образовании, о здравоохранении, административное.

Можно также систематизировать законодательство о защите семьи в зависимости от вида членов семьи, которым посвящается нормативный правовой акт. Наибольшее количество нормативных правовых актов посвящено: защите детей, защите женщин, защите многодетных семей.

Законодательство Республики Саха (Якутии) в сфере защиты семьи является достаточно последовательным и объемным. В последнее время предлагались идеи о новом законопроекте. В связи с подготовкой данного проекта в прессе было отмечено высказывание одного из депутатов Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутии), суть которого сводится к необходимости усиления ответственности родителей [3]. Примерно такая же мысль выражена в известной газете, в соответствии с которой родители не должны оставлять детей одних ни на минуту [2]. Эмоциональные и продиктованные благородными намерениями и стремлением защитить детей предложения о принятии новых законов возникли после ряда получивших огласку тяжелых преступлений.

Между тем, при формулировании и принятии правовых актов нужно учитывать определенные правила. Например, в литературе указывается, что законотворческий орган должен оперировать «имеющимися теоретическими знаниями о праве, а также сведениями о результативности действующих норм права, о передовой практике зарубежных стран» [1]. Принятие законодательного акта должно быть обусловлено потребностью общества в регулировании определенных общественных отношений, а сам акт должен отвечать не только требованию целесообразности, но и системности, научной обоснованности, планомерности, результативности. Желательно также избегать дублирования правовых норм.

В настоящее время применительно к родителям в законодательстве России закреплены практически все виды юридической ответственности – гражданская, административная, уголовная и, кроме того, применяются специфические семейно-правовые санкции – лишение и ограничение родительских прав. В связи с законодательным закреплением принципа приоритетности воспитания детей в условиях семьи изменилось отношение к учебным учреждениям. В отличие от советской практики, в особенности, первых лет существования советского государства, в последние годы школы более тяготеют к функции обучения, и пытаются дистанцироваться от функции воспитания. Но воспитание – процесс перманентный, он не может происходить только в те моменты, когда ребенок находится дома. Поэтому не только родители воздействуют на ребенка, но и окружающий его мир, включая школу, телевидение и т. д. Возлагая на родителей непомерные обязанности (находиться с ним каждую минуту), во-первых, законодатель создаст для родителей сложно выполнимые условия, во-вторых, закрепит правило, практически означающее «Ваши дети – ваши проблемы», в-третьих, распишется в своем бессилии защитить детей иным способом, в-четвертых, фактически признает естественным равнодушие и пассивность людей – очевидцев ситуаций, опасных для детей. Мы наблюдаем, с одной стороны, потребность общества во вмешательстве в дела семьи (например, случай с ограничением родительских прав гражданки, дети которой выразили желание избрать домашнюю форму обучения [4], призывы

отменить усыновление детей иностранцами), с другой стороны – стремление обозначить в качестве ответственных за воспитание ребенка исключительно родителей. Но в соответствии с правилами логики и принципами права такая конструкция является неверной. Она должна выглядеть по-другому: либо невмешательство в дела семьи и при этом сугубо родительская ответственность, либо возможность контролировать семейные отношения, но при этом разделение ответственности. Поскольку воспитание детей представляет интерес и для общества, и для государства, приемлемой является вторая модель, из которой следует, что ответственность, в том числе, юридическая, возлагается на членов общества и государство. Такая модель соответствует принципам государственной политики в сфере защиты прав детей, закрепленной в ст. 4 федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации».

В национальной стратегии защиты детей обозначены «детские» проблемы. Однако нужно отметить, что дети не существуют изолированно, они являются частью общества. Поэтому решать проблемы, связанные с защитой детей, нужно системно и комплексно. В частности, идеи о постоянном присутствии родителей рядом со своими детьми возникли в связи с характеристиками криминогенной обстановки, а не в связи с неисполнением родителями своих обязанностей. Поэтому задача обеспечения физической безопасности детей является частью мероприятий по снижению уровня преступности.

Представляется, что важно обратить внимание на ответственность общества, организаций (в том числе, образовательных) и граждан за безопасность детей. Причем нужно иметь в виду, что речь идет не просто о социальной ответственности, в законодательстве в отдельных случаях закреплены правила о юридической ответственности граждан, должностных лиц и властных органов в сфере зашиты прав детей.

Список использованных источников:

1. Законодательная техника / Под ред. Ю. А. Тихомирова. – М.: Городец, 2000. – С. 34.
2. Калинина Ю. Нужен закон о слежке за детьми // Московский комсомолец в Якутии. – 2013. – № 10 (648). – С. 5.
3. Когда государство лезет в семью // Якутск вечерний. – 22 февраля 2013. – С. 16.
4. Сивцева Н. Не хочешь в школу – отправляйся в детдом // Якутск вечерний. – 15 февраля 2013. – С. 10.

References:

1. Zakonodatel’naja tehnika / Pod red. Ju.A. Tihomirova. – M.: Gorodec, 2000. – S. 34.
2. Kalinina Ju. Nuzhen zakon o slezhke za det’mi // Moskovskij komsomolec v Jakutii. – 2013. – № 10 (648). – S. 5.
3. Kogda gosudarstvo lezet v sem’ju // Jakutsk vechernij. – 22 fevralja 2013. – S. 16.

4. Sivceva N. Ne hochesh' v shkolu – otpravljajsja v detdom // Jakutsk vechernij. – 15 fevralja 2013. – S. 10.

Ярмонова Е.Н., кандидат юридических наук, доцент,
Кубанский государственный университет в г. Армавире

Прелюбодеяние как основание развода: сравнительный анализ российского и византийского регулирования

В докладе дан анализ развода на основании прелюбодеяния, проведен сравнительный анализ российского и византийского регулирования развода на основании прелюбодеяния.

Ключевые слова: прелюбодеяние, развод, многоженство, наложничество, каноническое право, брачно-семейные отношения, правое положение супругов.

Yarmonova E.N., candidate of jurisprudence, associate professor,
Kuban state university in Armavir

Adultery as divorce basis: comparative analysis of the Russian and Byzantine regulation

In article the divorce analysis on the basis of adultery is given, the comparative analysis of the Russian and Byzantine regulation of divorce on the basis of adultery is carried out.

Keywords: adultery, divorce, polygamy, nalozhnichestvo, initial right, matrimonial relations, right position of spouses.

В России также как и в Византии, основным поводом к разводу являлось прелюбодеяние, так как развод за прелюбодеяние упоминается в Евангелии. Однако законодательство того периода по-разному относится к прелюбодеянию мужа и жены. Муж считался совершившим прелюбодеяние, только если он находился в связи с замужней женщиной. «Так как в то время не признавалась ответственность за прелюбодеяние перед своей женой, оно рассматривалось только как преступление перед другим мужчиной – мужем любовницы» [3]. Так же муж признавался прелюбодеем в том случае, если имел на стороне не только наложницу, но и детей от нее. Подобная ситуация, судя по епитимийным памятникам, встречалась нередко в древне-русском быте, причем в церковных поучениях и летописных свидетельствах особенно часто упоминается такое двоеженство, когда «меньшицей» была женщина более низкого социального статуса, в том числе раба. В христианскую эпоху не скоро исчезло многоженство; наложничество оставалось в полной силе довольно таки долго.

Воплощение Кириково XII века свидетельствует, что даже при наличии у мужа наложницы и детей от нее жена не должна требовать развода, лучше наказать мужа денежным штрафом, чтобы другим неповадно было. Князья и другие знатные люди уже в христианский период рассматривали свои прелюбодеяния как нечто естественное и не требующее осуждения. Когда Мстиславу (сыну Владимира Мономаха) однажды доложили, что жена ведет себя непристойно с неким Прохором Васильевичем, то князь в ответ на это припомнил, что и за ним в молодости водилось немало подобных грехов («не скупо чужих жен посещал, и она (княгиня) ведая то ни мало не оскорблялась») – очевидно не считая такое поведение князя большой провиной [4]. Зная нравы той эпохи, удивительным является отнюдь не то, что княгиня прощала измены мужа, а то, что князь спокойно относился к наветам на жену. Ведь рассматривая прелюбодеяния, совершенные замужней женщиной, церковная и светская власть приходили к выводу, что замужняя женщина считалась совершившей прелюбодеяние уже тогда, когда вступала в связь с посторонним мужчиной. Только в случае если женщина могла доказать, что она пострадала в результате насилия, женщина освобождалась от ответственности за прелюбодеяние.

Не следует считать такое различие в понятии прелюбодеяния для мужчины и женщины свидетельством особо приниженного положения женщин на Руси, не только в Византии, но и в католических странах связь мужчины с рабыней или свободной незамужней женщиной не считались чем-то очень предосудительным, несмотря на то что противоречили духу Святого писания. Рассматривая данную ситуацию на примере итальянского общества X–XIII вв. М.Л. Абрамсон указывает, что «обеспечивая по завещанию, кроме своей собственной жены и потомства, также любовницу и рожденных от нее детей (конечно в меньшей степени), составитель завещания подчас требовал чтобы его собственная жена под угрозой утраты наследства, сохраняла верность покойному» [1].

Разнились и наказания за прелюбодеяние. Женщина вначале не обладала правом развода по причине неверности мужа: виновный супруг лишь наказывался годом епитимьи и денежным штрафом («лепше иного человека въекупити, абы ся и другая на том казнила», т. е. чтобы и другим неповадно было). Муж же имел право развода с женой, которая ему изменила; священнослужители, жены которых допустили адюльтер, не только имели право, но и были обязаны развестись, в противном случае «без священьства есть».

Муж имел право развода с женой и по ряду других поводов, приравнивавшихся к прелюбодеянию: «...аще подумаеть жена на своего мужа зелием, или иными людьми, а она иметь ведати, что мужа ея хотят убита...; аще жена без мужня слова иметь с чюждими людьми ходити или пити или ясти, или опроче дому своего спати, а о том уведает муж, аще ли жена иметь, опроче мужа своего воле ходити по игрищам... а мужь иметь съчивати, а она не послушает...; аще жена на мужа наведеть тати...» и т. д. Изучение юридических норм XIV–XV вв. в

сопоставлении с процитированным выше Уставом князя Ярослава Владимировича позволяет заметить, что на Руси бытовали византийские нормы, утверждавшие снисходительное отношение к поведению женщины. Например, Устав считал поводом к «разлоучению» разговор женщины с посторонним мужчиной; в XIII–XIV вв. положение уже иное: «...аще [муж] в ином месте обрящет таковаго с своею женою беседующе или у церкве... волостелю да предаст... или яко же хощеть, вины объявливати по закону и доводити...» С развитием феодального права женщина получила даже право развода по причине неверности супруга.

В то же время статья 4 в Уставе кн. Ярослава Краткой редакции, так же как и в византийских законах, не разрешает развод по одному лишь желанию мужа. Более того, даже самовольное прекращение брачных отношений по обоюдному желанию супругов каралось церковью. Наказание в том и в другом случае различно: в случае развода по желанию лишь мужа, с него взыскивается пеня в пользу епископа и в пользу жены, в случае же развода по обоюдному согласию супругов пеня поступает лишь в пользу епископа. Тем не менее, такие разводы были не единичны и церковь не могла их искоренить на протяжении длительного времени. Обычно последствиями таких разводов было то что один из супругов, как правило, жена, постригался в монастырь. Летописец приводит нам следующий пример такого развода: «Святославъ отпусти княгыню свою по свъту, всхотевши ей въ монастырь, и даст ей надълокъ многъ» [5].

Дальнейшее развитие брачно-семейных отношений на Руси привело к тому, что разводы стали допускаться в случае прелюбодеяния любого супруга. Выравнивание правого положения супругов в браке выразилось и в том, что виновная сторона в расторжении брака, будь это супруга или супруг, наказывались запретом на заключение нового брака [6]. Все эти обстоятельства показывают, что русское законодательство, возникшее под воздействием христианства, предоставляет женщине при заключении и расторжении брака больше свободы и ставит ее практически в равное положение с мужчиной. Такие же изменения происходят и в древнегерманском законодательстве, которые ведут к уравниванию обоих полов при ответственности за прелюбодеяние. Законы Лиутпранда указывают на то, что жена может жаловаться в суд на измену супруга [2]. Сам факт признания прелюбодеянием связь женатого мужчины с посторонней женщиной уже является большим шагом в направлении уравнивания прав женщин и мужчин.

Список использованных источников:

1. Абрамсон М.Л. Семья в реальной жизни и в системе ценностных ориентаций в южноитальянском обществе X–XIII вв. // Женщина, брак, семья до начала нового времени: Демографически и социокультурные аспекты. – М., 1993.

2. Абрашкевич М.М. Прелюбодеяние с точки зрения уголовного права. – Одесса. – 1904.

3. Антокольская М. В. Семейное право. – М.: Юристь, 1997.
4. Загоровский А. О разводе по русскому праву. – Харьков, 1884.
5. Мних Лаврентий. Лаврентьевская летопись // Полное Собрание Русских Летописей, издаваемое Постоянною Историко-Археографической Комиссиею Академии Наук СССР. Том первый. Лаврентьевская летопись. (Вып. 1: Повесть временных лет; Вып. 2: Суздальская летопись; Вып. 3: Приложения). Издание второе. – Л.: Академии Наук СССР, 1928.
6. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. – М., 2003.

References:

1. Abramson M.L. Sem'ja v real'noj zhizni i v sisteme cennostnyh orientacij v juzhnoital'janskom obshhestve X – XIII vv. // Zhenshhina, brak, sem'ja do nachala novogo vremeni: Demograficheski i sociokul'turnye aspekty. – M., 1993.
2. Abrashkevich M.M. Preljubodejanie s tochki zrenija ugolovnogo prava. – Odessa. – 1904.
3. Antokol'skaja M. V. Semejnoe pravo. – M.: Jurist', 1997.
4. Zagorovskij A. O razvode po russkomu pravu. – Har'kov, 1884.
5. Mnih Lavrentij. Lavrent'evskaja letopis' // Polnoe Sobranie Russkih Letopisej, izdavaemoe Postojannoju Istoriko-Arheograficheskoj Komissieju Akademii Nauk SSSR. Tom pervyj. Lavrent'evskaja letopis'. (Vyp. 1: Povest' vremennyh let; Vyp. 2: Suzdal'skaja letopis'; Vyp. 3: Prilozhenija). Izdanie vtoroe. – L.: Akademii Nauk SSSR, 1928.
6. Momotov V.V. Formirovanie russkogo srednevekovogo prava v IX–XIV vv. – M., 2003.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Материалы IV международной научно-практической конференции
(г. Уфа, 8 февраля 2014 г.)

в двух частях

Под общей редакцией
А.В. Рагулина, М.С. Шайхуллина

Часть I.
Государственно-правовая и гражданско-правовая секции

Компьютерная верстка А.В. Кулагин
Тексты докладов печатаются в авторской литературной редакции

Подписано к печати 15.03.2014 Формат 60×84 1/16.
Гарнитура «Calibri». Отпечатано на ризографе.
Усл. печ. л. 23,2.
Тираж 450 экз. Заказ № 7. Цена договорная.

Издательство
Евразийского научно-исследовательского института проблем права
450059, Российская Федерация, Республика Башкортостан,
г. Уфа, ул. Р. Зорге, д. 20.